НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

Николай Заболоцкий

Стихотворения

Nikolai Zabolotskii

Poems

NIKOLAI ZABOLOTSKII

POEMS

Edited by Gleb Struve
and Boris Filipoff

Introductory Essays by Aleksis Rannit,
Boris Filipoff and Emmanuel Raīs

Inter-Language Literary Associates

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Под общей редакцией Г. П. Струве
и Б. А. Филиппова

Вступительные статьи
Алексиса Раннита, Бориса Филиппова
и Эммануила Райса

Inter-Language Literary Associates

Подготовка текста, свод вариантов, примечания и библиография —

Б. А. Филиппов

Printed in Germany

ZABOLOTSKII — A VISIONARY AT A CROSSROAD OF EXPRESSIONISM AND CLASSICISM

Some reflections on parallels in poetry and art

Poets, do love the art of painting!
Zabolotskii

I.

The contribution of Russia, as well as of many East European nations, to the expressionist movement at large is only partially known to the Western observer of cultural developments. The term "expressionism" (like most literary or art historical terms) is in itself confusing. Generally it is applied to the modern German movement which originated around 1910. But even the German critics do not agree among themselves upon the exact usage and application of this designation. To prevent misunderstanding, "expressionism" is here employed in the wider, inclusive sense used by many Western critics, and particularly in the big retrospective documentary exhibition of this movement organized by the Schiller-National Museum in Marbach, Germany, in 1960 [1]). In Russian critical literature the term is rarely present, for the Soviets consider expressionism "one of the most reactionary formalist tendencies of Western European and American art . . . interwoven with Fascist mysticism" [2]); while in the Third Reich expressionism was on the contrary constantly called "the art of Bolshevism ("Kunstbolschevismus")." In Western aesthetics, however, expressionism is generally applied to the declaring for the open, free form ("Form ist Wollust," stated the poet Ernst Stadler), which revolted against academic naturalism and impressionism in favor of direct, immediate communication of thought and feeling, allowing distortions of outer reality to reveal significant humanness which led to a new canon of art.

One cannot today deny, or fail to recognize, the aesthetic and emotional value of expressionism. However, the expressionist movement in Russia, with its preparatory development, was only to a minor degree dependent on a similar evolution in Western Europe. Generally it brought that country back to its true tradition, that of the ecstatic monumentality of Church Slavonic language, of the art of icons, of '*The Lay of the Host of Igor*', and of the music of Modest Musorgsky. Occasionally, Russian and East European experiments were only analogous to German and French works of the same period. But in a number of instances new feeling as well as new form develop-

ed in Russia and Eastern Europe even earlier than in the West. This is clearly manifested in the revolutionary maturation of abstract form in the works of such painters as the Lithuanian Mykalojus Konstantinas Čiurlionis (who died in 1911 and was the precursor of Kandinsky [3]), Wassily Kandinsky himself, and the Czech painter František Kupka. In the domain of theory it was the Russian poet and critic Andrei Belyi who as early as 1907 described non-objective art as "art without representation of objects [4]). It must be emphasized here that Belyi used the term "bespredmetnoe iskusstvo", "the art of object-lessness", "gegenstandlose Kunst", more exact than the term abstract art" which had been applied more or less vaguely by Proust and others earlier but without the connotation of non-objective and non-representional form.

Although Kandinsky was influenced by many of his Russian and East European forerunners, including Belyi, Čiurlionis, Viacheslav Ivanov, Stanislaw Przybyszewski, he appeared in Western Europe as a seer and discoverer; such a revelation was he to Westerners who had no knowledge of East European development toward abstractionism. (It should be noted that it was the Polish writer Przybyszewski, who introduced the pioneer of expressionism, Edward Munch, to the German public).

A visionary spiritual quality which included expressionistic elements was already present in the works of the painter Mikhail Vrubel' around 1890, and in the strangely schematic writings of Leonid Andreev, the author of the *Red Laugh*, who used dramatic contrasts, tragic and grotesque ideas based on the pathos of abstract images. There is, furthermore, the well-known indebtedness of Ravel to modern Russian music [5]); and the recognized influence of Stravinsky, Scriabin, and Prokofiev (as well as appearances of the Ballet Russe and of the Russian Art Exhibition of 1906 in Paris) on the shaping of modern West European concept of form. Also noteworthy is the influence of Dostoevskii on Georg Trakl, the early expressionist Austrian poet, and of Ernst Barlach's metamorphosis after his Russian journey in 1906 [6]). André Breton has stressed the fact that Marc Chagall's work, in breaking down the barriers of elements and laws of physics, was a basic source of inspiration for the creators of Surrealism. The art of Chagall also had a marked effect in the development of Expressionism in Germany. Among prominent Russian, Ukrainian, Lithuanian, and Belorussian-born expressionist artists were Annenkov, Archipenko, David, and especially Vladimir, Burliuk, Gabo, Gontcharova, Grigoriev, Jakowlew, Jawlensky, Larionov, Lipchitz, Petrov-Vodkin, Pevsner, Rodchenko, Charchoune, Soutine, Tatlin, Tschelitschev, Zadkine. Furthermore it was Max Weber from Belostok who introduced expressionism into North America and Lasar Segall from Vilnius who brought expressionism to Brazil. Among the

other East European artists of the expressionist era (most of whom are little known to the Western public) those who deserve special mention are Brancusi, Pascin, Kokoschka, Coubine, and Marcoussis.

II.

It would seem that an investigation of Russian literary expressionism should include an analysis of the ornamental and stylized works of Belyi, Remizov, Zamiatin, Pilniak, Babel', and of the Dadaist writings of Sergei Sharshun (who was mentioned earlier as an artist under the French form of his name, — Chardhoune). *)

However, the primary concern here is not with modern Russian prose, but to show in a general way the expressionist climate which surrounded Nikolai Zabolotskii in Russian poetry.

One must agree with Herwarth Walden, publisher of the avant-garde Berlin review *Der Sturm*, who classified under the heading of expressionism all the revolutionary artistic manifestations in Germany between 1910 and 1920. Here also belong, two examples from English literature, the fragmentary construction of Eliot's *The Waste Land* and the symbolization of the characters in Joyce's *Finnegans Wake*. It is in this sense that the dramatic experiments in the field of poetry which began in Russia in 1908 as a creative prospectus of the group (who at first called themselves *Gileia* but in 1911 took the name of *Cubo-Futurists)* are here defined as expressionistic. The Cubo-Futurists opposed in a sectarian sense the formalistically less revolutionary activities of the Ego-Futurist group headed by Igor' Severianin. To this group belonged first David Burliuk, Velemir Khlebnikov, Elena Guro, and Vasilii Kamenskii; later they were joined by Vladimir Maiakovskii and Aleksei Kruchennykh and, tangentially, by Nikolai Aseev and Boris Pasternak. The other noted group was the *Imaginists* whose main theorist was Vadim Shershenevich. The core of this group of poets was composed — in addition to Shershenevich — of Anatolii Mariengof and Aleksandr Kusikov. Associated with them were the so-called *Peasant Poets* whose leaders were Sergei Esenin and Nikolai Kliuev [7]). Additional variety was added by the whole "squadron" of *Proletarian Poets* of whom only Aleksandr Bezymenskii (a founding member of the *Oktiabr'* group) and Il'ia Sel'vinskii (the leader of the Constructivists) are of some importance. Beside those already mentioned are (often in very loose, frequently interrelated associations) such poets as the experimentalist Tikhon Churilin, and Marina Tsvetaeva.

---

*) The names of artists and musicians are shown in this article in the latinized form known to the Western reader, they are not transliterated from Russian. The names of the writers *are* transliterated according to the system of the Lirbary of Congress.

The entire roster of poets who expressed themselves in dramatic and at various times obsessional themes included some 50 names, but from today's perspective it has become clear that the true aesthetic realizations (and often emotional grandeur of the expressionistic style) were achieved only by Maiakovskii in his early works, by Pasternak, Kliuev, Tsvetaeva, Khlebnikov, Nikolai Zabolotskii, and occasionally by Esenin. The Futurists, Imaginists, Peasant Poets, and Constructivists indulged in an allegorical and sometimes irritatingly exaggerated realism-imagism. They revealed themselves not only through their verbal intensity, experimentation with language, and fragmentation of reality, but frequently through the monumentality of their thematic design and the sharpness of their rhythmic structure.

Although Russian expressionists have not hesitated structurally to displace classical rhythmic forms by the *sdvigi*, — free verse (which became known in Russia through the exemplary translations of Whitman and Verhaeren [8]) has very seldom been applied in their works (a notable exception is Vadim Shershenevich), perhaps partly because of the peculiar rhythmical, "linear" and euphonic quality of the Russian language, which is based on Church Slavonic and still to some extent on Ancient Greek. Thus Russian expressionist poets only changed to a small degree the metrical pattern of the symbolists Bal'mont, Briusov, Ivanov, Blok, and Belyi. Faithfulness to the symbolist metrum is particulary well demonstrated in Pasternak's poetry. But whatever were the leanings of Russian expressionist poets to classical structural forms, they accomplished what many Western critics unfortunately do not understand; namely, that *within* the framework of classical meter a pre-eminent modern poet can achieve works of immense vitality and intensely expressive symbolism, and bring a new vigorous aesthetic ferment into contemporary poetry.

In respect to the Russian expressionist experiment in general one must not forget that Aleksandr Blok, whom most of the literary historians consider the greatest Russian poet of this century, created an expressionist masterpiece in one of his longer poems *Dvenadtsat'* (The Twelve). Moving to this new manner of hitherto unknown frenzy and violence, Blok did not abandon traditional metrical geometricity, although he brought into it some minor irregularities of rhythm. The German expressionists Georg Heym, Oskar Loerke, Gottfried Benn in his expressionist poems, and the Austrian Georg Trakl succeeded in using the form of free verse to create an aesthetic expansion of German rhythms [9]), and are notable for their convincingly frank and exuberant expression of human anguish, despair, spiritual disturbance, and social stress. But compared with the Russian expressionists — Blok *(The Twelve)*, Kliuev, Khlebnikov, Pasternak, Tsvetaeva, Maiakovskii, and Zabolotskii — the German expressionists seem weak; so great is the vitality and monumentality of Russian expressionist

verse. In the fine arts however, (painting, printmaking, and sculpture), German expressionists such as Nolde, Kirchner, Marc, Barlach, Kollwitz (mainly in her sculpture), Marks, Beckmann, Pechstein, Schmidt-Rottluff, as well as others, *have created* an essential body of works similar to the high quality of the Russian authors mentioned above. One of the distinguishing differences between the German and Russian expressionist poets lies in their psychological positions. To the singularities of modernistic German poets belong their emphatic desperation, hopelessness, narcotic delirium, cynicism, and nihilism [10]). The Russian expressionist poets voiced pessimism, futility, and tragedy, but not the negation of being. Even when they used the word *nihil* — as in the case of Maiakovskii — it was rather a gesture of decorative or rhythmic bravura. The typical quality of the Russian expressionist poets is their heroic exaltation. In this they may be compared with the French "Fauves". There is also (in Russian expressionism) no trace of Freudian flights into the subconscious. Neither is there any wish to glorify the "wasteland." T. S. Eliot's influence was not felt in Russian poetry. A different sense of defeat and barrenness — namely that of Russian exile — was summed up in the late Thirties by Georgii Adamovich and Georgii Ivanov, two *Acmeist* poets. The first created a remarkable synthesis of love and death themes; the second, an aesthetically convincing feeling of complete *nihilism*. The poetry of both is formally based on intensely and imaginatively felt tono-syllabic musicality, as well as on music as the symbol of the farthest and ultimate end of being. The words of the Estonian Boris Vilde, "What I love in music is the introduction to death" could well be used as a characterization of the philosophy of Adamovich and Ivanov.

Expressionism did not die in Russian poetry with the suicide of Maiakovskii in 1930. Ironically enough, since Stalin said that Maiakovskii is and remains the best poet of the Communist era, some of his formalistic tendencies influenced other poets. These can be detected in such Stalinist versemakers as Aseev, Bezymenskii, and Sel'vinskii, although the official Soviet critics did not dare to label these tendencies as being formalistic. Independently and with considerable originality, expressionist mannerisms of style were still displayed in the Thirties in the poetry of Pasternak. Among the exiled writers with expressionist characteristics Marina Tsvetaeva reached the maturity of her imaginative power in the same period; while Boris Poplavskii, who died in Paris in 1935 under mysterious circumstances at the age of thirty-two, expressed his inner self through a novel deliberate twisting of reality and symbolic metamorphoses. The continuation in the past decade of distinctive expressionist features can be seen in the works of Andrei Voznesenskii, Bella Akhmadulina, Iosif Brodskii, and in those of other less important figures, for example in the poems of Evgenii Evtushenko.

III.

Instinct is the very foundation of art.

Vlaminck.

Although the Cubo-Futurists opposed the Ego-Futurists, the central idea of the Ego-Futurists, the strong accentuation of the "I", is often demonstrated in the work of such figures of Cubo-Futurism as Maiakovskii, Khlebnikov, Kamenskii. This egocentrism which is confined to the circle of its own declamatory projection (as persistently shown in the verses of Briusov and Balmont [11]) creates a situation in which the poet's mind finds it difficult, if not impossible, to achieve a direct introspection. Thus empirical self-consciousness is the opposite of visionary thinking. This preliminary observation serves as a point of departure for understanding Nikolai Zabolotskii's work which can be called visionary because of the complete elimination of the self in all of his early production. In communicating the products of his artistic imagination, Zabolotskii is constantly guided by visions revealing to him a world rich in inspiration, which he propels beyond traditional metaphoric formulas. The visionary or "spatial" thinking (as it is characteristically called by German philosophers [12]) of the poet reflects restlessness, perplexity, and drive for change without application of the poster-like slogans of Maiakovskii and without the intellectually refined collages of images by the young Pasternak [13]). The immediacy of Zabolotskii's choice and use of words and of his figurativeness suggest that his poems develop according to necessities or "accidents" in the course of actual creation, rather than from any prior authority dictating a design of execution. With this kind of urgent spontaneity he is much freer than the two great formalist virtuosi of expressionist Russian poetry, Maiakovskii and Pasternak. There is even rhythmic innovation to be found in his generally iambic strophe. There are "left-wing" [14]) rhyme schemes, excessive license in the use of symbols, roughness and even brutality in the thematic treatment which are not present in Pasternak's structural design and allegorization. (There was brutality in Maiakowskii but usually only of decor).

The terrible consequences of World War I — the October Revolution and Civil War — incited Zabolotskii to expose in a personal and, surprisingly enough, still neutral way, the horror of life after the Soviets took over the country and especially the life during the NEP period; and also to escape through such media of the imagination as symbolization from the world that permitted the Revolution to occur. Hence his merging of empirical ugliness and lyrical illusion, his constant aim to surmount the barriers which exist between the real and unreal, the worlds of waking and dreaming. These characteristics are found abundantly in Zabolotskii's first book called *Stolbtsy (The Charts,* or *The Scrolls).* In its particular sense *Stolbtsy* means in Russian samples of writing in

which individual sheets of paper are not sewn together but pasted below one another in a continuous roll. It can be assumed that Zabolotskii chose this title for its figurative suggestiveness. Perhaps also, to illustrate in his work a visual arrangement made of pasted pieces of imagery. *Stolbtsy*, written between 1926 and 1928, was published in 1929 in a somewhat limited edition [15]), soon confiscated by Soviet authorities and never reissued. Because of its pronounced originality and the stylistic purity achieved through skillful blending of expressionist and surrealist "mechanics", this collection remains his most important single book of poems. *Stolbtsy* is placed in Leningrad's cheap restaurants, brothels, market places, etc. The poet's "heroes" are prostitutes, drunkards, beggars, salesmen, clergymen, sentries, football players, hired coachmen, Komsomol youth, swimmers, clerks, and even dead persons. However, Zabolotskii never idealizes them, nor deifies them; he reveals solely the tragic meaninglessness and squalor of their lives. Standing at an aesthetic distance, he is filled with only a certain objective compassion for a particular existence or being; but he is at the same time moved by a strong feeling for the grotesque, for the ironical, by sensitive poignant gentleness, and sometimes even by pure laughter. Applying expressionist and surrealist techniques he paints his figures and objects with large, rough strokes, after having eliminated a clear dimensional articulation of space and put them into a non-perspective or a-prospective yet fancifully-realistic framework [16]). Chagallian visionary mixture of horror and lyricism is suggested; but Zabolotskii's mode of expression is rather epic than elegiac. In this he resembles Georges Rouault, but without the mysticism and without the rhetorical oracular manner of the French painter. Nothwithstanding considerably mastery and even virtuosity in creating expressive values there is such emotional vividness, such instinctive human boldness present, that Zabolotskii could easily have said with Maurice Vlaminck: "I was a tender-hearted savage, full of violence. Purely by instinct I expressed a human truth rather than an artistic one." In this continuous antithesis of objective idealism and subjective, romantic content lies the fascination of the spiritual conflicts within Zabolotskii's poetic art [17]).

Among the best poems in *Stolbtsy* is one called "Krasnaia Bavariia" ("Red Bavariia"), which was an obscure Leningrad beerhouse. In this work Zabolotskii joins the Russian authors after Nekrasov who have convincingly written on life in restaurants and pot-houses *(kabaks)*. Although different in style, decentralized and more rhapsodic, the visionary aspect in "Krasnaia Bavariia" can be compared to "Neznakomka" ("The Stranger") — a poetic hallucination of Aleksandr Blok's. In realistic details, none the less, as well as in social comments (which are even more strongly pronounced in his other poems) Zabolotskii stands somewhere in the neighbourhood of the German graphic artist Georg Grosz, whose drawings depicted the buffoonery of the post-war years

with much more agressive satire. Even closer stands Zabolotskii to the visionary, half-abstract, half-cubist Iurii Annenkov in his magnificent illustrations for Blok's *The Twelve*. But Zabolotskii's tragic treatment of night life has no kinship with the intellectually artificial, Dadaist *Cabarettism*. And whatever comparisons are made, the poet remains always distinct in himself. Although an admirer of Velemir Khlebnikov's work to the end, his stylistic influence is evident only in Zabolotskii's early work [18]). Among many other qualities inherent in Zabolotskii is a characteristic elasticity of rhythmic conception which generally gives his poems the aspect of greatly magnified *rubato*. The apparent crudities of diction and imagery are made good rhythmically, that is to say the strong pulsation makes them sound natural. It is for this reason that a prose translation of Zabolotskii's poems can give only a general thematic sense of the original. As in the case of any poet noted for his traditional rhythmic craftsmanship, the student of Zabolotskii must study the original. The literal rendering of "Krasnaia Bavariia" and other verbatim translations appearing in this article can only give a rough introduction to his work. ("Krasnaia Bavariia"s' original is written in iambic pentameter. The relative elegance of this rhythmic pattern, combined with a content dramatically loaded with violence creates a dissidence which is yet artistically reconciled to achieve a convincing synthesis. No translation can do justice to this.)

Red Bavariia

In the thicket of the paradise of the bottle
where the palms dried up a long time ago,
playfully, in the electric light,
a window swam in a glass,
and sparkling on the blades,
it reclined, grew heavy . . .
Above the window hovered beer-smoke . . .
But it is impossible to describe.

And in this bottle-paradise
the sirens shivered
at the edge of the crooked stage.
The eyes were lent to them.
They raised their enamel hands
toward the skies,
and ate sandwiches from boredom.

The doors spun round the chains,
the people fell down the stairs,

crackling their cardboard shirts,
they sing and dance in a ring with the bottle.
The pale siren behind the bar
treats the guests to brandy,
squints, goes, and comes back;
then, standing by herself with a guitar,
she sings of her beloved:
how she fed him,
how tenderly and cruelly
the silken lace stuck to her body,
how the sticky whisky clung to the glasses,
how he suddenly fell with a fractured skull,
spattering his tortured chest.
There was anguish,
and all she sang of
became a chalky glass.

The men kept shouting,
they swayed on the tables,
and together with the flowers
they rocked the bedlam on the ceiling;
one bites his tongue off,
another shouts: "I am the little Jesus!
pray to me! — I am on the cross!
there are nails under my armpits and all over . . ."
The siren drew near him,
and behold — saddling his knee
the delirious conclave of glasses
kindled like a church chandelier.

Their eyes fell down like weights,
breaking the glass — night came,
and fat automobiles,
taking Piccadilly by the underarms,
rolled off with ease.
The tomatoes grew out of coolness,
the Red Bavarian sunsets
now fell down, and
came to rest in the beer bottoms,
and behind the window — in the thicket of ages
on the mast the lantern glittered.
The Nevsky Prospekt in its lustre and anguish

having changed its skin overnight,
glorified by sleepy horns,
disturbed the sign over a bar,
and accompanied by the whistles of the hermandad [19]),
through the fog, crowd and gasoline,
above the tower the winged ball in rage
raising the name "Singer."

However, the caricatural picturesqueness sometimes takes a different form, one in favor of *expressionism of silhouette* and of dramatic contrast between ritualistic rigidity and mobility. This is illustrated in the picture in "Dvizhenie" (The Movement"):

The coachman sits as on a throne,
his armour is made of cotton,
and his beard, like on an icon,
lies, clanking with coins.

And the poor horse, waving his hands,
at one moment stretches like a burbot,
at another — his eight legs flash anew
in his shining belly.

These verses have been quoted to show Zabolotskii as a revolutionary by demonstrating the multiple linearity of one and the same movement. Yet the poet was not the first one to use this device in the arts. The Italian painter Giacomo Balla in one of his pictures *Dog on a Leash* (now in the Museum of Modern Art, New York) portrayed a multiple-legged figure in order to suggest the action of walking. But contrasted with Zabolotskii's poem Balla's painting looks like a naive theoretical experiment. So convincingly presented are the mechanics of movement in Zabolotskii's poem that they suggest tremendous power over the dynamic resources of words.

The horror of fallen humanity fascinates Zabolotskii and urges him again and again to create longer poems of the "Krasnaia Bavariia" kind. The short poem did not give him the same opportunity to develop a strongly marked structure from an extended series of allegoric planes which in their rhythmic sequence balance each other. This structure has a breathing rhythmic beat unbroken by excessive mobility of curves and arabesque of images. Every line of *Stolbtsy* moves with primal urgency and decision. The poet is animated by an exuberant arrogance which defies the cherished calm and sense of order characteristic of traditional poetic styles.

The force of Zabolotskii's poetry is centrifugal, directly opposite, for

example, to the English Imagists' work. Zabolotskii deals with large things, giving a macrocosmic view of objects and feelings, even when he is searching for an exact detail. Images abound at all periods of his artistic productivity, but they are never random collections of comparison. They are *active metaphors*, electrifying iconic ideas, which assert an actual identity between two quite different things or orders of things. The great vitality and multitude of metaphors is often perplexing; but after investigating the interrelation between them, and the tectonic elements of the poem as a whole, a considerable structural unity becomes recognizable. If the formal body of a poem is compared to a building and the metaphors to the sculptures adorning it — then Zabolotskii's metaphors are not merely ornaments or decorations. They are an integral part of the poem, have an organic coherence with and within the whole architectonic idea of the poem. A similar spatial-aesthetic identity is manifested in modern art by the contemporary Japanese sculptor, Isamu Noguchi, who conceives his work as a formal component of architecture [20]). Turning to actual examples of Zabolotskii's metaphoric thought, there are first of all the many similes and metaphors of concrete things:

The trees were melting. They grew fat
like greasy candles.

"Leto" ("The Summer")

The potatoes of smoke (rising) toward the sky,
the factories howling: Hurrah! Hurrah!

"Novyi byt"
("The New Way of Life")

The herrings flashing like sabres . . .
Dog's tears flying in the air like grapes . . .

"Na rynke"
("The Market")

With longing looking at me
the bullets run like children.

"Pir"
("The Feast")

The rings were swaying on the trees,
from torches were falling tatters of smoke.

"Belaia noch"
("The White Night")

The figurative speech of Zabolotskii often grows into a "little myth":

The waves beat like silverspoons,
like blind cats, glimmering near the gunwales,
they run mad merrily. Out of their mouths,
their black mouths flows down
the torrent of burning glass.

"More" ("The Sea")

Finally, within the visions carried to the utmost intensity and passion, where the explosive power of the images suggests sticks of dynamite, one can also find disquieting compositions reminding one of the surrealist motifs in the canvases of the Belgian painter Paul Delvaux:

A woman sits near the window
holding in her hand a little flower of music.

"Chasovoi"
("The Sentry")

The metaphors of Zabolotskii like the "potatoes of smoke" (in "The Way of Life") and "herrings flashing like sabres" ("The Market") have the true quality of folk art. "Primitive" intuition, mixed with a genuine childlike gift of belief in magic reality, has produced here images and pictures which remind one of Henri Rousseau, although the poet generally lacks the grace and gentleness of the "Douanier" [21]). The "primitivism" of the poet, supported by the instinctive and widespread use of common street language, even slang, and of variations in the style of the *chastushka* (folk ditties) also resembles somewhat the Russian folk prints called *lubók*, the sister art of French *Images d'Epinal*. The folk tradition in Zabolotskii has been stressed by L. I. Timofeev [22]), although denied by P. S. Vykdodtsev [23]). It is apparent, of course, that the influence of folk art on Zabolotskii is "horizontal" rather than "vertical." (The same parallel could probably be drawn with African sculpture and Picasso).

Zabolotskii's expressionist period lasted until approximately 1933. Several single poems written during and after *Stolbtsy*, for example "Litso konia" ("The Face of a Horse"), "Rybnaia Lavka" ("The Fish Shop"), and "Merknut znaki zodiaka" ("The Signs of Zodiac Are Growing Dim"), display the poet's thrust, virility, mascularity — all of them in the best expressionist style. These poems also demonstrate his continuous intoxication with images and his visionary interpretation of reality. His longer poem "Torzhestvo Zemledeliia" ("The Triumph of Agriculture"), which belongs to the same stylistic category, does not attain the same high aesthetic quality because Zabolotskii's gift does not stretch over a poem of such length. His greatest achievements were in poems of not

more than about 100 lines. "The Triumph of Agriculture," a work of 773 lines, is remarkable in its synthesis of the ridiculous and desolate in content, but falls short of the formal density of the "conversation between the fire and metal" present in the poems of *Stolbtsy*. Even so it *is* an ingeniously constructed example of his "primitive" style and occasionally reaches the intensity of true symbolization. The work may be considered a satire on Soviet agricultural collectivization, but Zabolotskii is more interested in the vision than in any political judgement.

The tense, exciting life of the big city gave Zabolotskii's art a psychological and dynamic quality. In his agricultural subjects the reality was used, too, as a wrenched reflection of the poet's soul, the figures emerging from their background in a state of "disintegrated" nature, emotions heightened by conflicting rather than complimentary color, by brutalized forms of words and by distorted perspective. The victim of his own temperament, Zabolotskii's driving energy swiftly carried him to the pinnacle of his expressionistic achievement; which also soon revealed his limitation — a vision essentially restricted to dramatic sensations and their impetuous demands for embodiment in verse.

IV.

> One must curb one's instinct, which is like a tree that grows more beautiful as its branches are pruned.
>
> *Matisse*

In the early Thirties Zabolotskii began to turn away from the "extreme modernism" that has characterized his poetry. The hostility of official Soviet circles, both political and literary, was already by the late Twenties beginning to hound the expressionists. A partial motif for Maiakovskii's suicide can be found in this persecution. The aesthetically prosecuted person automatically became a political victim. Many important experimental artists chose creative suicide under this pressure. Dmitrii Shostakovich and the most remarkable graphic artist Russia has ever produced, Vladimir Favorskii [24]), have became reconciled to the conditions under which creative artists are allowed to function in the Soviet Union and have turned into mediocrities. Others, Sergei Prokofiev (who at the beginning of his creative activity, like Zabolotskii, tried to give expression to "primitive" emotions and to treat satirically certain aspects of the contemporary scene) and Boris Pasternak, master of unusual verbal and rhythmic patterns, capitualated only partially.With self-respect and dignity they began to "search for a clearer and more meaningful language" [25]). Zabolotskii, like Prokofiev and Pasternak, took the conformist path, but he salvaged enough from the past to evolve a new style which still had high aesthetic value. This style — as in the case of Prokofiev,

Stravinsky, Hindemith, Picasso (in respect to his temporary calm and balance in the Twenties), Matisse, De Chirico, Derain, Dali [26]), — may be called classicist or neo-classicist. Zabolotskii however did not actually subscribe to any factional codification of theory.

In his pursuit of classical form Zabolotskii has many counterparts in poets of other countries. One of these is the remarkable Finnish poet Uuno Kailas [27]) and another, the great Estonian poet Marie Under,[28]) who in their early work wrote as expressionists, later accepted many of the traditional forms, but like Zabolotskii remained restive under their prescriptions. A better known example is Gottfried Benn who throughout his literary career stood astride expressionism and classicism. He is probably the best parallel and antithesis of Zabolotskii; but it would require a longer study to compare their skill, aesthetics and the struggle between the macabre and the serene than the present essay allows. Viewed in a larger context, Zabolotskii's stylistic conversion may have been the result of: 1. political and literary pressure, 2. influence of the *Zeitgeist* as such, 3. personal metamorphosis, after finding he had achieved everything he could as an expressionist poet, whatever the cause or causes his conversion from expressionism was to the classical ideas of Pushkin, the severe discipline of the symbolists and Acmeists, to discovery from invention, to caution from intuitive certainty.

It should be noted, however, that the classiscism of Zabolotskii did not develop into the austerity of Ingres or Matisse, but rather into the style of the High Renaissance — heroic, full of harmoniously decorative power which he achieved as a *poète engagé*. His official poems such as "Goriiskaia Simfoniia" ("The Gori Symphony"), "Golubinaia kniga" ("The Dove Book") [29]), "Gorod v Stepi" ("The City in the Steppes"), reveal only partly the stormy verbal energy struggling with the "tyrannical" classical meters and purity of rhymes. The solemnity of these tense compositions harks back to the rites of the Russian Church, conducted in the Church Slavonic; to Derzhavin, to Pushkin's "Exegi Monumentum," to Baratynskii, to Briusov's "Kinzhal" ("Poniard"), "Poetu" ("To the Poet") or "Griadushchie gunny" ("The Coming Hunns"), and to the Mediterranean splendour of Viacheslav Ivanov. But his is a different solemnity — it is definitely based on the expressionist and surrealist experience. Zabolotskii learned much from the techniques of the Russian Symbolists; tectonically he imitates them, as he does many times apply the rhythms of Gumilev. What is more astonishing is his use of the exact structure of Nadson's famous "Snova lunnaia noch" ("It is a Moonlight Night Again"); but although he makes use of the same undulating rhythm (five-foot anapest [30])) he replaces Nadson's late Victorian sweetness and reverie with a sharp, elemental force in his "Groza" ("Thunderstorm"). Here is a literal rendering of the second stanza of this poem:

I love this dusk of ecstasy, this short night of inspiration,
the human rustling of grass, the warning chill on the gloomy hand,
this lightning of thought and the slow appearance
of the first distant thunderbolts: the first words in my native tongue.

An even greater electricity runs through many other Zabolotskii poems, and there is an explosive quality in his monumental landscapes, whether they are of the Caucasus, the extreme North on the threshholds of Asia, the Urals or Siberia. The poet's nervous, painterly "Leningrad style" yields to a sculptural form and to a new graphic quality of the image. Occasionally the lines convey a feeling of the rough-hewn work of some archaic period; and the Georgian landscapes which he glorifies reveal the philosophical aspects of his creative power. He is no longer stressing the dissonances, but rather manifesting an enamel like brilliance in his newly adapted classical form.

Crystal and sometimes diamond, the old symbols of classical art, perpetually appear in Zabolotskii's poems, demonstrating that he is not afraid to use the symbols of the past. To the images he adds, however, a sense of fascinating modernity, or places them in a new context: "this is the architecture of autumn" ("Osen'", "Autumn"); "the winter air sharp like metal, has swaddled my heart" ("Nachalo zimy", "Beginning of Winter"); "you must draw up by hand the crystal light of the down" ("Zasukha", "Drought"); "the gardens are dressed with cold crystal" ("Eshche zaria ne vstala nad selom," "The Day Did not Break yet Over the Village"); "the crystal piles of great glacier" ("Vozdushnoe puteshestvie", "Air Journey"); "the trees are sleeping in their crystal garments" ("Ural", "Urals"); "in the middle of crystal white gigantic structures" ("V Taige", "In the Taiga"); "like the two-headed stump of a crystal, the Kazbek mountain appeared in the window" ("Kazbek"). But the idea of crystal does not express the pursuit of the absolute which one finds in a painter such as Mondrian, nor is there such purity achieved through the reduction of means in Zabolotskii's work. His exaltation does not dissolve into perfect unity of linear abstractness. The expressionist and romantic elements are in Zabolotskii blended with his neo-classicist "plasticism". He sings predominantly of life, even when he has art in mind:

Insert the link of a chain into another one,
the form into form. The world in all its living architecture
is a singing organ, sea of trumpets,
piano which does not die of joy or of storm.

"Metamorfozy" ("Metamorphosis")

The stormy joy of life is expressed in many poems of Zabolotskii written in the Thirties and Forties. After being released from his eight year imprisonment in broken health, the poet wrote the glowing, breathtaking poem "Ustupi mne, skvorets, ugolok" ("Starling, Give up Your Nook to Me"). It is one of his best poems and the last written in the overwrought style of the so called Peasant Poets. But more and more Zabolotskii turns to intellectual themes. He recognizes that "poetry is thought, constructed in the body" ("Predosterezhenie", "The Warning"). He speaks of the "transparent pillars of thought," of Dante, Beethoven, Pushkin, of the Ukrainian philosopher Skovoroda, of Ossian, of Hesiod ("Read, trees, the poems of Hesiod"), of Socrates, of Rembrandt. He declares, "I do not search for the harmony in nature / I have not yet seen, alas, a sensible proportionality, / neither in the depths of the rocks nor in the serene skies" ("Ia ne ishchu garmonii v prirode", "I do not search for the Harmony in Nature"). And finally he voices his nostalgia for "the chaste abyss of the poem" ("Nochnoye gulianie", "Night-walking").

Zabolotskii's vision is growing inward, becomes intimate. Through the means of this new metaphysical power he conceives a dialogue between a living flower and a drawing of it in a book he is holding open while lying in the grass. The second part of this poem, "Vse chto bylo v dushe" ("All that Was in the Soul"), written again in the Nadsonian five-feet anapest, reads in a literal translation as follows:

And the flower looked with astonishment on its own reverberation,
as though it tried to comprehend the alien wisdom.
In its leaves palpitated the unaccustomed movement of thought,
that stress of will which is hard to transmit.

And the grasshopper lifted his trumpet, and nature suddenly awakened,
and the mournful creature started to sing the praises of reason.
And the drawing of the flower in the old book started to move,
so that my heart moved toward it.

Again and again the vision of the poet penetrates beyond the rich, Zabolotskian superstratum of nature, to find its aesthetically and humanly most convincing manifestation in the verse, as in "Ia trogal listy evkalipta" ("I Was Touching the Leaves of a Eucalyptus"). This has everything a great poem should have: inner radiance of word, original metaphoric expression, musicality of structure, unmistakable sentiment, uncommon thought, the clairvoyance of a true visionary. A prose translation cannot do justice to the author of this poem. The student must read the original, and must *hear* the poem recited fully to appreciate its importance, unless some day a poet of Zabolotskian stature is able to create a true rhythmic correlate in an adequate verse translation.

Я трогал листы эвкалипта
И твердые перья агавы,
Мне пели вечернюю песню
Аджарии сладкие травы.
Магнолия в белом уборе
Склоняла туманное тело,
И синее-синее море
У берега бешено пело.

Но в яростном блеске природы
Мне снились московские рощи,
Где синее небо бледнее,
Растенья скромнее и проще.
Где нежная иволга стонет
Над светлым видением луга,
Где взоры печальные клонит
Моя дорогая подруга.

И вздрогнуло сердце от боли,
И светлые слезы печали
Упали на чаши растений,
Где белые птицы кричали.
А в небе, седые от пыли,
Стояли камфарные лавры,
И в бледные трубы трубили,
И в медные били литавры.

Poems like this combine, in an extraordinary synthesis, the two traditionally contrasting Zabolotskian themes, the bacchanal and the pastoral, thus simultaneously exalting spontaneous Dionysiac joy and Apollonian calm, controlled rhythm and melody. The equally strong elements of metaphoric arabesque and pure "color" of wording are joined together in order to organize space and form which have no relation to naturalistic representation. The result is a visionary achievement of the impossible: the integration in a single work of the characteristics of Van Gogh and Matisse.

Zabolotskii achieves only once the degree of purity and simplicity which one finds in the late work of Matisse, in the poem number seven of the longer cycle "Posledniaia liubov" ("The Last Love"). Typical for emotional restraint which is so integral a part of classicism are the images of this poem which, as it were, turn in on themselves at the precise moment when one would expect some emotional release:

In the middle of the footway
I noticed at my feet
the half-dead flower
with the watercolor-like petals.

It was lying motionless
in the white twilight of the day,
similar to the reflection of your image
in my soul.

Written in an intentionally unexpressive style, it could bear a notation by Zabolotskii taken from musical terminology, *sans expression*, used by Stravinsky, Poulenc, Hindemith. Here one is reminded of what Paul Becker said of Hindemith: "Er komponiert überhaupt nicht, er musiziert." [31]) So one could say of Zabolotskii: he does not compose here, he creates.

Zabolotskii's career presents the not unusual phenomenon of a poet who began as a "progressive" and ended as a "conservative." With the difference that Conservatism was not a natural development in the experience of aging as it often is; it was a condition of creative survival. And this is apparent in the freedom he allows himself within the boundaries of the traditional. By natural disposition he was influenced by the most advanced contemporary poetry and allied himself with the radical innovations of imagery and strongly accentuated diction characteristic of expressionists. He must be regarded as an *al fresco* poet, as a master of richly decorative, elemental and yet well balanced poetic composition. For this reason as expressionist Zabolotskii stands well in the company of Rouault and Bartók. As a neo-classicist his late work is much less even. It is sometimes difficult to distinguish in his new verses the true classic current of episodic returns to traditional forms in which classical elements are used without classical invention. The instrumental exaggeration which was typical of Zabolotskii's early work was later largely reduced, although he often operated on a huge scale and with massive sonorities. In a number of really significant poems (10 to 12) there is little difference between the early and later period. As for his general outlook, in both periods he appears as a metaphysical optimist. However, it is only in his late work that he presents himself as an original thinker, revealing that cognition, along with conation and affection are the three basic functions of his artistic consciousness. By the lovers of experimentalism he will be criticised for abandoning the modern movement; by adherents of the traditional he will be extolled for creating a new, expressive classicism. Zabolotskii preserved a noteworthy intrinsic unity despite and throughout the seemingly contradictory phases of his development. His ability to discover and embrace a new vision (so

unexpected in one so strongly committed that it comes as a surprise, and yet so perfectly in accord with the still unformulated aesthetic aspirations that he immediately compels recognition) is a sign of rare talent.

Zabolotskii, who suffered much from the Soviet system, made it a point of honor to hide his pain. It was very seldom that he did not succeed in repressing his inner torment, as shown in his symbolic and pantheistic poem "Metamorfozy" ("Metamorphoses"):

> I have died many times. O, how many dead bodies
> I have removed from my body.

It was probably not his innate pride and nobility, but his great sincerity that preserved him from becoming nothing more than an expert but hollow craftsman and thus compromising beyond redemption his poetic genius.

The significance of Zabolotskii's work deserves to be recognized far beyond the borders of his native country.

Yale University *Aleksis Rannit*

NOTES

[1]) *Expressionismus / Literatur und Kunst, 1910—1923, Marbach, A. N., 1960.* Catalogue, 349 pp.

[2]) *Slovar' terminov izobrazitel'nogo iskusstva* (Dictionary of Art Terms), edited by the Scientific Research Institute of the Theory and History of Art, Academy of Sciences of U.S.S.R., Moscow, 1959, pp. 187, 188.

[3]) See the special issue of *Lituanus* (vol. VII, no. 2, New York) devoted to Čiurlionis. The contributors include George M. A. Hanfmann, Viacheslav Ivanov, Raymond F. Piper, Vladas Jakubėnas, Jacques Lipchitz, and others.

[4]) Andrei Belyi, *Simvolizm*, Moscow, 1910, pp. 449-453.

[5]) See: René Chalupt, *Ravel au miroir de ses lettres*, Paris, 1956, pp. 63-64, 66, 68, 96, 100, 178, 179.

[6]) Barlach's experience in Russia of a simple and primitive religiosity and a kind of symbolic mysticism was shortly to interest the expressionist movement in Germany as a whole. Emil Nolde, too, went to Russia (in 1913); he was fascinated by the naturalness and enigmatic piety of the Russian people and his most remarkable paintings include the *Russian Peasants* (now in the Museum of Modern Art, New York).

[7]) Sergei Esenin should also be regarded as an Imaginist. See: Heinrich Stammler in *Lexikon der Weltliteratur im 20. Jahrhundert*, Freiburg, 1960, vol. 2, pp. 592-593.

[8]) Whitman's early translators into Russian were Kornei Chukovskii and Bal'mont; Verhaeren was first rendered by Briusov, Ellis Voloshin, Shengeli.

[9]) The wavy structural quality of German (and English) verse is based on the natural elevations and sinking of the language rhythms; the Russian language has, however, rather a design of pointed angles, although it does not achieve the absolute geometricity of the Greek.

[10]) See: M. F. E. van Bruggen, *Im Schatten des Nihilismus / Die expressionistische Lyrik im Rahmen und als Ausdruck der geistigen Situation Deutschlands*, Paris, 1946.

[11]) *Valerii Briusov*, Biblioteka Poeta, Bol'shaia Seriia, Leningrad, 1961, pp. 118, 119, 120, 367, 397, 398; see also his self-glorification "Pamiatnik" ("The Monument") in *Sem' tsvetov radugi* (Seven Colours of the Rainbow) Moscow, 1916, pp. 13, 14. Bal'mont's self-laudation is manifested in numerous works; see his selected poems "Solnechnaia priazha" (The Sun Yarn), Moscow, 1921, pp. 5, 17, 18, 67, 68, 69, 229.

[12]) See: Nikolai Hartman, *"Denken und Erkenntnis"* in *Logos*, no. 1, 1921, pp. 23, 24 / Zabolotskii is a "räumlicher Denker" and he definitely creates a new space in poetry. Zabolotskii's is not the space as a limit of Romanesque art, it is rather the space as an environment of High Renaissance or Baroque. Spatially, the poet yields nothing to the reader — he incorporates the reader.

[13]) This technique is mostly revealed in the first three books of verses of Pasternak.

[14]) I am borrowing this trem from Briusov's article "Levizna Pushkina v rifmakh", *Pechat' i Revoliutsia*, 1923, kniga II, February—March.

[15]) *Stolbtsy* was published in the edition of 1100 copies.

[16]) The four-dimensional time-space unity is well realized. Through the use of what is called in the philosophy of art *aesthetic distance*, the poet himself is either floating through space or — even if standing on earth — is simultaneously moving above it.

[17]) The problem of *aesthetic distance* is generally similarly solved in Stravinsky's *Petrushka* and *The Soldier's Story.*

[18]) See: Nikolai Tikhonov, "Shkola ravnodushnykh" in *Literaturnyi Sovremennik*, no. 5 (1933), p. 118, and Vladimir Markov in *Lexikon der Weltliteratur im 20. Jahrhundert*, Freiburg, 1960, vol. 2, p. 1301.

[19]) Hermandad — originally one of the popular combinations formed chiefly to resist the nobles, which later had general police functions.

[20]) Isamu Noguchi has achieved in a purist way a complete oneness with the architecture. This is revealed in many of his sculptures, especially those made for numerous buildings in Japan and America, as well as in his sculpture gardens.

[21]) Rousseau's *War*, the greatest French expressionist painting, with its vigor, vision, and stylization could be called Zabolotskian. Picasso's *Guernica* is perhaps the most important work expressionism ever produced but Picasso is traditionally a Spanish not a French artist.

[22]) *Oktiabr'*, no. 5 (1929), p. 207.

[23]) P. S. Vykhodtsev, *Russkaia sovetskaia poeziia i narodnoe tvorchestvo*, Moscow, 1963, pp. 167, 188, 189, 267, 295, The author insists that Zabolotskii's serious interest in folklore was awakened only after his renderings of *Slovo o Polku Igoreve* and Rustaveli's *Vitiaz' v tigrovoi shkure.*

[24]) Favorskii's (1886—1964) masterpieces are his illustrations to the biblical story of Ruth in which he revealed himself as a highly original, subtle, and forceful wood-engraver. His style was composed as an inventive mixture of some elements of Giotto, Hans von Marées, Manet, Van Gogh, Cézanne, and Cubism. In the late Thirties he became a conformist Soviet realist.

[25]) These words constitute part of Prokofiev's confession and self-deceit published in *Pravda* on March 23, 1940.

[26]) Composers and artists mentioned here belong to the era of expressionism; de Chirico and Dali are directly connected with surrealism.

[27]) Uuno Kailis (1901—1933), the eminent member of the group called "Carriers of Fire," manifested the expressionist tendencies in the middle period of his creativity. Formalistically Kailis has an affinity with Zabolotskii, philosophically and psychologically, in his pessimistic meditations, he is a direct opposite of the Russian poet.

[28]) Marie Under (born 1883), who translated into Estonian an anthology of German expressionists, wrote under the spell of expressionism in her individual expressionistic form and content between 1920 and 1930.

[29]) The title "Golubinaia kniga" may also mean, "The Deep Book" or "The Book of Depth."

[30]) In this rhythm Bal'mont wrote his "Beloi noch'iu" (In the White Night) and "Osen" (The Autumn), see: *Solnechnaia Priazha*, pp. 190, 192, 193; Georgii Adamovich his "Po shirokim mostam" ("Over the Wide Bridges"), see: *Na Zapade*, Paris, 1939, pp. 24, 25; and the Lithuanian poet Henrikas Radauskas his "Pilnatis" (The Full Moon), see: *Strelé Danguje*, Chicago, 1950, p. 94.

[31]) Quoted after Cobbett's *Cyclopedic Survey of Chamber Music*, second edition, New York, 1963, vol. 1, p. 556.

ПУТЬ ПОЭТА

I.

Мы постоянно забываем, что не только *эстетических* реальностей, но и реальностей *эмпирических* чуть ли не столько же, сколько отдельных людей, что восприятие нами мира окрашивается всегда нашим настроением, что мир внешний и внутренний для влюбленного и ревнующего, молящегося и кающегося, больного и здорового — это совсем разные миры. Да часто, вернее, постоянно, — мы научаемся *видеть* мир, его постигать *именно* после того, как нам его открывает художник слова или звука, краски или линии.

«Французский художник Монэ приехал в Лондон и написал Вестминстерское аббатство. Работал Монэ в обыкновенный лондонский туманный день. На картине Монэ готические очертания аббатства выступают из тумана... Когда картина была выставлена, она произвела смятение среди лондонцев. Они были поражены, что туман у Монэ был окрашен в багровый цвет, тогда как даже из хрестоматий было известно, что цвет тумана серый. Дерзость Монэ вызвала сначала возмущение. Но возмущавшиеся, выйдя на лондонские улицы, вгляделись в туман и впервые заметили, что он действительно багровый... После... картины все начали видеть лондонский туман таким, каким его увидел художник».[1]

Мир, в его необозримом многообразии, отнюдь не раскрывается нам во всем его богатстве, сложности и глубине. Природа отвечает нам только на задаваемые нами ей вопросы — не больше и не меньше. А вопросы мы ставим разные, и на мир глядим поразному — даже каждый из нас по-разному глядит в разное время. Да и кроме опыта *эмпирического*, научного, есть не менее важный в нашей жизненной борьбе опыт *житейский*, практический, с опытом научной эмпирии отнюдь не совпадающий. Совершенно отличающимся от научного восприятия мира является и опыт эс-

---

[1]) К. Паустовский. Золотая роза. Собр. соч. в 6 тт. ГИХЛ, М., т. 2, 1957, стр. 685-686.

тетический, и, тем более, опыт *мистический*, религиозное откровение. О какой же реальности говорим мы, когда требуем ее от художника? Если мы требуем фотографического отображения действительности, то она не реальность, а ложь, ибо не отражает жизни в ее непрерывном движении и изменении, а закрепляет какой-то один *миг*, притом снятый *с одной* только точки, произвольно избранной фотосъемщиком. Такое изображение жизни не реализм, а *гримаса* жизни. Над подобным реализмом издевался умно и едко покойный Илья Ильф: «Лису он нарисовал так, что ясно было видно — моделью ему служила горжетка жены».[2])

Эстетически равноправно — если это качественно равноценно — и застывшее движение Медного Всадника Фальконета — и демонически изменчивый и непрерывно-текучий его образ в «Медном Всаднике» Пушкина: «тяжело-звонкое скаканье по потрясенной мостовой». И столь же *реальным* — в смысле подлинного реализма — является повторяющий живопись доисторического человека образ движения в «Столбцах» Заболоцкого:

Сидит извозчик как на троне,
из ваты сделана броня,
и борода, как на иконе,
лежит, монетами звеня.
А бедный конь руками машет,
то вытянется, как налим,
то снова восемь ног сверкают
в его блестящем животе.

(1927)

Тут ничто не случайно, в этом «Движении» Заболоцкого: и статуарность извозчика, и бедные машущие *руки* занузданного животного, и *восемь* его ног — удвоение в движении. Но молодой Заболоцкий не научился еще магически улавливать и закреплять словом идею — в платоновском смысле этого слова. Он хорошо видит здесь *лошадь*, но еще не дошел до видения *лошадиности*. Он великолепно *фиксирует* движение и *образ* движения, но еще не отвоплощает их в идею-образ единой сплошной и слиянно-раздельной реальности. Уже в тех же «Столбцах» большинство стихотворений создают свой собственный мир идей-образов. В них есть то подлинное внутреннее равновесие фиксации мгновенного образа, раскрытия *через* этот образ бесконечной *идеи*, и чувства

[2]) И. Ильф. Записная книжка. «Красная Новь», 1939, кн. 5-6, стр. 51.

целого, присущего только данному художнику — и только ему эстетического воззрения на мир.

«Художник вкладывает в свое произведение помимо того, что явно входило в его замысел, словно повинуясь инстинкту, некую бесконечность, в полноте своего раскрытия недоступную ни для какого конечного рассудка».[3])

И в этом, только в этом, подлинный высокий смысл искусства. Эмпирический опыт дает нам возможность только прощупать элементы мира, да и то, скорее, не прощупать, а только как-то представить их себе. Никакой *слитной* картины мира наука не дает. Притязания так называемого «научного мировоззрения» на построение *картины* мира явно несостоятельны: создается только очередная мифология, такая же бездоказательная, как и легендарная, но отличающаяся от последней еще и бескрылостью: «не поцеловала ее муза». Опыт практический, житейский — самый ограниченный и субъективный, интересный, если он не эстетизирован, только самому переживающему его человеку. Что может быть непереносимее демонстрации вам альбомов чужих фотографий и подробных рассказов о посторонних для вас людях! Конечно, если эти рассказы не превращены в некую эстетическую реальность. Наконец, опыт *мистический,* являясь наиболее *всецелым,* является, в то же время, наиболее надмирным, да и доступным далеко не всем. Остается опыт *эстетический,* эстетическая реальность, наиболее обще и наиболее конкретно рисующая нам картину мира и нашего в нем положения, в значительной мере помогающая нам осознать и самих себя. «...Искусство указывает человеку путь к самому себе. В нем, в этом искусстве, которое может быть праздной забавой и для многих бывает только ею, заложена и другая возможность: стать для человека самооткровением абсолютного».[4])

Какова же эстетическая реальность Николая Заболоцкого — и в чем ее неповторимое своеобразие и непререкаемая ценность?

---

[3]) Ф. М. И. Шеллинг. Система трансцендентального идеализма. Соцэкгиз, Ленинград, 1936, стр. 383.

[4]) Б. Христиансен. Философия искусства. Изд. «Шиповник», СПб., 1911, стр. 157.

II.

Бывают эпохи, когда читать стихи становится невыносимо трудно, а писать стихи решаются или графоманы — они всегда пишут, — или «птички Божие», не утруждающие себя раздумьем: а надо ли писать? — или подвижники нового слова. В эти эпохи нажиток предыдущих культур давит до нестерпимости, и каждая строка, каждая рифма, каждый поэтический образ кажутся банальными, уже не задевающими нашего сознания. Слишком много — и зачастую слишком хорошо — уже написано раньше, в девятнадцатом столетии, до двадцатых годов нашего века, — и, кажется, уже все испытано, все перепето, все пересказано — не осталось неисхоженных стежек-дорожек для спотыкающегося от поэтического груза прошлого Пегаски. Некоторые идут по пути выискивания во что бы то ни стало таких образов, ритмов и рифм, которые еще ни у кого не употреблялись — и превращают поэзию в некое подобие игры «Барыня прислала сто рублей»: «да и нет не говорите, красного и белого не называйте». Конечно, при этом всегда бывают недоразумения: где уж тут все знать, да и «многознание уму не научает», как говорили древние мудрецы. Мудрует-мудрует такой новатор, изыскивает неупотреблявшиеся никем изыски, — ан, глядь, не только у какого-нибудь неведомого Востокова или Кюхельбекера, а даже у плохо читавшегося Державина обнаружишь образы, скажем, Пастернака, Мандельштама или миродежца Хлебникова. Много всякого было в нашей поэзии, и, покопавшись, найдешь параллели некоторым приемам того же Заболоцкого в ироикомических поэмах забытого XVIII века, в творчестве раннего Константина Случевского, а в позднем Заболоцком найдем и высокий штиль од Державина и медитаций Баратынского и Тютчева. Не в словах, образах и приемах дело. Это — только необходимое условие творчества, но не его суть.

Но если сердце пополам
Разрежет острый Божий меч,
Вдруг оживает этот хлам,
Слагаясь в творческую речь...
...Душа поет и говорит,
И жить, и умереть готов,
И сказка вешняя горит
Над вечной мукой старых слов.

(Федор Сологуб, 1923).

Но как редко, как бесконечно редко рассекает сердце поэта этот всеоживляющий Божий меч! Вот и отвращается не только рядовой, но зачастую и незаурядный читатель от стихов: кому, уважающему себя, охота читать какого-нибудь Симонова или даже Всеволода Рождественского — перепевы перепетого. Штампы, банальные перепевы, декламационные, эстрадные приемы... А есть ведь люди способные, но не способны они к Геркулесову подвигу: поднять на свои плечи всю тяжесть прошлой культуры — и не расплющиться под нею, *а сделать хотя бы шаг вперед*.

В тридцатых годах, даже точнее, в конце двадцатых годов этот шаг сделал дотоле неведомый поэт Николай Алексеевич Заболоцкий.

III.

Биографические данные о Заболоцком весьма ограничены. Родился 24 апреля (7 мая н. ст.) 1903 г. в Казани, где отец служил агрономом в Казанском земстве, в семи километрах от города. В 1910 г. отца перевели участковым агрономом в Уржумский уезд Вятской губернии, и семья переехала в с. Сернур этого уезда. Здесь Заболоцкий окончил три класса начальной школы. «Здесь отложились в моем сознании первоначальные впечатления русской природы, — рассказывает поэт в своей автобиографии, — здесь я начал писать стихи. Семилетним ребенком я уже выбрал себе свою будущую профессию». Заболоцкий вырос и воспитался в среде, не чисто созерцательно, а хозяйственно относящейся к природе, любовно природу преобразующей. Это, несомненно, сказалось на будущем творце «Торжества Земледелия» и «Лодейникова». В 1913 г. Заболоцкий поступает в Уржумское реальное училище, и заканчивает среднюю школу весной 1920 года. В те годы много столичной интеллигенции бежало в более сытые окраинные городки, появились «столичные люди» и в захолустном Уржуме. «Некоторые из них поощряли мои литературные опыты», — пишет поэт, советовали ему ехать в столицы, «в центр». Осенью 1920 г. Заболоцкий едет в Москву, его принимают на Историко-филологический факультет 1-го Московского университета, но почему-то устроиться в Москве поэту не удалось.

В следующем году, в августе 1921 года, поэт уже в Петрограде, где поступает на отделение языка и литературы Педагогического института имени Герцена. Почему поэт не перевелся из Московского университета на соответствующий факультет университета Петроградского — остается неясным. Педагогом он сделаться не

хотел, а литературное образование было неизмеримо лучше поставлено в университете и в Институте Истории Искусств. В педагогические институты в те годы шли преимущественно лица, для которых поступление в другие высшие учебные заведения было невозможно по социальному происхождению или плохой успеваемости в средней школе. Возможно, что решающим соображением было наличие свободных мест в общежитиях ВУЗ'ов. Заболоцкий все свои студенческие годы провел в студенческом общежитии института. В 1925 году поэт окончил институт, окончил настолько успешно, что перед ним открывалась возможность научной деятельности, но страсть к поэзии оказалась сильнее. В студенческие годы поэт продолжал много писать, «подражая то Маяковскому, то Блоку, то Есенину». К окончанию института за душой поэта «была объемистая тетрадь плохих стихов» — и никакого другого имущества. В 1926 г. поэта призвали в армию. Воинскую повинность он отбывает в Ленинграде, в команде краткосрочников 59 стрелкового полка двадцатой пехотной дивизии. Много работал в стенной газете полка. В 1927 г., сдав экзамен на командира взвода, Заболоцкий уволился в запас. По выходе из армии поэт устроился на работу в Ленинградское отделение Государственного издательства — в сектор детской литературы, будущий «Детгиз», где проработал вплоть до своего ареста в 1938 г. За эти годы он сотрудничал в детских журналах «Еж», «Чиж», «Пионер», «Костер», помещал там свои рассказы и стихи, выпустил несколько детских книг — рассказ «Красные и синие», опубликованный еще во время пребывания поэта в армии, в 1926 г., переложение для детей «Тиля Уленспигеля» де Костера, «Гаргантюа и Пантагрюэля» Ф. Рабле, «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели, и ряд других. Но поэт не ограничивался и в первые годы своей писательской деятельности работой в детской литературе. Он изредка помещал свои стихи в ленинградских газетах и журналах. «Я помню Николая Алексеевича Заболоцкого в 1927-1928 годах в редакции «Ленинградской Правды», — пишет Вл. Орлов. — Газета иногда печатала его стихи. Он еще донашивал красноармейскую шинель и грубые солдатские башмаки. Приходил в редакцию — юный, краснощекий, очень скромный и молчаливый, как-то весь внутренне собранный. Он не казался старше своих лет, но относились к нему, помнится, не как к другим «начинающим».[5]) На-

[5]) Вл. Орлов. Николай Заболоцкий. Вступ. статья в кн.: Николай Заболоцкий. Стихотворения. (Серия «Библиотека Советской Поэзии»), ГИХЛ, Москва, 1959, стр. 5-6.

чал печататься Заболоцкий и в «толстых» журналах. Первым произведением, обратившим на себя внимание, было, впоследствии вошедшее в «Столбцы», весьма своеобычное стихотворение «Футбол» («Звезда», 1927, кн. 12, стр. 100-101). В 1929 году вышла первая книга стихов поэта — «Столбцы». Вышла в ничтожно малом тираже — 1100 экземпляров, но и то очень значительная часть тиража была изъята из продажи и уничтожена — партийная критика приняла книгу в штыки. И поныне ни одно из стихотворений этой превосходнейшей книги не включается в собрания стихотворений Заболоцкого: их нет ни в «Стихотворениях» 1948, 1957, 1959 гг., ни в «Избранном» 1960 года. Но литераторы, столичное студенчество и высшие слои интеллигенции восприняли эту книгу, как своего рода откровение. Через месяц ее нельзя было купить ни за какие деньги. Книгу переписывали от руки, буквально выучивали наизусть. У пишущего эти строки был не только печатный, но и рукописный, и машинописный экземпляр «Столбцов». С 1929 года Заболоцкий — общепризнанный поэт и мастер. И столь же гонимый официальной критикой, как и другие, наиболее выдающиеся поэты тех лет: Клюев, Ахматова, Мандельштам, М. Волошин, Пастернак. Может быть, гонимый столь ожесточенно, что только Клюев и Ахматова могут быть в те годы поставлены с ним рядом. Но в те годы еще можно было, особенно при наличии какой-нибудь «заручки» в среде литературных генералов, публиковать и вещи писателей, официально признанных «чужаками». Н. С. Тихонов, человек с превосходным вкусом, притом уже вышедший в литературные главковерхи или, по крайней мере, генералы, упорно печатал Заболоцкого — вплоть до 1937 года. Правда, после опубликования в «Звезде» полностью грандиозного трагического гротеска «Торжество Земледелия» (в кн. 2-3 за 1933 год), да еще рядом с главой из «Лодейникова» и «Знаками Зодиака», — самому Тихонову пришлось туго: он был вынужден много и раболепно извиняться, даже частично взвалить вину опубликования на автора. Но вкус к хорошим стихам заставил Тихонова преодолеть страх — и продолжать время от времени «протаскивать» стихи Заболоцкого в печать. В 1930 г. поэт женился на Е. В. Клыковой. В 1932 г. у него родился сын Никита, а в 1937 г. дочь Наталья. В 1937 году вышла «Вторая Книга» стихов поэта. Он даже участвует в пленумах Союза советских писателей в Минске (1935) и Тбилиси (1937). Но судьба его уже предрешена... Ведь с самого выхода «Столбцов» на поэта напустились самые влиятельные, самые злобные цепные псы партийной критики: А. Се-

ливановский, С. Малахов, В. Ермилов, Е. Усиевич, О. Бескин, П. Незнамов, Б. Соловьев... С. Малахов в статье «Поэзия социалистического реализма» писал, что взгляд поэта на советскую действительность в поэме «Торжество Земледелия» — «становится реакционным, обертывается реакционным протестом бунтующего мелкого буржуа против побеждающего социализма»... «Что же можно сказать о карикатуре на социализм, созданной руками *советского* писателя? Карикатура, где уравниловка вырастает в кошмарный образ полузвериного существования «социалистического» человечества!»[6]) Перепечатывая свою погромную статью «Система кошек», посвященную «Столбцам», А. Селивановский снабжает ее постскриптумом: «После длительного перерыва в 1933 году Н. Заболоцкий опубликовал поэму «Торжество Земледелия» и ряд стихов. За четыре года Заболоцкий не остался на прежних позициях, — он от них далеко ушел (и как далеко!) по пути злобного гаерства и издевательства над социализмом».[7]) Эти высказывания — только выхваченные наугад образцы писаний многоголовой своры, спущенной на поэта. Е. Усиевич, Г. Лелевич и многие другие науськивали: «Ату его!». Наконец, сама московская «Правда» поставила идеологически выверенный диагноз: В. Ермилов заговорил о нарочитом юродстве Заболоцкого, как маске врага колхозов и социализма, как маскировке кулака-единоличника.[8]) Интересна и показательна сама судьба журнального текста «Торжества Земледелия». Вскоре после выхода 2-3 книжки «Звезды», эта книга была изъята, текст поэмы в ее первой окончательной редакции вырезан из книги — и заменен другим, измененным под давлением цензуры. Только немногие экземпляры журнала с первоначальным текстом уцелели от инквизиторской расправы. Один экземпляр с полным текстом находится сейчас в Америке. По нему-то и восстановлен нами в этом издании подлинный текст поэмы.

Стихи, опубликованные в 1937 г., и «Вторая Книга» поэта, в которой эти стихи были частично собраны, подлили масла в огонь: поэта назвали воинствующим идеалистом, усмотрели в его творчестве элементы пантеизма и «клюевщины», — и поэт исчез. Су-

---

[6]) Борьба за стиль. Сборник статей. Гос. Академия Искусствознания. Ин-т Литературоведения. ГИХЛ, Ленинград, 1934, стр. 119-133.

[7]) А. Селивановский. «Поэты и поэзия». «Совет. Литература», М., 1933, стр 215.

[8]) В. Ермилов. Юродствующая поэзия и поэзия миллионов. О «Торжестве Земледелия». «Правда», № 199, 21 июля 1933, стр. 4.

дя по всему, ему пришлось отбывать срок наказания в лагерях НКВД не менее семи лет. Хорошо осведомленный Иванов-Разумник сообщает в статье «Фантастическая история», что «к концу 1939 года или началу 1940 года стало ходить по рукам в писательских кругах Петербурга и Москвы письмо поэта Заболоцкого, пребывающего в концлагере или изоляторе, к поэту Николаю Тихонову, пребывающему в орденоносцах. Каким-то путем удалось Заболоцкому... переслать письмо Николаю Тихонову; письмо это в копии было и в моих руках. Содержание его было приблизительно следующее:

В наше место заключения, — писал поэт из тюрьмы поэту на свободе, — не доходят сведения из внешнего мира в виде писем или газет; но благодаря неожиданной случайности, попал к нам обрывок того номера «Известий», в котором дан перечень писателей, удостоенных высоких государственных наград. Среди ряда знакомых имен я с несказанным удивлением встретил ваше имя, товарищ Тихонов, а также имя товарища Федина. Искренне рад за вас обоих, что вы живы, здоровы и не только находитесь на свободе, но даже удостоены награждения высокими орденами; несказанное же удивление мое связано именно с этим обстоятельством, с одной стороны, и с моей личной судьбой — с другой. Полтора года тому назад я и ряд писателей (перечислен ряд имен) были арестованы по обвинению в принадлежности к террористическому кружку; на допросах, под давлением убедительнейших аргументов, мы вынуждены были признать, что действительно состояли членами такого кружка, и были завербованы в него возглавляющими кружок писателями — Николаем Тихоновым в Ленинграде и Константином Фединым в Москве. Теперь вам понятна и моя радость за вас — вы живы и на свободе, и мое глубочайшее изумление: каким образом вы, главы террористической организации, завербовавшие в число ее членов и меня, получили высокую государственную награду, в то время как я, рядовой член этой организации, получил за это же не орден, а десять лет строгой изоляции? Очевидно, что-то тут не ладно, концы не сходятся с концами, и вам, находящемуся на свободе и награжденному государственным отличием, надлежит постараться распутать этот фантастический клубок, и либо самому признать свою вину и проситься

в изолятор, либо сделать все возможное, чтобы вызволить из него нас, совершенно невинно в нем сидящих».[9])

По некоторым данным, о которых рассказывает и Иванов-Разумник в той же статье, перепуганные на смерть Тихонов и Федин написали об этом письме Лаврентию Берия и просили о пересмотре дела Заболоцкого и других писателей, обвиненных в участии в террористических организациях, «ибо из выяснившихся обстоятельств видно, что следователь вел это дело приемами, заслуживающими некоторого сомнения»...

В официальной биографии поэта[10]) сказано, что «с 1938 года Н. А. Заболоцкий был на Дальнем Востоке и в Алтайском Крае. В 1945 году — в Караганде. С мая 1946 года он переехал в Москву и с тех пор постоянно жил в Москве».

Поэма «Творцы дорог», особенно в ее первой редакции, свидетельствует о том, что Заболоцкий начал свой «стаж» заключенного на строительстве дорог на Дальнем Востоке. А «Город в степи» уже говорит о Караганде. С января 1947 года поэт публикует свои стихи в «Новом Мире» и других журналах. В 1948 и 1957 годах выходят сборники его стихов. Но уже с середины тридцатых годов основным заработком Заболоцкого сделались переводы, главным образом, грузинских поэтов. За эти переводы Заболоцкий дважды награждался почетными грамотами Грузинской ССР, а в 1958 году, в связи с Грузинской декадой, орденом Трудового Красного Знамени.

Зато поэтическое творчество самого поэта явно не в фаворе. Ряд превосходных вещей поэта ожидает опубликования по 8, 10, 13, 18 лет. Так, «Лесное озеро», написанное еще в 1938 году, опубликовано только в 1956 году; «В этой роще березовой» (1946) — опубликовано в 1959 г.; «Утро», «Бетховен», «Уступи мне, скворец, уголок» (все написаны в 1946 г.) — опубликованы через 10 лет — в 1956 году; «Когда вдали угаснет свет дневной», «Журавли», «Читая стихи», «Лебедь в Зоопарке», «Приближался апрель к середине» (все написаны в 1948 году) — опубликованы только в 1956 году и т. д. И это в то время, когда такие отпетые бездарности, как К. Симонов, Твардовский и другие, публикуют все свои вирши буквально на другой день по их написании. Только в последний год жизни отношение к поэту несколько улучшилось, и его

---

[9]) Р. Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Изд. «Литфонда», Н. И., 1951, стр. 45.

[10]) В книге: Н. Заболоцкий. Избранное. ГИХЛ, Москва, 1960, стр. 235.

даже выпустили за границу, в качестве члена делегации советских поэтов, возглавлявшейся А. Сурковым.[11]) И все-таки вполне Заболоцкому не доверяли. Его замалчивали. И хотя один из авторов критических статей осмелился назвать лет пять тому назад Заболоцкого «взыскательным художником», общее отношение к поэту до самой его смерти оставалось в лучшем случае настороженным: лучше не хвалить — «как бы чего не вышло»...

14 октября 1958 года поэт скоропостижно скончался пятидесяти пяти лет от роду.[12])

IV.

Так какова же та *эстетическая реальность*, тот мир, в котором живет поэт Заболоцкий?

Это и страшный, и пленительный мир «Столбцов» — овеществленных душ и не только одушевленных, но даже персонифицированных вещей. Как будто поэт записывает в родословные столбцы мироздания новых вершителей судьбы человеческой и вселенской: отнюдь не высокопиитических ундин и дриад, Аполлонов и муз, не рыцарей и не страстотерпцев горюшка народного; и уж отнюдь не Прекрасных Дам символизма и неоклассических конквистадоров и александрийских любовников. Всё обмирщено и сведено с Олимпа и Парнаса: и не «блистательный Санктпетербург», а замызганные уголки Ленинграда нэповского ущерба и первых всплесков первой пятилетки. Пейзаж гоголевского «Носа» и «Невского проспекта» и сенновских трущоб Достоевского, да только творчески слиянный с нашими днями мирового трагического фарса. Гротеск и система образов, отчасти и лексика Заболоцкого эпохи «Столбцов», — это, прежде всего, Гоголь петербургских повестей и Достоевский «Двойника», разложенные в творческой лаборатории поэта и — с добавками Константина Леонтьева (афоризматическая хлесткость и неожиданность сопоставлений), Константина Случевского (система опоэтизированных прозаизмов, канцеляризмов и вульгаризмов, возведенная в некую «пляску смерти») и, конечно, Велемира Хлебникова — восстановленные в жизнь в обличье, странно напоминающем Раблэ и Державина, Василия Майкова и Иеронима Босха. Жизнь призрачная, невсамделишная — и невероятная, почти пло-

---

11) См., напр., статью: В. Инбер. Если поэты всего мира... «Литер. Газета», № 153 (3809), 24 дек. 1957. Судя по всем статьям и заметкам, Заболоцкий ни с какими речами в Италии не выступал.

12) Некролог и объявл. в «Литерат. Газете», № 124 (3935), 16 октября 1958.

тоядная вещность слова, образа, мелоса стиха. Не станковая живопись, а фреска, не мелодичная попевка песни-романса, а полифония, сложнейшее контрапунктическое строение мыслеформы и идеи-образа. А поэт стоит с усмешкой хозяина-агронома, хозяина-инженера — мастера и устроителя вещей и слов, явлений и образов. Он чует свою силу — и знает свою слабость: сила его — сила не тех, кто «писал темно и вяло, что романтизмом мы зовем»: из образов Заболоцкого брызжет кровь, от его героев несет пóтом труда и любви, почти звериной силой жизни:

...полузвери, полубоги,
засыпаем на пороге
новой жизни трудовой...

Но Заболоцкий — не радостный вещелюб и жизнелюб Рубенс. Он — Иероним Босх с его видениями бесовщины, вершащей судьбы людей, с его чудиками и чудаками, искушениями и пытками жизни. Мир «Двойника» и «Носа», «Портрета» и хлебниковских «Досок Судьбы», так благоговейно упомянутых позже, в «Торжестве Земледелия»: само вещество распадается на заряды-электроны, личность больше не существует почти — она распадается почти чисто физически. Человек больше не властен не только в поступках своих, но и над телом своим. Уже нос майора Ковалева не только отошел от него, но и отпочковался-отвоплотился в самость независимую от майора, даже служит по другому ведомству. А через столетие в «самом умышленном городе мира» — Петербурге-Ленинграде — поет бродячий музыкант во дворе-колодце, и старательно «поправляет части» своего собственного, неважно подчиняющегося ему тела. А в него обрушивается такой же дробно-рассыпающийся мир, мир рассеяния электронов, мир энтропии, чуть связанный в непрочные системы мироздания и густозаселенного двора-колодца, двора-бездны:

Вокруг него — система кошек,
система ведер, окон, дров
висела, темный мир размножив
на царства узкие дворов.
Но что был двор? Он был трубой,
он был туннелем в те края,
где спит Тамара боевая,
где сохнет молодость моя...

(1928)

Нет даже различия между живым и мертвым: мертвое властно вторгается в жизнь — и так же, увы, банально, как живое. Об этом много писал Достоевский, особенно в его примечательном рассказе «Бобок». И Заболоцкий не одинок в следовании за ним: «На кладбище» и «После казни в Женеве», «Камаринская» Случевского и роман «Жизнь и приключения Никодима младшего» Скалдина, отчасти — Федор Сологуб идут по тому же пути.

И грянул на весь оглушительный зал:
— Покойник из царского дома бежал!
Покойник по улицам гордо идет...

(1927)

И жизнь, во всей ее фламандской мясной вещности, все-таки — что-то не до конца отвоплотившееся, меон, небытие, в особенности в ленинградскую белую ночь, когда, «гляди, не бал, не маскарад, здесь ночи ходят невпопад», и влюбленные продолжают ту же извечную тягу-песню: к соединению и размножению таких же обреченных небытию:

А на Невке
не то сирены, не то девки—
но нет, сирены — шли наверх,
все в синеватом серебре,
холодноватые, — но звали
прижаться к палевым губам
и неподвижным как медали.
Но это был один обман...
...И всюду сумасшедший бред,
и белый воздух липнет к крышам,
а ночь уже на ладан дышит,
качается как на весах.
Так недоносок или ангел,
открыв молочные глаза,
качается в спиртовой банке
и просится на небеса.

Любопытно и это снижение образа сирен — не то сирен, не то девок. То же в «Красной Баварии», липкой окраинной ленинградской пивнухе, где «в глуши бутылочного рая, где пальмы высохли давно», тоже оседлывают колени полупьяных и пьяных си-

рены-девки, другие сирены намалеваны на краю кривой эстрады, а за стойкой тоже стоит сирена —

а за окном — в глуши времен
блистал на мачте лампион.
Там Невский в блеске и тоске,
в ночи переменивший кожу,
гудками сонными воспет,
над баром вывеску тревожил...

(1926)

Ну, не все ли равно — окраина или Невский, узкая щель полуподвальной — в подполье, в небытие! — пивнухи — или широкий мир, также подвластный смерти, небытию, миражу радости в той же глуши времен? Густое, непролазное, мещанское, неизбывное, без веры и просвета, радостное звериной тягой к теплу, уюту, еде, подруге, существованию, но трагически обреченное и отрешенное, греховно-бессмысленное и овеществленное «пекло бытия» — весь мир, необъятный и необозримый, умещается во мне, — не больше, по сути своей, грязной пивной или ленинградского затолканного толпами вспотевших несчастливцев Народного Дома:

Народный Дом — курятник радости,
амбар волшебного житья,
корыто праздничное страсти,
густое пекло бытия!..
...Тут радость пальчиком водила,
она к народу шла потехою...

(1927-1928)

Но мир, возможно, еще *уже*, еще ограниченнее: «Весь мир обоями оклеен — пещерка малая любви», и в нем, в этом закутке-запрятке «как мыльные клубы, несутся впечатления». Таким же миром, «миром в себе», является и толкучий рынок бедняков- отрепышей и мелких владык-перекупщиков на Обводном канале в Ленинграде: грозные и грязные нищие-полубандиты, продавцы и перекупщики, от которых зависит существование или несуществование новых Акакиев Акакиевичей советского всклоченного быта. Штаны или кастрюля, кусок сала или старый пиджак — это ку-

сок тепла и уюта, жизни и радости — целый мир — и не только материальный:

Маклак штаны на воздух мечет,
ладонью бьет, поет как кречет:
маклак — владыка всех штанов,
ему подвластен ход миров,
ему подвластно толп движенье,
толпу томит штанов круженье,
и вот она, забывши честь,
стоит, не в силах глаз отвесть,
вся — прелесть и изнеможенье!

(1928)

Вот картина свадебного пира, когда не только молодые, но весь конклав гостей и сватов, сватей и хватов смакует предстоящее:

Они едят густые сласти,
хрипят в неутоленной страсти
и, распуская животы,
в тарелки жмутся и цветы.
Прямые лысые мужья
сидят как выстрел из ружья...
...И по засадам,
ополоумев от вытья,
огромный дом, виляя задом,
летит в пространство бытия.
А там — молчанья грозный сон,
нагие полчища заводов,
и над становьями народов —
труда и творчества закон.

(1928)

Люди превращаются в обездуховленных, стандартных, совершенно однотипных — будто вышли с одного станка! — Ивановых, живущих в одинаковых домах, с одинаковыми деревьями под окнами. Но деревья не вольные: «они в решетках, под замком». И Ивановы не свободны: они враз отправляются на службу «в своих штанах и башмаках». «А мир, зажатый плоскими домами» и «бульваров теснота», такие же, как и всегда и повсюду, и те же

«сирены мечутся простые», «иные — дуньками одеты, сидеть не могут взаперти», и куда-то устремляются, идут. На блуд? на заработки? — «Неужто некуда идти?!» —

Он спит сегодня — грозный мир,
в домах — спокойствие и мир.
Ужели там найти мне место,
где ждет меня моя невеста,
где стулья выстроились в ряд,
где горка — словно Арарат,
повитый кружевцем бумажным,
где стол стоит и трехэтажный
в железных латах самовар
шумит домашним генералом?
О, мир, свернись одним кварталом,
одной разбитой мостовой,
одним проплеванным амбаром,
одной мышиною норой...

(1928)

И — опять образы рынка, пекарни, фокстротирующего мирамеона, цирка-мира, где «кромешным духом все полны, но музыка опять гремит, и все опять удивлены»:

Над ними небо было рыто
веселой руганью двойной,
и жизнь трещала, как корыто,
летая книзу головой!

Очевидно, что вселенная — это только мое сознание, дана только во мне самом, и притом ущербном, чувствующем свою ущербность:

... и выстрелом ума
казалась нам вселенная сама!

Мир познается скорее и вернее во сне, в сновидениях, когда слабый и запаутиненный дневным дрязгом вещественности и борьбы за жизнь ум человеческий, его разум, сознание — остается на-

едине с самим собой («Фигуры сна» в «Столбцах» и знаменитое —):

Меркнут знаки Зодиака
над просторами полей.
Спит животное Собака,
дремлет птица Воробей...
...Колотушка тук-тук-тук,
спит животное Паук,
спит Корова, Муха спит,
над землей луна висит...
...Все смешалось в общем танце
и летят во все концы
гамадриллы и британцы,
ведьмы, блохи, мертвецы.
Кандидат былых столетий,
полководец новых лет —
разум мой! уродцы эти —
только вымысел и бред.
Только вымысел, мечтанье,
сонной мысли колыханье,
безутешное страданье —
то, чего на свете нет...

Поэзия напряженного и многосложного содержания. Поэзия *человека, утратившего* веру. Обезбоженный — и тем самым обездуховленный мир. Но мир сильной поэтической индивидуальности, острого и сатирического ума, отнюдь не расположенного к самопоглощению себя в пресловутом *мы* коллективизма, к растворению себя в толще стереотипных Ивановых. Но может ли не поэт — поэт может! — а сама *поэзия*, быть, по сути своей, атеистической? Нет, конечно. Ибо поэт, какими бы аналитическими способностями не обладал его ум, прежде всего — *любовный созерцатель мира, как целого*. И не только созерцатель, но в какой-то степени и творец. Мы все, конечно, творим миры, свои миры, но у художника слова этот процесс проходит наиболее ярко, непосредственно и убежденно, а тем самым, и убедительно. И творит поэт и прозаик свой мир не из общей картины сущего, спускаясь к дробности,

детали, а бесконечно возвышая, очищая, перерабатывая и отвоплощая эту отдельную дробность, как образ *идеи целого:*

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.
Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит задорен, нежен,
На радость вам и мне.

(А. Ахматова. 1940)

Одухотворение мельчайшей детали сущего, персонификация ее и рождение *поэтической реальности* — образа *идеи сущего* во всей его божественной полноте, — это, в сущности, и есть *обожение* подлинным поэтом — часто совершенно бессознательно — своей эстетической реальности, —отвоплощение ее, как Божественной Полноты. Часто слова и сознание при этом даже вредны: не всякий, глаголай «Господи, Господи», внидет в Царствие Небесное; а уж в царствие поэтическое духовные стихи почти никогда не входят: «Дельвиг не любил поэзии мистической. Он говаривал: ,Чем ближе к небу, тем холоднее'».[13]) Самому Пушкину не давалась религиозная поэзия: сравните, напр., высокую подлинную *богооткровенную* поэзию молитвы «Господи и Владыка живота моего» с недостойным Пушкина ее пушкинским переложением «Отцы пустынники и жены непорочны». *Внедрение эстетической стихии в область религиозного откровения ни к чему достойному не приводит ни для искусства, ни для религии.* Вопрос о религиозном искусстве — большой и совершенно особый вопрос. Но вопрос о религиозной природе подлинного искусства — этот вопрос крайне важен для нас. И, помимо приведенных в начале этой статьи слов Б. Христиансена, вспоминаются Платон и Плотин, вспоминается и Дионисий Ареопагит («Псевдо-Дионисий Ареопагит»): «В Прекрасном все объединяется, Прекрасное, как творческая причина, является началом всего, приводит все в движение и связывает все воедино через влечение (эрос) к своей красоте. Будучи целепричиной всего сущего, Прекрасное является Возлюбленным и Пределом всего (ибо все рождается для красоты), и образцом — поскольку все определя-

[13]) А. Пушкин. Исторические анекдоты. Полн. собр. соч., изд. Акад. Наук СССР, М. - Л., 1949, т. 8, стр. 108.

ется в зависимости от него».[14]) Как перекликается это высказывание Отца Церкви-платоника с глубочайшей убежденностью Достоевского, что красота спасет мир, и с эстетическим историософским мировоззрением К. Леонтьева! И как психологически понятно тяготение поэзии к мифотворческому процессу[15]) и к осознанному или бессознательному анимизму и пантеизму. На этот путь стал и Николай Заболоцкий, перейдя от отчаяния богооставленности «Столбцов» к анимизму «Торжества Земледелия» и просветвленному пантеизму «Второй Книги» и последующих стихов — в лучшей их части.

V

Но еще несколько истин, ставших уже банальными, но которые необходимо время от времени освежать в памяти. Что же такое та *красота*, о которой так много говорят? И не является ли творчество раннего Заболоцкого скорее безобразием, каким-то хаосом диссонансов и прямых несообразностей?

Издавна принято говорить о красоте прямой, открытой, ну, скажем, красоте картин Рафаэля, античных статуй и музыки Россини и Верди. И о красоте не-прямой, *поэтической*, намекающей на что-то значительно большее, чем оно видится сразу — о выразительности. Эта выразительность часто идет на заведомый разрыв с красотой для всех явной, с гармонией, которую вы улавливаете без малейшей к ней подготовки, даже без усилия с вашей стороны. Иногда эта красота ищет гармонию в дисгармонии, ищет предельную красоту выразительности в подчеркивании уродств или несовершенств внешнего облика. Такова красота картин Рембрандта, драматических прозопоэм Гоголя и Достоевского, музыки Мусоргского. И, наконец, слияние открытой красоты и красоты-выразительности в величайшем внутреннем синтезе Баха, Моцарта, Сервантеса, «Братьев Карамазовых», Диккенса. «Скрытая гармония лучше явной»,говорил в седой древности Гераклит.[16]) А умный и

---

[14]) Псевдо-Дионисий Ареопагит. О Божественных Именах. Буэнос-Айрес, 1957. Стр. 51-52.

[15]) См.: А. Ф. Лосев. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.

[16]) Материалисты древней Греции. Собрание текстов. Акад. Наук СССР, М., 1955, стр. 45.

пронзительно-даровитый Заболоцкий, в позднем стихотворении «Некрасивая девочка» (1955), писал:

А если так, то что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде? —

и, несомненно, видел эту красоту именно в этом «огне, мерцающем в сосуде». Так современный русский поэт невольно перекликается с платоническими мудрецами и с религиозной концепцией красоты-добра.

Это тоже, конечно, никак не соответствовало господствующей идеологии — искать исцеления ущербной души, искать ее восполнения, искать освобождения *в природе.* В 1929-1930 гг., в годы сплошной коллективизации, т. е., по-существу, превращения и деревни в государственную фабрику хлеба, поэта отнюдь не прельщает индустриальный пейзаж, он не пленяется модной попевкой «гудок, гудка, гудку, гудком, железный визг зубил», а взывает к природе в иронической ли, в пародийно-трагической ли форме:

О, полезная природа,
исцели страданья наши!

Поэма «Торжество Земледелия» — это сложное, многоголосное произведение, в котором элементы трагического гротеска, иронии, лироэпического анимизма и карикатурного снижения господствующей идеологии причудливо переплетаются с огромной темой трудового и любовного переустройства мироздания. Время действия: синхронные поэме годы сплошной коллективизации. Место действия: село, мироздание, мировые просторы над селом, село-колхоз. Действующие лица: солдат-красноармеец (носитель официальной идеологии и зачинатель колхозного преображения мира); старый мужик (старовер и скептик); мужик, обуянный сомнениями и поисками путей; пастух; верующий мужик; кулак (сперва владыка, затем изгнанник); бык, конь, медведь, волк, вепрь, муха; ночь; предки; коровы; тракторист; соха. Сама природа, как оно и есть, отнюдь не едина: для каждого из воспринимающих ее лиц она оборачивается разными сторонами своей души, своего

существования. Для одного — природа неодолимый противник, но и основной предмет труда:

Природа меня мучит,
превращая в старика.[17])

Для старика-крестьянина душа природы, —

дух животный
живет меж нами как бесплотный
жилец развалин дорогих.
Ныне, братцы, вся природа
как развалина какая!

Для пастуха — «вся природа есть обитель», — и пастух, не без остроумия, поясняет — как связано его воззрение на мир с его пастушески-беспредельной деятельностью, тогда как у мужиков — с их избяным и мирским бытом:

Вы, мужики, живя в миру,
любите свою избу,
я ж природы конуру
вместо дома изберу.

Наиболее яркое воплощение избяного эгоцентризма в жизни и мировоззрении — у кулака, у которого сама

Изба стояла, словно крепость,
внутри разрушенной природы,
открыв хозяину нелепость
труда, колхоза и свободы.

Кулак не понимал, что при коммунизме он — враг и изгнанник,[18]) что при коммунизме — сон, мираж и его собственность, и его эгоцентризм:

---

[17]) Все цитаты из Торжества Земледелия» — кроме особо оговоренных — из тех экземпляров книги 2-3 «Звезды» за 1933 г. (стр. 82-99), которые как-то успели проскочить — до окончательного цензурного искажения поэмы в остальном тираже той-же книги журнала.

[18]) Глава «Изгнанник», посвященная кулаку, подверглась самому зверскому сокращению и переименована во «Врага» почти во всем тираже этого № «Звезды».

Кулак был слеп, как феодал,
избу владеньем называл,
говорил: «Это моя изба»...
...он был изгнанник средь людей,
и рядом с ним гнездился страх...

Но, не взирая на страх, —

...мир его эгоцентричен,
был много выше облаков.

Ну, а носитель официальной, плакатной идеологии, солдат, несмотря на весь свой материализм, а, вернее, благодаря ему, — ничего в природе не понимает, сваливая вину непонимания на саму природу:

природа ничего не понимает
и ей довериться нельзя.

Для него душа — фосфор (вспомните нигилистическое „Ohne Phosphor kein Gedanke“), а духи предков —

частицы фосфора маячат,
из могилы испаряясь...

И когда солдат бьется с духами прошлого, с предками, когда он всё объясняет естественно-научно, духи предков резонно отвечают ему:

Это вовсе неизвестно,
хотя мысль твоя понятна,
посмотри: под нами бездна,
облаков несутся пятна.
Только ты — дитя рассудка —
от рожденья нездоров,
полагаешь — это шутка
столкновения ветров.

Рассудок — это еще не разум. Он стремится плоско и просто объяснить то, что отнюдь не просто и очень глубоко. Но для большинства — и людей, и животных — жизнь, природа — страдание, близкое к небытию:

Как дети хмурые страданья,
толпой теснилися воспоминанья...

...Фонарь, наполнен керосином,
качал страдальческим огнем,
таким дрожащим и старинным,
что все сливал с небытием...

Вся жизнь, вся природа — борьба на смерть, взаимопожирание, хотя на поверхности — тишь да гладь, да Божья благодать. Много картин борьбы, подвластности смерти, страданию в «Торжестве Земледелия». Много в других поэмах и стихах тех же лет:

У животных нет названья —
кто им зваться повелел?
Равномерное страданье —
их невидимый удел.

Даже нет освобождения от страдания через его обозначение, очищение, наименование *словом* («кто им зваться повелел?»). Слово ведь *неподвластно смерти*, закрепляет мгновенье, летучее для времени, для вечности. Слово — начало свободы. А природа —

Что же плачет? Что тоскует?
Отчего она больна?
Вся природа улыбнулась,
как высокая тюрьма...
...И смеется вся природа,
умирая каждый миг.

(1929)

Вот Лодейников, ученый и мыслитель, герой одноименной поэмы, публиковавшейся частями и ни разу еще, даже в последней книге 1960 г., не собранной воедино. Он, Лодейников, сам

...говорит: «в душе моей сражение
природы, зренья и науки.
Вокруг меня кричат собаки,
растет в саду огромный мак, —
я различаю только знаки
домов, растений и собак.
Я тщетно вспоминаю детство,
которое сулило мне в наследство
не мир живой, на тысячу ладов

поющий, прыгающий, думающий, ясный,
но мир, испорченный сознанием отцов,
искусственный, немой и безобразный,
и продолжающий день ото дня стареть»...

Но когда Лодейников хотел взором непосредственного видения посмотреть на «природы совершенное творенье», растворить в ней свою горечь и печаль, то не только не уловил гармонии природы и гармонии в природе, но —

Лодейников прислушался: над садом
шел смутный шорох тысячи смертей.
Природа, обернувшаяся адом,
свои дела вершила без затей.
Жук ел траву, жука клевала птица,
хорек пил мозг из птичьей головы,
и страхом перекошенные лица
ночных существ смотрели из травы.
Природы вековечная давильня
соединяла смерть и бытие
в один клубок, но мысль была бессильна
соединить два таинства ее.

И это сразу увидел он, романтик Лодейников, который

Степей очарованье,
глубокий шум лесов, мерцание светил —
все принял он в себя, и каждое созданье
в своей душе, любя, отобразил.
Лишь одного ему не доставало —
спокойствия. О, как бы он хотел
быть этой яблоней, которая стояла
одна вся белая среди туманных тел.

Но —

На безднах мук сияют наши воды,
на безднах горя высятся леса!

И значительно позже, уже в 1947 г., поэт писал:

Я не ищу гармонии в природе...
Разумной соразмерности начал

Ни в недрах скал, ни в ясном небосводе
Я до сих пор, увы, не различал.

Тем менее оснований ожидать такой гармонии в отношениях людей. Вернемся к «Торжеству Земледелия», к битвам с предками, к противоречивым высказываниям мужиков, к зверской расправе над тем началом сельской жизни, которое олицетворял собою кряжевой, крепкий самостоятельный крестьянин, обозванный кулаком. Вот он молится и ждет неизбежного — высылки, разорения, ссылки, смерти:

Кулак ревет, на лавке сидя,
скребет ногтями толстый бок,
и лает пес, беду предвидя,
перед толпою многих ног.
И слышен голос был солдата,
и скрип дверей, и через час
одна фигура, виновата,
уже отъехала от нас.
Изгнанник мира и скупец
сидел и слушал бубенец,
с избою мысленно прощался,
как пьяный, на возу качался,
и ночь, — строительница дня —
уже решительно и смело,
как ведьма, с крыши полетела,
телегу в пропасть наклоня.

В какой же природе искать восполнения себя, искать освобождения, если в природе, самой по себе, нет ни гармонии, ни свободы, ни бессмертия, ни избавления от смерти и мук? *В творчески преображенной, освобожденной от мук, от непосильного труда, от смерти природе.* В этом — пафос «Торжества Земледелия», в этом — те токи, которые как-то крепко соединяют замечательный эпос Заболоцкого с религиозным материализмом Н. Ф. Федорова — с его идеей преображения мира самим человечеством путем победы над смертью, над подвластностью всего сущего закону уничтожения. Люди должны понять, должны осознать, что если они направят все силы своего ума, все свои творческие силы не на выдумывание новых способов порабощения, истребления себе подобных,

а на борьбу с болезнями, нищетой, смертью, то ничего парадоксального в идее победы над смертью и болью нет. И в этом — пафос поэмы, фанфарные звуки ее финала, валторны и флейты ее надмирных научных институтов не только для людей, но и животных и растений. Животные Заболоцкого — даже не очеловечены: одухотворение всего сущего идет, конечно, через *слово* — иначе идти оно и не может, но это скорее анимизм, а не антропоморфизм: бык говорит, насколько это возможно, по-бычьи, а конь полошадиному. Это — не персонажи басни, не аллегории и не символы.

VI.

От творчески преображенного *словом* мироздания — к идее бессмертия: таков творческий путь «третьего» Заболоцкого — в лучших стихах «Второй Книги», «Стихотворений» 1948 и 1957 гг. Сам язык автора меняется: он становится классическим, вовсе не поражающим своей своеобычностью. Во многом это уступка обстоятельствам (значительная часть написанного после «Второй Книги» недостойно высокого дарования поэта), но во многом это — естественный рост души и таланта к простоте и проясненности. Поэтому то, что не связано с обстоятельствами, так сильно и хорошо, глубоко и подлинно нужно.

Вот, в горах Кавказа, в Грузии, понимает поэт подлинную слиянность сущего и слова:

Взойди на холм, прислушайся к дыханью
камней и трав, и, сдерживая дрожь,
из сердца вырвавшийся гимн существованью,
счастливый, ты невольно запоешь.
Как широка, как сладостна долина,
теченье рек как чисто и легко,
как цепи гор, слагаясь воедино,
преображенные, сияют далеко!
Здесь центр земли. Живой язык природы
здесь учит нас основам языка,
и своды слов стоят, как башен своды,
и мысль течет, как горная река.

(1936)

Вот таинство рождения, таинство материнства и всему радующегося младенчества открывают в одно радостное утро поэту — мужу и отцу:

И все кругом запело, так что козлик —
и тот пошел скакать вокруг амбара.
И понял я в то золотое утро,
что смерти нет, и наша жизнь бессмертна.

(1932)[19])

Проблема *бессмертия* настойчиво преследует поэта. В стихотворении «Бессмертие» в той же «Второй Книге» бессмертие дано, как слияние раскрытия индивидуальной личности в процессе развития мира — и раскрытия личности целого мироздания (чуть ли не какой-то симбиоз идеи перевоплощения с идеей Софии-Великого Существа-Бытия!). Стихотворение в художественном отношении неудачное, холодное, риторическое, но как звено в раскрытии *эстетической реальности* Заболоцкого чрезвычайно важное:

Как мир меняется! И как я сам меняюсь!
Лишь именем одним я называюсь, —
на самом деле то, что именуют мной, —
не я один. Нас много. Я — живой.
Чтоб кровь моя остынуть не успела,
я умирал не раз. О, сколько мертвых тел
я отделил от собственного тела!

Заболоцкий рисует затем ряд стадий на пути к духовному возрастанию и высшей биологической организации и заключает:

А я всё жив! Всё чище и полней
объемлет дух мир, полный чудных тварей...

Это пока что отнюдь не личное бессмертие. Это — пантеизм, иной раз и весьма иронически-безнадежный: в «Прощании с друзьями» Заболоцкий обращается к тем, кто уже «приложился земле»:

Спокойно ль вам, товарищи мои?
Легко ли вам? И всё ли вы забыли?

---

[19]) «Утренняя песня» — «Вторая Книга». В «Стих. 1957» эти строки изменены: « И понял я в то золотое утро, Что счастье человечества — бессмертно». (!!!).

Теперь вам братья— корни, муравьи,
Травинки, вздохи, столбики из пыли.
...Вы в той стране, где нет готовых форм,
Где всё разъято, смешано, разбито,
Где вместо неба — лишь могильный холм
И неподвижна лунная орбита.

Но иногда иронически-трагический тон сменяется тоном оды, поэт видит залог бессмертия в человеческом подвиге («Седов», 1937, «Север», 1936, во «Второй Книге»: «Но люди мужества, друзья, не умирают»), в культурном преображении творческим трудом земли («Венчание плодами», 1932, в той же «Второй Книге»; «Творцы дорог», 1947, «Урал», 1947, в «Стихотворениях» 1948), в великом творческом слове-идее, наконец:

Вчера, о смерти размышляя,
ожесточилась вдруг душа моя.
Печальный день! Природа вековая
из тьмы лесов смотрела на меня.
И нестерпимая тоска разъединенья
пронзила сердце мне, и в этот миг
всё, всё услышал я — и трав вечерних пенье,
и речь воды, и камня мертвый крик.
...И все существованья, все народы
нетленное хранили бытие,
и сам я был не детище природы,
но мысль ее! Но зыбкий ум ее!

(1936)

И поэт слышит в голосах природы нетленные голоса Пушкина и Хлебникова, в неподвижном камне проступает явственно лик Сковороды, — и вот в такой именно преображенной человеческим творчеством и творчески преображенной *словом* природе и ищет успокоения Николай Заболоцкий. Как хороши и подлинны его звери, его бык среди позднеосеннего пейзажа:

Осенних листьев ссохлось вещество
и землю всю устлало. В отдалении
на четырех ногах большое существо
идет, мыча, в туманное селение.
Бык, бык! Ужели больше ты не царь?

(1932)

А его звери и птицы по весне, когда «вешних дней лаборатория»: в каждом маленьком растеньице «влага солнечная пенится», —

...А на кочках под осинами,
солнца празднуя восход,
с причитаньями старинными
водят зайцы хоровод.
Лапки к лапкам прижимаючи,
вроде маленьких ребят,
про свои обиды заячьи
монотонно говорят.

(1935)

Весна у Заболоцкого такая неизбывно весенняя, такая влекущая, такая воскрешающая! Кажется, мало поэтов, у кого весна так стихийно врывалась бы в саму душу, так будоражила и обновляла, оживляла все существо человеческое.

И свистит и бормочет весна.
По колено затоплены тополи.
Пробуждаются клены от сна,
Чтоб, как бабочки, листья захлопали.
И такой на полях кавардак,
И такая ручьев околесица,
Что попробуй, покинув чердак
Сломя голову в рощу не броситься!

(1946)

Поэт сам сознает, что не только создает *свой* мир, но и растворяется в этом своем мире:

Я сделался нервной системой растений,
Я стал размышлением каменных скал,
И опыт осенних моих наблюдений
Отдать человечеству вновь пожелал.

А для мира *других людей*, для ближних своих, у поэта появляются какие-то щемящие некрасовские ноты. Таковы его стихи, посвященные отнюдь не героям, как раньше, а рядовым людям улицы. Но это теперь не гротескные Ивановы «Столбцов», не маски смерти на живой жизни, а те люди, красота которых неза-

метная, внутренняя, «огонь, мерцающий в сосуде» («Некрасивая девочка», 1955). К этой идее *красоты-любви*, как залогу бессмертия, поэт обращается теперь неоднократно («Неудачник», 1953; «Жена», 1948). В почти «народническом», некрасовского напева стихотворении «В кино», 1954, женщина, истомленная непосильной работой и одиночеством, безнадежностью и бесприютностью, смотрит на экран, «где напрасно пыталось искусство к правде жизни припутать обман». И поэт задает себе вопрос — где друг, где муж этой женщины? —

Почему его нету с тобою?
Неужели погиб он в бою
Иль оторван от дома судьбою,
Погибает в далеком краю?
Где б он ни был, но в это мгновенье
Здесь, в кино, я уверился вновь:
Бесконечно людское терпенье,
Если в сердце не гаснет любовь.

(1954)

Красота-любовь, красота-добро, а не побрякушки эстетского любования или театральная мишура искусства-забавы. Вот «Старая актриса», давно орденоносная, давно «домик ее превратился в музей», а сама она, крайняя эгоистка и удивляющая «друзей своевольем капризного нрава», стала брюзжащей скрягой, навеки в себя влюбившейся. А в грязном, сыром закутке того же домика-музея ютится племянница-девочка, живущая из милости, из куска:

И когда ее старая тетка бранит,
И считает и прячет монеты, —
О, с каким удивленьем ребенок глядит
На прекрасные эти портреты!
Разве девочка может понять до конца,
Почему, поражая нам чувства,
Поднимает над миром такие сердца
Неразумная сила искусства!

(1956)

Вопрос не поставлен плоско-утилитарно или моралистически: поэт знает, что вопрос о происхождении и вопрос о ценности — разные вопросы. Он сам восклицает о ней, о старой актрисе: «ка-

кими умами владела!» Он хорошо знает, что «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Но он хорошо знает, как часто злоупотребляют этим речением, — *и не снимает в угоду эстетам вопроса о моральной оценке искусства.*

Поэт зряч. Он благословляет теперь мир сущего, видя, что нет в нем тиши и глади и Божьей благодати. «Он знал, что покой — только призрак покоя», но это не помешало ему хвалить мир и чудо жизни.

Но поэт хорошо знает, что не все сущее благословенно, что не все красивое ко благу, что не все чарующее — к жизни. Часто за прекрасным и влекущим таится смерть. Часто прекрасное — мираж, обман. Пусть это не истинно-прекрасное, но оно тоже прекрасное. Но оно закрывает от нас подлинное.

Принесли букет чертополоха
И на стол поставили, и вот
Предо мной пожар, и суматоха,
И огней багровый хоровод...
...Это тоже образ мирозданья,
Организм, сплетенный из лучей,
Битвы неоконченной пыланье,
Полыханье поднятых мечей.
...Снилась мне высокая темница
И решетка, черная, как ночь,
За решеткой — сказочная птица,
Та, которой некому помочь.
Но и я живу, как видно, плохо,
Ибо я помочь не в силах ей,
И встает стена чертополоха
Между мной и радостью моей.

Поэт умер, находясь на распутье. Он более блестящ и своеобразен в «Столбцах» и «Торжестве Земледелия», чем в жизнеутверждающей патетике. Но ведь легче сатирически, гротескно *осудить* мир, чем его воспеть и благословить. Легче найти гармонию в несовершенном, своеобразную красоту-выразительность *бывания*, чем прикоснуться, а тем более воплотить красоту живой жизни и подлинного *бытия*. Потому больше срывов и несовершенств в Заболоцком восхождения, чем в Заболоцком начала — «Столбцов».

Поэт с честью вынес на себе непосильное бремя культуры. И в каких нечеловеческих условиях, в какой обстановке! Поэт жив

и будет жить долго, очень долго. Ибо он не только «кандидат былых столетий», но и носитель большой поэтической идеи: он — «полководец новых лет». И мало кто подходил к эстетической реальности, как *хозяин-преобразователь*, как подошел к ней Заболоцкий. Сквозь кровавую сумятицу сегодняшней неразберихи, сквозь муки и науки, сквозь банальность достижений и банальность поисков новизны ради новизны он шел к миру, переустроенному творчеством добра-красоты, к земле одухотворенного и обоженного завтра. И не его вина, что жизнь его оборвалась на половине пути. Но он взывал к ней, к матери-сырой земле, к Матери всего сущего:

...Земля моя, мать моя, знаю
твой непреложный закон. Не насильник, но умный хозяин
ныне пришел человек и во имя всеобщего счастья
жизнь он устроит свою. Знаю это. С какой любовью
травы к травам прильнут! С каким щебетаньем и свистом
птицы птиц окружат! Какой неистленно-прекрасной
станет природа! И мысль, возвращенная сердцу,
мысль человека каким торжеством загорится!

Борис Филиппов
1958.

ПОЭЗИЯ НИКОЛАЯ ЗАБОЛОЦКОГО

В 1917 году Заболоцкому было только 14 лет, гимназию он окончил в 1920 году. Следовательно, его личность и поэтическая выучка сложились уже при советской власти. Он — самый значительный из поэтов, выступивших в печати после революции. По крайней мере из тех, образчики творчества которых до нас дошли.

Важно не забывать, что Заболоцкий был учеником Хлебникова, влияние которого на почти всю поэзию последующих поколений — одна из важных, не написанных страниц истории русской литературы. Мало кто помнит, например, что Хлебников первый обратил внимание К. Чуковского на словотворчество детей и на перспективы детской литературы. И что, следовательно, мы ему обязаны основной идеей одной из лучших русских книг за все существование СССР: «От двух до пяти» Чуковского. Такого рода заслуги советская власть обычно приписывает самой себе.

Заболоцкий сам неоднократно подчеркивал и свое преклонение перед Хлебниковым, и даже свою зависимость — особенно в ранний период своего творчества — от музы великого будетлянина. Одно время слишком частое упоминание имени Хлебникова было в СССР небезопасно — поэта легко могли обвинить в формализме. Тем не менее, в поэме «Творчество Земледелия» Заболоцкий прямо высказал свое преклонение перед автором «Досок судьбы»:

И сотни, сотни лет пройдут
И внуки наши будут хилы,
Но и они покой найдут
На берегах такой могилы.

Вторично Заболоцкий упомянул Хлебникова рядом с такими титанами, как Пушкин и Сковорода, несколькими годами позже, после непрошенного вторжения партии в его жизнь, ускорившего его преждевременную кончину:

И голос Пушкина был над листвою слышен,
И птицы Хлебникова пели у воды.

И встретил камень я. Был камень неподвижен
И проступал в нем лик Сковороды.

Первая манера Заболоцкого нашла выражение в «Столбцах», в «Торжестве Земледелия» и в немногих стихотворениях конца 20-х и начала 30-х годов, в «Столбцы» не вошедших. Она важна хотя бы уж потому, что в ней Заболоцкий впервые в мировой литературе проложил для поэзии новые пути, которыми, по сей день, следуют многие наиболее передовые деятели мировой поэзии.

Эпигоны 60-х - 80-х годов прошлого века вконец износили эпитеты, найденные романтиками. Для классиков проблема самостоятельной художественной ценности эпитета еще не возникла; у них прилагательное играло служебную роль дополнительного разъяснения предмета. Эпитеты романтиков — «голубое небо», «зеленая трава» и т. п. — вводили краску в поэтический обиход. Красочность Державина или Бельмана не характерна для классицизма в целом. Для его колыбели — Франции — Россия и Швеция были периферией; в классицизме же западно-европейских стран краска почти полностью отсутствует. Затем романтики стремились усилить действие предмета, не прибегая к повторению. Для этого они пользовались такими эпитетами, как «страстная любовь», «печальный» или «тяжкий» вздох и др.

Во второй половине XIX века этого рода эпитеты полностью выцвели и стали бесполезно загромождающей текст бессмыслицей. Символизм, поскольку он был реакцией против просвещенческой рутины и разросшейся на ее почве псевдо-литературы, поднял вопрос об оживлении эпитета, — и это, конечно, вызвало яростное сопротивление косной среды, ревностно оберегающей свой покой и свои привычки.

Но и обновленные символизмом эпитеты, стремившиеся к точности и к подлинности восприятия, быстро износились. Повышенная чувствительность не избалованного историей человека XX столетия стала требовать все более острых и смелых эпитетов, все более отдаленных от обычного представления о предмете, для обновления картины быстро меняющейся действительности.

Казалось, что предел смелости был достигнут сюрреалистами, которые стали прибегать к абсурду: «четырехугольный голубь», «седовласый револьвер», «стеклянные шаги», «известковые томаты» и т. п. В поисках новых эпитетов, они выработали, своего рода «игры», вроде пресловутого «очаровательного трупа» (le cada-

vre exquis), описание которых читатель найдет в книжке Жоржа Хюнье — Petite anthologie du surrealisme (Париж, 1938). Иногда они делали не лишенные интереса находки: «слоны заразительны», «полоскать дерево» и т. д.

Такое сближение полностью разнородных понятий, заведомо не имеющих и не могущих иметь между собою ничего общего, освежают нашу восприимчивость нарушением привычных представлений.

Заболоцкий пошел еще дальше, чем сюрреалисты. Он первый стал сближать понятия, не только чуждые, но и враждебные одно другому, столкновение которых вызывает не только удивление, но и смех: «жирные автомобили», «бряцание цилиндров», «граненые» и даже «чиновные» деревья, вершина которых «тлеет... пустыми кольцами бренча», «сирены... простерли к небесам эмалированные руки и ели бутерброд со скуки», «бенгальский живот», расстегнутая дверь», «младенец нагладко обструган» и многие др.

Высвобождаемая таким образом духовная энергия гораздо могущественнее, чем у сюрреалистов, и восприятие обновляется резче и полнее, расширяясь почти до бесконечности: «научных замечаю лошадей», «маклак — владыка всех штанов, ему подвластен ход миров». Пошлость усиливается иронией: «членов нежное устройство на всех впечатление произвело», «два тоненькие мужика серьезно гнутся у шеста... потом... обнявшись наугад, на толстом воздухе стоят.»

В других местах эффект достигается смешением утрированной торжественности с абсурдом:

Покойник по улицам гордо идет,
Его постояльцы ведут под уздцы;
Он голосом трубным молитву поет
И руки ломает наверх... —

достигая, порою, подлинной грандиозности: «И мир двоится предо мною на два огромных сапога». Порою у Заболоцкого встречается отзвук гоголевского карикатурного кошмара:

Так недоносок или ангел,
Открыв молочные глаза,
Качается в спиртовой банке
И просится на небеса.

Не менее сильное действие достигается умышленно полным отказом от всякой неожиданности: «На службу вышли Ивановы в своих штанах и башмаках», «и ноги точные идут сгибаясь медленно посередине» и даже: «в нем апельсины аккуратные лежат как будто циркулем очерченные круги».

Подобно таможеннику Анри Руссо, одному из гениальнейших живописцев Франции, Заболоцкий достигает парадоксальной необычности нелепым подчеркиванием обыденщины: «вокруг пивные стали в ряд, ломовики в пивных сидят», или же как в образе коровы в «Торжестве Земледелия».

Снижение возвышенного к пошлости производит у Заболоцкого не менее сильное впечатление, чем высокопарное провозглашение тривиального: «Девочка — пресветлый ангел, виясь плясала вальс-казак», «И огурцы, как великаны, прилежно плавают в воде».

Большой яркости Заболоцкий достигает в использовании литературных реминисценций, например, пародируя Державина:

На стогнах солнце опускалось,
Неслись извозчики гурьбой,
Как бы фигуры пошехонцев
На волокнистых лошадях...

Или же рассказ пушкинского цыгана об Овидии: «как будто кости берегут его распахнутое тело», а также и «Руслана и Людмилу»»:

...свалились в кучу беки,
Опухшие от сквозняка,
И вот — через моря и реки,
Просторы, площади, снега,
Расправив пышные доспехи
И накренясь в меридиан, —
Слетает шар...

Лишь после второй мировой войны, когда сюрреализм был исчерпан и стал входить в обиход, ведущие поэты передовых стран Запада стали прибегать к гротеску и к пародии.

Такие значительные поэты как Томас Элиот или Джон Бетжимен (Betjeman) в англосаксонском мире, Ремон Кено или Жан Тардье во Франции, Петер Ган или Вольфдитрих Шнурре в Германии, Нильс Ферлин в Швеции или Галчинский в Польше, охотно

пользуются юмором для оживления и обновления поэтического языка. Насколько велики открываемые юмором возможности, видно хотя бы в неистощимой способности творить новые миры Анри Мишо, пожалуй, наиболее влиятельного из поэтов, ныне здравствующих на Западе.

Среди поэтов русского изгнания замечательных результатов в этой области достиг Георгий Иванов в цикле «Rayon de rayonne», иначе и не менее интересно, чем Заболоцкий, используя ресурсы комизма. В своих последних стихах, Ирина Одоевцева тоже приступила к разработке этих возможностей, с большим своеобразием.

Только все это делается лет на 20-30 позже, чем у Заболоцкого. Здесь, как и в беспредметной живописи (Кандинский, Кульбин, Малевич), Россия (и литовцы в лице Чурляниса), опередила Запад на несколько десятилетий.

Если партийное руководство, хотя и не без злобных выпадов официальной критики, еще кое-как стерпело «Столбцы», появление «Торжества Земледелия» стало главной причиной заключения Заболоцкого в концентрационный лагерь. Особенно тяжкая ответственность выпадает на долю известного своей смехотворной бездарностью Безыменского, публично заявившего с трибуны первого съезда писателей СССР: «Поэзия Заболоцкого, *недооцененного как враг...»* (подчеркнуто нами). Эти последние слова показывают, прежде всего, зависть высокопоставленного ничтожества к истинно талантливому поэту.

Можно, конечно, и согласиться с присяжными церберами партийной «критики», что в «Торжестве Земледелия» Заболоцкий ядовито высмеял насильственную коллективизацию, но злободневной сатирой, думается нам, не исчерпывается смысл этого замечательного, многопланового произведения. Автор сумел поднять современную ему действительность до философского обобщения. Возможно, что и до сих пор мы еще не раскрыли всех заложенных в нем мыслей. Тут имеются указания на подлинное миросозерцание поэта, во всей его сложности и глубине.

В первую очередь, поэма — картина столкновения двух миросозерцаний: официального, проводимого солдатом, малограмотно повторяющим партийную политпремудрость, и авторского, выражаемого, не без продиктованных элементарной осторожностью недомолвок, всеми остальными действующими лицами поэмы, людьми, животными и даже духами.

Начинается «Торжество Земледелия» с «беседы о душе». Недоверчивые крестьяне уклончиво отвечают на пошлые выходки

солдата, который, по своим же собственным словам, «никогда не знал молитвы». Пастух признает существование души, а старик даже утверждает, что он ее видел. Отвечая, солдат угрожает: «ты, старик, возьми назад свои слова». Для него душа только: «частицы фосфора маячат, из могилы испаряясь». И он заканчивает: «Видите, как все это просто?»

Но слушатели умнее солдата и для них «все это» не так «просто» — «крестьяне сумрачно замолкли, подбородки стали круче».

Животные тоже обсуждают вопрос о душе. Вместо крестьян, солдату отвечают бесплотные духи предков. В начале он держится с ними самоуверенно:

Предки, как же? Ваша глупость
Невозможна. Хуже смерти!
Ваша правда обернулась
В косных неучей усердье.

Но в конце разговора у него остается любимый аргумент «родной» компартии: «Прочь! Молчать! Довольно! Или расстреляю всех на месте!». Поэма заканчивается апофеозом науки. Автор проводит границу между карикатурным наукообразием партии и прозрениями в некое таинственное царство будущего, чем-то близкое Хлебниковскому «Ладомиру»: «Один старик, сидя в овраге, объясняет философию собаке». Это — намек на братство всех живых существ, глубоко укорененное в сознании русского народа. Даже пошляк и насильник-солдат преображается. Его мысли об осле:

Рассудка слабое растенье
В его животной голове
Сияло, как произведенье,
По виду близкое к траве... —

странно близки к символам эзотерических учений.

Зато в изображении официальной псевдо-научной нелепицы, автор доходит до издевательства:

Корова в формулах и лентах,
Пекла пирог из элементов,
И перед нею в банке рос
Большой химический овес...

После «Торжества Земледелия» Заболоцкий был вынужден отказаться от созданного им гиперболического гротеска. Власть подрубила под корень его дальнейшее творческое развитие, ему грозило соцреалистическое вырождение, для преодоления которого, не нашлось сил почти ни у кого из подсоветских поэтов. Но у Заболоцкого силы эти нашлись. Снижение, и притом значительное, — как и у Пастернака — несомненно произошло. До конца своих дней ничего равного по силе и новизне первым своим произведениям, Заболоцкий уже не написал.

Тем не менее, после выхода из лагерей его поэзия осталась чрезвычайно значительной, особенно рядом с производством придворных подхалимов, вроде Прокофьева или Суркова, а также и изуродованной соцреализмом молодежи.

Впервые его новая манера проявилась во «Второй Книге» стихов (1937), в стиле которой еще сохранились остатки его прежней манеры, старательно очищенные от малейшего намека на иронию. Он пользуется разговорным языком и тривиальностью только для контраста с высокопарностью, Так, например, затасканнейшее «Осенние листья устлали землю» оживает в соприкосновении с нарочито неуместным применением научного оборота речи: «осенних листьев *ссохлось вещество* и землю всю устлало». В том же роде: «Мчится ветер к нам, рубаху дерева сгибая пополам». Таким образом, в пейзажной лирике поэт достигает своеобразной рельефности. Вот как он изображает озеро:

В венце из кувшинок, в уборе осок,
В сухом ожерелье растительных дудок
Лежал целомудренной влаги кусок,
Убежище рыб и пристанище уток.

Но и эти остатки былого великолепия почти исчезают после возвращения из лагерей. Все-таки поэту удалось в некоторой мере обновиться. Ущемленный в творческой свободе, он углубился в себя, в свои коллективно-исторические корни и сумел, в традиции русской пейзажной и гуманистической литературы XIX века, стать достойным продолжателем Тютчева, Гоголя и Достоевского.

«Перековка» в угодном начальству направлении не состоялась. Произошло глубинное перерождение творческого облика поэта — метаморфоза, чуть ли не единственная в истории мировой литературы. Новый Заболоцкий — красочный, обостренно чуткий к русской природе и к человеческому страданию, внешне имеет мало общего с прежним.

Репрессии изменили только манеру его письма, а не внутреннее содержание. Он стал осторожнее в изложении своих мыслей. Его вера в бессмертие выросла и окрепла, хотя он не решался говорить о ней открыто. В издании 1937 г. «Утренняя песня» кончается строчками: «И понял я в то золотое утро, что смерти нет и наша жизнь бессмертна». А после пребывания в лагерях, он вторую из этих строк переделал: «Что счастье человечества бессмертно». Слабость второго варианта очевидна. Ясно, что автор вынужден был согласиться на него под давлением начальства.

Но все же намеки на бессмертие встречаются у него и в других местах: «Я умирал не раз. О, сколько мертвых тел я отделил от собственного тела». И еще: «Безмолвный мрак могил — томление пустое. Я жизнь мою прожил, я не видал покоя: покоя в мире нет. Повсюду жизнь и я». И еще:

В который ты раз мне твердишь, потаскуха,
Что здесь, на пороге всеобщего тленья,
Не место бессмертным иллюзиям духа,
Что жизнь продолжается только мгновенье!
Вот так я тебе и поверил!..

Поэма «Лодейников» осталась незаконченной. Во всяком случае, до нас она дошла только в отрывках. Ее герой — alter ego автора: «В душе моей сраженье природы, зренья и науки». Его глаз — глаз одухотворенного и облагороженного близостью высших ценностей естествоиспытателя:

И то был бой травы, растений молчаливый бой.
Одни, вытягиваясь жирною трубой
И распустив листы, других собою мяли,
И напряженные их сочлененья выделяли
Густую слизь. Другие лезли в щель
Между чужих листов. А третьи, как в постель,
Ложились на соседа и тянули
Его назад, чтоб выбился из сил...

За последние десять лет жизни Заболоцкого замечается некоторый переход от письма к пению.

Державин — «пел». Для Пушкина и Лермонтова поэзия была, в первую очередь, «звуками». Но по мере отхода в прошлое псевдоклассических муз и лир, поэты свыкаются с процессом писания, не

только в прямом, но и в переносном смысле слова. Ведь Державин-то пел уже с пером в руках. Но оно было для него только печальной необходимостью. Современный же поэт говорит и пишет с нарочитой подчеркнутостью. В противовес поэтам «говорящим» (Маяковский) появилась культура поэтической каллиграфии (Хлебников, Слуцкий). Процесс писания содействует спокойному вынашиванию поэтического плода, его органическому росту из бумажных пеленок; он открывает также больший простор сознательному ремеслу, Футуризм и был здоровой реакцией писательства на чрезмерное увлечение символистов верленовской напевностью.

Почти вся налично существующая поэзия состоит из слияния или из борьбы этих двух начал: звука и образа. Как ученик футуриста Хлебникова, Заболоцкий начал с письма, уделяя звуку сравнительно мало внимания.

Но со временем, рост звука укрепился у него в ущерб зрительной убедительности образа, красочность стала тускнеть. Например, при описании полета журавлей, «вытянув серебряные крылья через весь широкий небосвод», обилие «р», конечно, усиливает также и зрительную силу этих строк, но в общем, изобразительные средства Заболоцкого теряют свою прежнюю яркость и новизну, мало чем отличаясь от добросовестной поэтической работы какого-нибудь Николая Брауна или Виссариона Саянова: «Лиловые тени берез», «ночь брильянтовой чашей горит», или «Перепонки красных лапок ставят утки на песок».

Правда, музыкальное начало внесло в поэзию Заболоцкого некую, прежде не бывшую, словесную магию, которая, возможно, явила бы нам еще одно новое лицо его поэзии, не успевшее вырисоваться из-за его преждевременной кончины. Но кое-какие ее зародыши уже есть в его поздних стихотворениях:

Сквозь летние сумерки парка
По краю искусственных вод
Красавица дева, дикарка —
Высокая лебедь плывет.
Плывет белоснежное диво,
Животное, полное грез...

Появилась у него также магия античной мифологии: «И стон Персефоны, и пенье сирен, и звон боевого весла»... все это не из области зрительных средств изображения. Это — средства, взятые из какого-то другого регистра, по-иному, хотя и не менее могущественного, чем зрение.

Как и Хлебников, в последние годы жизни Заболоцкий все больше приближался к специфически русскому классицизму лирического восприятия родной природы. Эта линия, от Державина и Пушкина, через Тютчева, Тургенева и Фета, даже через Чайковского и Левитана, идет к Паустовскому и к пейзажистам послевоенного советского поколения (Островой, Яшин, Дудин, Шубин и др.) и даже к лучшим представителям «четвертого» поколения — к Цыбину или к Сосноре.

В очарованье русского пейзажа
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого, и даже
Не каждому художнику видна.

Кроме того, после войны и особенно после смерти Сталина, к созерцанию природы прибавилось созерцание того, что я бы назвал «человеческим пейзажем». Это — новый жанр, впервые в русской поэзии созданный Заболоцким.

Влияние Некрасова на появление этих стихов кажется нам сомнительным. Достаточно простого стилистического анализа для того, чтобы убедиться, что у этих двух поэтов нет ничего общего. К тому же Некрасов нисколько не интересовался человеком, сложностью и противоречивостью его бытия и судьбы. Для него человек — примерная, легко заменимая политическая единица, получаемый путем обобщения многих особей «тип». В человеке Некрасов искал исключительно то общее, что получается именно после отстранения всех неповторимо-личных черт его характера, его единственности, Некрасову ненужной. Каждая его бытовая картина — частный случай для иллюстрации того или иного теоретического положения, дедуктивно приглашающий читателя сделать желаемые для автора политические выводы.

Все же остальное в человеке, т. е. как раз человеческая личность, Некрасова не интересовало. Например, в «Маше» главное — доказать, что честным трудом невозможно хорошо зарабатывать

на государственной службе; в «Огороднике» — что не под стать крестьянскому парню водить любовь с помещичьей дочкой; в «Секрете» — что нечестно заработанные деньги впрок не идут. «Филантроп» говорит о неспособности вельможи понять горе «маленького человека» и т. д., и т. д., и т. д. Все это — с геометрической правильностью вычерченные теоремы, приводящие к определенному заключению. Все они — «с нравоучением», как басни Крылова, хотя и прикрытые стыдливо фиговым листком толстого намека.

Некрасов любил не человека, а свои политические пристрастия.

Ничего подобного у Заболоцкого нет. Политическая сухая черствость Некрасова ему не свойственна. В его человеческих пейзажах мастерство достигло предельной простоты и законченности, не всегда отличающих творчество, мало свойственных Некрасову, нередко фельетонно неряшливому. Жалость к человеку, главным образом, к падшему и к неудачнику, отвергнутому жизнью, скорее напоминает Достоевского. Каждое из этих стихотворений сгущает в немногих строках повесть о судьбе человеческой, единственной в своем роде. Вот преданная жена графомана, не замечающего ее жертвы:

О чем ты скребешь на бумаге?
Зачем ты так вечно сердит?
Что ищешь, копаясь во мраке
Своих неудач и обид?

Вот физически хрупкий поэт: «юноша с седою головой... щурит он глаза свои косые...» Вот неудачник, бродящий на окраине села:

Поистратил ты разум недюжинный
Для каких-то бессмысленных дел.
Образ той, что сияла жемчужиной,
Потускнел, побледнел, отлетел...

В толпе играющих детей взгляд поэта остановился на некрасивой девочке, которая «напоминает лягушонка»:

И не хочу я думать, наблюдая,
Что будет день, когда она, рыдая,

Увидит с ужасом, что посреди подруг
Она всего лишь бедная дурнушка.

Лицо человека для Заболоцкого — целый мир, прекрасный или отвратительный:

Есть лица — подобия жалких лачуг,
Где варится печень и мокнет сычуг,

Иные холодные, мертвые лица
Закрыты решетками, словно темница.
Другие — как башни, в которых давно
Никто не живет и не смотрит в окно.

Незначительная на первый взгляд, но характерная подробность открывает порою жуткие бездны обыденщины. Так, в упомянутом стихотворении о жене графомана, — вся безысходность этой семьи выражена в двух строках: «В зеленую рюмку микстуру ему наливает жена». Иной раз скупое пейзажное обрамление изображаемого лица говорит больше о нем и об его судьбе, чем пространнейшие объяснения: «Здесь под сенью дряхлеющих ветел, из которых любая — калека».

Но наиболее обездолены — мертвые. Им посвящено «Прощание с друзьями». Изображение их посмертной обители — одна из вершин поздней манеры Заболоцкого. В ней соединяется невесомая прозрачность его зрелости со смелостью его ранних стихов:

Там на ином, невнятном языке
Поет синклит беззвучных насекомых,
Там с маленьким фонариком в руке
Жук-человек приветствует знакомых...

В страшном поединке поэта с партией победил поэт. Его чудесное перерождение — залог неистощимых жизненных сил русского народа. Под их напором травой зарастут твердыни неистовствующей власти и, заржавев, распадутся, чтобы послужить питани-

ем будущей здоровой и свободной России. В этом исторический смысл горькой судьбы и замечательного творчества Николая Заболоцкого.

Э. Райс

Париж, 20-27 ноября 1963 г.

АВТОБИОГРАФИЯ

Мой дед, крестьянин б. Вятской губ., Агафон Яковлевич Заболоцкий, возвратившись на родину после 25-летней николаевской службы, записался в мещане уездного городка (Уржум) и стал служить лесным объездчиком. Моего отца Алексея Агафоновича он определил в Казанское сельскохозяйственное училище, выхлопотав ему казенную стипендию.

Отец был участковым агрономом сначала Казанского, а потом Вятского земства. За сорокалетнюю работу он, кажется, преуспел в своем деле, и с его помощью значительная часть б. Уржумского уезда ликвидировала трехполье еще до революции. После революции отец заведовал совхозами Уржумского района почти до самой смерти. Умер он в 1929 году, шестидесяти пяти лет от роду,

Я родился в 1903 году 24 апреля ст. ст. (7 мая н. ст.) в Казани. В ту пору отец служил агрономом на сельскохозяйственной ферме Казанского земства, в семи км. от города. В 1910 году отец получил место участкового агронома в Уржумском уезде Вятской губ., и семья переехала в с. Сернур этого уезда. Здесь я окончил три класса начальной школы, здесь отложились в моем сознании первоначальные впечатления русской природы, здесь я начал писать стихи. Семилетним ребенком я уже выбрал себе свою будущую профессию.

В 1913 году я был принят в Уржумское реальное училище и с этого времени жил вне семьи, приезжая домой только на каникулы. Мой юношеский мир складывался в годы первой мировой войны в обстановке маленького провинциального городка, расположенного за 180 км. от железной дороги. Меня эта жизнь мало устраивала. Я рвался в центр, к живой жизни, к искусству.

Первые годы революции я встретил 14-15-летним мальчиком. В городе появилось много новой интеллигенции. Были и столичные люди — музыканты, учителя, актеры. Некоторые из них поощряли мои литературные опыты, советовали больше работать, ехать в центр. Намерение сделаться писателем окрепло во мне.

Весной 1920 года я окончил школу и осенью приехал в Москву, где был принят на первый курс Историко-филологического факультета 1-го Московского университета. Однако устроиться в

Москве мне не удалось, и в августе 1921 года я уехал в Ленинград и поступил в Педагогический институт им. Герцена по отделению языка и литературы. Педагогом я быть не собирался и хотел лишь получить литературное образование, необходимое для писательской работы. Жил в студенческом общежитии. Много писал, подражая то Маяковскому, то Блоку, то Есенину. Собственного голоса не находил. Считался способным студентом и одно время даже думал посвятить себя всецело науке. Но привязанность к поэзии оказалась сильнее, и мечты о научной работе были оставлены.

В 1925 году я окончил институт. За моей душой была объемистая тетрадь плохих стихов, мое имущество легко укладывалось в маленькую корзинку. В 1926 году я был призван в армию.

Военную службу я отбывал в Ленинграде, на Выборгской стороне, в команде краткосрочников 59-го стрелкового полка двадцатой пехотной дивизии. Наша большая стенгазета, в редакцию которой я входил, считалась лучшей стенгазетой в округе. В 1927 году я сдал экзамен на командира взвода и был уволен в запас.

По выходе из армии я начал работать в детской литературе (Ленинградское отделение Государственного издательства). За десять лет работы я напечатал ряд стихотворений и рассказов в журналах «Еж», «Чиж», «Пионер», «Костер», а также выпустил несколько отдельных книг для детей. Наиболее существенными из них считаю свои обработки Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» и де-Костера «Тиль Уленшпигель».

Детская литература, однако, не исчерпывала моих интересов, и я продолжал писать лирические стихи. По выходе из армии, я попал в обстановку последних лет нэпа. Хищнический быт всякого рода дельцов и предпринимателей был глубоко чужд и враждебен мне. Сатирическое изображение этого быта стало темой моих стихов 1927-1928 годов, которые впоследствии составили книжку «Столбцы».

В эти годы я уже был членом сначала Ленинградского Союза поэтов, а потом Всероссийского союза писателей. В моих стихах замечали влияние В. Хлебникова. В 1928 году я несколько раз выступал с другими поэтами в Ленинградском Доме печати под флагом «левого искусства». Особых лавров не стяжал, но мои стихи были, по крайней мере, в достаточной мере удобопонятны.

Понемногу я начал печататься на литературных страницах «Ленинградской Правды», в журнале «Звезда». В 1929 году Издательство писателей в Ленинграде выпустило первую книжку моих стихов «Столбцы». В прессе появилось несколько статей и много

рецензий. Наряду с одобрительными отзывами послышались предостерегающие голоса против моего увлечения формальными поисками.

В эти годы (1929-1930) я работал над новой поэмой о коллективизации и колхозном строительстве, в которой пытался показать отживший, собственнический уклад старой деревни и его борьбу с новым. Поэма «Торжество Земледелия» была напечатана в 1933 году в журнале «Звезда». Однако «Правда» подвергла мою поэму жестокой критике, правильно указав, что я не сумел изобразить новых отношений в деревне.

С 1935 по 1938 год я напечатал ряд новых стихов, из которых «Горийская симфония», «Север», «Седов» и другие неоднократно впоследствии перепечатывались и были хорошо встречены критикой. Участвовал в работе пленумов ССП в Минске (1935) и Тбилиси (1937). Был несколько раз в Грузии и переводил грузинских поэтов на русский язык. За перевод Руставели «Витязь в тигровой шкуре» был награжден грамотой ЦИК-а Грузии. Был членом Бюро секции поэтов Ленинградского отделения ССП и проводил общественную работу. В 1937 году выпустил сборник стихов «Вторая Книга», в который вошли стихи 1935-1937 годов.

В 1930 году я женился на Е. В. Клыковой. В 1932 году у нас родился сын Никита, а в 1937 году — дочь Наталья. Все время жил в Ленинграде.

РАННИЕ ГОДЫ

Наши предки происходят из крестьян деревни Красная Гора Уржумского уезда Вятской губернии. Деревня расположена на высоком берегу реки Вятки, рядом с городищем, где, по преданию, было укрепление ушкуйников, пришедших в старые времена из Новгорода или Пскова. Возможно, что и наши предки приходятся сродни этим своевольным колонизаторам Вятского края.

Прадедом моим был некий Яков, крестьянин, а дедом — сын его Агафон, личность, как мне представляется, во многих отношениях незаурядная. Высокого роста, косая сажень в плечах, он до кончины своей был физически необычайно силен, гнул в трубку медные екатерининские пятаки и в то же время отличался большим простодушием и доверчивостью к людям. В николаевские времена он 25 лет прослужил на военной службе, отбился от крестьянства и, выйдя в отставку, записался в уржумские мещане. Работал он где-то в лесничестве лесным объездчиком. Когда в Крымскую войну разнесся слух о бедствиях русской армии, дед мой стал во главе дружины добровольцев и повел ее пешком через всю Россию на выручку Севастополя. Вернули его откуда-то из-под Курска; Севастополь пал, не дождавшись своего нового защитника.

Сам я деда не помню, но зато хорошо помню его жену, мою бабку, тихую безропотную старушку, которую дед держал в страхе Божьем. На фотографиях рядом с дедом она выглядит весьма слабым и смиренным созданием. Не думаю, что жизнь ее с супругом была особенно сладкой. Деда она пережила: Агафон умер еще в крепких летах от апоплексического удара.

Одного из двух своих сыновей, моего отца Алексея Агафоновича, дед умудрился обучить в Казанском сельскохозяйственном училище на казенную стипендию. Отец стал агрономом, человеком умственного труда, — первый в длинном ряду своих предков-земледельцев. По своему воспитанию, нраву и характеру работы он стоял где-то на полпути между крестьянином и тогдашней интеллигенцией. Не столь теоретик, сколь убежденный практик, он около 40 лет проработал с крестьянами, разъезжая по полям своего

участка, чуть ли не треть уезда перевел с трехполья на многополье и уже в советское время шестидесятилетим стариком был чествуем как герой труда, о чем и до сих пор в моих бумагах хранится немудрая уездная грамота.

Отцу были свойственны многие черты старозаветной патриархальности, которые каким-то странным образом уживались в нем с его наукой и с его борьбой против земледельческой косности крестьянства. Высокий, видный собой, с красивой черной шевелюрой, он носил свою светло-рыжую бороду на два клина, ходил в поддевке и русских сапогах, был умеренно религиозен, науки почитал, в высокие дела мира сего предпочитал не вмешиваться и жил интересами своей непосредственной работы и заботами своего многочисленного семейства.

Семью он старался держать в строгости, руководствуясь, вероятно, взглядами, унаследованными с детства, но уже и среда была не та, времена были другие. Женился он поздно, в сорокалетнем возрасте, и взял себе в жены школьную учительницу из уездного города Нолинска, мою будущую мать, — девушку, сочувствующую революционным идеям своего времени. Брак родителей был неудачен во всех отношениях. Трудно представить себе, что толкнуло друг к другу этих людей, столь различных по воспитанию и складу характера. Семейные раздоры были обычными картинами моего детства.

Я был первым ребенком в семье и родился в 1903 году 24 апреля под Казанью, на ферме, где отец служил агрономом. Когда мне было лет шесть, у отца случилась какая-то служебная неприятность, в результате которой мы переехали сначала в село Кукмор, а потом в Вятскую губернию. Это был мрачный период в жизни отца: некоторое время он был без работы, в Кукморе служил даже не по специальности — страховым агентом — и выпивал с горя. Впрочем, период этот длился недолго: в 1910 году мы перебрались в родной отцу Уржумский уезд, где отец снова получил место агронома в селе Сернур.

Село было небольшое: площадь с церковью, волостным правлением и домами причта и две длинные улицы, примыкающие к ней с двух концов: Нурбель и Низовка. Под прямым углом к этим улицам к площади примыкали две короткие улочки: на одной была сельская школа, а на другой — больница. Недалеко от школы поселились и мы в длинном бревенчатом доме, разделенном перегородками на отдельные комнаты-клетушки.

Удивительные были места в этом Сернуре и его окрестностях! Помнится мне Епифаниевская ферма — поместье какого-то старозаветного богатея-священника — черный дряхлый дом из столетних бревен, величественный огромный сад, пруды, заросшие ивами, и бесконечные угодья: луга и рощи. Мои первые неизгладимые впечатления природы связаны с этими местами. Вдоволь наслушался я там соловьев, вдоволь насмотрелся закатов и всей целомудренной прелести растительного мира. Свою сознательную жизнь я почти полностью прожил в больших городах, но чудесная природа Сернура никогда не умирала в моей душе и отобразилась во многих моих стихотворениях.

А человеческая жизнь вокруг была такая скудная! Особенно бедствовали марийцы — исконные жители этого края. Нищета, голод, трахома сживали их со свету. Купеческое сословие, дома священников — они стояли как-то в стороне от нашей семьи: по скудости средств отец не мог да и не хотел стоять на равной ноге с ними. Мы, дети, однако ж, знались между собою, у нас были общие интересы, игры. В 1912 году, когда повсюду праздновалось столетие наполеоновской войны, мы, мальчишки, бредили Кутузовым, Багратионом, Платовым и знали, как свои пять пальцев, всех героев двенадцатого года. Увешанные бумажными орденами, деревянными саблями, мы с пиками наперевес носились по окрестным садам и вели ожесточенные бои с зарослями крапивы, которая изображала собой воинство Бонапарта. Я неизменно был атаманом казачьих войск Платовым и никогда не соглашался на более почетные роли, ибо Платов представлялся мне образцом российского геройства, удали и молодечества.

В начальной школе я учился старательно. Но школа была бедная и скудная, ученики — крестьянские мальчики, и среди них — много марийцев, изнуренных нуждою. Священник о. Сергий бивал нас линейкой по рукам и ставил на горох в угол. Однажды зимой, в лютый мороз, в село принесли чудотворную икону, и мой товарищ, марийский мальчик Ваня Мамаев, в худой своей одежонке с утра до ночи ходил с монахами по домам, таская церковный фонарь на длинной палке. Бедняга замерз до полусмерти, измучился и получил в награду лаковую картинку с изображением Николая Чудотворца. Я завидовал его счастью самой черной завистью.

Уржум, ближайший уездный город, был в 60 верстах от нашего села. В Уржуме было реальное училище, отлично оборудованное в новом корпусе, построенном на средства местного зем-

ства — одного из передовых земств тогдашней России. В 1913 году, десятилетним мальчиком, я сдавал туда вступительные экзамены. Экзамены шли в огромном зале. Перед стеклянной дверью в этот зал толпились и волновались родители. Когда мать провела меня в это святилище науки, я слышал, как кто-то сказал в толпе: «Ну, этот сдаст. Смотрите, лоб-то какой обширный!» И действительно, сначала все шло благополучно. Я хорошо отвечал по устным предметам — русскому языку, Закону Божьему, арифметике. Но письменная арифметика подвела: в задачке я что-то напутал, долго бился, отчаялся и, каюсь, малодушно всплакнул, сидя на своей парте. К счастью, в мой листочек заглянул подошедший сзади учитель и, усмехнувшись, ткнул пальцем куда следовало. Я увидел ошибку, и задача решилась. В списке принятых оказалась и моя фамилия.

Это было великое несказанное счастье! Мой мир раздвинулся до громадных пределов, ибо крохотный Уржум представлялся моему взору колоссальным городом, полным всяких чудес. Как была прекрасна эта Большая улица с великолепным красного кирпича собором! Как пленительны были звуки рояля, доносившиеся из открытых окон купеческого дома, — звуки, еще никогда в жизни не слыханные мною! А Городской сад с оркестром, а городовые по углам, а магазины, полные необычайно дорогих и прекрасных вещей! А эти милые гимназисточки в коричневых платьицах с белыми передничками, красавицы — все как одна! — на которых я боялся поднять глаза, смущаясь и робея перед лицом их нежной прелести! Недаром вот уже три года, как я писал стихи, и, читая поэтов, понабрался у них всякой всячины!

У моего отца была библиотека — книжный шкаф, наполненный книгами. С 1900 года отец выписывал «Ниву», и понемногу из приложений к этому журналу у него составилось порядочное собрание русской классики, которое он старательно переплетал и приумножал случайными покупками. Этот отцовский шкаф с раннего детства стал моим любимым наставником и воспитателем. За стеклянной его дверцей, наклеенное на картоночку, виднелось наставление, вырезанное отцом из календаря. Я сотни раз читал его и теперь, сорок пять лет спустя, дословно помню его немудреное содержание. Наставление гласило: «Милый друг! Люби и уважай книги. Книги — плод ума человеческого. Береги их. Не рви и не пачкай. Написать книгу нелегко. Для многих книги — все равно что хлеб».

Сам-то отец, говоря по правде, не так уж часто заглядывал

в свой шкаф, он скорее уважал его, чем любил, однако, детская душа восприняла его календарную премудрость со всей пылкостью и непосредственностью детства. К тому же каждая книга, прочитанная мной, убеждала меня в правильности этого наставления. Здесь, около книжного шкафа с его календарной панацеей, я навсегда выбрал себе профессию и стал писателем, сам еще не вполне понимая смысл этого большого для меня события.

И вот, я — реалист. На мне великолепная черного сукна фуражка с лаковым козырьком, блестящим гербом и желтыми кантами. Я одет в черную, с теми же кантами шинель, и пуговицы мои золотого цвета. Однако парадная форма положена нам голубая, и потому нас, реалистов, дразнят «Яичница с луком!» Но кто дразнит? Ученики какого-то Городского училища. Это — от зависти. Зависть же оттого, что в городе одна единственная женская гимназия, а мужских училищ два — реальное и городское. Мы как кавалеры без особенного усилия забиваем их, городских. Отсюда наши вековечные распри.

Иной раз эти распри принимают серьезный оборот. В городе существует заброшенное Митрофаниевское кладбище — место свиданий и любовных встреч. Бывают вечера, когда по незримому телеграфу передается весть: «Наших бьют!» Тогда все реалисты наперекор всем установлениям и правопорядкам устремляются к Митрофанию и вступают в бой с городскими. Орудиями боя чаще всего служат кожаные форменные ремни, обернутые вокруг ладони. Медная бляха, направленная ребром на противника, действует, как булава, и может натворить немало бед. Почти всегда победителями выходим мы, реалисты, но кое-когда достается и нам, если мы проморгаем нужное время.

Но так тяжко вдали от дома! Я устроен «на хлеб» к хозяйке Таисии Алексеевне. Вместе со мной в комнате живет еще один мальчик. Нас кормят, нам стирают белье, за нами приглядывают, и все это стоит нашим отцам недешево — по тринадцати рублей с брата в месяц. Наш надзиратель «Бобка», а то и сам инспектор могут нагрянуть к нам в любой вечер: после семи часов вечера мы не имеем права появляться на улице. Но где же набраться силы, чтобы выполнять это предписание? Здесь, в этом великолепном городе, действует кинематограф «Фурор», а там идут картины с участием Веры Холодной и несравненного Мозжухина! Приходится идти на то, что старшие наряжают меня девчонкой и тащат с собой на очередной киносеанс. Все как-то сходило с рук, но однажды мы попались: в наше отсутствие явился на квартиру инс-

пектор и устроил скандал. К счастью, в этот вечер горела городская лесопилка, и мы отговорились тем, что были на пожаре. В кондуит мы все же попали, но это было полбеды.

Реальное училище было великолепно. Каждое утро, раздевшись внизу, я, придерживая рукой ранец, поднимался по двум пролетам лестницы и в трех шагах от инспектора щелкал каблуками, кланялся и старался прошмыгнуть дальше. Но это не всегда удавалось. Образец педантизма, немец-инспектор Силяндер был неумолимо строг. Заметив несвеже начищенные ботинки, он отсылал нерадивого вниз, где под лестницей стояла скамья со щетками и ваксой. Там надлежало привести обувь в порядок и процедуру представления повторить снова. В перемену, когда мы беззаботно бегали по коридору или гуляли по залу, к нам мог подойти надзиратель, расстегнуть воротник блузы и проверить белье. И горе тому, у кого белье было цветное или недостаточно чистое — неряха попадал в кондуит или получал строгий выговор от начальства. Так школа приучала нас следить за собой, и это было необходимо, так как состав учеников у нас был пестрый: были тут дети городской интеллигенции, и дети чиновников, и дети купцов, и много крестьянских детей. Жизненные навыки у нас были в одно и то же время и разнообразны, и недостаточны.

Наш учебный день начинался в актовом зале общей молитвой. Здесь, на передней стене, к которой мы становились лицом, висел большой, до самого потолка, парадный портрет царя в золотой раме. Царь был изображен в мантии и во всех регалиях. Классы выстраивались в установленном порядке, но из них выделялся хор, который становился с левой стороны. Когда все приходило в порядок и учителя, одетые в мундиры, занимали свои места, в зале появлялся директор, и молитва начиналась. Сначала какой-нибудь младенец-новичок читал «Царю Небесный!», потом пели, потом отец Михаил, наш законоучитель, вечно страдающий флюсом, жидким тенорком читал главу из Евангелия, и все это заканчивалось пением гимна «Боже, царя храни». Затем мы с облегчением разбегались по классам.

Оборудование школы было не только хорошо, но сделало бы честь любому столичному училищу. Впоследствии, будучи ленинградским студентом, я давал пробные уроки в некоторых школах Ленинграда, но ни одна из них не шла в сравнение с нашим реальным училищем, расположенным в 180 километрах от железной дороги. У нас были большие, чистые и светлые классы, отличные кабинеты и аудитории по физике и химии, где скамьи располага-

лись амфитеатром и нам отовсюду были видны те опыты, которые демонстрировал учитель. Особенно великолепен был класс для рисования. Это тоже был амфитеатр, где каждый из нас имел отдельный мольберт. Вокруг стояли статуи — копии античных скульптур. Рисование вместе с математикой считались у нас важнейшими предметами, нас обучали владеть и карандашом, и акварелью, и маслом. У нас были свои местные художники-знаменитости, и, вообще, живопись была предметом всеобщего увлечения. Хорош был также гимнастический зал с его оборудованием: турником, кожаной кобылой, параллельными брусьями, канатами и шестами. На праздниках «сокольской» гимнастики мы выступали в специальных рубашках с трехцветными поясами, и любоваться нашими выступлениями приходил весь город.

Круг учителей был пестрый. Общей нашей любовью стал Владислав Павлович Спасский, учитель истории, еще молодой тогда человек. В то время, когда прочие учителя ходили в форменных сюртуках, он почему-то носил пиджак, правда с теми же лацканами и пуговицами. С принятыми у нас учебниками Иванова он считался мало, основными движущими силами истории считал материальное бытие человечества и по основным вопросам давал свои формулировки, которые заставлял записывать в тетрадь, и требовал от нас хорошего их понимания. Никакие ссылки на учебник не помогали иному лентяю в его ответах — уделом его была неизменная двойка в дневнике. Это обстоятельство долгое время обескураживало нас, но со временем мы поняли, что Спасский — человек самостоятельной мысли, и это обстоятельство необычайно подняло его авторитет в наших глазах. В жизни он был мало разговорчив, сосредоточен, и никогда не был с нами запанибрата. Мы уважали его и гордились тем, что он был нашим классным наставником с первого класса.

Учитель естествоведения был высок, кривоват на один глаз, но преподавал увлекательно, был любитель посмеяться, и перед каникулами часто читал нам Чехова, причем читал так уморительно и так заразительно смеялся сам, что мы всем классом, конечно, дружно вторили ему. Это был хороший, дружелюбно настроенный к нам и прогрессивный человек, как то показало его поведение после революции.

Федор Логинович Логинов, учитель рисования, красавец-мужчина, кумир уездных дам, пользовался нашей любовью именно потому, что преподавал любезное нашему сердцу рисование, а также

потому, что имел порядочный баритон и недурно пел на наших концертах.

Безусловное влияние имела на нас учительница немецкого языка Эльза Густавовна, по мужу Сушкова. В своем синем форменном платье, педантично аккуратная и в то же время моложавая и миловидная, она была с нами настойчива и трудолюбива. Часто на переменах мы слышали, как она беседует по-немецки с инспектором, и этот свободный иноязычный разговор на нас, провинциальных мальчуганов, производил большое впечатление.

Зато всем классом, дружно, как по уговору, мы ненавидели нашу француженку Елизавету Осиповну Вейль. Это была низенькая, чопорная, в седых аккуратных буклях старая дева, и во всех ее манерах было что-то такое, что нам, маленьким медвежатам, казалось глубоко чуждым и враждебным. Она почему-то ходила с тростью и часто гуляла по городу со своей отвратительной болонкой. С классом у нее не было общего языка, она была придирчива и нажила себе среди нас немало врагов. В первом же классе мы однажды устроили на ее уроке целое представление. Старая дева имела привычку довольно часто чихать. Чихнув, она величественно открывала свой ридикюль, вынимала платочек, и мы были обязаны сказать ей хором: «А вотр сантэ!»

Пашка Коршунов принес в класс нюхательного табаку и в перемену перед французским языком, покуда мы все развлекались в зале, рассыпал табак по партам, причем изрядное количество его попало и на учительскую кафедру. Начался урок. Все шло по заведенному порядку, уже было выяснено, какое «ожурдюи» число и кто из учеников «абсан», как вдруг учительница вынула платок и чихнула.

— А вотр сантэ, — сказали мы, и занятия продолжались.

Но вот француженка чихнула во второй раз, в третий и четвертый раз.

— А вотр сантэ! А вотр сантэ! — отвечали мы.

И вдруг и справа и слева послышались чиханья, сперва легкие и короткие, потом все более ожесточенные и наконец превратившиеся в сплошное безобразие. Старушка же, закрывшись платочком, чихала непрерывно, слезы ручьями текли по ее лицу, и класс, сам изнемогая от нестерпимого зуда в носу и глотке, кричал, захлебываясь:

— А вотр сантэ, а вотр сантэ, мадемуазель!

Кончилось дело тем, что француженка выбежала за дверь и Пашка Коршунов в одну минуту замел все следы своего преступле-

ния. Явился инспектор. После уроков мы два часа простояли на ногах всем классом. Пашку Коршунова мы не выдали.

В первые дни революции, когда я учился в четвертом классе, в квартире француженки были выбиты камнями все окна, и с тех пор она исчезла с нашего горизонта. Нечего говорить о том, что по-французски мы были «ни в зуб ногой».

Мальчишеских дурачеств было достаточно, но любопытно, что проявлялись они лишь в отношении немногих, особенно нелюбимых нами учителей. Однажды нам, наблюдательным бесенятам, показалось, и может быть, не без некоторого основания, что Спасский и немка неравнодушны друг к другу. Тотчас на классной доске появилась огромная надпись мелом: «В. П. = Э. Г.», т. е. Владислав Павлович равняется Эльзе Густавовне. Немка, увидев эту надпись, покраснела и поспешно вышла из класса. Но едва в класс вошел Спасский и увидал наше произведение, он спокойно сел за кафедру и обычным голосом сказал:

— Дежурный, сотрите с доски.

Это было сказано так ровно, спокойно и твердо, что класс сразу понял: тут шутить нельзя. И шутка больше не повторялась.

Батюшку, отца Михаила, мы не ставили ни во что. Это был удивительный неудачник, ни в ком не вызывающий сожаления. Когда-то он кончил юридический факультет университета, но потом по убеждениям принял духовный сан. Со своим вечным флюсом, с багрово-сизым носом, с бабьим тенорком и мочальными волосиками, он производил жалкое впечатление. Жена ему ежегодно рожала по очередному младенцу, и это тоже смешило нас. Однажды наши озорники прибили ему калоши гвоздями к полу, так что батюшка, надевая их, едва не растянулся, и упал бы, если бы не подвернувшийся под руку швейцар Василий. На уроках, ко всеобщей нашей потехе, он повествовал об Ионе во чреве кита и всем ставил или пятерки, или единицы. Уважать его оснований не было.

Остальные учителя были ни то, ни се. Русский язык преподавал Иван Савельевич Баймеков, мариец по национальности, арифметику и алгебру — молодой белобрысый Беляев, — личности, ничем не примечательные. Учителем гимнастики был некто Холодковский, он же надзиратель, он же «Бобка». В нем чувствовалось нечто от старозаветного педеля: с начальством он был угодлив, со старшеклассниками держался запанибрата, и они угощали его папиросами в уборной. Мы, младшие, его вниманием не пользо-

вались, но инстинктивно считали его предателем и не доверяли ему.

Во главе училища стоял директор Богатырев Михаил Федорович. Швейцар Василий, раздевая его внизу, величал его: «Ваше превосходительство». Директор был представителен, красив в своей живописной седине, к тому же он считался незаурядным математиком и великолепным шахматистом. Но он стоял так высоко над нами и так мало общался с младшими классами, что мы долгое время не имели о нем определенного мнения.

Из моих новых товарищей я сразу же подружился с Мишей Ивановым, сыном учительницы женской гимназии. Это был нежный тонкий мальчик с прекрасными темными глазами, впечатлительный, скромный, большой любитель рисования, сразу сделавший большие успехи по этому предмету. Сам же я был в детстве порядочный увалень, мало подвижный, застенчивый, втайне честолюбивый и настороженный. Когда, бывало, мать говорила мне в детстве: «Ты пошел бы погулять, Коля!» — я неизменно отвечал ей: «Нет, я лучше посижу». И сидел один в молчании, и мне нисколько не было скучно, и голова моя была, очевидно, занята какими-то важными размышлениями. С нервным и хрупким Мишей Ивановым нас сблизила, как видно, противоположность темперамента при общем сходстве интересов: мы оба были поклонниками искусства. Наша дружба была верной и прочной за все время нашего ученичества. Мы поверяли друг другу самые интимные свои тайны, делились самыми смелыми своими надеждами. А их было уже немало в те ранние наши годы!

Оба мы были влюблены — постоянно и безусловно. Разница была лишь в том, что Миша никогда не изменял в своих мечтах юной и прелестной Ниночке Перельман, мои же предметы менялись почти еженедельно. Уж если говорить по правде, то еще в Сернуре я был безнадежно влюблен в свою маленькую соседку Еню Баранову. Ее полное имя было Евгения, но все, по домашней привычке, звали ее почему-то Еня, а не Женя. У Ени были красивые серые глаза, которые своей чистой округлостью заставляли вспоминать о ее фамилии, но это придавало ей лишь особую прелесть. После долгих мучительных колебаний я однажды совершенно неожиданно сказал ей басом: «Я люблю вас, Еня!» Еня с недоумением и полным непониманием происходящего подняла на меня свои чистые бараньи глазки, и, увидав их, я побагровел от стыда, повернулся и ударился в малодушное бегство. Через несколько дней после этого события нас отвезли в Уржум

и отдали меня в реальное училище, а ее — в гимназию. И надо же было так случиться, что ежедневно утром, по дороге в школу, мы непременно встречались с нею, и она смотрела на меня так вопросительно, так недоумевающе... Я же, надувшись, едва кланялся ей: этим способом я, несчастный, мстил ей за свое невыразимое позорище.

Потом появилась у меня другая любовь — бледная, как лилия, дочка немца-провизора Рита Витман. В своей круглой гимназической шапочке со значком, загадочная и молчаливая, она была, безусловно, воплощением совершенства, но объясниться с нею я уже не мог, и она никогда не узнала о том, как мечтал о ней этот краснощекий реалистик, какие пламенные стихи посвящал он ее красоте!

Вслед за Ритой Витман появились у меня и другие предметы воздыхания, среди них — курносая и разбитная Нина Пантюхина. С этой девицей был у меня хотя и недлинный, но деятельный роман. В начале мировой войны мы собирали пожертвования в пользу раненых воинов. Ходили по домам парами: реалист и гимназистка. Реалист носил кружку для денег, гимназистка — щиток с металлическими жетонами, которые прикалывались на грудь жертвователям. Во всем этом деле моей неизменной дамой была Нина. И на каждой лестнице, прежде чем дернуть за ручку звонка, мы, да простит нас Господь-Бог, целовались с удовольствием и увлечением. Таким образом я мало-помалу начинал постигать искусство любви, в то время как мой бедный друг Миша Иванов кротко и безнадежно мечтал о своей красавице и не дерзал даже близко подходить к ней!

Роман Миши Иванова с Ниной Перельман кончился трагически. Были в нашем классе два оболтуса — Митька Окунев и Петька Ливанов. Эти великовозрастные парни, аккуратные второгодники, сидели рядом на камчатке и были воплощением всех пороков, доступных нашему воображению. Они не учили уроков, дерзили учителям, курили, немилосердно угнетали нас щелчками, пинками и подзатыльниками. Ливанов имел при этом необычайно выдающийся кадык и пел в хоре басом. Огненно-рыжий, весь в веснушках, Митька Окунев был удалец по дамской части. Когда после исчезновения француженки Вейль на ее место была назначена новая учительница — великолепная с пышными формами шатенка, Митька Окунев, будучи вызван к ответу, принимал фатоватую позу ловеласа и молча упирался своими наглыми глазищами в эту новоприбывшую красавицу. И весь

класс, замирая, видел, как лицо ее начинало покрываться багровым румянцем. Она краснела вся, до самых ушей, даже шея ее краснела, на глазах ее появлялись слезы, и, наконец, захлопнув журнал, она убегала из класса... Товарищ этого молодца — Петька Ливанов — в последние годы нашего ученичества соблазнил бедняжку Нину Перельман и бросил ее, а Миша Иванов, неизменный и молчаливый ее поклонник, сошел с ума в Москве, куда он уехал поступать в художественное училище. Через несколько лет он умер в Уржуме, у своих родных...

Маленький захолустный Уржум впоследствии прославился как родина С. М. Кирова. В мое время это был обычный мещанский городок, окруженный морем полей и лесов северо-восточной части России. Были в нем два мизерных заводика — кожевенный и спиртоводочный, в семи верстах — пристань на судоходной Вятке. Отцы города — местное купечество — развлекались в «Обществе трезвости», своеобразном городском клубе. Было пять-шесть церквей, театр в виде длинного деревянного барака под названием «Аудитория», земская управа, воинское присутствие, «номера» Потапова и еще кого-то, весьма основательный острог на площади, аптека, казарма местного гарнизона. Гарнизон состоял из роты солдат под командой бравого поручика, кривого на один глаз, но лихого, в перчатках и при шпаге. Существовала пожарная команда с ее выдающимся духовым оркестром. На парадах по царским дням мы имели удовольствие наблюдать все это храброе воинство. Парад принимал настоящий генерал, правда, в отставке, по фамилии Смирнов. Эта еле двигающаяся развалина, одетая в древний мундир, белые штаны и треуголку, с трудом вылезала из собора, воинство брало «на караул», и еле слышный старческий голосок поздравлял его с тезоименитством государя-императора. Воинство гаркало в ответ, неистово подавал команду поручик, пожарники, хлебнув заблаговременно по чарке, взвывали на своих трубах и литаврах, и рота дефилировала к казарме. Толпа торговок, шумя и толкаясь, провожала своих любезных восторженными взглядами и восклицаниями.

Каждую субботу и воскресенье мы обязаны были являться к обедне и всенощной. Мы, реалисты, построенные в ряды, стояли в правом приделе собора, гимназистки в своих белых передничках — в левом. За спиной дежурило начальство, наблюдая за нашим поведением. Дневные службы я не любил: это тоскливое двухчасовое стояние на ногах и притом на виду у

инспектора удручало всю нашу братию. Мудрено было жить божественными мыслями, если каждую минуту можно было ожидать замечания за то, что не крестишься и не кланяешься там, где это положено правилами. Но тихие всенощные в полутемной, мерцающей огоньками церкви невольно располагали к задумчивости и сладкой грусти. Хор был отличный, и когда девичьи голоса пели «Слава в вышних Богу» или «Свете Тихий», слезы подступали к горлу и я по-мальчишески верил во что-то высшее и милосердное, что парит высоко над нами и, наверное, поможет мне добиться настоящего человеческого счастья.

Иногда мы прислуживали в соборе. Одетые в негнущиеся стихари, двое или трое из нас ходили зажигать и тушить свечи перед иконами, помогали в алтаре и потихоньку попивали «теплоту» — разведенное в теплой воде красное вино, которым запивают причастие. Но, будучи служками, мы несли еще и другие, не установленные начальством и совершенно добровольные обязанности. Пачки любовных записок переходили с нашей помощью от реалистов к гимназисткам и обратно в продолжение всей службы. Это дело требовало ловкости и умения, но мы быстро освоились с ним и почти никогда не попадались в лапы начальства.

Большим воскресным событием был еженедельный базар, собиравшийся на площади перед острогом. Сюда съезжались крестьяне со всего уезда. Везли скот, мясо, муку, дрова, пеньку и все то, что можно было вывезти из деревни. Домохозяйки всех рангов с озабоченными и вдохновенными лицами сновали в этой толпе: провизия закупалась на всю неделю, было о чем позаботиться. Бойко работала «монополька». Начиная с полудня, вокруг нее лежали живые трупы, слышался бабий вой, воздух наполнялся смрадом пережженного спирта, песнями и руганью. Не отставало от «монопольки» и «общество трезвости». По крутым его ступенькам посетители зачастую съезжали на спине и лишь с помощью городового могли подняться на собственные конечности.

На фоне этой замкнутой и десятками лет узаконенной жизни резко выделялась и влекла нас к себе другая жизнь, не слишком богатая, но все же заметная и все более растущая. В «Аудитории» регулярно работал и давал свои незамысловатые спектакли любительский драматический кружок. Существовало музыкальное училище, музыка повсюду пользовалась почетом и любовью. В первый год моего ученичества у нас в реальном учи-

лище силами учителей, интеллигенции и старшеклассников ставилась (полностью!) «Аида». Правда, опера шла под аккомпанемент рояля и с помощью местных ограниченных средств — но шла! Концерты давались регулярно то там, то тут. Работали две приличные библиотеки. И впоследствии, в первые годы революции, когда, спасаясь от голода, хлынула к нам из столиц артистическая интеллигенция, она нашла в Уржуме добрую почву для работы, понимание и всеобщее поклонение.

По временам из Сернура приезжал отец и забирал меня к себе в «номера» Потапова. Здесь мы вели роскошную жизнь — лакомились икрой, копченой рыбкой, сыром. Все это были деликатесы, недоступные нам в обычной жизни. На рождественские и пасхальные каникулы отец увозил меня домой, в Сернур.

Чудесные зимние дороги — одно из лучших моих детских воспоминаний. Отец ездил на паре казенных лошадей в крытой повозке или кошевых санях. Он был в тулупе поверх полушубка, в огромных валенках — настоящий богатырь-бородач. Соответственным образом одевали и меня. Усевшись в повозку, мы покрывали ноги меховым одеялом и уже не могли под тяжестью одежды двинуть ни рукой, ни ногой. Ямщик влезал на козлы, разбирал вожжи, вздрагивал колокольчик на дуге у коренного, и мы трогались. Предстоял целый день пути при 20-25-градусном морозе.

И зима, огромная, просторная, нестерпимо блистающая на снежных пустынях полей, развертывала передо мной свои диковинные картины. Поля были беспредельны, и лишь далеко на горизонте темнела полоска леса. Снег скрипел, пел и визжал под полозьями; дребезжал колокольчик; развевая свои седые, покрытые инеем гривы, храпели лошади, и протяжно покрикивал ямщик, похожий на рождественского деда с ледяными сосульками в замерзшей бороде. По временам мы ехали лесом, и это было сказочное государство сна, таинственное и неподвижное. И только заячьи следы на снегу да легкий трепет какой-то зимней птички, мгновенно вспорхнувшей с елки и уронившей в сугроб целую охапку снега, говорили о том, что не все здесь мертво и неподвижно, что жизнь продолжается, тихая, скрытная, беззвучная, но никогда не умирающая до конца.

Совсем другой была природа под Пасху. Она оживала вся сразу и, окончательно еще не проснувшись, была наполнена смутным и тревожным шумом постепенного своего пробуждения. Темнел и с мелодичным еле слышным звоном таял снег;

ручьи уже начинали свои бесшабашные танцы; падали капли; скот радостно и сдержанно шумел в деревнях и просился на волю. И реки, эти замершие царственные красавицы, вздрагивали, покрывались туманом и уже грозили нам неисчислимыми бедами. Однажды мы с отцом попали в разводье. Лошади успели проскочить, но тяжелая повозка провалилась и уперлась передком в твердую льдину. Вода хлестала через нас по меховому одеялу, и мы были на волосок от гибели. Но добрые кони вынесли, и опасность миновала.

Кормили лошадей на полдороге, в марийской деревне Часовня. Тут мы отдыхали, пили чай в вонючей грязной избе, окруженные полуголыми ребятишками, и с полатей, посасывая длинную трубку, неподвижно смотрела на нас дряхлая лысая старуха — существо, лишь отдаленно похожее на человека. Домой приезжали поздно, при свете звезд, когда все село уже спало и только в нашем доме светился огонек: домашние ждали нас.

Семье жилось нелегко. Детей у матери было шестеро, и я — старший из них. Погруженная в домашние заботы, мать старилась раньше времени и томилась в захолустье. Когда-то радостная и веселая, теперь она видела всю безвыходность своего неудачного супружества и нерастраченные душевные силы свои выражала в исступленной любви к детям. Она чувствовала, что настоящая живая жизнь идет где-то стороной, далеко от нее, сама же она обречена на медленное душевное умирание. Она с гордостью рассказывала нам, что есть на свете люди, которые желают добра народу и борются за его счастье, и за это их гонят и преследуют; что сестра ее тетя Миля сидела в тюрьме за нелегальную работу, так же как сидел один из отцовых племянников, студент, известный в нашей семье под кличкой Коля-большой, в отличие от меня — Коли-маленького. Коля-большой по временам приезжал к нам со своей неизменной гитарой и собирал вокруг себя целую толпу местной молодежи. Он славно пел свои неведомые нам студенческие песни и всем своим веселым видом вовсе не напоминал подвижника, пострадавшего за народ. Это была загадка, разгадать которую я был еще не в силах.

В 1914 году, когда я учился во втором классе, началась мировая война. Но она была так далеко от нас и так мало поддавалась нашему представлению, что вначале больших перемен в нашу жизнь не внесла. Однажды приезжали в училище бывшие

наши выпускники, теперь молодые прапорщики, отправляющиеся на фронт, прощаться с директорм и учителями. Они были в новеньких защитных куртках, в погонах, с сабельками. Мы, разинув рот, наблюдали издали за ними и мучительно завидовали им. Потом разнесся слух, что убили одного из них — Кошкина. Труп его в свинцовом гробу привезли в город, и все реальное училище хоронило его на городском кладбище. По этому поводу я написал весьма патриотическое стихотворение «На смерть Кошкина» и долгое время считал его образцом изящной словесности.

Во всех домах появились карты военных действий с передвигающимися флажками, отмечающими линию фронта. Вначале все это занимало нас, особенно во время прусского наступления, но затем, когда обнаружилось, что флажки передвигаются не только вперед, но и назад, и даже далеко назад, игра постепенно приелась, и мы охладели к ней. И только буйные крики пьяных новобранцев да женский плач, которые все чаще слышались у воинского присутствия, напоминали нам о том, что в мире творится нечто страшное и беспощадное, нимало не похожее на это безмятежное передвигание флажков в глубине уржумского захолустья.

1. СТОЛБЦЫ

(Стихотворения 1926 — 1928 г. г.)

КРАСНАЯ БАВАРИЯ

В глуши бутылочного рая,
где пальмы высохли давно, —
под электричеством играя,
в бокале плавало окно;
оно на лопастях блестело,
потом садилось, тяжелело;
над ним пивной дымок вился...
Но это описать нельзя.

И в том бутылочном раю
сирены дрогли на краю
кривой эстрады. На поруки
им были отданы глаза.
Они простерли к небесам
эмалированные руки
и ели бутерброд от скуки.

Вертятся двери на цепочках,
спадает с лестницы народ,
трещит картонною сорочкой,
с бутылкой водит хоровод;
сирена бледная за стойкой
гостей попотчует настойкой,
скосит глаза, уйдет, придет,
потом, с гитарой наотлет,
она поет, поет о милом:
как милого она кормила,
как ласков к телу и жесток —
впивался шелковый шнурок,
как по стаканам висла виски,
как, из разбитого виска
измученную грудь обрызгав,

он вдруг упал. Была тоска,
и все, о чем она ни пела —
в бокале отливалось мелом.
Мужчины тоже все кричали,
они качались по столам,
по потолкам они качали
бедлам с цветами пополам;
один — язык себе откусит,
другой кричит: я — иисусик,
молитесь мне — я на кресте,
под мышкой гвозди и везде...
К нему сирена подходила,
и вот, колено оседлав,
бокалов бешеный конклав
зажегся как паникадило.

Глаза упали точно гири,
бокал разбили — вышла ночь,
и жирные автомобили,
схватив под мышки Пикадилли,
легко откатывали прочь.
Росли томаты из прохлады,
и вот опущенные вниз —
краснобаварские закаты
в пивные днища улеглись,
а за окном — в глуши времен
блистал на мачте лампион.

Там Невский в блеске и тоске,
в ночи переменивший кожу,
гудками сонными воспет,
над баром вывеску тревожил;
и под свистками Германдады,
через туман, толпу, бензин,
над башней рвался шар крылатый
и имя «Зингер» возносил.

Авг. 1926.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Гляди: не бал, не маскарад,
здесь ночи ходят невпопад,
здесь, от вина неузнаваем,
летает хохот попугаем;
раздвинулись мосты и кручи,
бегут любовники толпой,
один — горяч, другой — измучен,
а третий — книзу головой...
Любовь стенает под листами,
она меняется местами,
то подойдет, то отойдет...
А музы любят круглый год.

Качалась Невка у перил,
вдруг барабан заговорил —
ракеты, в полукруг сомкнувшись,
вставали в очередь. Потом
летели огненные груши,
вертя бенгальским животом.

Качались кольца на деревьях,
спадали с факелов отрепья
густого дыма. А на Невке
не то сирены, не то девки —
но нет, сирены — шли наверх,
все в синеватом серебре,
холодноватые — но звали
прижаться к палевым губам
и неподвижным как медали.
Но это был один обман.

Я шел подальше. Ночь легла
вдоль по траве, как мел бела:
торчком кусты над нею встали
в ножнах из разноцветной стали,
и куковали соловьи
верхом на веточке. Казалось,
они испытывали жалость,
как неспособные к любви.

А там, надувшись, точно ангел,
подкарауливший святых,
на корточках привстал Елагин,
ополоснулся и затих:
он в этот раз накрыл двоих.

Вертя винтом, шел пароходик
с музыкой томной по бортам,
к нему навстречу лодки ходят,
гребцы не смыслят ни-черта;
он их толкнет — они бежать,
бегут-бегут, потом опять
идут — задорные — навстречу.
Он им кричит: я искалечу!
Они уверены, что нет...

И всюду сумасшедший бред,
и белый воздух липнет к крышам,
а ночь уже на ладан дышит,
качается как на весах.
Так недоносок или ангел,
открыв молочные глаза,
качается в спиртовой банке
и просится на небеса.

Июль 1926.

ФУТБОЛ

Ликует форвард на бегу,
теперь ему какое дело? —
как будто кости берегут
его распахнутое тело.
Как плащ, летит его душа,
ключица стукается звонко
о перехват его плаща,
танцует в ухе перепонка,
танцует в горле виноград,
и шар перелетает ряд.

Его хватают наугад,
его отравою поят,
но каблуков железный яд
ему страшнее во сто крат.
Назад!
Свалились в кучу беки,
опухшие от сквозняка,
и вот — через моря и реки,
просторы, площади, снега —
расправив пышные доспехи
и накренясь в меридиан,
слетает шар.

Ликует форвард на пожар,
свинтив железные колена,
но уж из горла бьет фонтан,
он падает, кричит: измена!
А шар вертится между стен,
дымится, пучится, хохочет,
глазок сожмет — спокойной ночи!
глазок откроет — добрый день!
и форварда замучить хочет.

Четыре гола пали в ряд,
над ними трубы не гремят,
их сосчитал и тряпкой вытер
меланхолический голкипер
и крикнул ночь. Приходит ночь.
Бренча алмазною заслонкой,
она вставляет черный ключ
в атмосферическую лунку —
открылся госпиталь.
Увы!
Здесь форвард спит
без головы.
Над ним два медные копья
упрямый шар веревкой вяжут,
с плиты загробная вода
стекает в рамки вырезные
и сохнет в горле виноград.
Спи, форвард, задом наперед!

Спи, бедный форвард!
Над землею
заря упала глубока,
танцуют девочки с зарею
у голубого ручейка;
Все так же вянут на покое
в лиловом домике обои,
стареет мама с каждым днем...
Спи, бедный форвард!
Мы живем.

Авг. 1926.

МОРЕ

Вставали горы старины,
война вставала. Вкруг войны
скрипя, летели валуны,
сиянием окружены.
Чернело море в пароход
и волны на его дорожке,
как бы серебряные ложки,
стучали. Как слепые кошки,
мерцая около бортов,
бесились весело. Из ртов,
из черных ртов у них стекал
поток горячего стекла,
стекал и падал, надувался,
качался, брызгал, упадал,
навстречу поднимался вал
и шторм кружился в буйном вальсе,
и в пароход кричал: «Попался!
Ага, попался!» Или: «Ну-с,
вытаскивай из трюма груз!»

Из трусости или забавы
прожектор волны надавил
и, точно каменные бабы,
они ослепли. Ветер был
все осторожней, тише к флагу,
и флаг трещал, как бы бумага
надорванная. Шторм упал
и вышел месяц наконец,
скользнул сияньем между палуб,
и мокрый глянец лег погреться
у труб. На волнах шел румянец,
зеленоватый от руля,
губами плотно шевеля...

Ноябрь 1926.

ОФОРТ

И грянул на весь оглушительный зал:
— Покойник из царского дома бежал!

Покойник по улицам гордо идет,
его постояльцы ведут под уздцы;
он голосом трубным молитву поет
и руки ломает наверх.
Он — в медных очках, перепончатых рамах,
переполнен до горла подземной водой,
над ним деревянные птицы со стуком
смыкают на створках крыла.
А кругом — громобой, цилиндров бряцанье
и курчавое небо, а тут —
городская коробка с расстегнутой дверью
и за стеклышком — розмарин.

Янв. 1927.

ЧЕРКЕШЕНКА

Когда заря прозрачной глыбой
придавит воздух над землей,
с горы, на колокол похожей,
летят двускатные орлы;
идут граненые деревья
в свое волшебное кочевье;
верхушка тлеет, как свеча,
пустыми кольцами бренча;
а там за ними, наверху,
вершиной пышною качая,
старик Эльбрус рахат-лукум
готовит нам и чашку чая.

И выплывает вдруг Кавказ
пятисосцовою громадой,
как будто праздничный баркас,
в провал парадный Ленинграда,
а там — черкешенка поет
перед витриной самоварной,
ей Тула делает фокстрот,
Тамбов сапожки примеряет,
но Терек мечется в груди,
ревет в разорванные губы —
и трупом падает она,
смыкая руки в треугольник.

Нева Арагвою течет,
а звездам — слава и почет:
они на трупик известковый
венец построили свинцовый,
и спит она... прости ей Бог!
Над ней колышется венок
и вкось несется по теченью
луны путиловской движенье.

И я стою — от света белый,
я в море черное гляжу,
и мир двоится предо мною
на два огромных сапога —

один шагает по Эльбрусу,
другой по-фински говорит,
и оба вместе убегают,
гремя по морю — на восток.

Янв. 1926.

ЛЕТО

Пунцовое солнце висело в длину,
и весело было не мне одному —
людские тела наливались как груши,
и зрели головки, качаясь, на них.
Обмякли деревья. Они ожирели
как сальные свечи. Казалося нам —
под ними не пыльный ручей пробегает,
а тянется толстый обрывок слюны.
И ночь приходила. На этих лугах
колючие звезды качались в цветах,
шарами легли меховые овечки,
потухли деревьев курчавые свечки;
пехотный пастух, заседая в овражке,
чертил диаграмму луны,
и грызлись собаки за свой перекресток —
кому на часах постоять...

Авг. 1927.

ЧАСОВОЙ

На карауле ночь густеет,
стоит, как кукла, часовой,
в его глазах одервенелых
четырехгранный вьется штык.

Тяжеловесны, как лампады,
знамена пышные полка
в серпах и молотах измятых
пред ним свисают с потолка.
Там пролетарий на коне
гремит, играя при луне;
там вой кукушки полковой
угрюмо тонет за стеной;
тут белый домик вырастает
с квадратной башенкой вверху,
на стенке девочка витает,
дудит в прозрачную трубу;
уж к ней сбегаются коровы
с улыбкой бледной на губах...
А часовой стоит впотьмах
в шинели конусообразной;
над ним звезды пожарик красный
и серп заветный в головах.
Вот — в щели каменные плит
мышиные просунулися лица,
похожие на треугольники из мела
с глазами траурными по бокам...
Одна из них садится у окошка
с цветочком музыки в руке,
а день в решетку пальцы тянет,
но не достать ему знамен.
Он напрягается и видит:
стоит, как кукла, часовой
и пролетарий на коне
его хранит, расправив копья,
ему знамена — изголовье
и штык ружья — сигнал к войне...
И день доволен им вполне.

Февр. 1927.

НОВЫЙ БЫТ

Выходит солнце над Москвой,
старухи бегают с тоской:
куда, куда идти теперь?
Уж новый быт стучится в дверь!
Младенец нагладко обструган,
сидит в купели как султан,
прекрасный поп поет как бубен,
паникадилом осиян;
прабабка свечку выжимает,
младенец будто бы мужает,
но новый быт несется вскачь —
младенец лезет окарач.
Ему не больно, не досадно,
ему назад не близок путь,
и звезд коричневые пятна
ему наклеены на грудь.
Уж он и смотрит свысока,
(в его глазах — два оселка),
потом пирует до отказу
в размахе жизни трудовой,
гляди! гляди! он выпил квасу,
он девок трогает рукой
и вдруг, шагая через стол,
садится прямо в комсомол.

А время сохнет и желтеет,
стареет папенька-отец
и за окошками в аллее
играет сваха в бубенец.
Ступни младенца стали шире,
от стали ширится рука,
уж он сидит в большой квартире,
невесту держит за рукав.
Приходит поп, тряся ногами,
в ладошке мощи бережет,
благословить желает стенки,

невесте — крестик подарить...
— Увы! — сказал ему младенец, —
уйди, уйди, кудрявый поп,
я — новой жизни ополченец,
тебе-ж — один остался гроб!
Уж поп тихонько плакать хочет,
стоит на лестнице, бормочет,
уходит в рощу, плачет лихо;
младенец в хохот ударял —
с невестой шепчется: Шутиха,
скорей бы час любви настал!

Но вот знакомые скатились,
завод пропел: ура! ура!
и новый быт, даруя милость,
в тарелке держит осетра.
Варенье, ложечкой носимо,
успело сделаться свежо,
жених проворен нестерпимо,
к невесте лепится ужом,
и председатель на-отвале,
чете играя похвалу,
приносит в выборгском бокале
вино солдатское, халву,
и, принимая красный спич,
сидит на столике кулич.

Ура! ура! — заводы воют,
картошкой дым под небеса,
и вот супруги на покое
сидят и чешут волоса.
И стало все благоприятно:
приходит ночь, ушла обратно,
и за окошком через миг
погасла свечка-пятерик.

Апрель 1927.

ДВИЖЕНИЕ

Сидит извозчик как на троне,
из ваты сделана броня,
и борода, как на иконе,
лежит, монетами звеня.
А бедный конь руками машет,
то вытянется, как налим,
то снова восемь ног сверкают
в его блестящем животе.

Дек. 1927.

НА РЫНКЕ

В уборе из цветов и крынок
открыл ворота старый рынок.

Здесь бабы толсты словно кадки,
их шаль — невиданной красы,
и огурцы, как великаны,
прилежно плавают в воде.
Сверкают саблями селедки,
их глазки маленькие кротки,
но вот — разрезаны ножом —
они свиваются ужом;
и мясо властью топора
лежит как красная дыра;
и колбаса кишкой кровавой
в жаровне плавает корявой;
и вслед за ней кудрявый пес
несет на воздух постный нос,
и пасть открыта словно дверь,
и голова — как блюдо,
и ноги точные идут,
сгибаясь медленно посередине.
Но что это?
Он с видом сожаленья

остановился наугад
и слезы, точно виноград,
из глаз по воздуху летят.

Калеки выстроились в ряд,
один — играет на гитаре;
он весь откинулся назад,
ему обрубок помогает,
а на обрубке том — костыль
как деревянная бутыль.

Росток руки другой нам кажет,
он ею хвастается, машет,
он вырвал палец через рот,
и визгнул палец, словно крот,
и хрустнул кости перекресток,
и сдвинулось лицо в наперсток.

А третий — закрутив усы,
глядит воинственным героем,
в глазах татарских, чуть косых —
ни беспокойства, ни покоя;
он в банке едет на колесах,
во рту запрятан крепкий руль,
в могилке где-то руки сохнут,
в какой-то речке ноги спят...
На долю этому герою
осталось брюхо с головою
да рот большой, как рукоять,
рулем веселым управлять!

Вон — бабка с пленкой вместо глаз
сидит на стуле одиноком,
и книжка в дырочках волшебных
(для пальцев — милая сестра)
поет чиновников служебных,
и бабка пальцами быстра...

Ей снится пес.
И вот — поставлен
судьбы исправною рукой,

он перед ней стоит, раздавлен
своей прекрасною душой!
А вкруг — весы, как магелланы,
отрепья масла, жир любви,
уроды, словно истуканы
в густой расчетливой крови,
и визг молитвенной гитары,
и шапки полны, как тиары,
блестящей медью... Недалек
тот миг, когда в норе опасной
он и она, он — пьяный, красный
от стужи, пенья и вина,
безрукий, пухлый, и она —
слепая ведьма — спляшут мило
прекрасный танец-козерог,
да так, что затрещат стропила
и брызнут искры из-под ног...
И лампа взвоет как сурок.

Дек.1927.

ПИР

В железной комнате военной,
где спит винтовок небосклон,
я слышу гром созвездий медный,
копыт размеренный трезвон.
Она летит — моя телега,
гремя квадратами колес,
в телеге — громкие герои
в красноармейских колпаках,
Тут пулемет, как палец, бьется,
тут пуля вьется сосунком,
тут клич военный раздается,
врага кидая кверху дном.
А конь струится через воздух,
спрягает тело в длинный круг
и режет острыми ногами
оглобель ровную тюрьму.

Шумят точеные цветочки,
ладони жмутся горячей,
а ночь нам пива ставит бочку,
боченок тостов и речей.
Под грохот каменных стаканов,
пивную медную струю —
мы пьем становье истуканов,
в штыки построенных в бою!

Мы пьем — и волосы трясутся,
от потных рук струится пар,
но лица плоски, точно блюдца,
и лампы маленький пожар
сползает синими струями
на потемневшую ладонь;
знамена подняты баграми
и в буквах — вдавленный огонь,
и хохот заячий винтовок,
шум споров, кочки недомолвок,
и штык, пронзающий стакан
через разорванный туман!

О, штык, летающий повсюду,
холодный тельцем, кровяной,
о, штык, пронзающий Иуду,
коли еще — и я с тобой!
Я вижу — ты летишь в тумане,
сияя плоским острием,
я вижу — ты плывешь морями
граненым вздернутым копьем.
Где раньше Бог клубился чадный
и мир шумел — Ему свеча;
где стаи ангелов печатных
летели в небе, волоча
пустые крылья шалопаев, —
там ты несешься, искупая
пустые вымыслы вещей —
ты, светозарный, как Кащей!

Тебе еще не та забота,
тебе еще не тот полет —
за море стелется пехота,
и ты за море правишь ход.
За море стелются отряды,
вон — я стою, на мне — шинель,
(с глазами белыми солдата
младенец нескольких недель).
Я вынул маленький кисетик,
пустую трубку без огня,
и пули бегают, как дети,
с тоскою глядя на меня...

Янв. 1928.

ИВАНОВЫ

Стоят чиновные деревья,
почти влезая в каждый дом;
давно их кончено кочевье —
они в решетках, под замком.
Шумит бульваров теснота,
домами плотно заперта.

Но вот — все двери растворились,
повсюду шопот пробежал:
на службу вышли Ивановы
в своих штанах и башмаках.
Пустые гладкие трамваи
им подают свои скамейки;
герои входят, покупают
билетов хрупкие дощечки,
сидят и держат их перед собой,
не увлекаясь быстрою ездой.

А мир, зажатый плоскими домами,
стоит, как море, перед нами,

грохочут волны мостовые,
и через лопасти колес —
сирены мечутся простые
в клубках оранжевых волос.
Иные — дуньками одеты,
сидеть не могут взаперти:
ногами делая балеты,
они идут. Куда идти,
кому нести кровавый ротик,
кому сказать сегодня «котик»,
у чьей постели бросить ботик
и дернуть кнопку на груди?
Неужто некуда идти?!

О, мир, свинцовый идол мой,
хлещи широкими волнами
и этих девок упокой
на перекрестке вверх ногами!
Он спит сегодня — грозный мир,
в домах — спокойствие и мир.

Ужели там найти мне место,
где ждет меня моя невеста,
где стулья выстроились в ряд,
где горка, — словно Арарат,
повитый кружевцем бумажным,
где стол стоит и трехэтажный
в железных латах самовар
шумит домашним генералом?

О, мир, свернись одним кварталом,
одной разбитой мостовой,
одним проплеванным амбаром,
одной мышиною норой,
но будь к оружию готов:
целует девку — Иванов!

Янв. 1928.

СВАДЬБА

Сквозь бревна хлещет длинный луч,
могучий дом стоит во мраке,
огонь раздвинулся горюч
сквозь окна в каменной рубахе;
медали вывесками меди
висят, фонарь пустынный бредит
над цифрой, выдавленной пальцем
мансарды бедным постояльцем.
И сквозь большие коридоры,
где балки лезут в потолок,
где человеческие норы
домашний выдавил сурок, —
нам кухня кажется органом,
она поет в сто двадцать дудок,
она сверкает толстым краном,
играет в свадебное блюдо;
кофейных мельниц на ветру
мы слышим громкую игру —
они качаются во мраке
четырехгранны, стройны, наги,
и на огне, как тамада,
сидит орлом сковорода.

Как солнце черное амбаров,
как королева грузных шахт,
она спластала двух омаров,
на постном масле просияв!
Она яичницы кокетство
признала сердцем бытия,
над нею проклинает детство
цыпленок, синий от мытья —
он глазки детские закрыл,
наморщил разноцветный лобик
и тельце сонное сложил
в фаянсовый столовый гробик.
Над ним не поп ревел обедню,
махая пó-ветру крестом,
ему кукушка не певала
коварной песенки своей —

он был закован в звон капусты,
он был томатами одет,
над ним, как крестик, опускался
на тонкой ножке сельдерей.
Так он почил в расцвете дней —
ничтожный карлик средь людей.

Часы гремят. Настала ночь.
В столовой пир горяч и пылок,
бокалу винному невмочь
расправить огненный затылок.
Мясистых баб большая стая
сидит вокруг, пером блистая,
и лысый венчик горностая
венчает груди, ожирев
в поту столетних королев.
Они едят густые сласти,
хрипят в неутоленной страсти,
и, распуская животы,
в тарелки жмутся и цветы.
Прямые лысые мужья
сидят как выстрел из ружья,
но крепость их воротников
до крови вырезала шеи,
а на столе — гремит вино,
и мяса жирные траншеи,
и в перспективе гордых харь
багровых, чопорных и скучных —
как сон земли благополучной,
парит на крылышках мораль.

О, пташка Божья, где твой стыд?
И чтó к твоей прибавит чести
жених, приделанный к невесте
и позабывший гром копыт?
Его лицо передвижное
еще хранит следы венца;
кольцо на пальце молодое
сверкает с видом удальца;
и поп — свидетель всех ночей —
раскинув бороду забралом,

сидит как башня перед балом,
с большой гитарой на плече.

Так бей, гитара! Шире круг!
Ревут бокалы пудовые.
Но вздрогнул поп, завыл и вдруг
ударил в струны золотые!
И вот — окончен грозный ужин,
последний падает бокал,
и танец истуканом кружит
толпу в расселину зеркал,
руками скорченными машет,
кофейной мельницей вертит,
ладонями по роже мажет,
потом кричит: иди, иди,
ну, что ж, иди!
И по засадам,
ополоумев от вытья,
огромный дом, виляя задом,
летит в пространство бытия.
А там — молчанья грозный сон,
нагие полчища заводов,
и над становьями народов —
труда и творчества закон.

Февр. 1928.

ФОКСТРОТ

В ботинках кожи голубой,
в носках блистательного франта,
парит на воздухе герой
в дыму гавайского джаз-банда.
Внизу — бокалов воркотня,
внизу — ни ночи нет ни дня,

внизу — на выступе оркестра
как жрец качается маэстро,
он бьет рукой по животу,
он машет палкой в пустоту
и легких галстуков извилина
на грудь картонную пришпилена.

Ура! ура! Герой парит —
гавайский фокус над Невою!
То ручки сложит горбылем,
то ногу на ногу закинет,
то весь дугою изогнется,
но нету девки перед ним —
и улетает херувим,
и ножка в воздухе трясется.

А бал гремит — единорог
и бабы выставили в пляске
у перекрестка гладких ног
чижа на розовой подвязке.
Смеется чиж — гляди! гляди!
но бабы дальше ускакали
и медным лесом впереди
гудит фокстрот на пьедестале.

И, так играя, человек
родил в последнюю минуту
прекраснейшего из калек —
женоподобного Иуду.
Его музыкой не буди —
он спит сегодня помертвелый
с цыплячьим знаком на груди
росток болезненного тела.
А там — над бедною землей,
во славу винам и кларнетам —
парит на женщине герой,
стреляя в воздух пистолетом!

Март 1928.

ФИГУРЫ СНА

Под одеялом, укрощая бег,
фигуру сна находит человек.

Не месяц — длинное бельмо
прельщает чашечки умов;
не звезды — канарейки ночи
блестящим реют многоточьем.
А в темноте — кроватей ряд,
на них младенцы спят под ряд;
большие белые тела
едва покрыло одеяло,
они заснули как попало:
один в рубахе голубой
скатился к полу головой;
другой, застыв в подушке душной,
лежит сухой и золотушный,
а третий — жирный как паук,
раскинув рук живые снасти,
храпит и корчится от страсти,
лаская призрачных подруг.

А там — за черной занавеской,
во мраке дедовских времен,
старик-отец, гремя стамеской,
премудрости вкушает сон.
Там шкаф глядит царем Давидом —
он спит в короне, толстопуз;
кушетка Евой обернулась —
она — как девка в простыне.
И лампа медная в окне,
как голубок веселый Ноев, —
едва мерцает, мрак утроив,
с простой стамеской наравне.

Март 1928.

ПЕКАРНЯ

Спадая в маленький квартал,
покорный вечер умирал,
как лампочка в стеклянной банке.
Зари причудливые ранки
дымились, упадая ниц;
на крышах чашки черепиц
встречали их подобьем лиц,
слегка оскаленных от злости.
И кот в трубу засунул хвостик.

Но крендель, вывихнув дугу,
застрял в цепи на всем скаку
и закачался над пекарней,
мгновенно делаясь центральной
фигурой. Снизу пекаря
видали: плавает заря
как масло вдоль по хлебным формам,
но этим формам негде лечь —
повсюду огненная течь,
храпит беременная печь
и громыхает словно Сормов.

Тут тесто, вырвав квашен днище,
как лютый зверь в пекарне рыщет,
ползет, клубится, глотку давит,
огромным рылом стену трет;
стена трещит: она не в праве
остановить победный ход.
Уж воют вздернутые бревна,
но вот — через туман и дождь,
подняв фонарь шестиугольный,
ударил в сковороду вождь, —
и хлебопеки сквозь туман,
как будто идолы в тиарах,
летят, играя на цимбалах
кастрюль неведомый канкан.

Как изукрашенные стяги,
лопаты ходят тяжело

и теста ровные корчаги
плывут в квадратное жерло.
И в этой красной от натуги
пещере всех метаморфоз
младенец-хлеб приподнял руки
и слово стройно произнес.
И пекарь огненной трубой
трубил о нем во мрак ночной.

А печь, наследника родив
и стройное поправив чрево,
стоит стыдливая, как дева
с ночною розой на груди.
И кот, в почетном сидя месте,
усталой лапкой рыльце крестит,
зловонным хвостиком вертит,
потом кувшинчиком сидит.
Сидит-сидит и улыбнется,
и вдруг исчез. Одно болотце
осталось в глиняном полу.
И утро выплыло в углу.

Апр. 1928.

ОБВОДНЫЙ КАНАЛ

В моем окне — на весь квартал
Обводный царствует канал.

Ломовики, как падишахи,
коня запутав медью блях,
идут закутаны в рубахи,
с нелепой важностью нерях.
Вокруг — пивные встали в ряд,
ломовики в пивных сидят
и в окна конских морд толпа
глядит, мотаясь у столба,

и в окна конских морд собор
глядит, поставленный в упор.
А там, за ним, за морд собором,
течет толпа на полверсты,
кричат слепцы блестящим хором,
стальные вытянув персты.
Маклак штаны на воздух мечет,
ладонью бьет, поет как кречет:
маклак — владыка всех штанов,
ему подвластен ход миров,
ему подвластно толп движенье,
толпу томит штанов круженье,
и вот — она, забывши честь,
стоит, не в силах глаз отвесть,
вся — прелесть и изнеможенье!

Кричи, маклак, свисти уродом,
мечи штаны под облака!
Но перед сомкнутым народом
иная движется река:
один — сапог несет на блюде,
другой — поет собачку-пудель,
а третий, грозен и румян,
в кастрюлю бьет, как в барабан.
И нету сил держаться боле:
толпа в плену, толпа в неволе,
толпа лунатиком идет,
ладони вытянув вперед.

А вкруг — черны заводов замки,
высок под облаком гудок,
и вот опять идут мустанги
на коллонаде пышных ног.
И воют жалобно телеги,
и плещет взорванная грязь,
и над каналом спят калеки,
к пустым бутылкам прислонясь.

Июнь 1928.

БРОДЯЧИЕ МУЗЫКАНТЫ

Закинув дудку на плечо,
как змея, как сирену,
с которой он теперь течет
пешком, томясь, в геенну,
в которой — рев, в которой — рык
и пятаков летанье золотое —
так вышел музыкант-старик.

За ним бежали двое.
Один — сжимая скрипки тень,
как листиком махал ей;
он был горбатик, разночинец, шаромыжка
с большими щупальцами рук,
его вспотевшие подмышки
протяжный издавали звук.

Другой был дядя и борец
и чемпион гитары —
огромный нес в руках крестец
с роскошной песнею Тамары.
На том крестце — семь струн железных,
и семь валов, и семь колков,
рукой построены полезной,
болтались в виде уголков.

На стогнах солнце опускалось,
неслись извозчики гурьбой,
как бы фигуры пошехонцев
на волокнистых лошадях;
а змей в колодце среди окон
развился вдруг как медный локон,
взметнулся вверх тупым жерлом
и вдруг завыл... Глухим орлом
был первый звук. Он, грохнув, пал;
за ним второй орел предстал;
орлы в кукушек превращались,
кукушки в точки уменьшались,
и точки, горло сжав в комок.
упали в окна всех домов.

Тогда горбатик скрипочку
приплюснул подбородком,
слепил перстом улыбочку
на личике коротком
и, визгнув поперечиной
по маленьким струнам,
заплакал — искалеченный —
ти-лим-там-там.

Система тронулась в порядке,
качались знаки вымысла,
и каждый слушатель украдкой
слезою чистой вымылся,
когда на подоконниках
средь музыки и грохота
легла толпа поклонников
в подштанниках и кофтах.

Но богослов житейской страсти
и чемпион гитары
подъял крестец, поправил части
и с песней нежною Тамары
уста тихонько растворил.
И все умолкло...
Звук самодержавный,
глухой как шум Куры,
роскошный как мечта,
пронесся...
И в звуке том — Тамара, сняв штаны,
лежала на кавказском ложе,
сиял поток раздвоенной спины,
и юноши стояли тоже.
И юноши стояли,
махали руками,
и стр-растные дикие звуки
всю ночь р-раздавалися там!!!
Ти-лим-там-там!

Певец был строен и суров,
он пел, трудясь, среди домов,
средь выгребных высоких ям

трудился он, могуч и прям.
Вокруг него — система кошек,
система ведер, окон, дров
висела, темный мир размножив
на царства узкие дворов.
Но что был двор? Он был трубой,
он был туннелем в те края,
где спит Тамара боевая,
где сохнет молодость моя,
где пятаки, жужжа и млея
в неверном свете огонька,
летят к ногам златого змея
и пляшут, падая в века!

Авг. 1928.

КУПАЛЬЩИКИ

Кто — чернец — покинув печку,
лезет в ванну или тазик —
приходи купаться в речку,
отступись от безобразий!

Кто, кукушку в руку спрятав,
в воду падает с размаха —
во главе плывет отряда,
только дым идет из паха.

Все, впервые сняв одежды
и различные доспехи,
выплывают как невежды,
но потом идут успехи!

Влага нежною гусыней
щиплет части юных тел
и рукою водит синей,
если кто-нибудь вспотел.

Если кто-нибудь не хочет
оставаться долго мокрым —
трет себя сухим платочком
цвета воздуха и охры.

Если кто-нибудь томится
страстью или искушеньем, —
может быстро охладиться,
отдыхая без движенья.

Если кто любить не может,
но изглодан весь тоскою, —
сам себе теперь поможет,
тихо плавая с доскою.

О, река, невеста, мамка,
всех вместившая на лоне,
ты — не девка и не самка,
но святая на иконе!

Ты — не девка и не мамка,
но святая Парасковья,
нас, купальщиков, встречай
где песок и молочай!

Сент. 1928.

НЕЗРЕЛОСТЬ

Младенец кашку составляет
из манных зерен голубых;
зерно, как кубик, вылетает
из легких пальчиков двойных.
Зерно к зерну — горшок наполнен
и вот, качаясь, он висит,
как колокол на колокольне,
квадратной силой знаменит.
Ребенок лезет вдоль по чащам,
ореховые рвет листы

и над деревьями все чаще
его колеблются персты.
И девочки, носимы вместе,
к нему по облаку плывут;
одна из них, снимая крестик,
тихонько падает в траву.
Горшок клубится под ногою,
огня субстанция жива,
и девочка лежит нагою,
в огонь откинув кружева.
Ребенок тихо отвечает:
— Младенец я и не окреп,
как я могу к тебе причалить,
когда любовью не ослеп?
Красот твоих мне стыден вид,
закрой же ножки белой тканью,
смотри, как мой костер горит
и не готовься к поруганью!
И, тихо взяв мешалку в руки,
он мудро кашу помешал —
так он урок живой науки
душе несчастной преподал.

Сент. 1928.

НАРОДНЫЙ ДОМ

1

Весь мир обоями оклеен —
пещерка малая любви,
окошки в образе расселин
и занавески в виде роз;
знакомых карточки приятные
прибиты клиньями вокруг
стола. «О, ночки, ночки невозвратные!» —
поет гитара во весь дух.
Гитара медная поет,

рыдает брюхо деревянное,
спеши, медовая салопница —
тут девки сели наотлет —
упали ручки вертикальные,
на солнце кожа шелушится,
облуплен нос и плоски лица
подержанные. Девки сели,
плетут в мочалу волоса,
взбивают жирные постели
и говорят: — Мы очень рады,
сидим кружками, ждем награды,
она придет — волшебница приятная,
приедут на колесах женихи,
кафтаны снимут, впечатления
свои изложат от души.
Мы их за ручки всё хватаем,
с различным видом всё хохочем,
потом чулочки одеваем —
какие ноги у нас длинные —
повыше видимых коленок! —
Так эти девочки невинные
болтали шумно меж собою,
играя весело с судьбою...

Но что за дело до судьбы,
когда в крови волненье,
когда, как мыльные клубы,
несутся впечатленья?
В трамвае движется компания,
проходит Кронверкский в окошке,
и лица лоснятся, как плошки,
и платья с красными тюльпанами,
в поту желая быть красивыми,
играют ситцевыми сливами,
и руки кажутся прекрасными —
они все дальше-дальше тянутся,
и вот — сверкает кверху дном
Народный Дом.

2

Народный Дом — курятник радости,
амбар волшебного житья,
корыто праздничное страсти,
густое пекло бытия!
Тут колпаки красноармейские,
а с ними дамочки житейские
неслись задумчивым ручьем —
им шум столичный нипочем;
тут радость пальчиком водила,
она к народу шла потехою:
тут каждый мальчик забавлялся,
кто дамочку кормил орехами,
а кто над пивом забывался.
Тут гор американские хребты,
над ними девочки — богини красоты —
в повозки быстрые запрятались,
повозки катятся вперед,
красотки нежные расплакались,
упав совсем на кавалеров.
И много было тут других примеров.

Тут девка водит на аркане
свою пречистую собачку,
сама вспотела вся до нитки
и грудки выехали вверх, —
а та собачка пречестна́я,
весенним соком налита́я,
грибными ножками неловко
вдоль по дорожке шелестит.

Подходит к девке именитой
мужик роскошный, апельсинщик,
он держит тазик разноцветный,
в нем апельсины аккуратные лежат.
Как будто циркулем очерченные круги,
они волнисты и упруги,
как будто маленькие солнышки, они
легко катаются по жести
и пальчикам лепечут: лезьте, лезьте!

И девка, кушая плоды,
благодарит рублем прохожего,
она зовет его на «ты»,
но ей другого хочется — хорошего.
Она хорошего глазами ищет,
но перед ней качели свищут.

В качелях девочка-душа
висела, ножкою шурша,
она по воздуху летела
и теплой ножкою вертела,
и теплой ручкою звала.

Другой же, видев преломленное
свое лицо в горбатом зеркале,
стоял молодчиком оплеванным,
хотел смеяться, но не мог;
желая знать причину искривления,
он как бы делался ребенком
и шел назад на четвереньках —
под сорок лет — четвероног.

Едва волненье улеглось,
опять круженье продолжается;
припухли люди от дыхания,
тут жмутся девочки друг к дружке;
ходить не так уже удобно,
спускаясь к речке, растекаются
они рассеянными парочками,
в коленки нежные садясь.

3

Но перед этим праздничным угаром
иные будто спасовали —
они довольны не амбаром радости,
они тут в молодости побывали;
и вот теперь, шепча с бутылкою,
прощаясь с молодостью пылкою,
они скребут стакан зубами,
они губой его высасывают,
они в Баварии рассказывают

свои веселия шальные;
ведь им бутылка — словно матушка,
души медовая салопница,
целует слаще всякой девки,
а холодит — сильнее Невки...

Они глядят в стекло.
В стекле восходит утро.
Фонарь бескровный, как глиста,
стрелой болтается в кустах.
И по трамваям рай качается —
тут каждый мальчик улыбается,
а девочка наоборот —
закрыв глаза, открыла рот
и ручку выбросила теплую
на приподнявшийся живот.

Трамвай, шатаясь, чуть идет...

1927-1928.

2. СТИХОТВОРЕНИЯ

1926 — 1958 г. г.

ЛИЦО КОНЯ

Животные не спят. Они во тьме ночной
Стоят над миром каменной стеной.

Рогами гладкими шумит в соломе
Покатая коровы голова.
Раздвинув скулы вековые,
Ее притиснул каменистый лоб,
И вот косноязычные глаза
С трудом вращаются по кругу.

Лицо коня прекрасней и умней.
Он слышит говор листьев и камней.
Внимательный! Он знает крик звериный
И в ветхой роще рокот соловьиный.

И зная все, кому расскажет он
Свои чудесные виденья?
Ночь глубока. На темный небосклон
Восходят звезд соединенья.
И конь стоит, как рыцарь на часах,
Играет ветер в легких волосах,
Глаза горят, как два огромных мира,
И грива стелется, как царская порфира.

И если б человек увидел
Лицо волшебное коня,
Он вырвал бы язык бессильный свой
И отдал бы коню. Поистине достоин
Иметь язык волшебный конь!

Мы услыхали бы слова.
Слова большие, словно яблоки. Густые,
Как мед или крутое молоко.
Слова, которые вонзаются, как пламя,

И, в душу залетев, как в хижину огонь,
Убогое убранство освещают,
Слова, которые не умирают
И о которых песни мы поем.

Но вот конюшня опустела,
Деревья тоже разошлись,
Скупое утро горы спеленало,
Поля открыло для работ.
И лошадь в клетке из оглобель,
Повозку крытую влача,
Глядит покорными глазами
В таинственный и неподвижный мир.

1926.

РЫБНАЯ ЛАВКА

И вот, забыв людей коварство,
Вступаем мы в иное царство...

Тут тело розовой севрюги,
Прекраснейшей из всех севрюг,
Висело, вытянувши руки,
Хвостом прицеплено на крюк.
Под ним кета пылала мясом,
Угри, подобные колбасам,
В копченой пышности и лени
Дымились, подогнув колени,
И среди них — как желтый клык
Сиял на блюде царь-балык.

О, самодержец пышный брюха,
Кишечный бог и властелин,
Руководитель тайный духа
И помыслов архитриклин, —
Хочу тебя! Отдайся мне,
Дай жрать тебя до самой глотки!
Мой рот трепещет — весь в огне,

Кишки дрожат, как готтентотки,
Желудок, в страсти напряжен,
Голодный сок струями точит —
То вытянется, как дракон,
То вновь сожмется что есть мочи,
Слюна, клубясь, во рту бормочет
И сжаты челюсти вдвойне, —
Хочу тебя! Отдайся мне!

Повсюду гром консервных банок,
Ревут сиги, вскочив в ушат,
Ножи, торчащие из ранок,
Качаются и дребезжат;
Горит садок подводным светом,
Где за стеклянною стеной
Плывут лещи, объяты бредом,
Галлюцинацией, тоской,
Сомненьем, ревностью, тревогой...
И смерть над ними, как торгаш,
Поводит бронзовой острогой.

Весы читают «Отче наш»,
Две гирьки, мирно встав на блюдце,
Определяют жизни ход,
И дверь звенит, и рыбы бьются,
И жабры дышат наоборот!

1928.

ЗМЕИ

Лес качается, прохладен,
Тут же разные цветы,
И тела блестящих гадин
Меж камнями завиты.
Солнце, жаркое, простое,
Льет на них свое тепло.
Меж камней тела устроя,
Змеи гладки, как стекло.
Прошумит ли сверху птица

Или жук провоет смело,
Змеи спят, запрятав лица
В складках жареного тела.
И загадочны, и бедны,
Спят они, открывши рот,
А вверху едва заметно
Время в воздухе плывет.
Год проходит, два проходит,
Три проходит. Наконец,
Человек тела находит —
Сна тяжелый образец.
Для чего они? Откуда?
Оправдать ли их умом?
Но прекрасных тварей груда
Спит, разбросана кругом.
И уйдет мудрец, задумчив.
И живет, как нелюдим,
И природа, вмиг наскучив,
Как тюрьма, стоит над ним.

1929.

ЦИРК

Цирк сияет, словно щит,
Цирк на пальцах верещит,
Цирк на дудке завывает,
Душу в душу ударяет!
С нежным личиком испанки
И цветами в волосах —
Тут девочка — пресветлый ангел,
Виясь, плясала вальс-казак.
Она среди густого пара
Стоит, как белая гагара,
То сгибаясь у плеча,
Реет, ноги волоча,
То вдруг присвиснет одинокая,
Совьется маленьким ужом
И вновь несется, нежно охая, —

Прелестный образ и почти-что нагишом!
Но вот — одежды беспокойство
Вкруг тела складками легло,
Хотя напрасно!
Членов нежное устройство
На всех впечатление произвело!

Толпа встает. Все дышат, как сапожники.
Во рту — слюны навар кудрявый.
Иные — даже самые безбожники —
Полны таинственной отравой.
Другие же, суя табак в пустую трубку,
Облизываясь, мысленно целуют ту голубку,
Которая пред ними пролетела —
Пресветлая! остаться не захотела...

Вой всюду в зале тут стоит,
Кромешным духом все полны,
Но музыка опять гремит,
И все опять удивлены.
Лошадь белая выходит,
Бледным личиком вертя,
И на ней при всем народе
Сидит полновесное дитя.
Вот, маша руками враз,
Дитя, смеясь, сидит ан-фас,
И вдруг, взмахнув ноги обмылком,
Дитя сидит к коню затылком.
А конь, как стражник, опустив
Высокий лоб с большим пером,
По кругу носится, спесив,
Поставив ноги под углом.

Тут опять всеобщее изумление
И похвала, и одобрение,
И как зверек, кусает зависть
Тех, кто недавно улыбались,
Иль равнодушными казались.
Мальчишка, тихо хулиганя,
Подружке нá ухо шептал:
«Какая тут сварилась баня!»

И девку нежно обнимал.
Она же, к этому привыкнув,
Сидела тихая, не пикнув:
Закон имея естества,
Она желала сватовства.

Но вот опять арена скачет;
Ход представленья снова начат;
Два тоненькие мужика
Серьезно гнутся у шеста.
Один, чертя рукой девичьей,
На воздух медленный ползет,
То красный шарик выпускает,
То вниз — нарядный — упадет
И товарищу на плечи
Легкой ножкою встает!
Потом они, смеясь опасно,
Ползут наверх единогласно
И там, обнявшись наугад,
На толстом воздухе стоят.
Они дыханьем укрепляют
Двойного тела равновесье,
Но через миг опять летают,
Себя по воздуху развеся.

Тут опять, восторгом налит,
Зал трясется, как кликуша,
И в ладони громко жарит,
Не щадя чужие уши.
Один старик интеллигентный
Сказал, другому говоря:
«Этот праздник разноцветный
Посещаю я не зря.
Здесь нахожу я греческие игры,
Красоток розовые икры,
Научных замечаю лошадей,
Это не цирк, а прямо чародей!»
Другой — плешивый, как колено,
Сказал, что это — несомненно.

На последний страшный номер
Вышла женщина-змея,
Она усердно ползала в соломе,
Ноги в кольца завия.
Проползав несколько минут,
Она совсем лишилась тела.
Кругом служители бегут:
Где? где? Красотка улетела!

Тут пошел в народе ужас,
Все свои хватают шапки
И бросаются наружу,
Имея девок полные охапки.
«Воры, воры», — все кричали,
Но воры были невидимки:
Они в тот вечер угощали
Своих друзей на Ситном рынке.
Над ними небо было рыто
Веселой руганью двойной,
И жизнь трещала, как корыто,
Летая книзу головой!

1929.

НАЧАЛО ОСЕНИ

Старухи, сидя у ворот,
Хлебали щи тумана, гари,
Тут, торопяся на завод,
Шел переулком пролетарий, —
Не быв задетым центром О,
Он шел, скрепив периферию,
И ветр ломался вкруг него.

Приходит соболь из Сибири
И представляет яблок — Крым,
И девка, взяв рубля четыре,
Ест плод, любуясь молодым.
В его глазах — начатки знанья,

Они потом уходят в руки,
В его мозгу на состязанье
Сошлись концами все науки.
Как сон житейских геометрий,
В необычайно крепком ветре
Над ним домов бряцали оси,
И в центре О — мерцала осень,
И к ней касаясь хордой, что ли,
Качался клен, крича от боли,
Качался клен, и выстрелом ума
Казалась нам вселенная сама!

1929.

ПРОГУЛКА

У животных нет названья —
Кто им зваться повелел?
Равномерное страданье —
Их невидимый удел.
Бык, беседуя с природой,
Удаляется в луга,
Над прекрасными глазами
Стоят белые рога.
Речка девочкой невзрачной
Лежит тихо между трав,
То смеется, то рыдает,
Ноги в землю закопав.
Что же плачет? Что тоскует?
Отчего она больна?
Вся природа улыбнулась,
Как высокая тюрьма.
Каждый маленький цветочек
Машет маленькой рукой.
Бык седые слезы точит,
Стоит пышный, чуть живой.
А на воздухе пустынном
Птица легкая кружится,
Ради песенки старинной

Своим горлышком трудится.
Перед ней сияют воды,
Лес качается, велик,
И смеется вся природа,
Умирая каждый миг.

1929.

ОТДЫХ

Вот на площади квадратной —
Маслодельня, белый дом!
Бык гуляет аккуратный,
Чуть качая животом.
Дремлет кот на белом стуле,
Под окошком вьются гули,
Бродит тетя Мариули,
Звонко хлопая ведром.

Сепаратор, бог чухонский,
Масла розовый король!
Укроти свой топот конский,
Полюбить тебя позволь.
Дай мне два кувшина сливок,
Дай сметаны полведра,
Чтобы пел я возле ивок
Вплоть до самого утра!

Маслодельни легкий стук,
Масла маленький сундук,
Что стучишь ты возле пашен,
Там, где бык гуляет, важен,
Что играешь возле нив,
Стенку набок наклонив?

Спой мне, тетя Мариули,
Песню, легкую, как сон!
Все животные заснули,
Ветер в поле унесен.

Безбородый, конопатый,
Словно толстый херувим,
Дремлет дядя Волохатый
Перед домиком твоим.
Все спокойно. Вечер с нами!
Лишь на улице глухой
Над большими облаками
Всходит месяц молодой.

1930.

БЕРЕГИ ЗДОРОВЬЕ!

Отрывок

Видишь, — воздух шевелится?
В нем, как думают студенты,
Кислородные частицы
Падают, едва заметны.
Если человек дородный,
Грудь имеет, словно бочку,
Значит — воздух кислородный
Вкруг него поставил точку.
В нем частицы две свалялись
Вроде войлока сухого, —
Оттого у всех вначале
Грудь бывает нездорова.
Если где-нибудь писатель
Ходит с трубкою табачной,
Значит, он имеет сзади
Вид унылый и невзрачный.
Почему он ходит задом?
Отчего пропала сила?
Оттого, что трубка — с ядом,
А в груди сидит бацилла.

Почему иная дева
Вид имеет некрасивый —
Ходит тощая, как древо,

И глаза висят, как сливы?
Потому плоха девица
И на дерево походит,
Что полезные частицы
В нос девицы не проходят.

О, полезная природа,
Исцели страданья наши...
. . . .

1930.

ИСКУССТВО

Дерево растет, напоминая
Естественную деревянную колонну,
От нее расходятся члены,
Одетые в круглые листья.
Собранье таких деревьев
Образует лес, дубраву.
Но определенье леса неточно,
Если указать на одно формальное строенье.

Толстое тело коровы,
Поставленное на четыре окончанья,
Увенчанное храмовидной головою
И двумя рогами (словно луна в первой
Четверти), тоже будет непонятно,
Также будет непостижимо,
Если забудем о его значенье
На карте живущих всего мира.

Дом, деревянная постройка,
Составленная, как кладбище деревьев,
Сложенная, как шалаш из трупов,
Словно беседка из мертвецов, —
Кому он из смертных понятен,
Кому из живуших доступен,

Если забудем человека,
Кто строил его и рубил?

Человек, владыка планеты,
Государь деревянного леса,
Император коровьего мяса,
Саваоф двухэтажного дома. —
Он и планетою правит,
Он и леса вырубает,
Он и корову зарежет,
А вымолвить слова не может.

Но я, однообразный человек,
Взял в рот длинную сияющую дудку,
Дул, и, подчиненные дыханию,
Слова вылетали в мир, становясь предметами.
Корова мне кашу варила,
Дерево сказку читало,
А мертвые домики мира
Прыгали, словно живые.

1930.

ЦАРИЦА МУХ

Бьет крылом седой петух.
Ночь повсюду наступает.
Как звезда, царица мух
Над болотом пролетает.
Бьется крылышком отвесным.
Остов тела обнажен,
На груди пентакль чудесный
Весь в лучах изображен.
На спине пентакль печальный
Между двух прозрачных крыл.
Словно знак первоначальный
Неразгаданных могил.

Есть в болоте странный мох.
Тонок, розов, многоног,
Весь прозрачный, чуть живой,
Презираемый травой.
Сирота, чудесный житель
Удаленных бедных мест,
Это он сулит обитель
Мухе, реющей окрест.
Муха, вся стуча крылами,
Мускул грудки развернув,
Опускается кругами
На болота влажный туф.

Если ты, мечтой томим,
Знаешь слово Элоим,
Муху странную бери,
Муху в банку посади,
С банкой по полю ходи,
За приметами следи.
Если муха чуть шумит —
Под ногою медь лежит,
Если усиком ведет —
К серебру тебя зовет.
Если хлопает крылом —
Под ногами злата ком.

Тихо-тихо ночь ступает.
Слышен запах тополей.
Меркнет дух мой, замирает
Между сосен и полей.
Спят печальные болота,
Шевелятся корни трав.
На кладбище стонет кто-то,
Телом к холмику припав.
Кто-то стонет, кто-то плачет.
Льются звезды с высоты.
Вот уж мох вдали маячит.
Муха, муха, где же ты?

1930.

ВОПРОСЫ К МОРЮ

Хочу у моря я спросить,
Для чего оно кипит?
Пук травы зачем висит,
Между волн его сокрыт?
Это множество воды
Очень дух смущает мой.
Лучше б выросли сады
Там, где слышен моря вой.
Лучше б тут стояли хаты
И полезные растенья,
Звери бегали рогаты
Для крестьян увеселенья.

Лучше бы руду копать
Там, где моря видим гладь,
Сани делать, башни строить,
Волка пулей беспокоить,
Разводить медикаменты,
Кукурузу молотить,
Деве розовые ленты
В виде опыта дарить.
В хороводе бы скакать,
Змея под вечер пускать
И дневные впечатленья
В свою книжечку писать.

1930.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Где древней музыки фигуры,
Где с мертвым бой клавиатуры,
Где битва нот с безмолвием пространства, —
Там не ищи, поэт, душе своей убранства.

Соединив безумие с умом,
Среди пустынных смыслов мы построим дом —

Училище миров, неведомых доселе.
Поэзия есть мысль, устроенная в теле.

Она течет, незримая, в воде —
Мы воду воспоем усердными трудами,
Она горит в полуночной звезде —
Звезда, как полымя, бушует перед нами.

Тревожный сон коров и беглый разум птиц
Пусть смотрят из твоих диковинных страниц.
Деревья пусть поют и страшным разговором
Пугает бык людей, тот самый бык, в котором
Заключено безмолвие миров,
Соединенных с нами крепкой связью.

Побит камнями и закидан грязью,
Будь терпелив. И помни каждый миг:
Коль музыки коснешься чутким ухом,
Разрушится твой дом и, ревностный к наукам,
Над нами посмеется ученик.

1932.

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Могучий день пришел. Деревья встали прямо,
Вздохнули листья. В деревянных жилах
Вода закапала. Квадратное окошко
Над светлою землею распахнулось,
И все, кто были в башенке, сошлись
Взглянуть на небо, полное сиянья.

И мы стояли тоже у окна.
Была жена в своем весеннем платье,
И мальчик на руках ее сидел,
Весь розовый и голый, и смеялся,
И, полный безмятежной чистоты,
Смотрел на небо, где сияло солнце.

А там, внизу, деревья, звери, птицы,
Большие, сильные, мохнатые, живые,
Сошлись в кружок и на больших гитарах,
На дудочках, на скрипках, на волынках
Вдруг заиграли утреннюю песню,
Встречая нас. И все кругом запело.
И все кругом запело так, что козлик
И тот пошел скакать вокруг амбара.
И понял я в то золотое утро,
Что смерти нет, и наша жизнь бессмертна.

1932

ВЕНЧАНИЕ ПЛОДАМИ

Плоды Мичурина и кактусы Бербанка,
Прозрачные, как солнечная банка,
Распределенные на кучи и холмы,
Как вы волнуете безумные умы!
Как вы сияете своим прозрачным светом,
Когда, подобные светилам и кометам,
Лежите, образуя вокруг нас
Красивых яблоков большие вавилоны!
Кусочки солнц, включенные в законы
Людских страстей, мы породили вас
Для новой жизни и для высших правил.
Когда землей невежественно правил
Животному подобный человек, —
Напоминали вы уродцев и калек,
Среди природы дикой и могучей.
Вас червь глодал и, налетая тучей,
Хлестал вас град по маленьким телам,
И ветер Севера бывал неласков к вам,
И ястреб — рощи царь — перед началом ночи
Выклевывал из вас сияющие очи
И морщил кожицу и соки леденил.

Преданье говорит, что Змей определил
Быть яблоку сокровищницей знаний.

Во тьме веков и в сумраке преданий
Встает пред нами рай — страна средь облаков,
Страна, среди светил висящая, где звери
С большими лицами блаженных чудаков
Гуляют, учатся и молятся химере,
И разговаривают. И посреди небес
Стоит, как башня, дремлющее древо.
Оно — центр сфер и чудо из чудес
И тайна тайн. Направо и налево
Огромные суки поддерживают свод
Густых листов. И сумрачно и строго
Сквозь яблоко лицо большое Бога
Глядит на нас и светом обдает.

. . . .

Теперь, когда, соперничая с тучей,
Плоды, мы вызвали вас к жизни наилучшей,
Когда для вас построены дома,
Чтоб расцвели зародыши ума,
Чтоб мысли в вас окрепли и созрели,
Чтобы глаза на совершенном теле
Открылись, чтобы длинные листы
Могли владеть пером, чтоб умные кусты
Могли передвигать корнями, как ногами,
Чтоб из плодов вы сделались богами,
Чтоб наша жизнь была сплошной плодовый сад, —
Скажите мне — какой чудесный клад
Несете вы поведать человеку?

Я заключил бы вас в свою библиотеку,
Я прочитал бы вас и вычислил закон,
Хранимый вами, и со всех сторон
Измерил вас, чтобы понять строенье
Живого солнца и его кипенье.

О маленькие солнышки! О свечки,
Зажженные средь мякоти! Вы — печки,
Дающие глазам моим тепло.
Отныне все прозрачно и кругло
В моих глазах. Земля в тяжелых сливах,
И тысячи людей веселых и счастливых

В ладонях держат персики, и барбарис
На шее девушки, блаженствуя, повис.
Тут крепость яблоков, там башня из малины,
Тут войско тыкв, тяжелых, как снаряд,
И человечество с ногами исполина
Лежит, беседуя с плодами наугад.
И новобрачные, едва поцеловавшись,
Глядят на нас, из яблок приподнявшись,
И мы венчаем их, и тысячи садов
Венчают нас венчанием плодов.

Когда Бербанк в курятнике лежал,
Исследуя плодов первопричину,
Он был Адам, который не бежал
От яблока, чтоб не упасть в пучину.
Он был Адам и первый садовод,
Бананов друг и кактусов оплот,
И прах его, разрушенный годами,
Теперь лежит, увенчанный плодами.

1932.

ОСЕНЬ

Когда минует день и освещение
Природа выбирает не сама,
Осенних рощ большие помещения
Стоят на воздухе, как чистые дома.
В них ястребы живут, вороны в них ночуют,
И облака вверху, как призраки, кочуют.

Осенних листьев ссохлось вещество
И землю всю устлало. В отдалении
На четырех ногах большое существо
Идет, мыча, в туманное селение.
Бык, бык! Ужели больше ты не царь?
Кленовый лист напоминает нам янтарь.

Дух Осени, дай силу мне владеть пером!
В строенье воздуха — присутствие алмаза.
Бык скрылся за углом,
И солнечная масса
Туманным шаром над землей висит
И край земли, мерцая, кровенит.

Вращая круглым глазом из-под век,
Летит внизу большая птица.
В ее движенье чувствуется человек.
По крайней мере он таится
В своем зародыше меж двух широких крыл.
Жук домик между листьев приоткрыл.

Архитектура Осени. Расположенье в ней
Воздушного пространства, рощи, речки,
Расположение животных и людей,
Когда летят по воздуху колечки
И завитушки листьев, и особый свет, —
Вот то, что выберем среди других примет.

Жук домик между листьев приоткрыл
И, рожки выставив, выглядывает,
Жук разных корешков себе нарыл
И в кучку складывает,
Потом трубит в свой маленький рожок
И вновь скрывается, как маленький божок.

Но вот приходит ветер. Все, что было чистым,
Пространственным, светящимся, сухим, —
Все стало серым, неприятным, мглистым,
Неразличимым. Ветер гонит дым,
Вращает воздух, листья валит ворохом
И верх земли взрывает порохом.

И вся природа начинает леденеть.
Лист клена, словно медь,
Звенит, ударившись о маленький сучок.

И мы должны понять, что это есть значок,
Который посылает нам природа,
Вступившая в другое время года.

1932.

БИТВА СЛОНОВ

Воин слова, по ночам
Петь пора твои мечам!
На бессильные фигурки существительных
Кидаются лошадки прилагательных,
Косматые всадники
Преследуют конницу глаголов,
И снаряды междометий
Рвутся над головами,
Как сигнальные ракеты.
Битва слонов! Значений бой!
В башне Синтаксис — разбой.
Европа сознания
В пожаре восстания.
Не взирая на пушки врагов,
Стреляющие разбитыми буквами,
Боевые слоны подсознания
Вылезают и топчутся,
Словно исполинские малютки.
Но вот, с рождения не евши,
Они бросаются в таинственные бреши
И с человеческими фигурками в зубах
Счастливо поднимаются на задние ноги.
Слоны подсознания!
Боевые животные преисподней!
Они стоят, приветствуя веселым воем
Все, что захвачено разбоем.
Маленькие глазки слонов
Наполнены смехом и радостью.
Сколько игрушек! Сколько хлопушек!

Пушки замолкли, крови покушав,
Синтаксис домики строит не те,
Мир в неуклюжей стоит красоте.
Деревьев отброшены старые правила,
На новую землю их битва направила.
Они разговаривают, пишут сочинения,
Весь мир неуклюжего полон значения!
Волк вместо разбитой морды
Приделал себе человечье лицо,
Вытащил флейту, играет без слов
Первую песню военных слонов.
Поэзия, сраженье проиграв,
Стоит в растерзанной короне.
Рушились башен столетних Монбланы,
Где цифры сияли, как будто полканы,
Где меч силлогизма горел и сверкал,
Проверенный чистым рассудком.
И что же? Сражение он проиграл
Во славу иным прибауткам!
Поэзия в великой муке
Ломает бешеные руки,
Клянет весь мир,
Себя зарезать хочет,
То, как безумная, хохочет,
То в поле бросится, то вдруг
Лежит в пыли, имея много мук.
На самом деле, как могло случиться,
Что пала древняя столица?
Весь мир к поэзии привык,
Все было так понятно.
В порядке конница стояла,
На пушках цифры малевала,
И на знаменах слово Ум
Кивало всем, как добрый кум.
И вдруг какие-то слоны...
И все перевернулось!
Поэзия начинает приглядываться,
Изучать движения новых фигур,
Она начинает понимать красоту неуклюжести,
Красоту слона, выброшенного преисподней.

Сраженье кончено. В пыли
Цветут растения земли,
И слон, рассудком приручаем,
Ест пироги и запивает чаем.

1933.

МЕРКНУТ ЗНАКИ ЗОДИАКА

Меркнут знаки Зодиака
Над просторами полей.
Спит животное Собака,
Дремлет птица Воробей.
Толстозадые русалки
Улетают прямо в небо, —
Руки крепкие, как палки,
Груди круглые, как репа.
Ведьма, сев на треугольник,
Превращается в дымок.
С лешачихами покойник
Стройно пляшет кекуок.
А за ними бледным хором
Ловят Муху колдуны,
И стоит над косогором
Неподвижный лик луны.

Меркнут знаки Зодиака
Над постройками села,
Спит животное Собака,
Дремлет рыба Камбала.
Колотушка тук-тук-тук,
Спит животное Паук,
Спит Корова, Муха спит,
Над землей луна висит.
Над землей большая плошка
Опрокинутой воды.
Леший вытащил бревешко

Из мохнатой бороды,
Из-за облака сирена
Ножку выставила вниз,
Людоед у джентльмена
Неприличное отгрыз.
Все смешалось в общем танце
И летят во все концы
Гамадриллы и британцы,
Ведьмы, блохи, мертвецы.

Кандидат былых столетий,
Полководец новых лет —
Разум мой! Уродцы эти —
Только вымысел и бред.
Только вымысел, мечтанье,
Сонной мысли колыханье,
Безутешное страданье —
То, чего на свете нет...

Высока земли обитель.
Поздно, поздно. Спать пора.
Разум, бедный мой воитель,
Ты заснул бы до утра.
Что сомненья, что тревоги?
День прошел и мы с тобой —
Полузвери, полубоги —
Засыпаем на пороге
Новой жизни трудовой.

Колотушка тук-тук-тук.
Спит животное Паук,
Спит Корова, Муха спит.
Над землей луна висит.
Над землей большая плошка
Опрокинутой воды...
Спит растение Картошка
Засыпай скорей и ты!

1933.

* *
*

Природа черная, как кузница,
Кто ты — богиня или узница?
Когда бы ты была богиней,
То не дружила бы с пустыней.
Давно бы, верно, умерла.
Природа черная, как кузница,
Отныне людям будь союзница.
Тебя мы вылечим в больнице,
Посадим в школу за букварь,
Чтоб говорить умели птицы
И знали волки календарь.
Чтобы в лесу, саду и школе
Уж по своей, не нашей, воле
Природа, полная ума,
На нас работала сама.

ПРОЩАНИЕ

Памяти С. М. Кирова.

Прощание! Скорбное слово!
Безгласное темное тело.
С высот Ленинграда сурово
Холодное небо глядело.
И молча, без грома и пенья,
Все три боевых поколенья
В тот день бесконечной толпою
Прошли, расставаясь с тобою.

В холодных садах Ленинграда,
Забытая в траурном марше,
Огромных дубов колоннада
Стояла как будто на страже.
Казалось, высо́ко над нами
Природа сомкнулась рядами

И тихо рыдала и пела,
Узнав неподвижное тело.

Но видел я дальние дали
И слышал с друзьями моими,
Как дети детей повторяли
Его незабвенное имя.
И мир исполински прекрасный
Сиял над могилой безгласной,
И был он надежен и крепок,
Как сердца погибшего слепок.

1934.

НАЧАЛО ЗИМЫ

Зимы холодное и ясное начало
Сегодня в дверь мою три раза простучало.
Я вышел в поле. Острый, как металл,
Мне зимний воздух сердце спеленал,
Но я вздохнул и, разгибая спину,
Легко сбежал с пригорка на равнину,
Сбежал и вздрогнул: речки страшный лик
Вдруг глянул на меня и в сердце мне проник.

Заковывая холодом природу,
Зима идет и руки тянет в воду.
Река дрожит и, чуя смертный час,
Уже открыть не может томных глаз,
И все ее беспомощное тело
Вдруг страшно вытянулось и оцепенело
И, еле двигая свинцовою волной,
Теперь лежит и бьется головой.

Я наблюдал, как речка умирала,
Не день, не два, но только в этот миг,
Когда она от боли застонала,
В ее сознанье, кажется, проник.
В печальный час, когда исчезла сила,

Когда вокруг не стало никого,
Природа в речке нам изобразила
Скользящий мир сознанья своего.

И уходящий трепет размышленья
Я, кажется, прочел в глухом ее томленье
И в выраженье волн предсмертные черты
Вдруг уловил. И если знаешь ты,
Как смотрят люди в день своей кончины,
Ты взгляд реки поймешь. Уже до середины
Смертельно почерневшая вода
Чешуйками подергивалась льда.

И я стоял у каменной глазницы,
Ловил на ней последний отблеск дня.
Огромные внимательные птицы
Смотрели с елки прямо на меня.
И я ушел. И ночь уже спустилась.
Крутился ветер, падая в трубу.
И речка, вероятно, еле билась,
Затвердевая в каменном гробу.

1935.

ВЕСНА В ЛЕСУ

Каждый день на косогоре я
Пропадаю, милый друг.
Внешних дней лаборатория
Расположена вокруг.

В каждом маленьком растеньице,
Словно в колбочке живой,
Влага солнечная пенится
И кипит сама собой.

Эти колбочки исследовав,
Словно химик или врач,
В длинных перьях фиолетовых
По дороге ходит грач.

Он штудирует внимательно
По тетрадке свой урок
И больших червей питательных
Собирает детям впрок.

А в глуши лесов таинственных,
Нелюдимый, как дикарь,
Песню прадедов воинственных
Начинает петь глухарь.

Словно идолище древнее,
Обезумев от греха,
Он рокочет за деревнею
И колышет потроха.

А на кочках под осинами,
Солнца празднуя восход,
С причитаньями старинными
Водят зайцы хоровод.

Лапки к лапкам прижимаючи,
Вроде маленьких ребят,
Про свои обиды заячьи
Монотонно говорят.

И над песнями, над плясками
В эту пору каждый миг,
Населяя землю сказками,
Пламенеет солнца лик.

И, наверно, наклоняется
В наши древние леса
И невольно улыбается
На лесные чудеса.

1935.

ЗАСУХА

О солнце, раскаленное чрез меру,
Угасни, смилуйся над бедною землей!
Мир призраков колеблет атмосферу,
Дрожит весь воздух ярко-золотой.
Над желтыми лохмотьями растений
Плывут прозрачные фигуры испарений.
Как страшен ты, костлявый мир цветов,
Сожженных венчиков, расколотых листов,
Обезображенных, обугленных головок,
Где бродит стадо божиих коровок!

В смертельном обмороке бедная река
Чуть шевелит засохшими устами.
Украсив дно большими бороздами,
Ползут улитки, высунув рога.
Подводные кибиточки, повозки,
Коробочки из перла и известки,
Остановитесь! В этот страшный день
Ничто не движется, пока не пала тень.
Лишь вечером, как только за дубравы
Опустится багровый солнца круг,
Заплакав жалобно, придут в сознанье травы.
Вздохнут дубы, подняв остатки рук.

Но жизнь моя печальней во сто крат,
Когда болеет разум одинокий
И вымыслы, как чудища, сидят,
Поднявши морды над гнилой осокой.
И в обмороке смутная душа,
И, как улитки, движутся сомненья,
И на песках, колеблясь и дрожа,
Встают, как уголь, черные растенья.

И чтобы снова исцелился разум,
И дождь и вихрь пускай ударят разом!
Ловите молнию в большие фонари,
Руками черпайте кристальный свет зари,
И радуга, упавшая на плечи,
Пускай дома украсит человечьи.

Не бойтесь бурь! Пускай ударит в грудь
Природы очистительная сила!
Ей все равно с дороги не свернуть,
Которую сознанье начертило.
Учительница, девственница, мать,
Ты не богиня, да и мы не боги,
Но все-таки, как сладко понимать
Твои бессвязные и смутные уроки!

1936.

НОЧНОЙ САД

О сад ночной, таинственный орган,
Лес длинных труб, приют виолончелей!
О сад ночной, печальный караван
Немых дубов и неподвижных елей!

Он целый день метался и шумел.
Был битвой дуб и тополь — потрясеньем.
Сто тысяч листьев, как сто тысяч тел,
Переплетались в воздухе осеннем.

Железный Август в длинных сапогах
Стоял вдали с большой тарелкой дичи.
И выстрелы гремели на лугах,
И в воздухе мелькали тельца птичьи.

И сад умолк, и месяц вышел вдруг,
Легли внизу десятки длинных теней,
И души лип вздымали кисти рук,
Все голосуя против преступлений.

О сад ночной, о бедный сад ночной,
О существа, заснувшие надолго!
О ты, возникшая над самой головой
Туманных звезд таинственная Волга!

1936.

ВСЕ, ЧТО БЫЛО В ДУШЕ

Все, что было в душе, все как будто опять потерялось,
И лежал я в траве, и печалью и скукой томим,
И прекрасное тело цветка надо мной поднималось,
И кузнечик, как маленький сторож, стоял перед ним.

И тогда я открыл свою книгу в большом переплете,
Где на первой странице растения виден чертеж.
И, черна и мертва, протянулась от книги к природе
То ли правда цветка, то ли в нем заключенная ложь.

И цветок с удивленьем смотрел на свое отраженье
И как будто пытался чужую премудрость понять.
Трепетало в листах непривычное мысли движенье,
То усилие воли, которое не передать.

И кузнечик трубу свою поднял, и природа внезапно проснулась,
И запела печальная тварь славословье уму.
И подобье цветка в старой книге моей шевельнулось
Так, что сердце мое шевельнулось навстречу ему.

1936.

ВЧЕРА, О СМЕРТИ РАЗМЫШЛЯЯ

Вчера, о смерти размышляя,
Ожесточилась вдруг душа моя.
Печальный день! Природа вековая
Из тьмы лесов смотрела на меня.

И нестерпимая тоска разъединенья
Пронзила сердце мне, и в этот миг
Все, все услышал я — и трав вечерних пенье,
И речь воды, и камня мертвый крик.

И я, живой, скитался над полями,
Входил без страха в лес,

И мысли мертвецов прозрачными столбами
Вокруг меня вставали до небес.

И голос Пушкина был над листвою слышен,
И птицы Хлебникова пели у воды.
И встретил камень я. Был камень неподвижен,
И проступал в нем лик Сковороды.

И все существованья, все народы
Нетленное хранили бытие,
И сам я был не детище природы,
Но мысль ее! Но зыбкий ум ее!

1936.

ГОРИЙСКАЯ СИМФОНИЯ

Есть в Грузии необычайный город.
Там буйволы, засунув шею в ворот,
Стоят, как боги древности седой,
Склонив рога над шумною водой;
Там основанья каменные хижин
Из первобытных сложены булыжин,
И тополя, расставленные в ряд,
Подняв над миром трепетное тело,
По-карталински медленно шумят
О подвигах великого картвела.

И древний холм в уборе ветхих башен
Царит вверху, и город, полный сил,
Его суровым бременем украшен,
Все племена в себе объединил.
Взойди на холм, прислушайся к дыханью
Камней и трав, и, сдерживая дрожь,
Из сердца вырвавшийся гимн существованью,
Счастливый, ты невольно запоешь.

Как широка, как сладостна долина,
Теченье рек как чисто и легко,

Как цепи гор, слагаясь воедино,
Преображенные, сияют далеко!
Здесь центр земли. Живой язык природы
Здесь учит нас основам языка,
И своды слов стоят, как башен своды,
И мысль течет, как горная река.

Ты помнишь вечер? Солнце опускалось,
Дымился неба купол голубой.
Вся Карталиния в огнях переливалась,
Мычали буйволы, качаясь над Курой.
Замолкнул город, тих и неподвижен,
И эта хижина — беднейшая из хижин —
Казалась нам и меньше, и темней.
Но как влеклось мое сознанье к ней!

Припоминая отрочества годы,
Хотел понять я, как в такой глуши
Образовался действием природы
Первоначальный строй его души, —
Как он смотрел в небес огромный купол,
Как гладил буйвола, как свой твердил урок,
Как в тайниках души своей баюкал
То, что еще и высказать не мог.

Привет тебе, о Грузия моя,
Рожденная в страданиях и буре!
Привет вам, виноградники, поля,
Гром тракторов и пенье чианури!
Привет тебе, мой брат имеретин,
Привет тебе, могучий карталинец,
Мегрел задумчивый и храбрый осетин.
И с виноградной чащей кахетинец!
Привет тебе, могучий мой Кавказ,
Короны гор и пропасти ущелий!
Привет тебе, кто слышал в первый раз
Торжественное пенье Руставели!

Приходит ночь, и песня на устах
У всех, у всех от Мцхета до Сигнаха.
Поет хевсур, весь в ромбах и крестах,

Свой щит и меч повесив в Борисахо.
Из дальних гор, из каменной избы
Выходят сваны длинной вереницей,
И воздух прорезает звук трубы,
И скалы отвечают ей сторицей.
И мы садимся около костров,
Вздымаем чашу дружеского пира,
И «Мравалжамиер» гремит в стране отцов —
Заздравный гимн — вождю народов мира.

И снова утро всходит над землею.
Прекрасен мир в начале октября!
Скрипит арба, народ бежит толпою,
И персики, как нежная заря,
Мерцают из раскинутых корзинок.
О, двух времен могучий поединок!
О, крепость мертвая на каменной горе!
О, спор веков и битва в Октябре!
Пронзен весь мир с подножья до вершины;
Исчез племен косноязычный быт;
И план, начертанный рукою исполина,
Перед народами открыт.

1936.

ОТРЫВОК ИЗ НЕРАЗЫСКАННОЙ ИЛИ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ ПОЭМЫ «ПТИЦЫ»

... Земля моя, мать моя, знаю
Твой непреложный закон. Не насильник, но умный хозяин
Ныне пришел человек и во имя всеобщего счастья
Жизнь он устроит свою. Знаю это. С какою любовью
Травы к травам прильнут! С каким щебетаньем и свистом
Птицы птиц окружат! Какой неистленно-прекрасной
Станет природа! И мысль, возвращенная сердцу,
Мысль человека каким торжеством загорится!

СЕВЕР

В воротах Азии, среди лесов дремучих,
Где сосны древние стоят, купая в тучах
Свои закованные холодом верхи;
Где волка валит с ног дыханием пурги;
Где холодом охваченная птица
Летит, летит и вдруг, затрепетав,
Повиснет в воздухе, и кровь ее сгустится,
И птица падает, замерзшая, стремглав;
Где в желобах своих гробообразных,
Составленных из каменного льда,
Едва течет в глубинах рек прекрасных
От наших взоров скрытая вода;
Где самый воздух, острый и блестящий,
Дает нам счастье жизни настоящей,
Весь из кристаллов холода сложен;
Где солнца шар короной окружен;
Где люди с ледяными бородами,
Надев на голову конический треух,
Сидят в санях и длинными столбами
Пускают изо рта оледенелый дух;
Где лошади, как мамонты в оглоблях,
Бегут урча; где дым стоит на кровлях,
Как изваяние, пугающее глаз;
Где снег, сверкая, падает на нас,
И каждая снежинка на ладони
То звездочку напомнит, то кружок,
То вдруг цилиндриком блеснет на небосклоне,
То крестиком опустится у ног;
В воротах Азии, в объятиях метели,
Где сосны в шубах и в тулупах ели, —
Несметные богатства затая,
Лежит в сугробах родина моя.

А дальше к Северу, где океан полярный
Гудит всю ночь и перпендикулярный
Над головою поднимает лед,
Где весь оледенелый самолет
Свой тяжкий винт едва-едва вращает

И дальние зимовья навещает, —
Там тень «Челюскина» среди отвесных плит,
Как призрак царственный, над пропастью стоит.

Корабль недвижим. Призрак величавый,
Что ты стоишь с твоею чудной славой?
Ты — пар воображенья, ты — фантом,
Но подвиг твой — свидетельство о том,
Что здесь, на Севере, в средине льдов тяжелых,
Разрезав моря каменную грудь,
Флотилии огромных ледоколов
Необычайный вырубили путь.

Как бронтозавры каменного века,
Они прошли, созданья человека,
Плавучие вместилища чудес,
Бия винтами, льдам наперерез.
И вся природа мертвыми руками
Простерлась к ним, но, брошенная вспять,
Горой отчаянья легла над берегами
И не посмела головы поднять.

1936.

СЕДОВ

Он умирал, сжимая компас верный.
Природа мертвая, закованная льдом,
Лежала вкруг него, и солнца лик пещерный
Через туман просвечивал с трудом.
Лохматые, с ремнями на груди,
Свой легкий груз собаки чуть влачили.
Корабль, затертый в ледяной могиле,
Уж далеко остался позади.
И целый мир остался за спиною!
В страну безмолвия, где полюс-великан,
Увенчанный тиарой ледяною,
С меридианом свел меридиан;
Где полукруг полярного сиянья

Копьем алмазным небо пересек;
Где вековое мертвое молчанье
Нарушить мог один лишь человек, —
Туда, туда! В страну туманных бредней,
Где обрывается последний жизни нить!
И сердца стон и жизни миг последний —
Все, все отдать, но полюс победить!

Он умирал посереди дороги,
Болезнями и голодом томим.
В цинготных пятнах ледяные ноги,
Как бревна, мертвые лежали перед ним.
Но странно! В этом полумертвом теле
Еще жила великая душа:
Превозмогая боль, едва дыша,
К лицу приблизив компас еле-еле,
Он проверял по стрелке свой маршрут
И гнал вперед свой поезд погребальный...
О край земли, угрюмый и печальный!
Какие люди побывали тут!

И есть на дальнем Севере могила...
Вдали от мира высится она.
Один лишь ветер воет там уныло
И снега ровная блистает пелена.
Два верных друга, чуть живые оба,
Среди камней героя погребли,
И не было ему простого даже гроба,
Щепотки не было родной ему земли.
И не было ему ни почестей военных,
Ни траурных салютов, ни венков,
Лишь два матроса, стоя на коленях,
Как дети, плакали одни среди снегов.

Но люди мужества, друзья, не умирают!
Теперь, когда над нашей головой
Стальные вихри воздух рассекают
И пропадают в дымке голубой,
Когда, достигнув снежного зенита,
Наш флаг над полюсом колеблется, крылат,
И обозначены углом теодолита

Восход луны и солнечный закат, —
Друзья мои, на торжестве народном
Помянем тех, кто пал в краю холодном!

Вставай, Седов, отважный сын земли!
Твой старый компас мы сменили новым,
Но твой поход на Севере суровом
Забыть в своих походах не могли.
И жить бы нам на свете без предела,
Вгрызаясь в льды, меняя русла рек, —
Отчизна воспитала нас и в тело
Живую душу вдунула навек.
И мы пойдем в урочища любые,
И, если смерть застигнет у снегов,
Лишь одного просил бы у судьбы я:
Так умереть, как умирал Седов.

1937.

ГОЛУБИНАЯ КНИГА

В младенчестве я слышал много раз
Полузабытый прадедов рассказ
О книге сокровенной... За рекою
Кровавый луч зари, бывало, чуть горит,
Уж спать пора, уж белой пеленою
С реки ползет туман и сердце леденит,
Уж бедный мир, забыв свои страданья, —
Затихнул весь, и только вдалеке
Кузнечик, маленький работник мирозданья,
Все трудится, поет, не требуя вниманья, —
Один, на непонятном языке...
О тихий час, начало летней ночи!
Деревня в сумерках. И возле темных хат
Седые пахари, полузакрывши очи,
На бревнах еле слышно говорят.

И вижу я сквозь темноту ночную,
Когда огонь над трубкой вспыхнет вдруг,
То спутанную бороду седую,
То жилы выпуклые истомленных рук.
И слышу я знакомое сказанье,
Как правда кривду вызвала на бой,
Как одолела кривда, и крестьяне
С тех пор живут, обижены судьбой.
Лишь далеко на океане-море,
На белом камне, посредине вод,
Сияет книга в золотом уборе,
Лучами упираясь в небосвод.
Та книга выпала из некой грозной тучи,
Все буквы в ней цветами проросли,
И в ней написана рукой судеб могучей
Вся правда сокровенная земли.
Но семь на ней повешено печатей,
И семь зверей ту книгу стерегут,
И велено до той поры молчать ей,
Пока печати в бездну не спадут.

А ночь горит над тихою землею,
Дрожащим светом залиты поля,
И высоко плывут над головою
Туманные ночные тополя.
Как сказка — мир. Сказания народа,
Их мудрость темная, но милая вдвойне,
Как эта древняя могучая природа,
С младенчества запали в душу мне...

Где ты, старик, рассказчик мой ночной?
Мечтал ли ты о правде трудовой
И верил ли в годину искупленья?
Не знаю я... Ты умер, наг и сир,
И над тобою, полные кипенья,
Давно шумят иные поколенья,
Угрюмый перестраивая мир.

1937.

МЕТАМОРФОЗЫ

Как мир меняется! И как я сам меняюсь!
Лишь именем одним я называюсь, —
На самом деле то, что именуют мной, —
Не я один. Нас много. Я — живой.
Чтоб кровь моя остынуть не успела,
Я умирал не раз. О, сколько мертвых тел
Я отделил от собственного тела!
И если б только разум мой прозрел
И в землю устремил пронзительное око,
Он увидал бы там, среди могил, глубоко
Лежащего меня. Он показал бы мне
Меня, колеблемого на морской волне,
Меня, летящего по ветру в край незримый, —
Мой бедный прах, когда-то так любимый.

А я все жив! Все чище и полней
Объемлет дух скопленье чудных тварей.
Жива природа. Жив среди камней
И злак живой и мертвый мой гербарий.
Звено в звено и форма в форму. Мир
Во всей его живой архитектуре —
Орган поющий, море труб, клавир,
Не умирающий ни в радости, ни в буре.

Как все меняется! Что было раньше птицей,
Теперь лежит написанной страницей;
Мысль некогда была простым цветком;
Поэма шествовала медленным быком;
А то, что было мною, то, быть может,
Опять растет и мир растений множит.

Вот так, с трудом пытаясь развивать
Как бы клубок какой-то сложной пряжи,
Вдруг и увидишь то, что должно называть
Бессмертием. О, суеверья наши!

1937.

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Опять мне блеснула, окована сном,
Хрустальная чаша во мраке лесном.

Сквозь битвы деревьев и волчьи сраженья,
Где пьют насекомые сок из растенья,
Где буйствуют стебли и стонут цветы,
Где хищная тварями правит природа,
Пробрался к тебе я и замер у входа,
Раздвинув руками сухие кусты.

В венце из кувшинок, в уборе осок,
В сухом ожерелье растительных дудок
Лежал целомудренной влаги кусок,
Убежище рыб и пристанище уток.
Но странно, как тихо и важно кругом!
Откуда в трущобах такое величье?
Зачем не беснуется полчище птичье,
Но спит, убаюкано сладостным сном?
Один лишь кулик на судьбу негодует
И в дудку растенья бессмысленно дует.

И озеро в тихом вечернем огне
Лежит в глубине, неподвижно сияя,
И сосны, как свечи, стоят в вышине,
Смыкаясь рядами от края до края.
Бездонная чаша прозрачной воды
Сияла и мыслила мыслью отдельной.
Так око больного в тоске беспредельной
При первом сиянье вечерней звезды,
Уже не сочувствуя телу больному,
Горит, устремленное к небу ночному,
И толпы животных и диких зверей,
Просунув сквозь елки рогатые лица,
К источнику правды, к купели своей
Склонялись воды животворной напиться.

1938.

СОЛОВЕЙ

Уже умолкала лесная капелла.
Едва открывал свое горлышко чижик.
В коронке листов соловьиное тело
Одно, не смолкая, над миром звенело.

Чем больше я гнал вас, коварные страсти,
Тем меньше я мог насмехаться над вами.
В твоей ли, пичужка ничтожная, власти
Безмолвствовать в этом сияющем храме?

Косые лучи, ударяя в поверхность
Прохладных листов, улетали в пространство.
Чем больше тебя я испытывал, верность,
Тем меньше я верил в твое постоянство.

А ты, соловей, пригвожденный к искусству,
В свою Клеопатру влюбленный Антоний,
Как мог ты довериться, бешеный, чувству,
Как мог ты увлечься любовной погоней?

Зачем, покидая вечерние рощи,
Ты сердце мое разрываешь на части?
Я болен тобою, а было бы проще
Расстаться с тобою, уйти от напасти.

Уж так, видно, мир этот создан, чтоб звери,
Родители первых пустынных симфоний,
Твои восклицанья услышав в пещере,
Мычали и выли: «Антоний! Антоний!»

1939.

СЛЕПОЙ

С опрокинутым в небо лицом,
С головой непокрытой,
Он торчит у ворот,
Этот проклятый Богом старик.

Целый день он поет,
И напев его грустно-сердитый,
Ударяя в сердца,
Поражает прохожих на миг.

А вокруг старика
Молодые шумят поколенья.
Расцветая в садах,
Сумасшедшая стонет сирень.
В белом гроте черемух
По серебряным листьям растений
Поднимается к небу
Ослепительный день...

Что ж ты плачешь, слепец?
Что томишься напрасно весною?
От надежды былой
Уж давно не осталось следа.
Черной бездны твоей
Не укроешь весенней листвою,
Полумертвых очей
Не откроешь, увы, никогда.

Да и вся твоя жизнь —
Как большая привычная рана.
Не любимец ты солнцу,
И природе не родственник ты.
Научился ты жить
В глубине векового тумана,
Научился смотреть
В вековое лицо темноты...

И боюсь я подумать,
Что где-то у края природы
Я такой же слепец
С опрокинутым в небо лицом.
Лишь во мраке души
Наблюдаю я вешние воды,
Собеседую с ними
Только в горестном сердце моем.

О, с каким я трудом
Наблюдаю земные предметы.
Весь в тумане привычек,
Невнимательный, суетный, злой!
Эти песни мои —
Сколько раз они в мире пропеты!
Где найти мне слова
Для возвышенной песни живой?

И куда ты влечешь меня,
Темная, грозная муза,
По великим дорогам
Необъятной отчизны моей?
Никогда, никогда
Не искал я с тобою союза,
Никогда не хотел
Подчиниться я власти твоей, —

Ты сама меня выбрала,
И сама ты мне душу пронзила,
Ты сама указала мне
На великое чудо земли...
Пой же, старый слепец!
Ночь подходит. Ночные светила,
Повторяя тебя,
Равнодушно сияют вдали.

1946.

УТРО

Петух запевает, светает, пора!
В лесу под ногами гора серебра.

Там черных деревьев стоят батальоны,
Там елки как пики, как выстрелы — клены,
Их корни как шкворни, сучки как стропила,
Их ветры ласкают, им светят светила.

Там дятлы, качаясь на дубе сыром,
С утра вырубают своим топором
Угрюмые ноты из книги дубрав,
Короткие головы в плечи вобрав.

Рожденный пустыней,
Колеблется звук,
Колеблется синий
На нитке паук.
Колеблется воздух,
Прозрачен и чист,
В сияющих звездах
Колеблется лист.

И птицы, одетые в светлые шлемы,
Сидят на воротах забытой поэмы,
И девочка в речке играет нагая
И смотрит на небо, смеясь и мигая.

Петух запевает, светает, пора!
В лесу под ногами гора серебра.

1946.

ГРОЗА

Содрогаясь от мук, пробежала над миром зарница,
Тень от тучи легла, и слилась, и смешалась с травой.
Все труднее дышать, в небе облачный вал шевелится,
Низко стелется птица, пролетев над моей головой.

Я люблю этот сумрак восторга, эту краткую ночь вдохновенья,
Человеческий шорох травы, вещий холод на темной руке,
Эту молнию мысли и медлительное появленье
Первых дальних громов — первых слов на родном языке.

Так из темной воды появляется в мир светлоокая дева,
И стекает по телу, замирая в восторге, вода,

Травы падают в обморок, и направо бегут и налево
Увидавшие небо стада.

А она над водой, над просторами круга земного,
Удивленная, смотрит в дивном блеске своей наготы.
И, играя громами, в белом облаке катится слово,
И сияющий дождь на счастливые рвется цветы.

1946.

БЕТХОВЕН

В тот самый день, когда твои созвучья
Преодолели сложный мир труда,
Свет пересилил свет, прошла сквозь тучу туча,
Гром двинулся на гром, в звезду вошла звезда.

И, яростным охвачен вдохновеньем,
В оркестрах гроз и трепете громов,
Поднялся ты по облачным ступеням
И прикоснулся к музыке миров.

Дубравой труб и озером мелодий
Ты превозмог нестройный ураган,
И крикнул ты в лицо самой природе,
Свой львиный лик просунув сквозь орган.

И пред лицом пространства мирового
Такую мысль вложил ты в этот крик,
Что слово с воплем вырвалось из слова
И стало музыкой, венчая львиный лик.

В рогах быка опять запела лира,
Пастушьей флейтой стала кость орла,
И понял ты живую прелесть мира
И отделил добро его от зла.

И сквозь покой пространства мирового
До самых звезд прошел девятый вал...
Откройся, мысль! Стань музыкою, слово,
Ударь в сердца, чтоб мир торжествовал!

1946.

УСТУПИ МНЕ, СКВОРЕЦ, УГОЛОК

Уступи мне, скворец, уголок,
Посели меня в старом скворешнике.
Отдаю тебе душу в залог
За твои голубые подснежники.

И свистит и бормочет весна.
По колено затоплены тополи.
Пробуждаются клены от сна,
Чтоб, как бабочки, листья захлопали.

И такой на полях кавардак
И такая ручьев околесица,
Что попробуй, покинув чердак,
Сломя голову в рощу не броситься!

Начинай серенаду, скворец!
Сквозь литавры и бубны истории.
Ты — наш первый весенний певец
Из березовой консерватории.

Открывай представленье, свистун!
Запрокинься головкою розовой,
Разрывая сияние струн
В самом горле у рощи березовой.

Я и сам бы стараться горазд,
Да шепнула мне бабочка-странница:
— Кто бывает весною горласт,
Тот без голоса к лету останется.

А весна хороша, хороша!
Охватило всю душу сиренями.
Поднимай же скворешню, душа,
Над твоими садами весенними.

Поселись на высоком шесте,
Полыхая по небу восторгами,
Прилепись паутинкой к звезде
Вместе с птичьими скороговорками.

Повернись к мирозданью лицом,
Голубые подснежники чествуя,
С потерявшим сознанье скворцом
По весенним полям путешествуя.

1946.

ЧИТАЙТЕ, ДЕРЕВЬЯ, СТИХИ ГЕЗИОДА

Читайте, деревья, стихи Гезиода,
Дивись Оссиановым гимнам, рябина!
Не меч ты поднимешь сегодня, природа,
Но школьный звонок над щитом Кухулина.
Еще заливаются ветры, как барды,
Еще не смолкают березы Морвена,
Но зайцы и птицы садятся за парты
И к зверю девятая сходит Камена.
Березы, вы школьницы! Полно калякать,
Довольно скакать, задирая подолы!
Вы слышите, как через бурю и слякоть
Ревут водопады, спрягая глаголы?
Вы слышите, как перед зеркалом речек,
Под листьями ивы, под лапами ели,
Как маленький Гамлет, рыдает кузнечик,
Не в силах от вашей уйти канители?
Опять ты, природа, меня обманула,
Опять провела меня за нос, как сводня!
Во имя чего среди ливня и гула
Опять, как безумный, брожу я сегодня?

В который ты раз мне твердишь, потаскуха,
Что здесь, на пороге всеобщего тленья,
Не место бессмертным иллюзиям духа,
Что жизнь продолжается только мгновенье!
Вот так я тебе и поверил! Покуда
Не вытряхнут душу из этого тела,
Едва ли иного достоин я чуда,
Чем то, от которого сердце запело.
Мы, люди, — хозяева этого мира,
Его мудрецы и его педагоги,
Затем и поет Оссианова лира
Над чащею леса, у края берлоги.
От моря до моря, от края до края
Мы учим и пестуем младшего брата,
И бабочки, в солнечном свете играя,
Садятся на лысое темя Сократа.

1946.

ЕЩЕ ЗАРЯ НЕ ВСТАЛА НАД СЕЛОМ

Еще заря не встала над селом,
Еще лежат в саду десятки теней,
Еще блистает лунным серебром
Замерзший мир деревьев и растений.

Какая ранняя и звонкая зима!
Еще вчера был день прозрачно-синий,
Но за ночь ветер вдруг сошел с ума,
И выпал снег, и лег на листья иней.

И я смотрю, задумавшись, в окно.
Над крышами соседнего квартала,
Прозрачным пламенем своим окружено,
Восходит солнце медленно и вяло.

Седых берез волшебные ряды
Метут снега безжизненной куделью.

В кристалл холодный убраны сады,
Внезапно занесенные метелью.

Мой старый пес стоит, насторожась,
А снег уже блистает перламутром,
И все яснее чувствуется связь
Души моей с холодным этим утром.

Так на заре просторных зимних дней
Под сенью замерзающих растений
Нам предстают свободней и полней
Живые силы наших вдохновений.

1946.

В ЭТОЙ РОЩЕ БЕРЕЗОВОЙ

В этой роще березовой,
Вдалеке от страданий и бед,
Где колеблется розовый
Немигающий утренний свет,
Где прозрачной лавиною
Льются листья с высоких ветвей, —
Спой мне, иволга, песню пустынную,
Песню жизни моей.

Пролетев над поляною
И людей увидав с высоты,
Избрала деревянную
Неприметную дудочку ты,
Чтобы в свежести утренней,
Посетив человечье жилье,
Целомудренно бедной заутреней
Встретить утро мое.

Но ведь в жизни солдаты мы,
И уже на пределах ума
Содрогаются атомы
Белым вихрем взметая дома.

Как безумные мельницы,
Машут войны крылами вокруг.
Где ж ты, иволга, леса отшельница?
Что ты смолкла, мой друг?

Окруженная взрывами,
Над рекой, где чернеет камыш,
Ты летишь над обрывами,
Над руинами смерти летишь.
Молчаливая странница,
Ты меня провожаешь на бой,
И смертельное облако тянется
Над твоей головой.

За великими реками
Встанет солнце, и в утренней мгле
С опаленными веками
Припаду я, убитый, к земле.
Крикнув бешеным вороном,
Весь дрожа, замолчит пулемет.
И тогда в моем сердце разорванном
Голос твой запоет.

И над рощей березовой,
Над березовой рощей моей,
Где лавиною розовой
Льются листья с высоких ветвей,
Где под каплей божественной
Холодеет кусочек цветка, —
Встанет утро победы торжественной
На века.

1946.

Я НЕ ИЩУ ГАРМОНИИ В ПРИРОДЕ

Я не ищу гармонии в природе.
Разумной соразмерности начал
Ни в недрах скал, ни в ясном небосводе
Я до сих пор, увы, не различал.

Как своенравен мир ее дремучий!
В ожесточенном пении ветров
Не слышит сердце правильных созвучий,
Душа не чует стройных голосов.

Но в тихий час осеннего заката,
Когда умолкнет ветер вдалеке,
Когда, сияньем немощным объята,
Слепая ночь опустится к реке,

Когда, устав от буйного движенья,
От бесполезно тяжкого труда,
В тревожном полусне изнеможенья
Затихнет потемневшая вода,

Когда огромный мир противоречий
Насытится бесплодною игрой, —
Как бы прообраз боли человечьей
Из бездны вод встает передо мной.

И в этот час печальная природа
Лежит вокруг, вздыхая тяжело,
И не мила ей дикая свобода,
Где от добра неотделимо зло.

И снится ей блестящий вал турбины,
И мерный звук разумного труда,
И пенье труб, и зарево плотины,
И налитые током провода.

Так, засыпая на своей кровати,
Безумная, но любящая мать
Таит в себе высокий мир дитяти,
Чтоб вместе с сыном солнце увидать.

1947.

ВОЗДУШНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В крылатом домике, высóко над землей,
Двумя ревущими моторами влекомый,
Я пролетал вчера дорогой незнакомой,
И облака, скользя, толпились подо мной.

Два бешеных винта, два трепета земли,
Два грозных грохота, две ярости, две бури,
Сливая лопасти с блистанием лазури,
Влекли меня вперед. Гремели и влекли.

Лентообразных рек я видел перелив,
Я различал полей зеленоватых призму,
Туманно-синий лес, прижатый к организму
Моей живой земли, гнездился между нив.

Я к музыке винтов прислушивался, я
Согласный хор винтов распределял на части,
Я изучал их песнь, я понимал их страсти,
Я сам изнемогал от счастья бытия.

Я посмотрел в окно, и сквозь прозрачный дым
Блистательных хребтов суровые вершины,
Торжественно скользя под грозный рев машины,
Дохнули мне в лицо дыханьем ледяным.

И вскрикнула душа, узнав тебя, Кавказ!
И солнечный поток, прорезав тело тучи,
Упал, дымясь, на кристаллические кучи
Огромных ледников, и вспыхнул, и погас.

И далеко внизу, расправив два крыла,
Скользило подо мной подобье самолета.
Казалось, из долин за нами гнался кто-то,
Похитив свой наряд и перья у орла.

Быть может, это был неистовый Икар,
Который вырвался из пропасти вселенной,
Когда напев винтов с их тяжестью мгновенной
Нанес по воздуху стремительный удар.

И вот он гонится над пропастью земли,
Как привидение летающего грека,
И славит хор винтов победу человека,
И Грузия моя встречает нас вдали.

1947.

ХРАМГЭС

Плоскогорие Цалки, твою высоту
Стерегут, обступив, Триалетские скалы.
Ястреб в небе парит и кричит на лету,
И приветствует яростным воплем обвалы.

Здесь в бассейнах священная плещет форель,
Здесь стада из разбитого пьют саркофага,
Здесь с ума археологи сходят досель,
Открывая гробницы на склоне оврага.

Здесь История пела, как дева, вчера,
Но сегодня от грохота дрогнули горы,
Титанических взрывов взвились веера,
И взметнулись ракет голубых метеоры.

Там, где волны в ущелье пробили проход,
Многотонный бетон пересек горловину,
И река, закипев у подземных ворот,
Покатилась, бушуя, обратно в долину.

Словно пойманный зверь, зарычала она,
Вырывая орешник, вздымая каменья,
Заливая печальных гробниц письмена,
Где давно позабытые спят поколенья.

Опустись, моя муза, в глубокий тоннель!
Ты — подружка гидравлики, сверстница тока.
Пред тобой в глубине иверийских земель
Зажигается новое солнце Востока.

Ты послушай, как свищет стальной соловей,
Как трепещет в бетоне железный вибратор,
Опусти свои очи в зияющий кратер,
Что уходит в скалу под ногою твоей.

Здесь грузинские юноши, дети страны,
Словно зодчие мира, под звуки пандури
Заключили в трубу завывание бури
И в бетон заковали кипенье волны.

Нас подхватит волна, мы помчимся с тобой,
Мы по трубам низринемся в бездну ущелья,
Где раструбы турбин в хороводе веселья
Заливаются песней своей громовой.

Из пространств генератора мы полетим
Высоко над землей по струне передачи,
Мы забудем с тобою про все неудачи,
Наслаждаясь мгновенным полетом своим.

Над Курою огромные звезды горят,
Словно воины, встали вокруг кипарисы,
И залитые светом кварталы Тбилиси
О грядущих веках до утра говорят.

1947.

САГУРАМО

Я твой родничок, Сагурамо,
Наверно, вовек не забуду.
Здесь каменных гор панорама
Вставала, подобная чуду.

Здесь гор изумрудная груда
В одежде из груш и кизила,
Как некое древнее чудо,
Навек мое сердце пленила.

Спускаясь с высот Зедазени,
С развалин старинного храма,
Я видел, как тропы оленьи
Бежали к тебе, Сагурамо.

Здесь птицы, как малые дети,
Смотрели в глаза человечьи
И пели мне песню о лете
На птичьем блаженном наречье.

И в нише из древнего камня,
Где ласточек плакала стая,
Звучала струя родника мне,
Дугою в бассейн упадая.

И днем, над работой склоняясь,
И ночью, проснувшись в постели,
Я слышал, как, в окна врываясь,
Холодные струи звенели.

И мир превращался в огромный
Певучий источник величья,
И, песней его изумленный,
Хотел его тайну постичь я.

И спутники Гурамишвили,
Вставая из бездны столетий,
К постели моей подходили,
Рыдая, как малые дети.

И туч поднимались волокна,
И дождь барабанил по крыше,
И с шумом в открытые окна
Врывались летучие мыши.

И сердце Ильи Чавчавадзе
Гремело так громко и близко,
Что молнией стала казаться
Вершина его обелиска.

Я вздрагивал, я просыпался,
Я с треском захлопывал ставни,
И снова мне в уши врывался
Источник, звенящий на камне.

И каменный храм Зедазени
Пылал над блистательным Мцхетом,
И небо тропинки оленьи
Своим заливало рассветом.

1947.

НОЧЬ В ПАСАНАУРИ

Сияла ночь, играя на пандури,
Луна плыла в убежище любви,
И снова мне в садах Пасанаури
На двух Арагвах пели соловьи.

С Крестового спустившись перевала,
Где в мае снег и каменистый лед,
Я так устал, что не жалел нимало
Ни соловьев, ни песен, ни красот.

Под звуки соловьиного напева
Я взял фонарь, разделся догола,
И вот река, как бешеная дева,
Мое большое тело обняла.

И я лежал, схватившись за каменья,
И надо мной, сверкая, выл поток,
И камни шевелились в исступленье
И бормотали, прыгая у ног.

И я смотрел на бледный свет огарка,
Который колебался вдалеке,
И с берега огромная овчарка
Величественно двигалась к реке.

И вышел я на берег, словно воин,
Холодный, чистый, сильный и земной,
И гордый пес, как божество спокоен,
Узнав меня, улегся предо мной.

И в эту ночь в садах Пасанаури,
Изведав холод первобытных струй,
Я принял в сердце первый звук пандури,
Как в отрочестве — первый поцелуй.

1947.

Я ТРОГАЛ ЛИСТЫ ЭКВАЛИПТА

Я трогал листы эквалипта
И твердые перья агавы,
Мне пели вечернюю песню
Аджарии сладкие травы.
Магнолия в белом уборе
Склоняла туманное тело,
И синее-синее море
У берега бешено пело.

Но в яростном блеске природы
Мне снились московские рощи,
Где синее небо бледнее,
Растенья скромнее и проще.
Где нежная иволга стонет
Над светлым видением луга,
Где взоры печальные клонит
Моя дорогая подруга.

И вздрогнуло сердце от боли,
И светлые слезы печали
Упали на чаши растений,
Где белые птицы кричали.
А в небе, седые от пыли,

Стояли камфарные лавры,
И в бледные трубы трубили,
И в медные били литавры.

1947.

УРАЛ

(Отрывок)

Зима. Огромная просторная зима.
Деревьев громкий треск звучит, как канонада.
Глубокий мрак ночей выводит терема
Сверкающих снегов над выступами сада.
В одежде кристаллической своей
Стоят деревья. Темные вороны,
Сшибая снег с опущенных ветвей,
Шарахаются, немощны и сонны.
В оттенках грифеля клубится ворох туч,
И звезды, пробиваясь посредине,
Свой синеватый движущийся луч
Едва влачат по ледяной пустыне.

Но лишь заря прорежет небосклон
И встанет солнце, как, подобно чуду,
Свет тысячи огней возникнет отовсюду,
Частицами снегов в пространство отражен.
И девственный пожар январского огня
Вдруг упадет на школьный палисадник,
И хоры петухов сведут с ума курятник,
И зимний день всплывет, ликуя и звеня.

В такое утро русский человек,
Какое б с ним ни приключилось горе,
Не может тосковать. Когда на косогоре
Вдруг заскрипел под валенками снег
И большеглазых розовых детей
Опять мелькнули радостные лица, —

Лариса поняла: довольно ей томиться,
Довольно мучиться. Пора очнуться ей!

В тот день она рассказывала детям
О нашей родине. И в глубину времен,
К прошедшим навсегда тысячелетьям,
Был взор ее духовный устремлен.
И дети видели, как в глубине веков,
Образовавшись в огненном металле,
Платформы двух земных материков
Средь раскаленных лав затвердевали.
В огне и буре плавала Сибирь,
Европа двигала свое большое тело,
И солнце, как огромный нетопырь,
Сквозь желтый пар таинственно глядело.
И вдруг, подобно льдинам в ледоход,
Материки столкнулись. В небосвод
Метнулся камень, образуя скалы;
Расплавы звонких руд вонзились в интервалы
И трещины пород; подземные пары,
Как змеи извиваясь меж камнями,
Пустоты скал наполнили огнями
Чудесных самоцветов. Все дары
Блистательной таблицы элементов
Здесь улеглись для наших инструментов
И затвердели. Так возник Урал.

Урал, седой Урал! Когда в былые годы
Шумел строительства первоначальный вал,
Кто, покоритель скал и властелин природы,
Короной черных домн тебя короновал?
Когда магнитогорские мартены
Впервые выбросили свой стальной поток,
Кто отворил твои безжизненные стены,
Кто за собой сердца людей увлек
В кипучий мир бессмертных пятилеток?
Когда бы из могил восстал наш бедный предок
И посмотрел вокруг, чтоб целая страна
Вдруг сделалась ему со всех сторон видна, —
Как изумился б он! Из черных недр Урала,
Где царствует топаз и турмалин,

Пред ним бы жизнь невиданная встала,
Наполненная пением машин.
Он увидал бы мощные громады
Магнитных скал, сползающих с высот,
Он увидал бы полный сил народ,
Трудящийся в громах подземной канонады,
И землю он свою познал бы в первый раз...

Не отрывая от Ларисы глаз,
Весь класс молчал, как бы завороженный.
Лариса чувствовала: огонек, зажженный
Ее словами, будет вечно жить
В сердцах детей. И совершилось чудо:
Воспоминаний горестная груда
Вдруг перестала сердце ей томить.
Что сердце? Сердце — воск. Когда ему блеснет
Огонь сочувственный, огонь родного края,
Растопится оно и, медленно сгорая,
Навстречу жизни радостно плывет.

1947.

ГОРОД В СТЕПИ

1

Степным ветрам не писаны законы.
Пирамидальный склон воспламеняя,
Всю ночь над нами тлеют терриконы —
Живые горы дыма и огня.
Куда ни глянь, от края и до края
На пьедесталах каменных пород
Стальные краны, в воздухе ныряя,
Свой медленный свершают оборот.
И вьется дым в искусственном ущелье,
И за составом движется состав,
И свищет ветер в бешеном веселье,
Над Казахстаном крылья распластав.

2

Какой простор для мысли и труда!
Какая сила дерзости и воли!
Кто, чародей, в необозримом поле
Воздвиг потомству эти города?
Кто выстроил пролеты колоннад,
Кто вылепил гирлянды на фронтонах,
Кто средь степей разбил испепеленных
Фонтанами взрывающийся сад?
А ветер стонет, свищет и гудит,
Рвет вымпела, над башнями играя,
И изваянье Ленина стоит,
В седые степи руку простирая.
И степь пылает на исходе дня,
И тень руки ложится на равнины,
И в честь вождя заводят песнь акыны,
Над инструментом голову склоня.
И затихают шорохи и вздохи,
И замолкают птичьи голоса,
И вопль певца из струнной суматохи,
Как вольный беркут, мчится в небеса.
Летит, летит, летит... остановился...
И замер где-то в солнце... А внизу
Переполох восторга прокатился,
С туманных струн рассыпав бирюзу.
Но странный голос, полный ликованья,
Уже вступил в особый мир чудес,
И целый город, затаив дыханье,
Следит за ним под куполом небес.
И Ленин смотрит в глубь седых степей,
И думою чело его объято,
И песнь летит, привольна и крылата,
И, кажется, конца не будет ей.
И далеко в сиянии зари,
В своих широких шляпах из брезента,
Шахтеры вторят звону инструмента,
И поднимают к небу фонари.

3

Гомер степей на пегой лошаденке
Несется вдаль, стремительно красив.
Вослед ему летят сизоворонки,
Головки на закат поворотив.
И вот, ступив ногой на солончак,
Стоит верблюд, Ассаргадон пустыни,
Дитя печали, гнева и гордыни,
С тысячелетней тяжестью в очах.
Косматый лебедь каменного века,
Он плачет так, что слушать нету сил,
Как будто он, скиталец и калека,
Вкусив пространства, счастья не вкусил.
Закинув темя за предел земной,
Он медленно ворочает глазами,
И тамариск, обрызганный слезами,
Шумит пред ним серебряной волной.

4

Надев остроконечные папахи
И наклонясь на гриву скакуна,
Вокруг отар во весь опор казахи
Несутся, вьются, стиснув стремена.
И стрепет, вылетев из-под копыт,
Шарахается в поле, как лазутчик,
И солнце жжет верхи сухих колючек,
И на сто верст простор вокруг открыт.
И Ленин на холме Караганды
Глядит в необозримые просторы,
И вкруг него ликуют птичьи хоры,
Звенит домбра и плещет ток воды.
И за составом движется состав,
И льется уголь из подземной клети,
И ветер гонит тьму тысячелетий,
Над Казахстаном крылья распластав.

1947.

В ТАЙГЕ

За высокий сугроб закатилась звезда,
Блещет месяц — глазам невтерпеж.
Кедр, владыка лесов, под наростами льда
На брильянтовый замок похож.

Посреди кристаллически-белых громад
На седом телеграфном столбе,
Оседлав изоляторы, совы сидят,
И в лицо они смотрят тебе.

Запахнув на груди исполинский тулуп,
Ты стоишь над землянкой звена.
Крепко спит в тишине молодой лесоруб,
Лишь тебе одному не до сна.

Обнимая огромный канадский топор,
Ты стоишь неподвижен и хмур.
Пред тобой голубую пустыню простер
Замурованный льдами Амур.

И далеко внизу полыхает пожар,
Рассыпая огонь по реке,
Это печи свои отворил сталевар
В Комсомольске, твоем городке.

Это он подмигнул в ледяную тайгу,
Это он побратался с тобой,
Чтобы ты не заснул на своем берегу,
Не замерз, околдован тайгой.

Так растет человеческой дружбы зерно,
Так в январской морозной пыли
Два могучие сердца, сливаясь в одно,
Пламенеют над краем земли.

1947.

ТВОРЦЫ ДОРОГ

1

Рожок поет протяжно и уныло, —
Давно знакомый утренний сигнал!
Покуда медлит сонное светило,
В свои права вступает аммонал.
Над крутизною старого откоса
Уже трещат бикфордовы шнуры,
И вдруг — удар, и вздрогнула береза,
И взвыло чрево каменной горы.
И, выдохнув короткий, белый пламень
Под напряженьем многих атмосфер,
Завыл, запел, взлетел под небо камень,
И заволокся дымом весь карьер.
И, равномерным грохотом обвала
До глубины своей потрясена,
Из тьмы лесов трущоба простонала,
И, простонав, замолкнула она.
Поет рожок над дальнею горою,
Восходит солнце, заливая лес,
И мы бежим нестройною толпою,
Подняв ломы громам наперерез.
Так под напором сказочных гигантов,
Работающих тысячами рук,
Из недр вселенной ад поднялся Дантов
И, грохнув наземь, раскололся вдруг.
При свете солнца разлетелись страхи,
Исчезли толпы духов и теней.
И вот лежит, сверкающий во прахе,
Подземный мир блистательных камней.
И все черней становится и краше
Их влажный и неправильный излом.
О, эти расколовшиеся чаши,
Обломки звезд с оторванным крылом!
Кубы и плиты, стрелы и квадраты,
Мгновенно отвердевшие грома, —
Они лежат передо мной, разъяты
Одним усильем светлого ума.
Еще прохлада дышит вековая

Над грудью их, еще курится пыль,
Но экскаватор, черный ковш вздымая,
Уж сыплет их, урча, в автомобиль.

2

Угрюмый Север хмурился ревниво,
Но с каждым днем все жарче и быстрей
Навстречу льдам Берингова пролива
Неслась струя тропических морей.
Под непрерывный грохот аммонала,
Весенними лучами озарен,
Уже летел, раскинув опахала,
Огромный, как ракета, махаон.
Сиятельный и пышный самозванец,
Он, как светило, вздрагивал и плыл,
И вслед ему неслась толпа созданьиц,
Подвесив тельца меж лазурных крыл.
Кузнечики, согретые лучами,
Отщелкивали в воздухе часы,
Тяжелый жук, летающий скачками,
Влачил, как шлейф, гигантские усы.
И сотни тварей, на своей свирели
Однообразный поднимая вой,
Ползли, толклись, метались, пили, ели,
Вились, как столб, над самой головой.
И в куполе звенящих насекомых,
Среди болот и неподвижных мхов,
С вершины сопок, зноем опаленных,
Вздымался мир невиданных цветов.
Соперничая с блеском небосвода,
Здесь, посредине хлябей и камней,
Казалось, в небо бросила природа
Всю ярость красок, собранную в ней.
Над суматохой лиственных сплетений,
Над ураганом зелени и трав
Здесь расцвела сама душа растений,
Огромные цветы образовав.
Когда горят над сопками Стожары

И пенье сфер проносится вдали,
Колокола и сонные гитары
Им нежно откликаются с земли.
Есть хор цветов, неуловимый ухом,
Концерт тюльпанов и квартет лилей.
Быть может, только бабочкам и мухам
Он слышен ночью посреди полей.
В такую ночь, соперница лазурей,
Вся сопка дышит, звуками полна,
И тварь земная музыкальной бурей
До глубины души потрясена.
И, засыпая в первобытных норах,
Твердит она уже который век
Созвучье тех мелодий, о которых
Так редко вспоминает человек.

3

Рожок гудел, и сопка клокотала,
Узкоколейка пела у реки.
Подобье циклопического вала
Пересекало древний мир тайги.
Здесь, в первобытном капище природы,
В необозримом вареве болот,
Врубаясь в лес, проваливаясь в воды,
Срываясь с круч, мы двигались вперед.
Нас ветер бил с Амура и Амгуни,
Трубил нам лось, и волк нам выл вослед,
Но все, что здесь до нас лежало втуне,
Мы подняли и вынесли на свет.
В стране, где кедрам светят метеоры,
Где молится березам бурундук,
Мы отворили заступами горы
И на восток пробились и на юг.
Охотский вал ударил в наши ноги,
Морские птицы прянули из трав,
И мы стояли на краю дороги,
Сверкающие заступы подняв.

1947.

ЗАВЕЩАНИЕ

Когда на склоне лет иссякнет жизнь моя
И, погасив свечу, опять отправлюсь я
В необозримый мир туманных превращений,
Когда мильоны новых поколений
Наполнят этот мир сверканием чудес
И довершат строение природы, —
Пускай мой бедный прах покроют эти воды,
Пусть приютит меня зеленый этот лес.

Я не умру, мой друг. Дыханием цветов
Себя я в этом мире обнаружу.
Многовековый дуб мою живую душу
Корнями обовьет, печален и суров.
В его больших листах я дам приют уму,
Я с помощью ветвей свои взлелею мысли,
Чтоб над тобой они из тьмы лесов повисли
И ты причастен был к сознанью моему.

Над головой твоей, далекий правнук мой,
Я в небе пролечу, как медленная птица.
Я вспыхну над тобой, как бледная зарница,
Как летний дождь прольюсь, сверкая над травой.
Нет в мире ничего прекрасней бытия.
Безмолвный мрак могил — томление пустое.
Я жизнь мою прожил, я не видал покоя:
Покоя в мире нет. Повсюду жизнь и я.

Не я родился в мир, когда из колыбели
Глаза мои впервые в мир глядели, —
Я на земле моей впервые мыслить стал,
Когда почуял жизнь безжизненный кристалл,
Когда впервые капля дождевая
Упала на него, в лучах изнемогая.

О, я недаром в этом мире жил!
И сладко мне стремиться из потемок,
Чтоб, взяв меня в ладонь, ты, дальний мой потомок,
Доделал то, что я не довершил.

1947.

ЖЕНА

Откинув со лба шевелюру,
Он хмуро сидит у окна.
В зеленую рюмку микстуру
Ему наливает жена.

Как робко, как пристально-нежно
Болезненный светится взгляд,
Как эти кудряшки потешно
На тощей головке висят!

С утра он все пишет да пишет,
В неведомый труд погружен.
Она еле ходит, чуть дышит,
Лишь только бы здравствовал он.

А скрипнет под ней половица,
Он брови взметнет, — и тотчас
Готова она провалиться
От взгляда пронзительных глаз.

Так кто же ты, гений вселенной?
Подумай: ни Гёте, ни Дант
Не знали любви столь смиренной,
Столь трепетной веры в талант.

О чем ты скребешь на бумаге?
Зачем ты так вечно сердит?
Что ищешь, копаясь во мраке
Своих неудач и обид?

Но коль ты хлопочешь на деле
О благе, о счастье людей,
Как мог ты не видеть доселе
Сокровища жизни своей?

1948.

ГДЕ-ТО В ПОЛЕ ВОЗЛЕ МАГАДАНА

Где-то в поле возле Магадана,
Посреди опасностей и бед,
В испареньях мерзлого тумана
Шли они за розвальнями вслед.
От солдат, от их луженых глоток,
От бандитов шайки воровской
Здесь спасали только околодок
Да наряды в город за мукой.
Вот они и шли в своих бушлатах —
Два несчастных русских старика,
Вспоминая о родимых хатах
И томясь о них издалека.
Вся душа у них перегорела
Вдалеке от близких и родных,
И усталость, сгорбившая тело,
В эту ночь снедала души их...
Дивная мистерия вселенной
Шла в театре северных светил,
Но огонь ее проникновенный
До людей уже не доходил.
Вкруг людей посвистывала вьюга,
Заметая мерзлые пеньки.
И на них, не глядя друг на друга,
Замерзая, сели старики.
Стали кони, кончилась работа,
Смертные доделались дела...
Обняла их сладкая дремота,
В дальний край, рыдая, повела.
Не нагонит больше их охрана,
Не настигнет лагерный конвой,
Лишь одни созвездья Магадана
Засверкают, став над головой.

(1947-1948).

ПРОХОЖИЙ

Исполнен душевной тревоги,
В треухе, с солдатским мешком,
По шпалам железной дороги
Шагает он ночью пешком.

Уж поздно.. На станцию Нара
Ушел предпоследний состав.
Луна из-за края амбара
Сияет, над кровлями встав.

Свернув в направлении к мосту,
Он входит в весеннюю глушь,
Где сосны, склоняясь к погосту,
Стоят, словно скопища душ.

Тут летчик у края аллеи
Покоится в ворохе лент,
И мертвый пропеллер, белея,
Венчает его монумент.

И в темном чертоге вселенной,
Над сонною этой листвой
Встает тот нежданно мгновенный
Пронзающий душу покой.

Тот дивный покой, пред которым,
Волнуясь и вечно спеша,
Смолкает с опущенным взором
Живая людская душа.

И в легком шуршании почек,
И в медленном шуме ветвей
Невидимый юноша-летчик
О чем-то беседует с ней.

А тело бредет по дороге,
Шагая сквозь тысячи бед,
И горе его, и тревоги
Бегут, как собаки, вослед.

1948.

ЖУРАВЛИ

Вылетев из Африки в апреле
К берегам отеческой земли,
Длинным треугольником летели,
Утопая в небе, журавли.

Вытянув серебряные крылья
Через весь широкий небосвод,
Вел вожак в долину изобилья
Свой немногочисленный народ.

Но когда под крыльями блеснуло
Озеро, прозрачное насквозь,
Черное зияющее дуло
Из кустов навстречу поднялось.

Луч огня ударил в сердце птичье,
Быстрый пламень вспыхнул и погас,
И частица дивного величья
С высоты обрушилась на нас.

Два крыла, как два огромных горя,
Обняли холодную волну,
И, рыданью горестному вторя,
Журавли рванулись в вышину.

Только там, где движутся светила,
В искупленье собственного зла
Им природа снова возвратила
То, что смерть с собою унесла:

Гордый дух, высокое стремленье,
Волю непреклонную к борьбе —
Все, что от былого поколенья
Переходит, молодость, к тебе.

А вожак в рубашке из металла
Погружался медленно на дно,
И заря над ним образовала
Золотого зарева пятно.

1948.

ЧИТАЯ СТИХИ

Любопытно, забавно и тонко:
Стих ,почти не похожий на стих.
Бормотанье сверчка и ребенка
В совершенстве писатель постиг.

И в бессмыслице скомканной речи
Изощренность известная есть.
Но возможно ль мечты человечьи
В жертву этим забавам принесть?

И возможно ли русское слово
Превратить в щебетанье щегла,
Чтобы смысла живая основа
Сквозь него прозвучать не могла?

Нет! Поэзия ставит преграды
Нашим выдумкам, ибо она
Не для тех, кто, играя в шарады,
Надевает колпак колдуна.

Тот, кто жизнью живет настоящей,
Кто к поэзии с детства привык,
Вечно верует в животворящий,
Полный разума русский язык.

1948.

КОГДА ВДАЛИ УГАСНЕТ СВЕТ ДНЕВНОЙ

Когда вдали угаснет свет дневной
И в черной мгле, склоняющийся к хатам,
Все небо заиграет надо мной,
Как колоссальный движущийся атом, —

В который раз томит меня мечта,
Что где-то там, в другом углу вселенной,

Такой же сад, и та же темнота,
И те же звезды в красоте нетленной.

И, может быть, какой-нибудь поэт
Стоит в саду и думает с тоскою,
Зачем его я на исходе лет
Своей мечтой туманной беспокою.

1948.

ОТТЕПЕЛЬ

Оттепель после метели,
Только утихла пурга,
Разом сугробы осели
И потемнели снега.

В клочьях разорванной тучи
Блещет осколок луны.
Сосен тяжелые сучья
Мокрого снега полны.

Падают, плавятся, льются
Льдинки, втыкаясь в сугроб.
Лужи, как тонкие блюдца,
Светятся около троп.

Пусть молчаливой дремотой
Белые дышат поля,
Неизмеримой работой
Занята снова земля.

Скоро проснутся деревья,
Скоро, построившись в ряд,
Птиц перелетных кочевья
В трубы весны затрубят.

1948.

ПРИБЛИЖАЛСЯ АПРЕЛЬ К СЕРЕДИНЕ

Приближался апрель к середине,
Бил ручей, упадая с откоса,
День и ночь грохотал на плотине
Деревянный лоток водосброса.

Здесь, под сенью дряхлеющих ветел,
Из которых любая — калека,
Я однажды, гуляя, заметил
Незнакомого мне человека.

Он стоял и держал пред собою
Непочатого хлеба ковригу
И свободной от груза рукою
Перелистывал старую книгу.

Лоб его бороздила забота,
И здоровьем не выдалось тело,
Но упорная мысли работа
Глубиной его сердца владела.

Пробежав за страницей страницу,
Он вздымал удивленное око,
Наблюдая ручьев вереницу,
Устремленную в пену потока.

В этот миг перед ним открывалось
То, что было незримо доселе,
И душа его в мир поднималась,
Как дитя из своей колыбели.

А грачи так безумно кричали
И так яростно ветлы шумели,
Что казалось, остаток печали
Отнимать у него не хотели.

1948.

ПОЗДНЯЯ ВЕСНА

Осветив черепицу на крыше
И согрев древесину сосны,
Поднимается выше и выше
Запоздалое солнце весны.

В розовато-коричневом дыме
Не покрытых листами ветвей,
Весь пронизан лучами косыми,
Бьет крылом и поет соловей.

Как естественно здесь повторенье
Лаконически медленных фраз,
Точно малое это творенье
Их поет специально для нас!

О любимые сердцем обманы,
Заблужденья младенческих лет!
В день, когда зеленеют поляны,
Мне от вас избавления нет.

Я, как древний Коперник, разрушил
Пифагорово пенье светил
И в основе его обнаружил
Только лепет и музыку крыл.

1948.

ПОЛДЕНЬ

Понемногу вступает в права
Ослепительно знойное лето.
Раскаленная солнцем трава
Испареньями влаги одета.

Пожелтевший от зноя лопух
Развернул розоватые латы
И стоит, задыхаясь от мух,
Под высокими окнами хаты.

Есть в расцвете природы моей
Кратковременный миг пресыщенья,
Час, когда перламутровый клей
Выделяют головки растенья.

Утомились орудья любви,
Страсть иссякла, но пламя былое
Дотлевает и бродит в крови
Уж не тело, но ум беспокоя.

Но к полудню заснет и оно,
И в средине небесного свода
Лишь смертельного зноя пятно
Различит, замирая, природа.

1948.

ЛЕБЕДЬ В ЗООПАРКЕ

Сквозь летние сумерки парка
По краю искусственных вод
Красавица дева, дикарка —
Высокая лебедь плывет.

Плывет белоснежное диво,
Животное, полное грез,
Колебля на лоне залива
Лиловые тени берез.

Головка ее шелковиста,
И мантия снега белей,
И дивные два аметиста
Мерцают в глазницах у ней.

И светлое льется сиянье
Над белым изгибом спины,
И вся она как изваянье
Приподнятой к небу волны.

Скрежешут над парком трамваи,
Скрипит под машинами мост,
Истошно кричат попугаи,
Поджав перламутровый хвост.

И звери сидят в отдаленье,
Приделаны к выступам нор,
И смотрят фигуры оленьи
На воду сквозь тонкий забор.

И вся мировая столица,
Весь город сверкающий наш,
Над маленьким парком теснится,
Этаж громоздя на этаж,

И слышит, как в сказочном мире,
У самого края стены,
Крылатое диво на лире
Поет нам о счастье весны.

1948.

СКВОЗЬ ВОЛШЕБНЫЙ ПРИБОР ЛЕВЕНГУКА

Сквозь волшебный прибор Левенгука
На поверхности капли воды
Обнаружила наша наука
Удивительной жизни следы.

Государство смертей и рождений,
Нескончаемой цепи звено, —
В этом мире чудесных творений
Сколь ничтожно и мелко оно!

Но для бездн, где летят метеоры,
Ни большого, ни малого нет,
И равно беспредельны просторы
Для микробов, людей и планет.

В результате их общих усилий
Зажигается пламя Плеяд,
И кометы летят легкокрылей,
И быстрее созвездья летят.

И в углу невысокой вселенной,
Под стеклом кабинетной трубы,
Тот же самый поток неизменный
Движет тайная воля судьбы.

Там я звездное чую дыханье,
Слышу речь органических масс
И стремительный шум созиданья,
Столь знакомый любому из нас.

1948.

ТБИЛИССКИЕ НОЧИ

Отчего, как восточное диво,
Черноока, печальна, бледна,
Ты сегодня всю ночь молчаливо
До рассвета сидишь у окна?

Распластались во мраке платаны,
Ночь брильянтовой чашей горит,
Дремлют горы, темны и туманны,
Кипарис, как живой, говорит.

Хочешь, завтра под звуки пандури,
Сквозь вина золотую струю
Я умчу тебя в громе и буре
В ледяную отчизну мою?

Вскрикнут кони, разломится время,
И по руслу реки до зари
Полетим мы, забытые всеми,
Разрывая лучей янтари.

Я закутаю смуглые плечи
В снежный ворох сибирских полей,
Будут сосны гореть, словно свечи,
Над мерцаньем твоих соболей.

Там, в огромном безмолвном просторе,
Где поет, торжествуя, пурга,
Позабудешь ты южное море,
Золотые его берега.

Ты наутро поднимешь ресницы:
Пред тобой, как лесные царьки,
Золотые песцы и куницы
Запоют, прибежав из тайги.

Поднимая мохнатые лапки,
Чтоб тебя не обидел мороз,
Принесут они в лапках охапки
Перламутровых северных роз.

Гордый лось с голубыми рогами
На своей величавой трубе,
Окруженный седыми снегами,
Песню свадьбы сыграет тебе.

И багровое солнце, пылая
Всей громадой холодных огней,
Как живой великан, догорая,
Улыбнется печали твоей.

Что случилось сегодня в Тбилиси?
Льется воздух, как льется вино.
Спят стрижи на оконном карнизе,
Кипарисы глядятся в окно.

Сквозь туманную дымку вуали
Пробиваются брызги огня.
Посмотри на меня, генацвале,
Оглянись, посмотри на меня!

1948.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ СТЕПЕЙ

1

Окружая поля и овраги,
Голубая встает полоса.
Вот они, регуляторы влаги,
Драгоценные наши леса!
Здесь, на этой безбрежной равнине,
Где закат молчалив и багров,
Где несутся из чрева пустыни
Раскаленные волны ветров;
Где, носитель бессмысленной муки,
Над просторами наших полей
Пляшет, вытянув в воздухе руки,
Повелитель ветров — суховей;
Где мелеют Донец с Калитвою,
Задыхаются Волга и Дон, —
Разгорается каждой весною
Бой во имя грядущих времен.

2

От Каспийских пустынь до Урала
Растянувшись на тысячу верст,
Встанет здесь наподобие вала
Наш могучий зеленый форпост.
Там, где ветер горячий несносен,
Там, где дышат огнем небеса,
В бой мы бросим дивизии сосен,
Многолетних дубов корпуса.
Пусть рокочут в степях барабаны,
Пусть труба над пустыней ревет, —
Не согнутся дубы-великаны,
Устремленные грудью вперед.
Разрывая живыми руками
Тело ветра на сотни частей,
Пусть природа работает с нами
Против собственной злобы своей.

3

Поднимая зеленые всходы,
Управляя течением рек,
В мастерскую могучей природы,
Как хозяин, вступил человек.
Не во имя корыстной наживы,
Не затем, чтоб царил произвол,
Перестроил он наново нивы,
Зеркала водоемов возвел.
Нет, рожден на заре коммунизма,
Замледелец, рабочий, солдат, —
Он стремился к тому, чтоб Отчизна
Увеличила силы стократ.
Вот идет он по вешним полянам,
Осязая полей торжество,
И живительным сталинским планом
Переполнено сердце его.

(1949).

НА РЕЙДЕ

Был поздний вечер. На террасах
Горы, сползающей на дно,
Дремал поселок, опоясав
Лазурной бухточки пятно.

Туманным кругом акварели
Лежала в облаке луна,
И звезды еле-еле тлели,
И еле двигалась волна.

Под равномерный шум прибоя
Качались в бухте корабли.
И вдруг, утробным воем воя,
Все море вспыхнуло вдали.

И в ослепительном сплетенье
Огней, пронзивших небосвод,
Гигантский лебедь, белый гений,
На рейде встал электроход.

Он встал над бездной вертикальной
В тройном созвучии октав,
Обрывки бури музыкальной
Из окон щедро раскидав.

Он весь дрожал от этой бури,
Он с морем был в одном ключе,
Но тяготел к архитектуре,
Подняв антенну на плече.

Он в море был явленьем смысла,
Где электричество и звук,
Как равнозначащие числа,
Передо мной предстали вдруг.

1949

ГУРЗУФ

В большом полукружии горных пород,
    Где, темные ноги разув,
В лазурную чашу сияющих вод
    Спускается сонный Гурзуф,
Где скалы, вступая в зеркальный затон,
    Стоят по колено в воде,
Где море поет, подперев небосклон,
    И зеркалом служит звезде, —
Лишь здесь я познал превосходство морей
    Над нашею тесной землей,
Услышал медлительный ход кораблей
    И отзвук равнины морской.
Есть таинство отзвуков. Может быть, нас
    Затем и волнует оно,

Что каждое сердце предчувствует час,
Когда оно канет на дно.
О, что бы я только не отдал взамен
За то, чтобы даль донесла
И стон Персефоны, и пенье сирен,
И звон боевого весла!

1949.

СВЕТЛЯКИ

Слова — как светляки с большими фонарями.
Пока рассеян ты и не всмотрелся в мрак,
Ничтожно и темно их девственное пламя
И неприметен их одушевленный прах.

Но ты взгляни на них весною в южном Сочи,
Где олеандры спят в торжественном цвету,
Где море светляков горит над бездной ночи
И волны в берег бьют, рыдая на лету.

Сливая целый мир в единственном дыханье,
Там из-под ног твоих земной уходит шар,
И уж не их огни твердят о мирозданье,
Но отдаленных гроз колеблется пожар.

Дыхание фанфар и бубнов незнакомых
Там медленно гудит и бродит в вышине.
Что жалкие слова? Подобье насекомых!
И все же эта тварь была послушна мне.

1949.

БАШНЯ ГРЕМИ*)

Ух, башня проклятая! Сто ступеней!
Соратник огню и железу,
По выступам ста треугольных камней
Под самое небо я лезу.

Винтом извивается башенный ход,
Отверстье, пробитое в камне.
Сорвись-ка! Никто и костей не найдет.
Вгрызается в сердце тоска мне.

А следом за мною, в холодном поту,
Как я, распростершие руки,
Какие-то люди ползут в высоту,
Таща самопалы и луки.

О черные стены бряцает кинжал,
На шлемах сияние брезжит.
Доносится снизу, заполнив провал,
Кольчуг несмолкаемых скрежет.

А там, в подземелье соборных руин,
Где царская скрыта гробница,
Леван-полководец, Леван-властелин**)
Из каменной ниши стучится:

«Вперед, кахетинцы, питомцы орлов!
Да здравствует родина наша!
Вовеки не сгинет отеческий кров
Под черной пятой кизилбаша***)!»

И мы на последнюю всходим ступень,
И солнце ударило в очи,
И в сердце ворвался стремительный день
Всей силой своих полномочий.

---

*) Греми — древняя столица Кахетии, развалины которой сохранились до сих пор.

**) Леван — кахетинский царь, проводивший в XVI веке политику сближения с Московским государством.

***) Кизилбаши — персы.

В парче винограда, в живом янтаре,
Где дуб переплелся с гранатом,
Кахетия пела, гордясь в октябре
Своим урожаем богатым.

Как пламя, в марани*) струилось вино,
Веселье лилось из давилен,
И был кизилбаш, позабытый давно,
Пред этой страною бессилен.

И реял над нею свободный орлан,
Вздувающий перья на шлеме,
И так же, как некогда витязь Леван,
Стерег опустевшую Греми.

1950.

ОБЛЕТАЮТ ПОСЛЕДНИЕ МАКИ

Облетают последние маки,
Журавли улетают, трубя,
И природа в болезненном мраке
Непохожа сама на себя.

По пустынной и голой аллее,
Шелестя облетевшей листвой,
Отчего ты, себя не жалея,
С непокрытой бредешь головой?

Жизнь растений теперь затаилась
В этих странных обрубках ветвей.
Ну, а что же с тобой приключилось,
Что с душой приключилось твоей?

Как посмел ты красавицу эту,
Драгоценную душу твою,

*) Марани — погреб для вина.

Отпустить, чтоб скиталась по свету,
Чтоб погибла в далеком краю?

Пусть непрочны домашние стены,
Пусть дорога уводит во тьму, —
Нет на свете печальней измены,
Чем измена себе самому.

1952.

ПРОЩАНИЕ С ДРУЗЬЯМИ

В широких шляпах, длинных пиджаках,
С тетрадями своих стихотворений,
Давным-давно рассыпались вы в прах,
Как ветки облетевшие сирени.

Вы в той стране, где нет готовых форм,
Где все разъято, смешано, разбито,
Где вместо неба — лишь могильный холм
И неподвижна лунная орбита.

Там на ином, невнятном языке
Поет синклит беззвучных насекомых,
Там с маленьким фонариком в руке
Жук-человек приветствует знакомых.

Спокойно ль вам, товарищи мои?
Легко ли вам? И все ли вы забыли?
Теперь вам братья — корни, муравьи,
Травинки, вздохи, столбики из пыли.

Теперь вам сестры — цветики гвоздик,
Соски сирени, щепочки, цыплята...
И уж не в силах вспомнить ваш язык
Там наверху оставленного брата.

Ему еще не место в тех краях,
Где вы исчезли, легкие, как тени,
В широких шляпах, длинных пиджаках,
С тетрадями своих стихотворений.

1952.

СТАРАЯ СКАЗКА

В этом мире, где наша особа
Выполняет неясную роль,
Мы с тобою состаримся оба,
Как состарился в сказке король.

Догорает, светясь терпеливо,
Наша жизнь в заповедном краю,
И встречаем мы здесь молчаливо
Неизбежную участь свою.

Но когда серебристые пряди
Над твоим засверкают виском,
Разорву пополам я тетради
И с последним расстанусь стихом.

Пусть душа, словно озеро, плещет
У порога подземных ворот
И багровые листья трепещут,
Не касаясь поверхности вод.

1952.

ВОСПОМИНАНИЕ

Наступили месяцы дремоты...
То ли жизнь, действительно, прошла,
То ль она, закончив все работы,
Поздней гостьей села у стола.

Хочет пить — не нравятся ей вина,
Хочет есть — кусок не лезет в рот.
Слушает, как шепчется рябина,
Как щегол за окнами поет.

Он поет о той стране далекой,
Где едва заметен сквозь пургу
Бугорок могилы одинокой
В белом кристаллическом снегу.

Там в ответ не шепчется береза,
Корневищем вправленная в лед.
Там над нею в обруче мороза
Месяц окровавленный плывет.

1952.

ВЕСНА В МИСХОРЕ

1. *Иудино дерево.*

Когда, страдая от простуды,
Ай-Петри высится в снегу,
Кривое деревце Иуды
Цветет на южном берегу.
Весна блуждает где-то рядом,
А из долин уже глядят
Цветы, напитанные ядом
Коварства, горя и утрат.

2. *Птичьи песни*

Пусть в зеленую книгу природы
Не запишутся песни синиц, —
Величайшие наши рапсоды
Происходят из общества птиц.
Пусть не слушает их современник,

Путешествуя в этом краю, —
Им не нужно ни славы, ни денег
За бессмертную песню свою.

3. Учан-Су

Внимая собственному вою,
С недосягаемых высот
Висит над самой головою
Громада падающих вод.
И веет влажная прохлада
Вокруг нее, и каждый куст,
Обрызган пылью водопада,
Смеется тысячами уст.

4. У моря

Посмотри, как весною в Мисхоре,
Где серебряный пенится вал,
Непрерывно работает море,
Разрушая окраины скал.
Час настанет, и в сердце поэта,
Разрушая последние сны,
Вместо жизни останется эта
Роковая работа волны.

1953.

ПОРТРЕТ

Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.

Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас,
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас?

Ее глаза — как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза — как два обмана,
Покрытых мглою неудач.

Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуиспуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук.

Когда потемки наступают
И приближается гроза,
Со дна души моей мерцают
Ее прекрасные глаза.

1953.

* * *

Я воспитан природой суровой,
Мне довольно заметить у ног
Одуванчика шарик пуховый,
Подорожника твердый клинок.

Чем обычней простое растенье,
Тем живее волнует меня
Первых листьев его появленье
На рассвете весеннего дня.

В государстве ромашек, у края,
Где ручей, задыхаясь, поет.
Пролежал бы всю ночь до утра я,
Запрокинув лицо в небосвод.

Жизнь потоком светящейся пыли
Все текла бы, текла сквозь листы,
И туманные звезды светили,
Заливая лучами кусты.

И, внимая весеннему шуму
Посреди очарованных трав,
Все лежал бы и думал я думу
Беспредельных полей и дубрав.

1953.

ПОЭТ

Черен бор за этим старым домом,
Перед домом — поле да овсы.
В нежном небе серебристым комом
Облако невиданной красы.
По бокам туманно-лиловато,
Посредине грозно и светло, —
Медленно плывущее куда-то
Раненого лебедя крыло.
А внизу на стареньком балконе —
Юноша с седою головой,
Как портрет в старинном медальоне
Из цветов ромашки полевой.
Щурит он глаза свои косые,
Подмосковным солнышком согрет, —
Выкованный грозами России
Собеседник сердца и поэт.
А леса, как ночь, стоят за домом,
А овсы, как бешеные, прут...
То, что было раньше незнакомым,
Близким сердцу делается тут.

1953

ДОЖДЬ

В тумане облачных развалин
Встречая утренний рассвет,
Он был почти нематериален
И в формы жизни не одет.

Зародыш, выкормленный тучей,
Он волновался, он кипел,
И вдруг, веселый и могучий,
Ударил в струны и запел.

И засияла вся дубрава
Молниеносным блеском слез,
И листья каждого сустава
Зашевелились у берез.

Натянут тысячами нитей
Меж хмурым небом и землей,
Ворвался он в поток событий,
Повиснув книзу головой.

Он падал издали, с наклоном
В седые скопища дубрав,
И вся земля могучим лоном
Его пила, затрепетав.

1953

НОЧНОЕ ГУЛЯНЬЕ

Расступились на площади зданья,
Листья клена целуют звезду.
Нынче ночью — большое гулянье,
И веселье, и праздник в саду.

Но когда пиротехник из рощи
Бросит в небо серебряный свет,
Фантастическим выстрелам ночи
Не вполне доверяйся, поэт.

Улетит и погаснет ракета,
Потускнеют огней вороха...
Вечно светит лишь сердце поэта
В целомудренной бездне стиха.

1953

НЕУДАЧНИК

По дороге, пустынной обочиной,
Где лежат золотые пески,
Что ты бродишь такой озабоченный,
Умирая весь день от тоски?

Вон и старость, как ведьма глазастая,
Притаилась за ветхой ветлой.
Целый день по кустарникам шастая,
Наблюдает она за тобой.

Ты бы вспомнил, как в ночи походные
Жизнь твоя, загораясь в борьбе,
Руки девичьи, крылья холодные,
Положила на плечи тебе.

Милый взор, истомленно-внимательный,
Залил светом всю душу твою,
Но подумал ты трезво и тщательно
И вернулся в свою колею.

Крепко помнил ты старое правило —
Осторожно по жизни идти.
Осторожная мудрость направила
Жизнь твою по глухому пути.

Пролетела она в одиночестве
Где-то здесь, на задворках села,
Не спросила об имени-отчестве,
В золотые дворцы не ввела.

Поистратил ты разум недюжинный
Для каких-то бессмысленных дел.
Образ той, что сияла жемчужиной,
Потускнел, побледнел, отлетел.

Вот теперь и ходи и рассчитывай,
Сумасшедшие мысли тая,
Да смотри, как под тенью ракитовой
Усмехается старость твоя.

Не дорогой ты шел, а обочиной,
Не нашел ты пути своего,
Осторожный, всю жизнь озабоченный,
Неизвестно, во имя чего!

1953

ХОДОКИ

В зипунах домашнего покроя,
Из далеких сел, из-за Оки,
Шли они, неведомые, трое —
По мирскому делу ходоки.

Русь металась в голоде и буре,
Все смешалось, сдвинутое враз.
Гул вокзалов, крик в комендатуре,
Человечье горе без прикрас.

Только эти трое почему-то
Выделялись в скопище людей,
Не кричали бешено и люто,
Не ломали строй очередей.

Всматриваясь старыми глазами
В то, что здесь наделала нужда,
Горевали путники, а сами
Говорили мало, как всегда.

Есть черта, присущая народу:
Мыслит он не разумом одним, —
Всю свою душевную природу
Наши люди связывают с ним.

Оттого прекрасны наши сказки,
Наши песни, сложенные в лад.
В них и ум и сердце без опаски
На одном наречье говорят.

Эти трое мало говорили.
Что слова! Была не в этом суть.
Но зато в душе они скопили
Многое за долгий этот путь.

Потому, быть может, и таились
В их глазах тревожные огни
В поздний час, когда остановились
У порога Смольного они.

Но когда радушный их хозяин,
Человек в потертом пиджаке,
Сам работой до смерти измаян,
С ними говорил накоротке,

Говорил о скудном их районе,
Говорил о той поре, когда
Выйдут электрические кони
На поля народного труда,

Говорил, как жизнь расправит крылья,
Как, воспрянув духом, весь народ
Золотые хлебы изобилья
По стране, ликуя, понесет, —

Лишь тогда тяжелая тревога
В трех сердцах растаяла, как сон,
И внезапно видно стало много
Из того, что видел только он.

И котомки сами развязались,
Серой пылью в комнате пыля,
И в руках стыдливо показались
Черствые ржаные кренделя.

С этим угощеньем безыскусным
К Ленину крестьяне подошли.
Ели все. И горьким был и вкусным
Скудный дар истерзанной земли.

1954

ВОЗВРАЩЕНИЕ С РАБОТЫ

Вокруг села бродили грозы,
И часто, полные тоски,
Удары молнии сквозь слезы
Ломали небо на куски.

Хлестало, словно из баклаги,
И над собранием берез
Пир электричества и влаги
Сливался в яростный хаос.

А мы шагали по дороге
Среди кустарников и трав,
Как древнегреческие боги,
Трезубцы в облако подняв.

1954

ШАКАЛЫ

Среди черноморских предгорий,
На первой холмистой гряде,
Высокий стоит санаторий,
Купая ступени в воде.

Давно уже черным сапфиром
Склонился над ним небосклон,
Давно уж над дремлющим миром
Молчит ожерелье колонн.

Давно, утомившись от зноя,
Умолкли концерты цикад,
И люди в тиши и покое
Давно в санатории спят.

Лишь там, наверху, по оврагам,
Средь зарослей горной реки,
Полночным окутаны мраком,
Не гаснут всю ночь огоньки.

На всем полукружье залива,
То там появляясь, то тут,
И хищно они и трусливо
Мерцают, мигают, снуют.

Сперва боязливо и тонко,
Потом все слышней и слышней
С холмов верещанье ребенка
Доносится к миру людей.

И вот уже плачем и визгом
Наполнен небесный зенит.
Луна перламутровым диском
Испуганно в чащу глядит.

И видит: теснясь друг за другом
И мордочки к небу задрав,
Шакалы сидят полукругом
За темными листьями трав.

О чем они воют и плачут?
Кого проклиная, вопят?
Над ними у моря маячит
Колонн ослепительный ряд.

Там мир золотого сиянья,
Там жизнь, непонятная им...
Не эти ли светлые зданья
Клянут они воплем своим?

Но меркнет луна Черноморья,
И солнце встает в синеву,
И враз умолкают предгорья,
Туманом укутав траву.

И звери, по краю потока
Трусливо бегут в тростники,
Где в каменных норах глубоко
Беснуются их двойники.

1954

В КИНО

Утомленная после работы,
Лишь за окнами стало темно,
С выраженьем тяжелой заботы
Ты пришла почему-то в кино.

Ражий малый в коричневом фраке,
Как всегда, выбиваясь из сил,
Плел с эстрады какие-то враки
И бездарно и нудно острил.

И смотрела когда на него ты
И вникала в остроты его,
Выраженье тяжелой заботы
Не сходило с лица твоего.

В низком зале, наполненном густо,
Ты смотрела, как все, на экран,
Где напрасно пыталось искусство
К правде жизни припутать обман.

Озабоченных черт не меняли
Судьбы призрачных, плоских людей,
И тебе удавалось едва ли
Сопоставить их с жизнью своей.

Одинока, слегка седовата,
Но еще моложава на вид,
Кто же ты? И какая утрата
До сих пор твое сердце томит?

Где твой друг, твой единственно милый,
Соучастник далекой весны,
Кто наполнил живительной силой
Бесприютное сердце жены?

Почему его нету с тобою?
Неужели погиб он в бою
Иль, оторван от дома судьбою,
Пропадает в далеком краю?

Где б он ни был, но в это мгновенье
Здесь, в кино, я уверился вновь:
Бесконечно людское терпенье,
Если в сердце не гаснет любовь.

1954

ОСЕННИЕ ПЕЙЗАЖИ

1. *Под дождем*

Мой зонтик рвется, точно птица,
И вырывается, треща.
Шумит над миром и дымится
Сырая хижина дождя.
И я стою в переплетенье
Прохладных вытянутых тел,
Как будто дождик на мгновенье
Со мною слиться захотел.

2. *Осеннее утро*

Обрываются речи влюбленных,
Улетает последний скворец,
Целый день осыпаются с кленов
Силуэты багровых сердец.
Что ты, осень, наделала с нами!
В красном золоте стынет земля.
Пламя скорби свистит под ногами,
Ворохами листвы шевеля.

3. *Последние канны*

Все то, что сияло и пело,
В осенние скрылось леса,
И медленно дышат на тело
Последним теплом небеса.
Ползут по деревьям туманы,
Фонтаны умолкли в саду,

Одни неподвижные канны
Пылают у всех на виду.
Так, вытянув крылья, орлица
Стоит на уступе скалы,
И в клюве ее шевелится
Огонь, выступая из мглы.

1955

НЕКРАСИВАЯ ДЕВОЧКА

Среди других играющих детей
Она напоминает лягушонка.
Заправлена в трусы худая рубашонка,
Колечки рыжеватые кудрей
Рассыпаны, рот длинен, зубки кривы,
Черты лица остры и некрасивы.
Двум мальчуганам, сверстникам ее,
Отцы купили по велосипеду.
Сегодня мальчики, не торопясь к обеду,
Гоняют по двору, забывши про нее,
Она ж за ними бегает по следу,
Чужая радость так же, как своя,
Томит ее и вон из сердца рвется,
И девочка ликует и смеется,
Охваченная счастьем бытия.

Ни тени зависти, ни умысла худого
Еще не знает это существо.
Ей все на свете так безмерно ново,
Так живо все, что для иных мертво!
И не хочу я думать, наблюдая,
Что будет день, когда она, рыдая,
Увидит с ужасом, что посреди подруг
Она всего лишь бедная дурнушка!
Мне верить хочется, что сердце не игрушка,
Сломать его едва ли можно вдруг!
Мне верить хочется, что чистый этот пламень,
Который в глубине ее горит,

Всю боль свою один переболит
И перетопит самый тяжкий камень!
И пусть черты ее нехороши
И нечем ей прельстить воображенье, —
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом ее движенье.
А если это так, то что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

1955

* * *

При первом наступлении зимы
Блуждая над просторною Невою,
Сиянье лета сравниваем мы
С разбросанной по берегу листвою.

Но я любитель старых тополей,
Которые до первой зимней вьюги
Пытаются не сбрасывать с ветвей
Своей сухой заржавленной кольчуги.

Как между нами сходство описать?
И я, подобно тополю, немолод,
И мне бы нужно в панцире встречать
Приход зимы, ее смертельный холод.

1955

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ

Ангел, дней моих хранитель,
С лампой в комнате сидел.
Он хранил мою обитель,
Где лежал я и болел.

Обессиленный недугом,
От товарищей вдали,
Я дремал. И друг за другом
Предо мной виденья шли.

Снилось мне, что я младенцем,
В тонкой капсуле пелен,
Иудейским поселенцем
В край далекий привезен.

Перед Иродовой бандой
Трепетали мы. Но тут,
В белом домике с верандой
Обрели себе приют.

Ослик пасся близ оливы,
Я резвился на песке.
Мать с Иосифом, счастливы,
Хлопотали вдалеке.

Часто я в тени у сфинкса
Отдыхал, и светлый Нил,
Словно выпуклая линза,
Отражал лучи светил.

И в неясном этом свете,
В этом радужном огне
Духи, ангелы и дети
На свирелях пели мне.

Но когда пришла идея
Возвратиться нам домой
И простерла Иудея
Перед нами образ свой —

Нищету свою и злобу,
Нетерпимость, рабский страх,
Где ложилась на трущобу
Тень Распятого в горах, —

Вскрикнул я и пробудился...
И у лампы близ огня
Взор твой ангельский светился,
Устремленный на меня.

1955

О КРАСОТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЛИЦ

Есть лица, подобные пышным порталам,
Где всюду великое чудится в малом.
Есть лица — подобия жалких лачуг,
Где варится печень и мокнет сычуг.
Иные холодные, мертвые лица
Закрыты решетками, словно темница.
Другие — как башни, в которых давно
Никто не живет и не смотрит в окно.
Но малую хижинку знал я когда-то,
Была неказиста она, небогата,
Зато из окошка ее на меня
Струилось дыханье весеннего дня.
Поистине мир и велик и чудесен!
Есть лица — подобья ликующих песен.
Из этих, как солнце, сияющих нот
Составлена песня небесных высот.

1955

ПОЭМА ВЕСНЫ

Ты и скрипку с собой принесла.
И заставила петь на свирели,
И, схватив за плечо, повела
Сквозь поля, голубые в апреле.
Пессимисту дала ты шлепка,
Настежь окна в домах растворила,

Подхватила в сенях старика
И плясать по дороге пустила.
Ошалев от твоей красоты,
Скряга вытащил пук ассигнаций.
И они превратились в листы
Засиявших на солнце акаций.
Бюрократы, чинуши, попы,
Столяры, маляры, стеклодувы,
Как птенцы из своей скорлупы,
Отворили на радостях клювы.
Даже те, кто по креслам сидят,
Погрузившись в чины и медали,
Улыбнулись и, как говорят,
На мгновенье счастливыми стали.
Это ты, сумасбродка-весна!
Узнаю твои козни, плутовка!
Уж давно мне из окон видна
И улыбка твоя, и сноровка.
Скачет по полю жук-менестрель,
Реет бабочка, став на пуанты.
Развалившись по книгам, апрель
Нацепил васильков аксельбанты.
Он-то знает, что поле да лес —
Для меня ежедневная тема,
А весна, сумасбродка небес, —
И подружка моя и поэма.

1956

СТАРАЯ АКТРИСА

В позолоченной комнате стиля ампир,
Где шнурками затянуты кресла,
Театральной Москвы позабытый кумир
И владычица наша воскресла.

В затрапезе похожа она на щегла,
В три погибели скорчилось тело.

А ведь, Боже, какая актриса была
И какими умами владела!

Что-то было нездешнее в каждой черте
Этой женщины, юной и стройной,
И лежал на тревожной ее красоте
Отпечаток Италии знойной.

Ныне домик ее превратился в музей,
Где жива ее прежняя слава,
Где старуха подчас удивляет друзей
Своевольем капризного нрава.

Орденов ей и званий немало дано,
И она пребывает в надежде,
Что красе ее вечно сиять суждено
В этом доме, как некогда прежде.

Здесь картины, портреты, альбомы, венки,
Здесь дыхание южных растений,
И они ее образ, годам вопреки,
Сохранят для иных поколений.

И неважно, неважно, что в дальнем углу,
В полутемном и низком подвале,
Бесприютная девочка спит на полу,
На тряпичном своем одеяле!

Здесь у тетки-актрисы из милости ей
Предоставлена нынче квартира.
Здесь она выбивает ковры у дверей,
Пыль и плесень стирает с ампира.

И когда ее старая тетка бранит,
И считает, и прячет монеты,
О, с каким удивленьем ребенок глядит
На прекрасные эти портреты!

Разве девочка может понять до конца,
Почему, поражая нам чувства,
Поднимает над миром такие сердца
Неразумная сила искусства!

1956

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

1. *Чертополох*

Принесли букет чертополоха
И на стол поставили, и вот
Предо мной пожар и суматоха
И огней багровый хоровод.
Эти звезды с острыми концами,
Эти брызги северной зари
И гремят и стонут бубенцами,
Фонарями вспыхнув изнутри.
Это тоже образ мирозданья,
Организм, сплетенный из лучей,
Битвы неоконченной пыланье,
Полыханье поднятых мечей.
Это башня ярости и славы,
Где к копью приставлено копье,
Где пучки цветов, кровавоглавы,
Прямо в сердце врезаны мое.
Снилась мне высокая темница
И решетка, черная, как ночь,
За решеткой — сказочная птица,
Та, которой некому помочь.
Но и я живу, как видно, плохо,
Ибо я помочь не в силах ей.
И встает стена чертополоха
Между мной и радостью моей.
И простерся шип клинообразный
В грудь мою, и уж в последний раз
Светит мне печальный и прекрасный
Взор ее неугасимых глаз.

1956

2. *Морская прогулка*

На сверкающем глиссере белом
Мы заехали в каменный грот,
И скала опрокинутым телом
Заслонила от нас небосвод.
Здесь, в подземном мерцающем зале,

Над лагуной прозрачной воды,
Мы и сами прозрачными стали,
Как фигурки из тонкой слюды.
И в большой кристаллической чаше,
С удивлением глядя на нас,
Отраженья неясные наши
Засияли мильонами глаз.
Словно вырвавшись вдруг из пучины,
Стаи девушек с рыбьим хвостом
И подобные крабам мужчины
Оцепили наш глиссер кругом.
Под великой одеждою моря,
Подражая движеньям людей,
Целый мир ликованья и горя
Жил диковинной жизнью своей.
Что-то там и рвалось, и кипело,
И сплеталось, и снова рвалось,
И скалы опрокинутой тело
Пробивало над нами насквозь.
Но водитель нажал на педали,
И опять мы, как будто во сне,
Полетели из мира печали
На высокой и легкой волне.
Солнце в самом зените пылало,
Пена скал заливала корму,
И Таврида из моря вставала,
Приближаясь к лицу твоему.

1956

3. *Признание*

Зацелована, околдована,
С ветром в поле когда-то обвенчана,
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная моя женщина!

Не веселая, не печальная,
Словно с темного неба сошедшая,
Ты и песнь моя обручальная,
И звезда моя сумасшедшая.

Я склонюсь над твоими коленями,
Обниму их с неистовой силою,
И слезами и стихотвореньями
Обожгу тебя, горькую, милую.

Отвори мне лицо полуночное,
Дай войти в эти очи тяжелые,
В эти черные брови восточные,
В эти руки твои полуголые.

Что прибавится — не убавится,
Что не сбудется — позабудется...
Отчего же ты плачешь, красавица?
Или это мне только чудится?

1957

4. *Последняя любовь*

Задрожала машина и стала,
Двое вышли в вечерний простор,
И на руль опустился устало
Истомленный работой шофер.
Вдалеке через стекла кабины
Трепетали созвездья огней.
Пожилой пассажир у куртины
Задержался с подругой своей.
И водитель сквозь сонные веки
Вдруг заметил два странных лица,
Обращенных друг к другу навеки
И забывших себя до конца.
Два туманные легкие света
Исходили из них, и вокруг
Красота уходящего лета
Обнимала их сотнями рук.
Были тут огнеликие канны,
Как стаканы с кровавым вином,
И седых аквилегий султаны,
И ромашки в венце золотом.
В неизбежном предчувствии горя,
В ожиданье осенних минут,

Кратковременной радости море
Окружало любовников тут.
И они, наклоняясь друг к другу,
Бесприютные дети ночей,
Молча шли по цветочному кругу
В электрическом блеске лучей.
А машина во мраке стояла,
И мотор трепетал тяжело,
И шофер улыбался устало,
Опуская в кабине стекло.
Он-то знал, что кончается лето,
Что подходят ненастные дни,
Что давно уж их песенка спета, —
То, что, к счастью, не знали они.

1957

5. Голос в телефоне

Раньше был он звонкий, точно птица,
Как родник, струился и звенел,
Точно весь в сиянии излиться
По стальному проводу хотел.

А потом, как дальнее рыданье,
Как прощанье с радостью души,
Стал звучать он, полный покаянья,
И пропал в неведомой глуши.

Сгинул он в каком-то диком поле,
Беспощадной вьюгой занесен...
И кричит душа моя от боли,
И молчит мой черный телефон.

1957

6.

Клялась ты — до гроба
Быть милой моей.
Опомнившись, оба
Мы стали умней.

Опомнившись, оба
Мы поняли вдруг,
Что счастья до гроба
Не будет, мой друг.

Колеблется лебедь
На пламени вод,
Однако к земле ведь
И он уплывет.

И вновь одиноко
Заблещет вода,
И глянет ей в око
Ночная звезда.

1957

7.

Посредине панели
Я заметил у ног
В лепестках акварели
Полумертвый цветок.

Он лежал без движенья
В белом сумраке дня.
Как твое отраженье
На душе у меня.

1957

8. *Можжевеловый куст*

Я увидел во сне можжевеловый куст
Я услышал вдали металлический хруст,
Аметистовых ягод услышал я звон,
И во сне, в тишине, мне понравился он.

Я почуял сквозь сон легкий запах смолы.
Отогнув невысокие эти стволы,
Я заметил во мраке древесных ветвей
Чуть живое подобье улыбки твоей.

Можжевеловый куст, можжевеловый куст,
Остывающий лепет изменчивых уст,
Легкий лепет, едва отдающий смолой,
Проколовший меня смертоносной иглой!

В золотых небесах за окошком моим
Облака проплывают одно за другим.
Облетевший мой садик безжизнен и пуст...
Да простит тебя Бог, можжевеловый куст!

1957

9. *Встреча*

И лицо с внимательными глазами, с трудом, с усилием, как открывается заржавевшая дверь, — улыбнулось...

(Л. Толстой, «Война и мир»)

Как открывается заржавевшая дверь,
С трудом, с усилием, — забыв о том что было,
Она, моя нежданная, теперь
Свое лицо навстречу мне открыла.
И хлынул свет, — не свет, но целый сноп
Живых лучей, — не сноп, но целый ворох
Весны и радости, и, вечный мизантроп,
Смешался я... И в наших разговорах,
В улыбках, восклицаньях, — впрочем, нет,
Не в них совсем, но где-то там, за ними,
Теперь горел неугасимый свет,
Овладевая мыслями моими.
Открыв окно, мы посмотрели в сад,
И мотыльки бесчисленные сдуру,
Как многоцветный легкий водопад,
К блестящему помчались абажуру.
Один из них уселся на плечо,
Он был прозрачен, трепетен и розов.
Моих вопросов не было еще,
Да и не нужно было их — вопросов.

1957

10. Старость

Простые, тихие, седые,
Он с палкой, с зонтиком она, —
Они на листья золотые
Глядят, гуляя дотемна.

Их речь уже немногословна,
Без слов понятен каждый взгляд.
Но души их светло и ровно
Об очень многом говорят.

В неясной мгле существованья
Был неприметен их удел,
И животворный свет страданья
Над ними медленно горел.

Изнемогая, как калеки,
Под гнетом слабостей своих,
В одно-единое навеки
Слились живые души их.

И знанья малая чстица
Открылась им на склоне лет,
Что счастье наше — лишь зарница,
Лишь отдаленный слабый свет.

Оно так редко нам мелькает,
Такого требует труда!
Оно так быстро потухает
И исчезает навсегда!

Как ни лелей его в ладонях
И как к груди ни прижимай, —
Дитя зари, на светлых конях
Оно умчится в дальний край!

Простые, тихие, седые,
Он с палкой, с зонтиком она, —
Они на листья золотые
Глядят, гуляя дотемна.

Теперь уж им, наверно, легче,
Теперь все страшное ушло,
И только души их, как свечи,
Струят последнее тепло.

1956

ПРОТИВОСТОЯНИЕ МАРСА

Подобный огненному зверю,
Глядишь на землю ты мою,
Но я ни в чем тебе не верю
И славословий не пою.
Звезда зловещая! Во мраке
Печальных лет моей страны
Ты в небесах чертила знаки
Страданья, крови и войны.
Когда над крышами селений
Ты открывала сонный глаз,
Какая боль предположений
Всегда охватывала нас!
И был он в руку — сон зловещий:
Война с ружьем наперевес
В селеньях жгла дома и вещи
И угоняла семьи в лес.
Был бой и гром, и дождь и слякоть,
Печаль скитаний и разлук,
И уставало сердце плакать
От нестерпимых этих мук.
И над безжизненной пустыней
Подняв ресницы в поздний час,
Кровавый Марс из бездны синей
Смотрел внимательно на нас.
И тень сознательности злобной
Кривила смутные черты,
Как будто дух звереподобный
Смотрел на землю с высоты.
Тот дух, что выстроил каналы
Для неизвестных нам судов

И стекловидные вокзалы
Средь марсианских городов.
Дух, полный разума и воли,
Лишенный сердца и души,
Кто о чужой не страждет боли,
Кому все средства хороши.
Но знаю я, что есть на свете
Планета малая одна,
Где из столетия в столетье
Живут иные племена.
И там есть муки и печали,
И там есть пища для страстей,
Но люди там не утеряли
Души естественной своей.
Там золотые волны света
Плывут сквозь сумрак бытия,
И эта малая планета —
Земля воскресшая моя.

1956

ГУРЗУФ НОЧЬЮ

Для северных песен ненадобен юг:
Родились они средь туманов и вьюг,
Качанию лиственниц вторя.
Они — чужестранцы на этой земле,
На этой покрытой цветами скале,
В сиянии южного моря.

В Гурзуфе всю ночь голосят петухи.
Здесь улица — род коридора.
Здесь спит парикмахер, любитель ухи,
Который стрижет Черномора.
Царапая кузов о камни крыльца,
Здесь утром автобус гудит без конца,
Таща ротозеев из Ялты.
Здесь толпы лихих санаторных гуляк

Несут за собой аромат кулебяк,
Как будто в харчевню попал ты.

Наплававшись по морю, стая парней
Здесь бродит с заезжей сиреной.
Питомцы Нептуна блаженствуют с ней,
Гитарой бренча несравненной.
Здесь две затонувшие в море скалы,
К которым стремился и Плиний,
Вздымают из влаги тупые углы
Своих переломанных линий.

А ночь, как царица на троне из туч,
Колеблет прожектора медленный луч,
И море шумит до рассвета,
И, слушая, как голосят петухи,
Внизу у калитки толпятся стихи —
Свидетели южного лета.
Толпятся без страха и тычут свой нос
В кувшинчики еле открывшихся роз,
И пьют их дыханье, и странно,
Что, спавшие где-то на севере, вдруг
Они залетели на пламенный юг, —
Холодные дети тумана.

1956

НАД МОРЕМ

Лишь запах чебреца, сухой и горьковатый,
Повеял на меня — и этот сонный Крым,
И этот кипарис, и этот дом, прижатый
К поверхности горы, слились навеки с ним.

Здесь море — дирижер, а резонатор — дали,
Концерт высоких волн здесь ясен наперед,
Здесь звук, задев скалу, скользит по вертикали,
И эхо средь камней танцует и поет.

Акустика вверху настроила ловушек,
Приблизила к ушам далекий ропот струй.
И стал здесь грохот бурь подобен грому пушек,
И, как цветок, расцвел девичий поцелуй.

Скопление синиц здесь свищет на рассвете,
Тяжелый виноград прозрачен здесь и ал.
Здесь время не спешит, здесь собирают дети
Чебрец, траву степей, у неподвижных скал.

1956

СМЕРТЬ ВРАЧА

В захолустном районе,
Где кончается мир,
На степном перегоне
Умирал бригадир.
То ли сердце устало,
То ли солнце нажгло,
Только силы не стало
Возвратиться в село.
И смутились крестьяне:
Каждый подлинно знал,
Что и врач без сознанья
В это время лежал.
Надо ж было случиться,
Что, на горе-беду,
Он, забыв про больницу,
Сам томился в бреду.
И однако ж в селенье
Полетел верховой.
И ресницы в томленье
Поднял доктор больной.
И под каплями пота,
Через сумрак и бред,
В нем разумное что-то
Задрожало в ответ.

И к машине несмело
Он пошел, темнолиц,
И в безгласное тело
Ввел спасительный шприц.
И в степи, на закате,
Окруженный толпой,
Рухнул в белом халате
Этот старый герой.
Человеческой силе
Не положен предел:
Он и стоя в могиле
Сделал то, что хотел.

1957

ДЕТСТВО

Огромные глаза, как у нарядной куклы,
Раскрыты широко. Под стрелами ресниц,
Доверчиво ясны и правильно округлы,
Мерцают ободки младенческих зениц.
На что она глядит? И чем необычаен
И сельский этот дом, и сад, и огород,
Где, наклонясь к кустам, хлопочет их хозяин,
И что-то вяжет там, и режет, и поет?
Два тощих петуха дерутся на заборе,
Шершавый хмель ползет по столбику крыльца.
А девочка глядит. И в этом чистом взоре
Отображен весь мир до самого конца.
Он, этот дивный мир, поистине впервые
Очаровал ее, как чудо из чудес,
И в глубь души ее, как спутники живые,
Вошли и этот дом, и этот сад, и лес.
И много минет дней. И боль сердечной смуты
И счастье к ней придет. Но и жена, и мать,
Она блаженный смысл короткой той минуты
Вплоть до седых волос все будет вспоминать.

1957

БОЛЕРО

Итак, Равель, танцуем болеро!
Для тех, кто музыку не сменит на перо, —
Есть в этом мире праздник изначальный —
Напев волынки скудный и печальный
И эта пляска медленных крестьян...
Испания! Я вновь тобою пьян!
Цветок мечты возвышенной взлелеяв,
Опять твой образ предо мной горит
За отдаленной гранью Пиринеев!
Увы, замолк истерзанный Мадрид,
Весь в отголосках пролетевшей бури,
И нету с ним Долорес Ибаррури!
Но жив народ и песнь его жива.
Танцуй, Равель, свой исполинский танец,
Танцуй, Равель! Не унывай, испанец!
Вращай, История, литые жернова,
Будь мельничихой в грозный час прибоя!
О, болеро, священный танец боя!

1957

ПТИЧИЙ ДВОР

Скачет, свищет и бормочет
Многоликий птичий двор.
То могучий грянет кочет,
То индеек взвизгнет хор.

В бесшабашном этом гаме,
В писке маленьких цыплят
Гуси толстыми ногами
Землю важно шевелят.

И, шатаясь с боку на бок,
Через двор наискосок,
Перепонки красных лапок
Ставят утки на песок.

Будь бы я такая птица, —
Весь пылая, весь дрожа,
Поспешил бы в небо взвиться,
Ускользнув из-под ножа!

А они, не веря в чудо,
Вечно заняты едой,
Ждут, безумные, покуда
Распростятся с головой.

Вечный гам и вечный топот,
Вечно глупый важный вид.
Им, как видно, жизни опыт
Ни о чем не говорит.

Их сердца послушно бьются
По желанию людей,
И в душе не отдаются
Крики вольных лебедей.

1957

ГОЛУБОЕ ПЛАТЬЕ

Цвет небесный, синий цвет
Полюбил я с малых лет.

Бараташвили

Я хороша собою —
Сказала дочь отцу. —
Мне платье голубое
Особенно к лицу.
Я платье голубое
Ценю не меньше книг! —
И над ее судьбою
Задумался старик.

И вспомнил он прекрасный
Далекий страшный год,
Когда с повязкой красной
Стоял он у ворот.
Весь в лентах пулеметных,
С гранатою в руке,
И отблеск звезд несчетных
Светился на штыке.

В шинелишке бездомной,
Дружинник-костромич,
Стерег он дом огромный,
Где жил тогда Ильич.
Хранил он, как зеницу,
Его, — и коченел,
И зорко на столицу
Сквозь сумерки глядел.

— Дитя мое родное,
Я бился в том бою
За платье голубое,
За молодость твою.
За сладкий куст сирени,
За наш родимый край,
И ты ни на мгновенье
О том не забывай.

О чем хочу сказать я?
Дитя, вся жизнь в борьбе!
А голубое платье —
Оно придет к тебе, —
Тебе, моей бесценной,
В сиянье юных лет,
Тот чистый, неизменный,
Лазурный синий цвет!

1957

ЛЕСНАЯ СТОРОЖКА

Скрипело, свистело и выло в лесу,
И гром ударял в отдаленье, как молот,
И тучи рвались в небесах, но внизу
Царили затишье и сумрак и холод.
В гигантском колодце сосновых стволов,
В своей одинокой убогой сторожке
Лесник пообедал и хлебные крошки
Смахнул на ладонь, молчалив и суров.
Над миром великая буря ходила,
Но здесь, в тишине, у древесных корней,
Старик, отдыхая, не думал о ней,
И только собака ворчала уныло
На каждую вспышку далеких зарниц,
И в гнездах смолкало селение птиц.

Однажды, в грозу, навалившись на двери,
Тут зверь появился, высок и космат,
И так же, как многие прочие звери,
Узнав человека, отпрянул назад.
И сторож берданку схватил, и с окошка
Пружиной метнулась под лестницу кошка,
И разом короткий ружейный удар
Потряс основанье соснового бора.
Вернувшись, лесник успокоился скоро:
Он, видимо, был уж достаточно стар,
Он знал, что покой — только призрак покоя,
Он знал, что когда полыхает гроза,
Все тяжко-животное, злобно-живое
Встает и глядит человеку в глаза.

1957

ОДИССЕЙ И СИРЕНЫ

Однажды аттическим утром
С отважной дружиною всей
Спешил на кораблике утлом

В отчизну свою Одиссей.
Шумело Эгейское море,
Коварный туманился вал.
Скиталец в пернатом уборе
Лежал на корме и дремал.
И вдруг через дымку мечтанья
Возник перед ним островок,
Где три шаловливых созданья
Плескались и пели у ног.
Среди гармоничного гула
Они отражались в воде.
И тень вожделенья мелкнула
У грека, в его бороде.
Ведь слабость сродни человеку,
Любовь — вековечный недуг,
А этому древнему греку
Все было к жене недосуг.
И первая пела сирена:
«Ко мне, господин Одиссей!
Я вас исцелю несомненно
Усердной любовью моей!»
Вторая богатство сулила:
«Ко мне, корабельщик, ко мне!
В подводных дворцах из берилла
Мы счастливы будем вполне!»
А третья сулила забвенье
И кубок вздымала вина:
«Испей, и найдешь исцеленье
В объятьях волшебного сна!»
Но хмурится житель Итаки,
Красоток не слушает он,
Не верит он в сладкие враки,
В мечтанья свои погружен.
И смотрит он нá берег в оба ,
Где в нише из каменных плит
Супруга его Пенелопа,
Рыдая, за прялкой сидит.

1957

ЭТО БЫЛО ДАВНО

Это было давно.
Исхудавший от голода, злой,
Шел по клабдищу он
И уже выходил за ворота.
Вдруг под свежим крестом,
С невысокой могилы сырой
Заприметил его
И окликнул невидимый кто-то.

И седая крестьянка
В заношенном старом платке
Поднялась от земли,
Молчалива, печальна, сутула,
И, творя поминанье,
В морщинистой темной руке
Две лепешки ему
И яичко, крестясь, протянула.

И как громом ударило
В душу его, и тотчас
Сотни труб закричали
И звезды посыпались с неба.
И, смятенный и жалкий,
В сиянье страдальческих глаз,
Принял он подаянье,
Поел поминального хлеба.

Это было давно.
И теперь он, известный поэт,
Хоть не всеми любимый
И понятый также не всеми, —
Как бы снова живет
Обаянием прожитых лет
В этой грустной своей
И возвышенно-чистой поэме.

И седая крестьянка,
Как добрая старая мать,

Обнимает его...
И, бросая перо, в кабинете
Все он бродит один
И пытается сердцем понять
То, что могут понять
Только старые люди и дети.

1957

КАЗБЕК

С хевсурами после работы
Лежал я и слышал сквозь сон,
Как кто-то, шальной от дремоты,
Окно распахнул на балкон.

Проснулся и я. Наступала
Заря, и, закованный в снег,
Двуглавым обломком кристалла
В окне загорался Казбек.

Я вышел на воздух железный.
Вдали, у подножья высот,
Курились туманные бездны
Провалами каменных сот.

Из горных курильниц взлетая
И тая над миром камней,
Летела по воздуху стая
Мгновенных и легких теней.

Земля начинала молебен
Тому ,кто блистал и царил.
Но был он мне чужд и враждебен
В дыхании этих кадил.

И бедное это селенье,
Скопленье домов и закут,
Казалось мне в это мгновенье
Разумно устроенным тут.

У ног ледяного Казбека
Справляя людские дела,
Живая душа человека
Страдала, дышала, жила.

А он в отдаленье от пашен,
В надмирной своей вышине,
Был только бессмысленно страшен
И людям опасен вдвойне.

Недаром, спросонок понуры,
Внизу, из села своего,
Лишь мельком смотрели хевсуры
На мертвые грани его.

1957.

СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Говорят, что в Гималаях где-то,
Выше храмов и монастырей,
Он живет, неведомый для света,
Первобытный выкормыш зверей.

Безмятежный, белый и косматый,
Он порой спускается с высот,
И танцует, словно бесноватый,
И в снежки играет у ворот.

Но когда буддийские монахи
Со стены завоют на трубе,
Он бежит в смятении и страхе
В горное убежище к себе.

Если эти росказни — не бредни,
Значит, в наш всеведающий век
Существует все-таки последний
Полузверь и получеловек.

Ум его, как видно, не обширен
И приют заоблачный суров,
И ни школ, ни пагод, ни кумирен
Не имеет этот зверолов.

В горные упрятан катакомбы,
Он и знать не знает, что под ним
Громоздятся атомные бомбы,
Верные хозяевам своим.

Никогда их тайны не откроет
Гималайский этот троглодит,
Даже если, словно астероид,
Весь пылая, в бездну полетит.

Но пока над свежими следами
Ламы причитают и поют,
И пока, расставленные в храме
Барабаны бешеные бьют,

И пока тысячелетний Будда
Ворожит над собственным пупом,
Он себя сравнительно не худо
Чувствует в убежище своем.

Там, наверно, горного оленя
Он свежует около ключа
И из слов одни местоименья
Произносит, громко хохоча.

1957.

ОДИНОКИЙ ДУБ

Дурная почва: слишком узловат
И этот дуб, и нет великолепья
В его ветвях. Какие-то отрепья
Торчат на нем и глухо шелестят.

Но скрученные намертво суставы
Он так развил, что, кажется, ударь —
И запоет он колоколом славы,
И из ствола закапает янтарь.

Вглядись в него: он важен и спокоен
Среди своих безжизненных равнин,
Кто говорит, что в поле он не воин?
Он воин в поле, даже и один.

1957.

СТИРКА БЕЛЬЯ

В стороне от шоссейной дороги,
В городишке из хаток и лип,
Хорошо постоять на пороге
И послушать колодезный скрип.
Здесь, среди голубей и голубок,
Меж амбаров и мусорных куч,
Бьются пó ветру тысячи юбок,
Шароваров, рубах и онуч.
Отдыхая от потного тела
Домотканной основой холста,
Здесь с монгольского ига висела
Этих русских одежд пестрота.
И виднелись на ней отпечатки
Человеческих выпуклых тел,
Повторяя в живом беспорядке,
Кто и как в них лежал и сидел.

Натрудив вековые мозоли,
Побелевшие в мыльной воде,
Здесь не думают о хлебосолье,
Но зато не бросают в беде.
Благо тем, кто смятенную душу
Здесь омоет до самого дна,
Чтобы вновь из корыта на сушу
Афродитою вышла она!

1957.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Вечерний день томителен и ласков.
Стада коров, качающих бока,
В сопровожденье маленьких подпасков
По берегам идут издалека.
Река, переливаясь под обрывом,
Все так же привлекательна на вид.
И небо в сочетании счастливом,
Обняв ее, ликует и горит.
Из облаков изваянные розы
Свиваются, волнуются, и вдруг,
Меняя очертания и позы,
Уносятся на запад и на юг.
И влага, зацелованная ими,
Как девушка в вечернем полусне,
Едва колеблет волнами своими,
Еще не упоенными вполне.
Она еще как будто негодует
И слабо отстраняется, но ей
Уже сквозь сон предчувствие рисует
Восторг и пламя августовских дней.

1957.

ГОМБОРСКИЙ ЛЕС

В Гомборском лесу на границе Кахети
Раскинулась осень. Какой бутафор
Устроил такие поминки о лете
И киноварь с охрой на листьях растер?

Меж кленом и буком ютился шиповник,
Был клен в озаренье и в зареве бук,
И каждый из них оказался виновник
Моих откровений, восторгов и мук.

В кизиловой чаще кровавые жилы
Топорщил кустарник. За чащей вдали

Рядами стояли дубы-старожилы
И тоже к себе, как умели, влекли.

Здесь осень сумела такие пассажи
Наляпать из охры, огня и белил,
Что дуб бушевал, как Рембрандт в Эрмитаже,
А клен, как Мурильо, на крыльях парил.

Я лег на поляне, украшенной дубом,
Я весь растворился в пыланье огня.
Подобно бесчисленным арфам и трубам,
Кусты расступились и скрыли меня.

Я сделался нервной системой растений,
Я стал размышлением каменных скал
И опыт осенних моих наблюдений
Отдать человечеству вновь пожелал.

С тех пор мне собратьями сделались горы,
И нет мне покоя, когда на трубе
Поют в сентябре золотые Гомборы
И гонят в просторы, и манят к себе.

1957.

СЕНТЯБРЬ

Сыплет дождик большие горошины,
Рвется ветер, и даль нечиста.
Закрывается тополь взъерошенный
Серебристой изнанкой листа.

Но взгляни: сквозь отверстие облака,
Как сквозь арку из каменных плит,
В это царство тумана и морока
Первый луч, пробиваясь, летит.

Значит, даль не навек занавешана
Облаками, и, значит, не зря,

Словно девушка, вспыхнув, орешина
Засияла в конце сентября.

Вот теперь, живописец, выхватывай
Кисть за кистью и на полотне
Золотой, как огонь, и гранатовой
Нарисуй эту девушку мне.

Нарисуй, словно деревце, зыбкую
Молодую царевну в венце,
С беспокойно скользящей улыбкою
На заплаканном юном лице.

1957.

ВЕЧЕР НА ОКЕ

В очарованье русского пейзажа
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого и даже
Не каждому художнику видна.
С утра обремененная работой,
Трудом лесов, заботами полей,
Природа смотрит как бы с неохотой
На нас, неочарованных людей.
И лишь когда за темной чащей леса
Вечерний луч таинственно блеснет,
Обыденности плотная завеса
С ее красот мгновенно упадет.
Вздохнут леса, опущенные в воду,
И, как бы сквозь прозрачное стекло,
Вся грудь реки приникнет к небосводу
И загорится влажно и светло.
Из белых башен облачного мира
Сойдет огонь, и в нежном том огне,
Как будто под руками ювелира,

Сквозные тени лягут в глубине.
И чем ясней становятся детали
Предметов, расположенных вокруг,
Тем необъятней делаются дали
Речных лугов, затонов и излук.
Горит весь мир, прозрачен и духовен,
Теперь-то он поистине хорош,
И ты, ликуя, множество диковин
В его живых чертах распознаешь.

1957.

* * *

Кто мне откликнулся в чаще лесной?
Старый ли дуб зашептался с сосной,
Или вдали заскрипела рябина,
Или запела щегла окарина,
Или малиновка, маленький друг,
Мне на закате ответила вдруг?

Кто мне откликнулся в чаще лесной?
Ты ли, которая снова весной
Вспомнила наши прошедшие годы,
Наши заботы и наши невзгоды,
Наши скитанья в далеком краю, —
Ты, опалившая душу мою?

Кто мне откликнулся в чаще лесной?
Утром и вечером, в холод и зной,
Вечно мне слышится отзвук невнятный,
Словно дыханье любви необъятной,
Ради которой мой трепетный стих
Рвался к тебе из ладоней моих...

1957

ГРОЗА ИДЕТ

Движется нахмуренная туча,
Обложив полнеба вдалеке,
Движется, огромна и тягуча,
С фонарем в приподнятой руке.

Сколько раз она меня ловила,
Сколько раз, сверкая серебром,
Сломанными молниями била,
Каменный выкатывала гром!

Сколько раз, ее увидев в поле,
Замедлял я робкие шаги
И стоял, сливаясь поневоле
С белым блеском вольтовой дуги!

Вот он — кедр у нашего балкона.
Надвое громами расщеплен,
Он стоит, и мертвая корона
Подпирает темный небосклон.

Сквозь живое сердце древесины
Пролегает рана от огня,
Иглы почерневшие с вершины
Осыпают звездами меня.

Пой мне песню, дерево печали!
Я, как ты, ворвался в высоту,
Но меня лишь молнии встречали
И огнем сжигали на лету.

Почему же, надвое расколот,
Я, как ты, не умер у крыльца,
И в душе все тот же лютый голод,
И любовь, и песни до конца!

1957

ВЕНЕЦИЯ

Покуда на солнце не жарко,
И город доступен ветрам,
Войдем по ступеням Сан-Марко
В его перламутровый храм.

Когда-то, ограбив полмира,
Свозили сюда корабли
Из золота, перла, порфира
Различные дива земли.

Покинув собор Соломона,
Египет и пышный Царьград,
С тех пор за колонной колонна
На цоколях этих стоят.

И точно в большие литавры,
Считая теченье минут,
Над ними железные мавры
В торжественный колокол бьют.

И лев на столбе из гранита
Глядит, распростерший крыла,
И черная книга, раскрыта,
Под лапой его замерла.

Молчит громоносная книга,
Владычица древних морей.
Столица темна и двулика,
Молчит, уподобившись ей.

Лишь голуби мечутся тучей
Да толпы чужих заправил
Ленивой слоняются кучей
Среди позабытых могил.

Шагают огромные доги,
И в тонком дыму сигарет
Живые богини и боги
За догами движутся вслед.

Венеция! Сказка вселенной!
Ужель ты средь моря одна
Их власти, тупой и надменной,
Навеки теперь отдана?

Пленяя сердца красотою,
В сомнительный веря барыш,
Ужель ты служанкой простою
У собственной двери стоишь?

А где твои прежние лавры?
И вечно ли время утрат?
И скоро ли древние мавры
В последний ударят набат?

1957.

СЛУЧАЙ НА БОЛЬШОМ КАНАЛЕ

На этот раз не для миллионеров,
На этот раз не ради баркарол
Четыреста красавцев-гондольеров
Вошли в свои четыреста гондол.
Был день, как день. Шныряли вапоретто.
Заваленная грудами стекла,
Венеция, опущенная в лето,
По всем своим артериям текла.
И вдруг, подняв большие горловины,
Зубчатые и острые, как нож,
Громада лодок двинулась в теснины
Домов, дворцов, туристов и святош.
Сверкая бронзой, бархатом и лаком,
Всем опереньем ветхой красоты,
Она несла по городским клоакам
Подкрашенное знамя нищеты.
Пугая престарелых ротозеев,
Шокируя величественных дам,
Здесь плыл на них бесшумный бунт музеев,
Уже не подчиненных господам.

Здесь всплыл вопрос о скудости зарплаты,
О хлебе, о жилище, и вблизи
Пятисолетней древности палаты
Узнав его, спускали жалюзи.
Венеция, еще ты спишь покуда,
Еще ты дремлешь в облаке химер.
Но мир не спит, он друг простого люда,
Он за рулем, как этот гондольер!

1957.

НЕНАСТЬЕ

Словно что-то ожидая
И о чем-то сожалея,
За окном шумит пустая
Полутемная аллея.
Каждый вечер у забора
Голосят и гнутся ивы.
Или осень, вправду, скоро?
Иль деревья несчастливы?
Нет, до осени далеко,
Не навек ненастье это.
Ведь куда ни кинешь око,
Всюду праздник, всюду лето.
Всюду гонит ввысь природа
Многоцветные наряды,
И несет ей непогода
Море влаги и прохлады.
Слава вам, седые тучи,
И тебе, мое ненастье!
Ожиданье счастья лучше,
Чем потерянное счастье.

1957.

ЗЕЛЕНЫЙ ЛУЧ

Золотой светясь оправой
С синим морем наравне,
Дремлет город белоглавый,
Отраженный в глубине.

Он сложился из скопленья
Белой облачной гряды
Там, где солнце на мгновенье
Полыхает из воды.

Я отправлюсь в путь-дорогу
В эти дальние края,
К белоглавому чертогу
Отыщу дорогу я.

Я открою все ворота
Этих облачных высот,
Заходящим оком кто-то
Луч зеленый мне метнет.

Луч, подобный изумруду,
Золотого счастья ключ —
Я его еще добуду,
Мой зеленый слабый луч.

Но бледнеют бастионы,
Башни падают вдали,
Угасает луч зеленый,
Отдаленный от земли.

Только тот, кто духом молод,
Телом жаден и могуч,
В белоглавый прянет город
И зеленый схватит луч!

1958.

У ГРОБНИЦЫ ДАНТЕ

Мне мачехой Флоренция была,
Я пожелал покоится в Равенне,
Не говори, прохожий, о измене,
Пусть даже смерть клеймит ее дела.

Над белой усыпальницей моей
Воркует голубь, сладостная птица,
Но родина и до сих пор мне снится,
И до сих пор я верен только ей.

Разбитой лютни не берут в поход,
Она мертва среди родного стана.
Зачем же ты, печаль моя, Тоскана,
Целуешь мой осиротевший рот?

А голубь рвется с крыши и летит,
Как будто опасается кого-то,
И злая тень чужого самолета
Свои круги над городом чертит.

Так бей, звонарь, в свои колокола!
Не забывай, что мир в кровавой пене!
Я пожелал покоиться в Равенне,
Но и Равенна мне не помогла.

1958.

ГОРОДОК

Целый день стирает прачка,
Муж пошел за водкой.
На крыльце сидит собачка
С маленькой бородкой.

Целый день она таращит
Умные глазенки,
Если дома кто заплачет —
Заскулит в сторонке.

А кому сегодня плакать
В городе Тарусе?
Есть кому в Тарусе плакать —
Девочке Марусе.

Опротивели Марусе
Петухи да гуси.
Сколько ходит их в Тарусе,
Господи Исусе!

«Вот бы мне такие перья
Да такие крылья!
Улетела б прямо в дверь я,
Бросилась в ковыль я!

Чтоб глаза мои на свете
Больше не глядели,
Петухи да гуси эти
Больше не галдели!»

Ой, как худо жить Марусе
В городе Тарусе!
Петухи одни да гуси,
Господи Исусе!

1958.

С КАЖДЫМ ГОДОМ ГОРОД КРАШЕ!

(К 1500-летию Тбилиси)

Загремев на всю округу,
Некий витязь, полный сил,
Драгоценную кольчугу
С неба наземь уронил.

Звезды в небе засветились,
Наклонились близко к ней,
И в кольчуге отразились
Миллионами огней.

Полтора тысячелетья
Пролетело с той поры,
Как упало то наследье
У Давидовой горы.

Поднимись глубокой ночью
На верхи окрестных скал,
И увидишь ты воочью
То, что бросил Горгосал.

С каждым годом город краше —
Час за часом, день за днем.
В нем мы будущее наше
Без усилья узнаем.

Здравствуй, славный город юга!
Здравствуй, вечно молодой!
Здравствуй, древняя кольчуга
С пятикрылою звездой!

1958

ЛАСТОЧКА

Славно ласточка щебечет,
Ловко крыльями стрижет,
Всем ветрам она перечит,
Но и силы бережет.
Реет верхом, реет низом,
Догоняет комара
И в избушке под карнизом
Отдыхает до утра.

Удивлен ее повадкой,
Устремляюсь я в зенит,
И душа моя касаткой
В отдаленный край летит.

Реет, плачет, словно птица,
В заколдованном краю,
Слабым клювиком стучится
В душу бедную твою.

Но душа твоя угасла,
На дверях висит замок.
Догорело в лампе масло,
И не светит фитилек.
Горько лесточка рыдает
И не знает, как помочь,
И с кладбища улетает
В заколдованную ночь.

1958

ПЕТУХИ ПОЮТ

На сараях, на банях, на гумнах
Свежий ветер вздувает верхи.
Изливаются в возгласах трубных
Звездочеты ночей — петухи.

Нет, не бьют эти птицы баклуши,
Начиная торжественный зов!
Я сравнил бы их темные души
С циферблатами древних часов.

Здесь, в деревне, и вы удивитесь,
Услыхав, как в полуночный час
Трубным голосом огненный витязь
Из курятника чествует вас.

Сообщает он кучу известий,
Непонятных, как вымерший стих,
Но таинственный разум созвездий
Несомненно присутствует в них.

Ярко светит над миром усталым
Семизвездье Большого Ковша,
На земле ему фокусом малым
Петушиная служит душа.

Изменяется угол паденья,
Напрягаются зренье и слух,
И, взметнув до небес оперенье,
Как ужаленный, кличет петух.

И приходят мне в голову сказки
Мудрецами отмеченных дней,
И блуждаю я в них по указке
Удивительной птицы моей.

Пел петух каравеллам Колумба,
Магеллану средь моря кричал,
Не сбиваясь с железного румба,
Корабли приводил на причал.

Пел Петру из коломенских далей,
Собирал конармейцев в поход,
Пел в годину великих печалей,
Пел в эпоху железных работ.

И теперь, на границе историй,
Поднимая свой гребень к луне,
Он, как некогда витязь Егорий,
Кличет песню надзвездную мне!

1958

ПОДМОСКОВНЫЕ РОЩИ

Жучок ли точит древесину
Или скоблит листочек тля,
Сухих листов своих корзину
Несет мне осенью земля.

В висячем золоте дубравы
И в серебре березняки
Стоят, как знамения славы,
На берегах Москвы-реки.

О эти рощи Подмосковья!
С каких давно минувших дней
Стоят они у изголовья
Далекой юности моей!

Давно все стрелы отсвистели
И отгремели все щиты,
Давно отплакали метели
Лихое время нищеты,

Давно умолк Иван Великий,
И только рощи в поздний час
Все с той же грустью полудикой
Глядят с окрестностей на нас.

Леса с обломками усадеб,
Места с остатками церквей
Все так же ждут вороньих свадеб
И воркованья голубей.

Они, как комнаты, просторны,
И ранней осенью с утра
Поют в них маленькие горны,
И вторит горнам детвора.

А мне-то, Господи помилуй,
Все кажется, что вдалеке
Трубит коломенец служилый
С пищалью дедовской в руке.

1958

НА ЗАКАТЕ

Когда, измученный работой,
Огонь души моей иссяк,
Вчера я вышел с неохотой
В опустошенный березняк.

На гладкой шелковой площадке,
Чей тон был зелен и лилов,
Стояли в стройном беспорядке
Ряды серебряных стволов.

Сквозь небольшие расстоянья
Между стволами, сквозь листву
Небес вечернее сиянье
Кидало тени на траву.

Был тот усталый час заката,
Час умирания, когда
Всего печальней нам утрата
Незавершенного труда.

Два мира есть у человека:
Один, который нас творил,
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил.

Несоответствия огромны,
И, несмотря на интерес,
Лесок березовый Коломны
Не повторял моих чудес.

Душа в невидимом блуждала,
Своими сказками полна,
Незрячим взором провожала
Природу внешнюю она.

Так, вероятно, мысль нагая,
Когда-то брошена в глуши,
Сама в себе изнемогая,
Моей не чувствует души.

1958

НЕ ПОЗВОЛЯЙ ДУШЕ ЛЕНИТЬСЯ

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Гони ее от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому,
Через сугроб, через ухаб!

Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в черном теле
И не снимай с нее узды!

Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвет.

А ты хватай ее за плечи,
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.

Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться,
И день и ночь, и день и ночь!

1958

3. ПОЭМЫ

1929 — 1958

ТОРЖЕСТВО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

ПРОЛОГ

Нехороший, но красивый —
Это кто глядит на нас?
То мужик неторопливый
Сквозь очки уставил глаз.
Белых житниц отделенья
Поднимались в отдаленье,
Сквозь окошко хлеб глядел,
В загородке конь сидел.
Тут природа вся валялась
В страшно диком беспорядке:
Кой-где дерево шаталось,
Там — реки струилась прядка,
Тут — стояли две-три хаты
Над безумным ручейком.
Идет медведь продолговатый
Как-то поздно вечерком.
А над ним — на небе тихом
Безобразный и большой
Журавель летает, с гиком
Потрясая головой.
Из клюва развевался свиток,
Где было сказано: «Убыток
Дают трехпольные труды».
Мужик гладил конец бороды.

1. БЕСЕДА О ДУШЕ

Ночь на воздух вылетает
В школе спят ученики,
Вдоль по хижинам сверкают
Маленькие ночники.
Крестьяне, храбростью дыша,
Собираются в кружок.

Обсуждают — где душа?
Или только порошок
Остается после смерти?
Или только газ вонючий?
Скворешниц розовые жерди
Поднялись над ними тучей.

Крестьяне мрачны и обуты
В большие валенки судьбы —
Сидят. Усы у них раздуты
На верху большой губы.
Также шапки выделялись
Ввиде толстых колпаков.
Собаки пышные валялись
Среди хозяйских сапогов.

Мужик суровый, словно туча,
Держал кувшинчик молока,
Сказал: «Природа меня мучит,
Превращая в старика.
Когда, паша семейную десятину,
Иду, подобен исполину,
Гляжу-гляжу, а предо мной
Все кто-то движется толпой».

«Да, это правда. Дух животный
(Сказал в ответ ему старик)
Живет меж нами как бесплотный
Жилец развалин дорогих.
Ныне, братцы, вся природа
Как развалина какая!
Животных уж не та порода
Живет меж нами, но другая».

«Ты лжешь, старик, — в ответ ему
Сказал, стоявший тут солдат, —
Таких речей я не пойму,
Их только глупый слушать рад.
Поверь, что я во многих битвах
На скакуне носился лих,

Но никогда не знал молитвы,
Ни страшных ужасов твоих.
Уверяю вас, друзья,
Природа ничего не понимает
И ей довериться нельзя».

«Кто ее знает? —
Сказал пастух, лукаво помолчав. —
С детства я — коров водитель,
Но скажу вам сгоряча:
Вся природа есть обитель.
Вы, мужики, живя в миру,
Любите свою избу,
Я ж природы конуру,
Вместо дома изберу.
Некоторые движения коровы
Для меня ясней, чем ваши,
Вы ж, с рожденья нездоровы,
Не понимаете простого даже».

«Однако, ты профан! —
Прервал его другой крестьянин. —
Прости, что я тебя прервал,
Но мы с тобой бороться станем.
Скажи по истине, по духу, —
Живет ли мертвецов душа?»

И все замолкли. Лишь старуха
Сидела, спицами кружа.
Деревня, хлев напоминая,
Вокруг беседы поднималась:
Там — угол высился сарая,
Тут-чье-то дерево валялось.
Сквозь бревна тучные избенок
Мерцали панцири заслонок,
Светились печи, как кубы
С квадратным выступом трубы.
Шесты таинственные зыбок
Хрипели как пустая кость,
Младенцы спали без улыбок,
Блохами съедены насквозь.

Иной мужик, согнувшись в печке,
Свирепо мылся из ведерка,
Другой коню чинил уздечки,
А третий кремнем в камень щелкал.
«Мужик, иди спать!» —
Баба из окна кричала.
И вправду — ночь, как будто мать,
Деревню ветерком качала.

«Так! — сказал пастух лениво, —
Вот — средь кладбища могил
Их душа плывет красиво,
Описать же нету сил.
Петух, сидя на березе,
Уж двенадцать раз пропел.
Свои ножки отморозя,
Он вспорхнул и улетел.
А душа пресветлой ручкой
Машет нам издалека,
Ее тело — словно тучка,
Платье вроде как река.
Своими нежными глазами
Все глядит она, глядит,
А тело съедено червями
В черном домике лежит.
«Люди! — плачет: — Что вы, люди!
Я такая же как вы,
Только меньше стали груди,
Да венок у головы.
Меня милую берите —
Скучно мне летать одной —
Хоть со мной поговорите,
Поговорите хоть со мной!»

«Это бесконечно печально! —
Сказал старик, закуривая трубку. —
И я встречал ее случайно —
Нашу милую голубку.
Она как столбичек плыла

С могилки прямо на меня
И верю! — на тот свет звала,
Тонкой ручкою маня.
Только я вскакал во двор,
Она на столбик налетела
И сгинула. Такое дело!»

«Ах, вот о чем разговор! —
Воскликнул радостно солдат. —
Тут суевериям большой простор,
Но ты, старик, возьми назад
Свои слова. Послушайте, крестьяне,
Мое простое объясненье.
Вы знаете, я был на поле брани,
Носился лих под пули пенье.
Теперь же я скажу иначе,
Предмета нашего касаясь:
Частицы фосфора маячат,
Из могилы испаряясь.
Влекомый воздуха теченьем,
Столбик фосфора несется
Повсюду, но за исключеньем
Того случая, когда о твердое разобьется.
Видите, как все это просто?»

Крестьяне сумрачно замолкли,
Подбородком стали круче,
Скворешниц розовых оглобли
Поднялись над ними тучей.
Догорали ночники,
В школе спали ученики.
Одна учительница тихо
Смотрела вглубь седых полей,
Где ночь плясала, как шутиха,
Где мерк неясный Водолей,
Где смутные тела животных
Сидели, наполняя хлев,
И разговор вели свободный,
Душой природы овладев.

2. СТРАДАНИЯ ЖИВОТНЫХ

Смутные тела животных
Сидели, наполняя хлев,
И разговор вели свободный,
Душой природы овладев.
Ночь на крыше, как шутиха,
Пугала взоры богомолов,
И Водолей катился тихо,
Лия струю прозрачных олов
На подоконник этот белый.
Животных тесная толпа,
Расправив выпуклое тело,
Сидела мрачна и тупа.
«Едва могу себя понять, —
Сказал бык, смотря в окно, —
На мне сознанья есть печать, —
Но сердцем я старик давно.
Как понять мое сомненье?
Как унять мою тревогу?
Кажется, без потрясенья
День прошел — и слава Богу!
Однако, тут не все так просто,
На мне печаль как бы хомут.
На дно коровьего погоста,
Как видно, скоро повезут.
О стон гробовый!
Вопль унылый!
Там даже не построены могилы.
Корова мертвая наброшена
На кости рваные овечек,
Подале, осердясь на коршуна,
Собака чей-то труп калечит.
Кой-где копыто, дотлевая,
Дает питание растенью
И череп сорванный седлает
Червяк, сопутствуя гниенью.
Частицы шкурки и состав орбиты
Тут же все лежат-лежат,
Лишь капельки росы налиты
На них, сияют и дрожат!»

Ответил конь:
«Смерти бледная подкова
Просвещенным не страшна,
Жизни горькая основа
Смертным более нужна.
В моем черепе продолговатом
Мозг лежит, как длинный студень,
В моем домике покатом
Он совсем не жалкий трутень.
Люди! Вы напрасно думаете,
Что я мыслить не умею,
Если палкой меня дуете,
Нацепив шлею не шею.
Мужик, меня ногами обхватив,
Скачет, страшно дерясь кнутом,
И я скачу, хоть некрасив,
Хватая воздух впалым ртом.
Кругом природа погибает,
Мир качается, убог,
Цветы, плача, умирают,
Сметены ударом ног.
Иной, почувствовав ушиб,
Закроет глазки и приляжет,
А на спине моей мужик
Как страшный бог
Руками и ногами машет!
Когда же, в стойло заключен,
Стою устал и удручен,
Сознанья бледное окно
Мне открывается давно.
И вот, от боли раскорячен,
Я слышу — воют небеса:
То зверь трепещет, предназначен
Вращать систему колеса!
Молю — откройте, откройте, друзья,
Ужели все люди над нами князья?»

Конь стихнул. Все окаменело,
Охвачено сознаньем грубым.
Животных составное тело

Имело сходство с бедным трупом.
Фонарь, наполнен керосином,
Качал страдальческим огнем,
Таким дрожащим и старинным,
Что все сливал с небытием.
Как дети хмурые страданья,
Толпой теснилися воспоминанья
В мозгах настойчивых животных.
Казалось, — прорван мир двойной,
И за обломком тканей плотных
Простор открылся голубой!

«Вижу я погост унылый, —
Сказал бык, сияя взором, —
Там, на дне сырой могилы,
Кто-то спит за косогором.
Кто он — жалкий, весь в коростах,
Полусъеденный, забытый,
Житель бедного погоста,
Грязным венчиком покрытый?
Вкруг него томятся ночи,
Руки бледные закинув,
Вкруг него цветы бормочут
В погребальных паутинах.
Вкруг него, невидны людям,
Но нетленны, как дубы,
Возвышаются умные свидетели его жизи —
Доски Судьбы.*)

И все читают стройными глазами
Домыслы странного трупа,
И мир животный с небесами
Тут примирен прекрасно-глупо.
И сотни, сотни лет пройдут,
И внуки наши будут хилы,
Но и они покой найдут
На берегах такой могилы.
Так человек, отпав от века,

---

*) «Доски Судьбы» — произведение В. Хлебникова. Могила поэта в Новгородской губернии. *Примеч. автора.*

Зарытый в новгородский ил,
Прекрасный образ человека
В душе природы заронил!».

Не в силах верить, все молчали,
Конь грезил, выпятив губу,
И ночь плясала, как в начале,
Шутихой — с крыши на трубу —
И вдруг упала. Грянул свет,
И шар поднялся величавый,
И птицы пели над дубравой —
Ночных свидетелей бесед.

3. ИЗГНАННИК

Птицы пели над дубравой —
Ночных свидетели бесед —
И Водолей сиял, на травы
Лия первоначалный свет,
И над высокою деревней,
Еще превратна и темна,
Окружена сияньем древним,
Вставала русская луна...

Изба стояла, словно крепость,
Внутри разрушенной природы,
Открыв хозяину нелепость
Труда, колхоза и свободы.
Кулак был слеп, как феодал,
Избу владеньем называл,
Говорил: «Это моя изба»,
Или: «Это моя новая амбарушка»,
А сам, пожалуй, ночь не спал,
Но только псов ворчанье слушал.

Монеты с головами королей
Храня в тяжелых сундуках,
Он был изгнанник средь людей,
И рядом с ним гнездился страх.
И рядом с ним гнездились боги
В своих задумчивых божницах;

Лохматы, немощны, двуноги,
В коронах, латах, власяницах,
С большими необыкновенными бородами
Они глядели из-за стекол,
А там кулак, крестясь руками,
Поклоны медленные кокал.

Кулак моленью предается,
Пес лает, Парка сторожит,
А время кое-как несется
И вниз по берегу бежит.
Природа жалкий сок пускает,
Растенья полны тишиной,
Лениво злак произростает —
Короткий, немощный, слепой.
Земля, нуждаясь в крепкой соли,
Кричит ему: «Кулак, доколе?»
Но чем земля не угрожай —
Кулак загубит урожай.
Ему приятно истребленье
Того, что — будущего знаки.
Итак, предавшись утомленью,
Едва стоят, скучая, злаки.

Кулак — владыка батраков —
Сидел, богатством возвеличен,
И мир его, эгоцентричен,
Был выше многих облаков.
А ночь, крылами шевеля,
Как ведьма бегает по крыше,
То ветер пустит на поля,
То притаится и не дышет,
То ставню выдернув из окон,
Кричит: «Вставай, проклятый ворон,
Идет над миром ураган,
Держи, хватай его руками,
Расставляй проволочные загражденья, —
Иначе вместе с сундуками
Умрешь и будешь без движенья!
Сквозь битвы, громы и труды

Я вижу ток большой воды —
Днепр виден мне, в бетон зашитый,
Огнями залитый Кавказ,
Железный конь привозит жито,
Чугунный вол привозит квас.
Рычаг плугов и копья борон
Вздымают почву сотен лет,
И ты пред нею, старый ворон,
Отныне призван на ответ».

Кулак ревет, на лавке сидя,
Скребет ногтями толстый бок,
И лает пес, беду предвидя,
Перед толпою многих ног.
И слышен голос был солдата,
И скрип дверей, и через час
Одна фигура, виновата,
Уже отъехала от нас.
Изгнанник мира и скупец
Сидел и слушал бубенец,
С избою мысленно прощался,
Как пьяный, на возу качался,
И ночь — строительница дня —
Уже решительно и смело,
Как ведьма, с крыши полетела,
Телегу в пропасть наклоня.

4. БИТВА С ПРЕДКАМИ

Ночь гремела в бочки, в банки,
В дупла сосен, в дудки бури,
Ночь под маской истуканки
Выжгла ляписом лазури,
Ночь гремела самодуркой,
Все к чертям летело, к черту,
Волк, ударен штукатуркой,

Несся плача, пряча морду.
Вепрь, муха, все собранье
Птиц, повыдернуто с сосен,
«Ах, — кричало, — наказанье,
Этот ветер нам несносен!»
В это время, грустно воя,
Шел медведь, слезой накапав,
Он лицо свое больное
Нес на вытянутых лапах.
«Ночь! — кричал: — Иди ты к шуту,
Отвяжись, Веельзевулша!»
Ночь кричала: «Буду! Буду!»
Ну, и ветер тоже дул же —
Так, скажу, проклятый ветер
Дул — как будто рвался порох!
Вот каков был русский север,
Где деревья без подпорок,

Солдат

Слышу бури страшный шум,
Слышу ветра дикий вой,
Но привычный знает ум:
Тут не черт, не домовой,
Тут не демон, не русалка,
Не бирюк, не лешачиха,
Но простых деревьев свалка.
После бури будет тихо.

Предки

Это вовсе неизвестно,
Хотя мысль твоя понятна,
Посмотри: под нами бездна,
Облаков несутся пятна.
Только ты — дитя рассудка —
От рожденья нездоров,
Полагаешь — это шутка
Столкновения ветров.

Солдат

Предки страшные, отстаньте!
Вы — проклятые кроты —
Землю трогать перестаньте,
Открывая ваши рты.
Непонятным наказаньем
Вы готовы мне грозить,
Объяснитесь на прощанье —
Что желаете просить?

Предки

Предки мы, и предки вам.
Тем, которым столько дел,
Мы столетье пополам
Рассекаем и предел
Представляем вашим бредням,
Предпочтенье даем средним —
Тем, которые рожают,
Тем, которые поют,
Никому не угрожают,
Ничего не создают.

Солдат

Предки, как же? Ваша глупость
Невозможна! Хуже смерти!
Ваше правда обернулась
В косных неучей усердье!
Ночью, лежа на кровати,
Вижу голую жену,
Вот она сидит без платья,
Поднимаясь в вышину.
Вся пропахла молоком...
Предки, разве правда в этом?
Нет, клянуся молотком,
Я желаю быть одетым!

Предки

Ты — дурак, жена — не дура,
Но природы лишь сосуд,
Велика ее фигура,
Два младенца грудь сосут.
Одного под зад ладонью
Держит крепко, а другой,
Наполняя воздух вонью,
На груди лежит дугой.

Солдат

Хорошо, но как понять —
Чем приятна эта мать?

Предки

Объясняем: женщин брюхо,
Очень сложное на взгляд,
Состоит жилищем духа
Девять месяцев подряд.
Там младенец в позе Будды
Получает форму тела,
Голова его раздута,
Чтобы мысль в ней кипела,
Чтобы пуповины провод,
Крепко вставленный в пупок,
Словно вытянутый хобот,
Не мешал развитью ног.

Солдат

Предки, все это понятно,
Но, однако, важно знать,
Не пойдем ли мы обратно,
Если будем лишь рожать?

Предки

Сволочь, дылда, старый мерин,
Недоносок рыжей клячи,
Твой рассудок непомерен,

Верно выдуман иначе!
Ветры, бейте в крепкий молот,
Сосны, бейте прямо в печень,
Чтобы надвое расколот,
Был бродяга изувечен!

Солдат

Прочь! Молчать! Довольно! Или
Расстреляю всех на месте!
Мертвецам лежать в могиле,
Марш в могилу, и не лезьте!
Пусть попы над вами стонут,
Пусть над вами воют черти,
Я же, предками нетронут,
Буду жить до самой смерти!

В это время дуб, встревожен,
Раскололся. В это время
Волк пронесся, огорошен,
Защищая лапой темя.
Вепрь, муха, целый храмик
Муравьев, большая выдра —
Все летело вверх ногами,
О деревья шкуру выдрав.
Лишь солдат, закрытый шлемом,
Застегнув свою шинель,
Возвышался, словно демон
Невоспитанных земель.
И полуночная птица —
Обитательница трав —
Принесла ему водицы,
Ветку дерева сломав.

5. НАЧАЛО НАУКИ

Когда полуночная птица
Летала важно между трав,
Крестьян задумчивые лица
Открылись, бурю испытав.
Над миром горечи и бед

Звенел пастушеский кларнет,
И пел петух, и утро было,
И славословил хор коров,
И над дубравой восходило
Светило, полное даров.

Слава миру, мир земле,
Меч владыкам и богатым!
Утро вынесло в руке
Возрожденья красный атом.
Красный атом возрожденья,
Жизни огненный фонарь,
На земле его движенье
Разливает киноварь.
Встали люди и коровы,
Встали кони и волы,
Вон — солдат идет багровый
От сапог до головы.
Посреди большого стада
Кто он — демон или бог?
И звезда его крылата
Блещет, словно носорог.

Солдат

Коровы, мне приснился сон,
Я спал, овчиною закутан,
И вдруг открылся небосклон
С большим животным институтом.
Там жизнь была всегда здорова
И посреди большого зданья
Стояла стройная корова
В венце неполного сознанья.
Богиня Сыра, Молока,
Главой касаясь потолка,
Стыдливо кутала сорочку
И груди вкладывала в бочку.
И десять струй с тяжелым треском
Стучали в кованый металл,
И, приготовленный к поездкам,
Бидон, как музыка, играл,

И опьяненная корова,
Сжимая руки на груди,
Стояла так, на все готова,
Дабы к сознанию идти.

Коровы

Странно слышать эти речи,
Зная мысли человечьи.
Что, однако, было дале?
Как иные поступали?

Солдат

Я дале видел красный светоч
В чертоге умного вола,
Коров задумчивое вече
Решало там свои дела.
Осел, над ними гогоча,
Бежал, безумное урча,
Рассудка слабое растенье
В его животной голове
Сияло как произведенье
По виду близкое к траве.
Осел скитался по горам,
Глодал чугунные картошки,
А под горой машинный храм
Выделывал кислородные лепешки.
Там кони — химии друзья —
Хлебали щи из ста молекул,
Иные, в воздухе вися,
Смотрели, — кто с планет приехал.
Корова, в формулах и лентах,
Пекла пирог из элементов
И перед нею в банке рос
Большой химический овес.

Конь

Прекрасна эта сторона —
Одни науки да проказы!

Я, как бы выпивши вина,
Солдата слушаю рассказы.
Впервые ум смутился мой,
Держу пари — я полон пота.
Ужель не врешь, солдат младой,
Что с плугом кончится работа?
Ужели, кроме наших жил,
Потребен разум и так дале?
Послушай, я ведь старожил,
Пристали мне одни медали.
Сто лет тружуся на сохе
И вдруг за химию! Хе-хе!

Солдат

Молчи, проклятая каурка,
Не рви рассказа до конца,
Не стоят грязного окурка
Твои веселые словца.
Мой разум так же, как и твой,
Горшок с опилками, не боле,
Но над картиною такой
Сумей быть мудрым поневоле.
... Над Лошадиным Институтом
Вставала стройная луна,
Научный отдых дан посудам
И близок час веретена.
Осел, товарищем ведом,
Приходит, голоден и хром,
Его, как мальчика, питают,
Ума растенье развивают.
Здесь учат бабочек труду,
Ужу дают урок науки
Как делать пряжу и слюду,
Как шить перчатки или брюки.
Здесь волк с железным микроскопом
Звезду вечернюю поет,
Здесь конь с капустой и укропом
Беседы длинные ведет.
И хоры стройные людей,

Покинув пастбища эфира,
Спускаются на стогна мира
Отведать пищи лебедей.

Конь

Ты кончил?

Солдат

Кончил.

Конь

Браво, браво!
Наплел, голубчик, на сто лет!
Но как сладка твоя отрава,
Как жжет меня проклятый бред!
Солдат, мы наги здесь и босы,
Нас давят плуги, жалят осы,
Рассудки наши — ряд лачуг
И весь в пыли хвоста бунчук.
В часы полуночного бденья,
В дыму осенних вечеров,
Солдат, слыхал ли ты хрипенье
Твоих замученных волов?
Нам нет спасенья, нету права,
Нас плуг зовет, и ряд могил,
И смерть — единая держава
Для тех, кто немощен и хил.

Солдат

Стыдись, каурка, что с тобою?
Наплел, чего не знаешь сам!
Смотри-ка, кто там за горою
Ползет, гремя, на смену вам?
Большой, железный, двухэтажный,
С чугунной мордой, весь в огне,
Ползет владыка рукопашной

Борьбы с природою — ко мне.
Воспряньте, умные коровы,
Воспряньте, кони и быки,
Отныне, крепки и здоровы,
Мы здесь для вас построим кровы
С большими чашками муки.
Разрушив царство сох и борон,
Мы старый мир до тла снесем,
И букву «А» огромным хором
Впервые враз произнесем!

И загремела даль лесная
Глухим раскатом буквы «А»,
И вылез трактор, громыхая,
Прорезав мордою века.
И толпы немощных животных,
Упав во прахе и пыли,
Смотрели взором первородных
На обновленный лик земли.

6. МЛАДЕНЕЦ — МИР

Когда собрание животных
Победу славило земли,
Крестьяне житниц плодородных
Свое имущество несли.
Одни огромны, бородаты,
Приносят сохи и лопаты,
Другие вынесли на свет
Мотыги сотен тысяч лет.
Как будто груда черепов,
Растет гора орудий пыток,
И тракторист считал, суров,
Труда столетнего убыток.

Тракторист

Странно, люди!
Ум не счислит этих зол.
Ударяя камнем в груди,

Мчится древности козел.
О, крестьянин, раб мотыг,
Раб лопат продолговатых,
Был ты раб, но не привык
Быть забавою богатых.
Ты разрушил дом неволи,
Ныне строишь ты колхоз.
Медный трактор возит в поле
Твой невиданный овес.
Длинноного и суха,
Сгинь, мотыга и соха!
Начинайся, новый век!
Здравствуй, конь и человек!

Соха

Полно каркать издалече,
Неразумный человече!
Я — соха, царица жита, —
Кости трактору не дам,
Мое туловище шито
Крепким дубом по бокам.
У меня на белом брюхе —
Под веселый хохот блох —
Скачет, тыча в небо руки,
Частной собственности бог.
Частной собственности мальчик
У меня на брюхе скачет,
Шар земной, как будто мячик,
На его ладони зачат.
То — держава, скиптр — меч,
Гнитесь, люди, чтобы лечь,
Ибо в днище ваших душ
Он сыграет славы туш!

Тракторист

О, богиня!
Ты погибла с давних пор.
За тобою шел Добрыня
Или даже Святогор.

Мы же новый мир устроим
С новым солнцем и травой.
Как с туганом, как с героем
Мы прощаемся с тобой.
Хватайте соху за подмышки!

Бежали стаями мальчишки,
Оторваны от алгебры задачки.
Рой баб, неся в ладонях пышки,
От страха падал на карачки.
Из печки дым, летя по трубам,
Носился длинным черным клубом,
Петух пел песнь навеселе,
Свет дня был виден на селе.
Забитый бревнышком навозным,
Шатался церкви длинный кокон,
Свет сек пыль сна по ликам грозным,
Струей летя внутри из окон.
На рейках книзу головой
Висел мышей летучий рой,
Как будто стадо мертвых ве́дем
Спасалось в Риме этом Третьем.
И вдруг, урча, забил набат.
Несома крепкими плечами,
Соха плыла, как ветхий гад,
Согнув оглобли калачами.
Соха плыла и говорила
Свои последние слова,
Полуоткрытая могила
Ее наставницей была.
И новый мир, рожденный в муке,
Перед задумчивой толпой
Твердил вдали то «Аз», то «Буки»,
Качая детской головой!

7. ТОРЖЕСТВО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Утро встало. Пар тумана
Закатился за поля,
Как слепцы из каравана

Разбежались тополя.
Хоры сеялок, отвесив
Килограммы тонких зерен,
Едут вряд, и пахарь весел,
От загара солнца черен.
Повсюду разные занятья:
Люди кучками сидят,
Эти — шьют большие платья,
Те — из трубочки дымят.
Один старик, сидя в овраге,
Объясняет философию собаке;
Другой — также царь и бог
Земледельческих орудий,
У коровы щупал груди
И худые кости ног.
Потом тихо составляет
Идею точных молотилок,
И коровам объясняет,
Сердцем радостен и пылок.

Семейство деревянных сёл
Глядело с высоты холма,
В хлеву свободу пел осел,
Достигнув полного ума.
Там, сепаратор медленный кружа,
Смеялось множество крестьянок;
Другие чистили ерша,
Забросив невод спозаранок;
В котлах семейных суп варился,
Огонь с металлом говорил
И человек, жуя, дивился
Тому, что сам нагородил.

Также тут сидел солдат.
Посреди крестьянских сёл,
Размышленьями богат,
Он такую речь повел:
— «Славься, славься, Земледелье,
Равнодействие машин!
Бросьте, пахари, безделье —

Будет ужин и ужин.
Науку точную сноповязалок,
Сеченье вымени коров
Пойми. Иначе будешь жалок,
Умом дородным нездоров.
Теория построения двора
Умудрила наши руки.
Славьтесь, добрые науки!
Земледелию — ура!»

Замолк. Повсюду пробежал
Гул веселых одобрений,
И солдат, подняв фиал,
Пиво пил для утоленья.
Председатель многополья
И природы коновал —
Он военное дреколье
На серпы перековал.
И, тяжелые как домы,
Закачались у межи,
Медным трактором ведомы,
Колесницы крепкой ржи.

А на холме у реки,
От рождения впервые,
Ели черви гробовые
Деревянный труп сохи.
Умерла царица пашен,
Коробейница старух.
И растет над нею важен
Сын забвения — лопух.
И растет лопух унылый,
И листом о камень бьет,
И над ветхою могилой
Память вечную поет.

Крестьяне, сытно закусив,
Газеты длинные читают,
Тот — бреет бороду, красив,

А этот — буквы составляет.
Младенцы в глиняные дудки
Дудят, размазывая грязь,
И вечер цвета незабудки
Плывет по воздуху, смеясь.

1929-1930

ЛОДЕЙНИКОВ

1

В краю чудес, в краю живых растений,
Несовершенной мудростью дыша,
Зачем ты просишь новых впечатлений
И новых бурь, пытливая душа?
Не обольщайся призраком покоя:
Бывает жизнь обманчива на вид.
Настанет час, и утро роковое
Твои мечты, сверкая, ослепит.

2

Лодейников, закрыв лицо руками,
Лежал в саду. Уж вечер наступал.
Внизу, постукивая тонкими звонками,
Шел скот домой и тихо лопотал
Невнятные свои воспоминанья.
Травы холодное дыханье
Струилось вдоль дороги. Жук летел.
Лодейников открыл лицо и поглядел
В траву. Трава пред ним предстала
Стеной сосудов. И любой сосуд
Светился жилками и плотью. Трепетала
Вся эта плоть и вверх росла, и гуд
Шел по земле. Прищелкивая по суставам,
Пришлепывая, странно шевелясь,
Огромный лес травы вытягивался вправо,
Туда, где солнце падало, светясь.
И то был бой травы, растений молчаливый бой.
Одни, вытягиваясь жирною трубой
И распустив листы, других собою мяли,
И напряженные их сочлененья выделяли
Густую слизь. Другие лезли в щель

Между чужих листов. А третьи, как в постель,
Ложились на соседа и тянули
Его назад, чтоб выбился из сил.

И в этот миг жук в дудку задудил.
Лодейников очнулся. Над селеньем
Всходил туманный рог луны,
И постепенно превращалось в пенье
Шуршанье трав и тишины.
Природа пела. Лес, подняв лицо,
Пел вместе с лугом. Речка чистым телом
Звенела вся, как звонкое кольцо.
В тумане белом
Трясли кузнечики сухими лапками,
Жуки стояли черными охапками,
Их голоса казалися сучками.
Блестя прозрачными очками,
По лугу шел красавец Соколов,
Играя на задумчивой гитаре.
Цветы его касались сапогов
И наклонялись. Маленькие твари
С размаху шлепались ему на грудь
И, бешено подпрыгивая, падали,
Но Соколов ступал по падали
И равномерно продолжал свой путь.

Лодейников заплакал. Светляки
Вокруг него зажгли свои лампадки,
Но мысль его, увы, играла в прятки
Сама с собой, рассудку вопреки.

3

В своей избушке, сидя за столом,
Он размышлял, исполненный печали.
Уже сгустились сумерки. Кругом
Ночные птицы жалобно кричали.
Из окон хаты шел дрожащий свет,
И в полосе неверного сиянья
Стояли яблони, как будто изваянья,

Возникшие из мрака древних лет.
Дрожащий свет из окон проливался
И падал так, что каждый лепесток
Среди туманных листьев выделялся
Прозрачной чашечкой, открытой на восток.
И все чудесное и милое растенье
Напоминало каждому из нас
Природы совершенное творенье,
Для совершенных вытканное глаз.

Лодейников склонился над листами,
И в этот миг привиделся ему
Огромный червь, железными зубами
Схвативший лист и прянувший во тьму.
Так вот она, гармония природы,
Так вот они, ночные голоса!
Так вот о чем шумят во мраке воды,
О чем, вздыхая, шепчутся леса!
Лодейников прислушался. Над садом
Шел смутный шорох тысячи смертей.
Природа, обернувшаяся адом,
Свои дела вершила без затей.
Жук ел траву, жука клевала птица,
Хорек пил мозг из птичьей головы,
И страхом перекошенные лица
Ночных существ смотрели из травы.
Природы вековечная давильня
Соединяла смерть и бытие
В один клубок, но мысль была бессильна
Соединить два таинства ее.

А свет луны летел из-за карниза,
И, нарумянив серое лицо,
Наследница хозяйская Лариса
В суконной шляпке вышла на крыльцо.
Лодейников ей был неинтересен:
Хотелось ей веселья, счастья, песен, —
Он был угрюм и скучен. За рекой
Плясал девиц многообразный рой.
Там Соколов ходил с своей гитарой.

К нему, к нему! Он песни распевал,
Он издевался над любою парой
И, словно бог, красоток целовал.

4

Суровой осени печален поздний вид.
Уныло спят безмолвные растенья.
Над крышами пустынного селенья
Заря небес болезненно горит.
Закрылись двери маленьких избушек,
Сад опустел, безжизненны поля,
Вокруг деревьев мерзлая земля
Покрыта ворохом блестящих завитушек,
И небо хмурится, и мчится ветер к нам,
Рубаху дерева сгибая пополам.

О, слушай, слушай хлопанье рубах!
Ведь в каждом дереве сидит могучий Бах
И в каждом камне Ганнибал таится...
И вот Лодейникову по ночам не спится:
В оркестрах бурь он слышит пред собой
Напев лесов, тоскующий и страстный...
На станции однажды в день ненастный
Простился он с Ларисой молодой.

Как изменилась бедная Лариса!
Все, чем прекрасна молодость была,
Она по воле странного каприза
Случайному знакомцу отдала.
Еще в душе холодной Соколова
Не высох след ее последних слез, —
Осенний вихрь ворвался в мир былого,
Разбил его, развеял и унес.
Ах, Лара, Лара, глупенькая Лара,
Кто мог тебе, краса моя, помочь?
Сквозь жизнь твою прошла его гитара
И этот голос, медленный, как ночь.
Дубы в ту ночь так сладко шелестели,
«Цвела сирень, черемуха цвела»,
И так тебе певцы ночные пели,

Как будто впрямь невестой ты была,
Как будто впрямь серебряной фатою
Был этот сад сверкающий покрыт...
И только выпь кричала за рекою
Вплоть до зари и плакала навзрыд.

Из глубины безмолвного вагона,
Весь сгорбившись, как немощный старик,
В последний раз печально и влюбленно
Лодейников взглянул на милый лик.
И поезд тронулся. Но голоса растений
Неслись вослед, качаясь и дрожа,
И сквозь тяжелый мрак миротворенья
Рвалась вперед бессмертная душа
Растительного мира. Час за часом
Бежало время. И среди полей
Огромный город, возникая разом,
Зажегся вдруг мильонами огней.
Разрозненного мира элементы
Теперь слились в один согласный хор,
Как будто, пробуя лесные инструменты,
Вступал в природу новый дирижер.
Органам скал давал он вид забоев,
Оркестрам рек — железный бег турбин
И, хищника отвадив от разбоев,
Торжествовал, как мудрый исполин.
И в голоса нестройные природы
Уже вплетался первый стройный звук,
Как будто вдруг почувствовали воды,
Что не смертелен тяжкий их недуг.
Как будто вдруг почувствовали травы,
Что есть на свете солнце вечных дней,
Что не они во всей вселенной правы,
Но только он — великий чародей.

Суровой осени печален поздний вид,
Но посреди ночного небосвода
Она горит, твоя звезда, природа,
И вместе с ней душа моя горит.

1932-1947

РУБРУК В МОНГОЛИИ

НАЧАЛО ПУТЕШЕСТВИЯ

Мне вспоминается доныне,
Как с небольшой командой слуг,
Блуждая в северной пустыне,
Въезжал в Монголию Рубрук.

— Вернись, Рубрук! — кричали птицы.
— Очнись, Рубрук! — скрипела ель. —
Слепил мороз твои ресницы,
Сковала бороду метель.

Тебе ль, монах, идти к монголам
По гребням голым, по степям,
По разоренным этим селам,
По непроложенным путям?

И что тебе, по сути дела,
До измышлений короля?
Ужели вправду надоела
Тебе французская земля?

Небось в покоях Людови́ка
Теперь и пышно и тепло,
А тут лишь ветер воет дико
С татарской саблей наголо.

Тут ни тропинки, ни дороги,
Ни городов, ни деревень,
Одни лишь Гоги да Магоги
В овчинных шапках набекрень! —

А он сквозь Русь спешил упрямо,
Через пожарища и тьму,

И перед ним вставала драма
Народа, чуждого ему.

В те дни, по милости Батыев,
Ладони выев до костей,
Еще дымился древний Киев
У ног непрошенных гостей.

Не стало больше песен дивных,
Лежал в гробнице Ярослав,
И замолчали девы в гривнах,
Последний танец отплясав.

И только волки да лисицы
На диком празднестве своем
Весь день бродили по столице
И тяжелели с каждым днем.

А он, минуя все берлоги,
Уже скакал через Итиль,
Туда, где Гоги и Магоги
Стада упрятали в ковыль.

Туда, к потомкам Чингиз-хана,
Под сень неведомых шатров,
В чертог восточного тумана,
В селенье северных ветров!

ДОРОГА ЧИНГИЗ-ХАНА

Он гнал коня от яма к яму,
И жизнь от яма к яму шла
И раскрывала панораму
Земель, обугленных дотла.

В глуши восточных территорий,
Где ветер бил в лицо и грудь,
Как первобытный крематорий,
Еще пылал Чингизов путь.

Еще дымились цитадели
Из бревен рубленных капелл,
Еще раскачивали ели
Останки вывешенных тел.

Еще на выжженных полянах,
Вблизи низинных родников,
Виднелись груды трупов странных
Из-под сугробов и снегов.

Рубрук слезал с коня и часто
Рассматривал издалека,
Как, скрючив пальцы, из-под наста
Торчала мертвая рука.

С утра не пивши и не евши,
Прислушивался, как вверху
Визгливо вскрикивали векши
В своем серебряном меху,

Как птиц тяжелых эскадрильи,
Справляя смертную кадриль,
Кругами в воздухе кружили
И простирались на сто миль.

Но, невзирая на молебен
В крови купающихся птиц,
Как был досель великолепен
Тот край, не знающий границ!

Европа сжалась до предела
И превратилась в островок,
Лежащий где-то возле тела
Лесов, пожарищ и берлог.

Так вот она, страна уныний,
Гиперборейский интернат,
В котором видел древний Плиний
Жерло, простершееся в ад!

Так вот он, дом чужих народов
Без прозвищ, кличек и имен,
Стрелков, бродяг и скотоводов,
Владык без тронов и корон!

Попарно связанные лыком,
Под караулом, там и тут
До сей поры в смятенье диком
Они в Монголию бредут.

Широкоскулы, низки ростом,
Они бредут из этих стран,
И кровь течет по их коростам,
И слезы падают в туман.

ДВИЖУЩИЕСЯ ПОВОЗКИ МОНГОЛОВ

Навстречу гостю, в зной и холод,
Громадой движущихся тел
Многоколесный ехал город
И всеми втулками скрипел.

Когда бы дьяволы играли
На скрипках лиственниц и лип,
Они подобной вакханальи
Сыграть, наверно, не смогли б.

В жужжанье втулок и повозок
Врывалось ржанье лошадей,
И это тоже был набросок
Шестой симфонии чертей.

Орда — неважный композитор,
Но из ордынских партитур
Монгольский выбрал экспедитор
C-dur на скрипках бычьих шкур.

Смычком ему был бич отличный,
Виолончелью бычий бок,
И сам он в позе эксцентричной
Сидел в повозке, словно бог.

Но богом был он в высшем смысле,
В том смысле, видимо, в каком
Скрипач свои выводит мысли
Смычком, попав на ипподром.

С утра натрескавшись кумыса,
Он ясно видел все вокруг —
То из-под ног метнется крыса,
То юркнет в норку бурундук,

То стрепет, острою стрелою,
На землю падает, подбит,
И дико движет головою,
Дополнив общий колорит.

Сегодня возчик, завтра воин,
А послезавтра божий дух,
Монгол и вправду был достоин
И жить, и пить, и есть за двух.

Сражаться, драться и жениться
На двух, на трех, на четырех —
Всю жизнь и воин и возница,
А не лентяй и пустобрёх.

Ему нельзя ни выть, ни охать,
Коль он в гостях у росомах,
Забудет прихоть он и похоть,
Коль он охотник и галах.

В родной стране, где по излукам
Текут Онон и Керулен,
Он бродит с палицей и луком,
В цветах и травах до колен.

Но лишь ударит голос меди —
Пригнувшись к гриве скакуна,
Летит он к счастью и победе,
И чашу битвы пьет до дна.

Глядишь — и Русь пощады просит,
Глядишь — и Венгрия горит,
Китай шелка ему подносит,
Париж баллады говорит.

И даже вымершие гунны
Из погребенья своего,
Как закатившиеся луны,
С испугом смотрят на него!

МОНГОЛЬСКИЕ ЖЕНЩИНЫ

Здесь у повозок выли волки,
И у бесчисленных станиц
Пасли скуластые монголки
Своих могучих кобылиц.

На этих бешеных кобылах,
В штанах из выделанных кож,
Судьбу гостей своих унылых
Они не ставили ни в грош.

Они из пыли, словно пули,
Летели в стойбище свое
И, став ли боком, на скаку ли,
Метали дротик и копье.

Был этих дам суров обычай,
Они не чтили женский хлам
И свой кафтан из кожи бычьей
С грехом носили пополам.

Всю жизнь свою тяжелодумки,
Как в этом принято краю,

Они в простой таскали сумке
Поклажу дамскую свою.

Но средь бесформенных иголок
Здесь можно было отыскать
Искусства древнего осколок
Такой, что моднице под стать.

Литые серьги из Дамаска,
Запястья хетских мастеров,
И то, чем красилась кавказка,
И то, чем славился Ростов.

Все то, что было взято с бою,
Что было снято с мертвеца,
Свыкалось с модницей такою
И ей служило до конца.

С глубоко спрятанной ухмылкой
Глядел на всадницу Рубрук,
Но вникнуть в суть красотки пылкой
Монаху было недосуг.

Лишь иногда, в потемках лежа,
Не ставил он себе во грех
Воображать, на что похожа
Она в постели, без помех.

Но, как ни шло воображенье,
Была работа свыше сил,
И, вспомнив про свое служенье,
Монах усилья прекратил.

ЧЕМ ЖИЛ КАРАКОРУМ

В те дни состав народов мира
Был перепутан и измят,
И был ему за командира
Незримый миру азиат.

От Танаида до Итили
Коман, хозар и печенег
Таких могил нагородили,
Каких не видел человек.

В лесах за Русью горемычной
Ютились мокша и мордва,
Пытаясь в битве необычной
Свои отстаивать права.

На юге — персы и аланы,
К востоку — прадеды бурят,
Те, что, ударив в барабаны,
«Ом, мани падме кум!» — твердят.

Уйгуры, венгры и башкиры,
Страна китаев, где врачи
Из трав готовят эликсиры
И звезды меряют в ночи.

Из тундры северные гости,
Те, что проносятся стремглав,
Отполированные кости
К своим подошвам привязав.

Весь этот мир живых созданий,
Людей, племен и целых стран
Платил и подати и дани,
Как предназначил Чингиз-хан.

Живи и здравствуй, Каракорум,
Оплот и первенец земли,
Чертог Монголии, в котором
Нашли могилу короли!

Где перед каменной палатой
Был вылит дуб из серебра
И наверху трубач крылатый
Трубил, работая с утра!

Где хан, воссев на пьедестале,
Смотрел, как буйно и легко
Четыре тигра изрыгали
В бассейн кобылье молоко!

Наполнив грузную утробу
И сбросив тяжесть портупей,
Смотрел здесь волком на Европу
Генералиссимус степей.

Его бесчисленные орды
Сновали, выдвинув полки,
И были к западу простерты,
Как пятерня его руки.

Весь мир дышал его гортанью,
И власти подлинный секрет
Он получил по предсказанью
На восемнадцать долгих лет.

КАК БЫЛО ТРУДНО РАЗГОВАРИВАТЬ С МОНГОЛАМИ

Еще не клеились беседы,
И с переводчиком пока
Сопровождала их обеды
Игра на гранях языка.

Трепать язык умеет всякий,
Но надо так трепать язык,
Чтоб щи не путать с кулебякой
И с запятыми заковык.

Однако этот переводчик,
Определившись толмачом,
По сути дела, был наводчик
С железной фомкой и ключом.

Своей коллекцией отмычек
Он колдовал и вкривь и вкось,
И в силу действия привычек
Плел то, что под руку пришлось.

Прищурив умные гляделки,
Сидели воины в тени,
И явно не в своей тарелке
Рубрука слушали они.

Не то чтоб сложной их натуры
Не понимал совсем монах, —
Здесь пели две клавиатуры
На двух различных языках.

Порой хитер, порой наивен,
С мотивом спорил здесь мотив,
И был отнюдь не примитивен
Монгольских воинов актив.

Здесь был особой жизни опыт,
Особый дух, особый тон.
Здесь речь была как конский топот,
Как стук мечей, как копий звон.

В ней водопады клокотали
Подобно реву Ангары
И часто мелкие детали
Приобретали роль горы.

Куда уж было тут латинцу,
Будь он и тонкий дипломат,
Псалмы втолковывать ордынцу
И бить в кимвалы наугад!

Как прототип башибузука,
Любой монгольский мальчуган
Всю казуистику Рубрука,
Смеясь, засовывал в карман.

Он до последней капли мозга
Был практик, он просил еды,
Хотя, по сути дела, розга
Ему б не сделала беды.

РУБРУК НАБЛЮДАЕТ НЕБЕСНЫЕ СВЕТИЛА

С началом зимнего сезона
В гигантский вытянувшись рост,
Предстал Рубруку с небосклона
Амфитеатр восточных звезд.

В садах Прованса и Луары
Едва ли видели когда,
Какие звездные отары
Вращает в небе Кол-звезда.

Она горит на всю округу,
Как скотоводом вбитый кол,
И водит медленно по кругу
Созвездий пестрый ореол.

Идут небесные Бараны,
Шагают Кони и Быки,
Пылают звездные Колчаны,
Блестят астральные Клинки.

Там тот же бой и стужа та же,
Там тот же общий интерес.
Земля — лишь клок небес и даже,
Быть может, лучший клок небес.

И вот уж чудится Рубруку:
Свисают с неба сотни рук,
Грозят, светясь на всю округу:
— Смотри, Рубрук! Смотри, Рубрук!

Ведь если Бог монголу нужен,
То лишь постольку, милый мой,
Поскольку Он готовит ужин
Или быков ведет домой.

Твой Бог пригоден здесь постольку,
Поскольку может Он помочь
Схватить венгерку или польку
И в глушь Сибири уволочь.

Поскольку Он податель мяса,
Поскольку Он творец еды!
Другого Бога-свистопляса
Сюда не пустят без нужды.

И пусть хоть лопнет папа в Риме,
Пускай напишет сотни булл, —
Над декретальями твоими
Лишь посмеется Вельзевул.

Он тут не смыслит ни бельмеса
В предначертаниях небес,
И католическая месса
В его не входит интерес, —

Идут небесные Бараны,
Плывут астральные Ковши,
Пылают реки, горы, страны,
Дворцы, кибитки, шалаши,

Ревет медведь в своей берлоге,
Кричит стервятница лиса,
Приходят боги, гибнут боги,
Но вечно светят небеса!

КАК РУБРУК ПРОСТИЛСЯ С МОНГОЛИЕЙ

Срывалось дело минорита,
И вскоре выяснил Рубрук,
Что мало толку от визита,
Коль дело валится из рук.

Как ни пытался Божью манну
Он перед ханом рассыпать,
К предусмотрительному хану
Не шла Господня благодать.

Рубрук был толст и крупен ростом,
Но по природе не бахвал,
И хан его простым прохвостом,
Как видно, тоже не считал.

Но на святые экивоки
Он отвечал: — Послушай, франк!
И мы ведь тоже на востоке
Возводим Бога в высший ранг.

Однако путь у нас различен.
Ведь вы, писанье получив,
Не обошлись без зуботычин
И не сплотились в коллектив.

Вы рады бить друг друга в морды,
Кресты имея на груди.
А ты взгляни на наши орды,
На наших братьев погляди!

У нас, монголов, дисциплина,
Убил — и сам иди под меч.
Выходит, ваша писанина
Не та, чтоб выгоду извлечь!

Тут дали страннику кумысу
И по законам этих мест
Безотлагательную визу
Сфабриковали на отъезд.

А между тем вокруг становья
Вблизи походного дворца
Трубили хану славословья
Несториане без конца.

Живали муллы тут и ламы,
Шаманы множества племен,
И снисходительные дамы
К ним приходили на поклон.

Тут даже диспуты бывали,
И хан, присутствуя на них,
Любил смотреть, как те канальи
Кумыс хлестали за двоих.

Монаха здесь, по крайней мере,
Могли позвать на арбитраж,
Но музыкант ему у двери
Уже играл последний марш.

Он в ящик бил четырехструнный,
Он пел и вглядывался в даль,
Где серп прорезывался лунный,
Литой, как выгнутая сталь.

1958

Примечания:

Рубрук — Вильгельм де Рубрук (Рубруквис), монах ордена миноритов, в 1253 году по поручению французского короля Людовика IX ездил в страну древних монголов, о чем оставил любопытные записки.

Итиль — Волга.

Танаид — Дон.

Коман — Половец.

Мокша — племена финского происхождения.

«Ом, мани падме кум!» — буддийская молитва.

Каракорум — древняя столица монголов.

Приложение первое

Вторая и третья главки поэмы

ЛОДЕЙНИКОВ

в первоначальной редакции

ЛОДЕЙНИКОВ

Как бомба в небе разрывается
и сотрясает атмосферу —
так в человеке начинается
тоска, нарушив жизни меру.
Вокруг Лодейникова расположены
места глухой природы —
бегут животные, стреножены,
благоухают огороды.
А сам Лодейников на возвышении
сидит, поднявши руки,
и говорит: «В душе моей сражение
природы, зренья и науки.
Вокруг меня кричат собаки,
растет в саду огромный мак, —
я различаю только знаки
домов, растений и собак.
Я тщетно вспоминаю детство,
которое судило мне в наследство
не мир живой, на тысячу ладов
поющий, прыгающий, думающий, ясный,
но мир, испорченный сознанием отцов,
искусственный, немой и безбразный,
и продолжающий день ото дня стареть...
О, если бы хоть раз на землю посмотреть
и разорвать глаза и вырвать жилы!»

Так говорил Лодейников, и старожилы
глухих лесов — жуки — сошлись по одному
и пальцы щекоча, ласкалися к нему.
Лодейников, закрыв лицо руками,
тихонько плакал. Вечер наступал.
Внизу, постукивая тонкими звонками,
шел скот домой и тихо лопотал
невнятные свои воспоминанья.

Травы холодное дыханье
струилось вдоль дороги. Жук летел.
Лодейников открыл лицо и поглядел
в траву. Трава пред ним предстала
стеной сосудов. И любой сосуд
светился жилками и плотью. Трепетала
вся эта плоть и вверх росла, и гуд
шел по земле. Прищелкивая по суставам,
пришлепывая, странно шевелясь,
огромный лес травы вытягивался вправо —
туда, где солнце падало, светясь.
И то был бой травы, растений молчаливый бой.
Одни, вытягиваясь жирною трубой
и распустив листы, других собою мяли,
и напряженные их сочлененья выделяли
густую слизь. Другие лезли в щель
между чужих листов. А третьи, как в постель,
ложились на соседа и тянули
его назад, чтоб выбился из сил...

И в этот миг жук в дудку задудил.
Лодейников очнулся. Над селеньем
всходил туманный рог луны,
и постепенно превращалось в пенье
шуршанье трав и тишины.
Природа пела. Лес, подняв лицо,
пел вместе с лугом. Речка чистым телом
звенела вся, как звонкое кольцо,
На луге белом
трясли кузнечики сухими лапками,
жуки стояли черными охапками —
их голоса казалися сучками.
Блестя прозрачными очками,
по лугу шел прекрасный Соколов,
играя на задумчивой гитаре.
Цветы его касались сапогов
и наклонялись. Маленькие твари
сразмаху шлепались ему на грудь
и бешено подпрыгивая, падали.
Но Соколов ступал по падали,
и равномерно продолжал свой путь.

Лодейников очнулся. Светляки
вокруг него зажгли свои лампадки,
и он лежал в природе словно в кадке, —
совсем один, рассудку вопреки.

1932

ЛОДЕЙНИКОВ В САДУ

Лодейников, сидевший за столом,
ждал ужина. Уж ночь была вначале.
Вверху качались яблони. Кругом
ночные птицы жалобно кричали.
Из окон хаты шел дрожащий свет
и в полосе неверного сиянья
стояли яблони, как будто изваянья
таинственных фигур, каких на свете нет.
Лодейников с его унылым носом
сидел в тени. Работница с подносом
поставила на стол дымящийся горшок
с едою. Он поел и как лесной божок
застыл и сгорбился. Степей очарованье,
глубокий шум лесов, мерцание светил —
все принял он в себя, и каждое созданье
в своей душе, любя, отобразил.
Лишь одного ему недоставляло —
спокойствия. О, как бы он хотел
быть этой яблоней, которая стояла
одна вся белая среди туманных тел.
Дрожащий свет из окон проливался
и падал так, что каждый лепесток
среди туманных листьев выделялся
прозрачной чашечкой, открытой на восток.
И все чудесное и милое растенье
напоминало каждому из нас
природы совершенное творенье,
для совершенных вытканное глаз.

Лодейников склонился над листами,
и в этот миг привиделся ему
огромный червь, железными зубами

схвативший лист и прянувший во тьму.
Так вот она, гармония природы!
Так вот они, ночные голоса!
На безднах мук сияют наши воды,
на безднах горя высятся леса!
Лодейников прислушался. Над садом
шел смутный шорох тысячи смертей.
Природа, обернувшаяся адом,
свои дела вершила без затей.
Жук ел траву, жука клевала птица,
хорек пил мозг из птичьей головы,
и страшно перекошенные лица
ночных существ смотрели из травы.
Природы вековечная давильня
соединяла смерть и бытие
в единый клуб. Но мысль была бессильна
соединить два таинства ее.

А ночь все ближе подходила,
и, нарумянив серое лицо,
наследница хозяйская Людмила
в суконной шляпке вышла на крыльцо.
Лодейников ей был неинтересен:
хотелось ей веселья, счастья, песен, —
он был угрюм и скучен. За рекой
плясал девиц многообразный рой.
Там Соколов ходил с своей гитарой.
К нему, к нему! Он песни распевал,
он издевался над любою парой
и, словно бог, красоток целовал.

1934

Приложение второе

ВОСПОМИНАНИЯ О ЗАБОЛОЦКОМ

ПАМЯТИ Н. А. ЗАБОЛОЦКОГО

В ТАРУСЕ.

Последние два года жизни (1957 и 1958) Н. А. Заболоцкий проводил в Тарусе.

В этом тихом, маленьком городке на берегу Оки, окруженном лесами, стоящем вдалеке от железной дороги, сохранилось спокойствие, утраченное в подмосковных местах. Полноводная Ока, полевые просторы, раскинувшиеся напротив высокого берега, на котором расположена Таруса, — все это привлекало Заболоцкого, полюбившего этот уголок.

Николай Алексеевич снимал в Тарусе две комнаты с террасой на улице Карла Либкнехта, немощеной, по-деревенски заросшей травой, почти на вершине холма. Одноэтажные деревянные домики с зелеными заборами и ставнями окружены были густо засаженными садами, в которых весной бурно цвели яблоки, вишни, сирень, а летом из-за оград выглядывали яркие цветы — розовые, красные, желтые, голубые.

На улицах и во дворах сновали петухи, куры, гуси, цыплята, чувствовавшие себя хозяевами всей территории. С раннего утра повсеместно слышалась куриная воркотня, гоготанье гусей, звонкие задорные выкрики петухов. В доме, в котором проживал Николай Алексеевич, было обычно тихо и безлюдно.

Все помещение состояло из двух комнат — столовой и примыкавшей к ней спальни. Большую часть дня Николай Алексеевич проводил на террасе, где стоял лежак с тюфяком и обеденный стол, или в хорошую погоду — в саду.

В Тарусе Заболоцкий поселился после первого инфаркта и поэтому вел малоподвижный образ жизни.

Здесь, в Тарусе, рождались стихи Заболоцкого о русской природе, навеянные окскими далями, просторами лесов и полей, сдержанной красотой русского пейзажа. Николай Алексеевич, хотя и восторгался величием кавказской природы, горами Грузии, цветением крымских парков, морской панорамой Гурзуфа, но больше всего любил скромную, непышную русскую природу. Он говорил мне, что горы, закрытый горизонт подавляют, не дают такого ощущения простора, как ровный пейзаж русских полей и лесов. В одном из «тарусских» стихотворений «Вечер на Оке», он со свойственной ему точностью и лирической проникновенностью изобразил этот приокский пейзаж.

Классическая соразмерность и философическая углубленность этого пейзажа

заставляет вспомнить о Тютчеве, поэзию которого Заболоцкий особенно любил и ценил.

Николай Алексеевич много работал. Он переводил сербский эпос, обдумывал или писал стихи. В Тарусе была написана поэма «Рубрук». Николай Алексеевич не раз говорил мне, что ему нигде так хорошо не работалось, как в Тарусе. Работал он большей частью с утра до обеда. После обеда отдыхал, беседовал, гулял. Сидя на террасе или под яблоней, он часами мог думать, наблюдать за окружающей его природой. Такие стихотворения, как «Птичий двор», «Стирка белья», «Летний вечер», «Вечер на Оке», «Гроза идет», «Городок», «Подмосковные рощи», «На закате», не только были написаны в Тарусе, но и навеяны ее природой, тихой жизнью городка, далями приокских пейзажей.

Николай Алексеевич был уже тяжело болен, переживал мучительную личную драму. И тем не менее в нем было столько душевной стойкости, мудрого понимания окружающего, проникновенной любви к людям и природе, интереса к жизни, что я забывал о смертельной угрозе, над ним нависшей. Он не любил говорить о болезни, жаловаться. Старался только как можно больше сделать, завершить ранее начатое. Он любил образцовый порядок во всем и старался даже в своем трудном положении следовать этому порядку.

Сидя на открытой террасе, Николай Алексеевич мог долго смотреть на хлопочущих во дворике кур, шутливо посмеивался над красавцем-петухом, который появлялся из очередного петушьего боя с сильно поредевшим хвостом и разодранным в клочья, окровавленным гребнем. Больше всего привязался он к небольшой, мохнатенькой собачке с бородкой, смутно напоминавшей о ее происхождении от каких-то предков из породы скочтерьеров. Эта собачка терпеливо сидела целыми днями на крыльце и умильно смотрела на Николая Алексеевича. Собачка была понятлива и звонко лаяла на незнакомых посетителей. Вот об этой собачке он и написал в стихотворении «Городок».

Целый день стирает прачка,
Муж пошел за водкой.
На крыльце сидит собачка
С маленькой бородкой.
Целый день она таращит
Умные глазенки,
Если дома кто заплачет —
Заскулит в сторонке.

Собачку звали Дружок. Николай Алексеевич любил с ней разговаривать.

Как-то утром он прочел мне эти стихи, чуть близоруко прищуриваясь, с той лукаво доброй улыбкой, которая делала его лицо каким-то особенно радушным, чуть мужицким.

Он, как никто, любил шутку, но шутил обычно с самым серьезным видом, напуская на себя простовато-непонимающий вид.

Из садика виднелись крыши домов, спускавшихся к Оке, море зелени. Было тихо. Лишь изредка где-то в отдалении слышался гудок пароходика, напоминавший о том, что Таруса не на краю света, а в трех часах от Москвы.

Николай Степанов

О НИКОЛАЕ ЗАБОЛОЦКОМ

(Отрывок из книги воспоминаний)

Заболоцкий утверждал, что смерти нет; смерти не было, нет и никогда не будет. Он утверждал это в течение всей своей сознательной жизни, с молодых лет до конца. Утверждал в разговорах с друзьями, утверждал в стихах.

В основе этого утверждения лежала мысль, что если каждый человек, в том числе и он, Николай Заболоцкий, — часть природы, а природа в целом бессмертна, то и каждый человек бессмертен. Смерти нет, есть только превращения, метаморфозы. Наиболее полно выразил он эту утешительную мысль в одном стихотворении 1937 года, которое так и называется — «Метаморфозы»:

Я умирал не раз. О, сколько мертвых тел
Я отделил от собственного тела!
И если б только разум мой прозрел
И в землю устремил пронзительное око,
Он увидал бы там, среди могил, глубоко,
Лежащего меня. Он показал бы мне
Меня, колеблемого на морской волне,
Меня, летящего по ветру в край незримый, —
Мой бедный прах, когда-то так любимый, —
А я все жив!..

И дальше:

Как все меняется! Что было раньше птицей,
Теперь лежит написанной страницей;
Мысль некогда была простым цветком;
Поэма шествовала медленным быком;
А то, что было мною, то, быть может,
Опять растет и мир растений множит.
Вот так, с трудом пытаясь развивать

Как бы клубок какой-то сложной пряжи,
Вдруг и увидишь то, что должно называть
Бессмертием. О, суеверья наши!

Как видите, самую мысль о смерти он называл суеверием.

Эта же идея — что каждый бессмертен, потому что бессмертна природа, — высказывалась им и гораздо раньше. Еще в 1929 году, в стихотворении «Прогулка», он говорил:

И смеется вся природа,
Умирая каждый миг.

В том же 1929 году, в стихотворении «Искушение», где рассказывается о смерти девушки, Заболоцкий старался убедить читателя, что смерть эта — мнимая, кажущаяся. Мертвую девушку закопали в землю, но

Солнце встанет, глина треснет,
Мигом девица воскреснет.
Из берцовой из кости
Будет деревце расти.

В 1936 году он написал:

Вчера о смерти размышляя,
Ожесточилась вдруг душа моя.

Но дальше в этом стихотворении он объясняет, что душа его ожесточилась зря, потому что, благодаря мнимости смерти, благодаря совершающимся в природе метаморфозам, бессмертны не только тела, но и мысли людей:

И я, живой, скитался над полями,
Входил без страха в лес,
И мысли мертвецов прозрачными столбами
Вокруг меня вставали до небес.
И голос Пушкина был над листвою слышен,
И птицы Хлебникова пели у воды.
И встретил камень я. Был камень неподвижен,
И проступил в нем лик Сковороды.

И все существованья, все народы
Нетленное хранили бытие,
И сам я был не детище природы,
Но мысль ее! Но зыбкий ум ее!

И одиннадцать лет спустя, вернувшись из лагерей, он упрямо писал все о том же:

Я не умру, мой друг. Дыханием цветов
Себя я в этом мире обнаружу.
Многовековый дуб мою живую душу
Корнями обовьет, печален и суров.
В его больших листах я дам приют уму,
Я с помощью ветвей свои взлелею мысли,
Чтоб над тобой они из тьмы лесов повисли
И ты причастен был к сознанью моему.

Он продолжал отрицать смерть — в обычном понимании этого слова — до самого конца. В разговорах он отрицал это «суеверие» еще определеннее и бесповоротнее, чем в стихах.

Мы с ним, оставаясь вдвоем, по русскому обыкновению, часто «философствовали». В наших рассуждениях и спорах он неизменно объявлял себя «материалистом» и «монистом». Под «монизмом» разумел он понятие, противоположное «дуализму», и отзывался о «дуализме» с презрением. «Дуализмом» он называл всякое противопоставление духовной жизни материальной, всякое непонимание их тождества, полной слитности. Поэтому, говоря о бессмертии, он вовсе не имел в виду существование души вне тела. Он утверждал, что все духовные и телесные свойства человека бессмертны, потому что в природе ничего не исчезает, а только меняет форму.

Для меня это много раз повторяемое им рассуждение было недостаточно убедительно. Я спорил с ним — довольно робко. Я соглашался, что если живое становится мертвым, то это всего только превращение, а не исчезновение; однако, для живого совершенно безразлично, исчезнет ли оно или «превратится». Если из берцовой кости умершей девушки вырастет деревце, то это будет уже не девушка, а другое существо, сознание же девушки, ее «я» погибнет безвозвратно. Хотя природа и бессмертна и в ней ничего не исчезает, но мы с вами смертны и умрем всерьез, навсегда.

Он не соглашался. Слушал хмуро и упрямо повторял свое. Эти разговоры о смерти происходили обычно ночью, за вином, у меня на квартире. В последние годы жизни он ничего не пил, кроме вина, но вина пил много и не умел без него обходиться. К его приходу я запасал несколько бутылок «телиани», потому что «телиани» он предпочитал всем другим винам; думаю, причины этого предпочтения были прежде всего литературные — он очень любил и часто повторял стихи Мандельштама:

В самом маленьком духане
Ты товарища найдешь,

Если спросишь «телиани».
Поплывет духан в тумане.
Сам в духане поплывешь.

Он приходил часов в семь, читал свои последние стихи, потом мы принимались читать стихи других поэтов. Часов в девять садились за стол и сидели порой часов до трех ночи. Он мог выпить вина сколько угодно, и я скоро отставал от него. Пьянел он медленно, становился все веселее. Потом хмурился и тогда со все возрастающим ожесточением повторял, что мы не умрем, а только превратимся.

Надо сказать, что к таким его рассуждениям я относился недостаточно серьезно, и это привело меня к ошибке. Я перестал спорить, возражать, а только отшучивался. Я знал, как он был чуток к юмору, и потому никогда не опасался шутить в его присутствии над чем угодно. Уехав летом 1958 года в Коктебель, я отправил ему оттуда следующее шуточное стихотворное послание:

Н. А. ЗАБОЛОЦКОМУ

который, выпив три бутылки «телиани»,
любит утверждать, что после смерти
мы перевоплотимся в другие существа

Тело, жертва медицины,
Мертвенно, как перламутр,
Препараты и вакцины
Принимает скорбно внутрь,

А душа, пред униженьем
Опуская гордый взор,
Уж ведет с уничтоженьем
Предстоящим разговор:

«Не хочу я превращений
В множество вещей, веществ
Или перевоплощений
В множество иных существ,

Не хочу я вечных странствий
Паром, снегом и водой,
Не хочу лететь в пространстве
Ослепительной звездой.

Не хочу я цепью брякать,
Дом хозяйский сторожа,
Птицей петь, лягушкой квакать,
Быть супругою ежа.

Ванечка, гулявший с мамой
Вдоль по берегу ручья,
Это я был, тот же самый,
Это я, и только я.

Принимая капли на ночь
У предела бытия,
Это я, Иван Степаныч,
Это я, все тот же я.

Доброй Машею любимый
Мне неведомо за что,
Это я, неповторимый,
Я, и более никто.

Не боюсь чертей и ада,
С мукой примирюсь любой,
Мне ничьей судьбы не надо,
Дайте быть самим собой!»

И в ответ гремит на башне,
Отмечая каждый час,
Звон привычный, звон всегдашний,
Утешительный для нас,

Ничего не обещая,
Кроме вечной пустоты,
Ничего не предвещая,
Кроме полной темноты.

К моему удивлению, никакого ответа на это послание я не получил. Через месяц я вернулся в Москву, и Заболоцкий зашел ко мне. Была уже вторая половина августа, лето он провел в Тарусе и показался мне посвежевшим, поздоровевшим. В город заехал только на несколько дней и зашел ко мне, чтобы прочитать мне свою новую поэму «Рубрук». Читал он весело, увлеченно, счастливо, громко смеясь от радости в тех местах, которые ему самому казались особенно

удачными. Поэма была написана круто, зорко, щедро, поразила меня внутренней веселостью, наблюдательностью, жадным жизнелюбием. Все это я высказал автору, к его большому удовольствию. Когда разговор о «Рубруке» иссяк, я спросил его, получил ли он мое послание. И был поражен, как внезапно изменилось его лицо. Он потемнел, замолк, поник. Мне стало жалко его. Я понял, как некстати была моя шутка.

Я понял, что вся эта созданная им теория бессмертия посредством метаморфоз всю жизнь была для него заслоном, защитой. Мысль о неизбежности смерти — своей и близких — была для него слишком ужасна. Ему необходима была защита от этой мысли, он не хотел смириться, он был из несмиряющихся. Найти защиту в представлении о бессмертной душе, существующей независимо от смертного тела, он не мог — всякая религиозная метафизическая идея претила его конкретному, предметному художественному мышлению. Поэтому он с таким упорством, непреклонностью, с такой личной заинтересованностью держался за свою теорию превращений, сулившую бессмертие и ему самому и всему, что он любил, и сердился, когда в этой теории находили бреши.

Он умер через два месяца после этого нашего свидания.

Николай Чуковский

Приложение третье

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАРИАНТЫ

РАЗНОЧТЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ

Наше собрание сочинений Н. А. Заболоцкого, наиболее полное из всех вышедших до сих пор в свет, отнюдь не претендует на исчерпывающую полноту. Не говоря уже о недоступности для нас произведений поэта, оставшихся неопубликованными, нами не были разысканы «Еж», «Костер», «Пионер» и «Чиж» — детские журналы, «Чудак» — сатирический журнал, «Радиолюбитель», — журналы, сотрудником которых был Заболоцкий. Нам не удалось разыскать и те номера «Ленинградской Правды» 1927-1929 гг., в которых были опубликованы его стихи. Не желая задерживать выход в свет собрания стихотворений Заболоцкого, мы не стали добиваться максимальной полноты издания. Кроме того, нами не включены в собрание стихотворений не только многочисленные переводы поэта, но и его чрезвычайно популярное и часто переиздающееся переложение «Слова о полку Игореве». Как правило, в основной корпус книги включались последние авторские редакции стихов, за исключением тех случаев, когда правка вызывалась отнюдь не художественными соображениями. Все разысканные нами варианты и разночтения приведены в разделе «Варианты. Разночтения. Примечания».

Редакторы приносят благодарность всем лицам, способствовавшим собиранию и сличению материалов, корректированию текстов и выходу в свет этого собрания стихотворений Н. А. Заболоцкого, в частности Л. А. Алексеевой-Иванниковой, Н. С. Благовещенской, Х. Диксон, А. К. Ранниту и Т. О. Федоровой и тем владельцам частных книжных собраний, которые предоставили нам свои материалы для использования.

По указанным выше причинам отнюдь не претендует на полноту и библиография — как публикаций Заболоцкого (в особенности в части произведений для детей, сатирических и переводов), так и литературы о нем. В тех случаях, когда редакторам было известно, что произведение Заболоцкого публиковалось в том или ином журнале или в той или иной газете, но ими не было установлено — что именно и в каком номере было опубликовано, редакторы указывали все-таки наименование данного издания — в помощь будущим собирателям наследия поэта. Когда установлены были, примерно, годы, в которые Заболоцкий публиковал свои произведения в данном издании, — эти годы указываются и в нашей библиографической справке. В противном случае указывается только название журнала или газеты.

Как в разделе *Библиографии,* так и в разделе *Вариантов, разночтений и*

примечаний — приняты условные сокращения наиболее часто встречающихся названий издательств, альманахов, журналов, газет и некоторых других слов. В наименьшей степени эти сокращения использованы в разделе Библиографии *«Книги Заболоцкого»*, в наибольшей степени — в разделе *«Литература о Заболоцком»* и в примечаниях.

Принятые сокращения

А. Н. СССР	— Академия Наук СССР.
Альм.	— альманах.
Б-ка Поэта, Б. с.	— «Библиотека Поэта», Большая серия. Издательство «Советский Писатель».
Б-ка Поэта, М. с.	— «Библиотека Поэта», Малая серия. Издательство «Советский писатель».
Б-ка Сов. Поэз.	— «Библиотека Советской Поэзии». Гос. Издательство Художественной Литературы.
В. Пути	— «Воздушные Пути», альманахи. Редактор-издатель Р. Н. Гринберг, Нью-Йорк.
Возр.	— «Возрождение», журнал, Париж.
В. Лит.	— «Вопросы Литературы», журнал, издание Академии Наук СССР и Союза писателей СССР.
Вступ. ст.	— вступительная статья.
ГИЗ	— Государственное Издательство.
ГИХЛ	— Государственное Издательство художественной литературы; в другие годы — Государственное издательство «Художественная Литература», или «Гослитиздат».
Госполитиздат	— Государственное Издательство политической литературы.
Грани	— «Грани», журнал, первые годы — Кассель-Менхегоф и Лимбург, затем — Франкфурт-на-Майне.
День Поэз. 1956	— «День Поэзии. 1956». Издательство «Московский Рабочий», Москва, 1956.
День Поэз. 1957	— «День Поэзии. 1957», издательство «Московский Рабочий», Москва, 1957.
День Поэз. 1962	— «День Поэзии. 1962», издательство «Советский Писатель», Москва, 1962.
День Поэз. 1963	— «День Поэзии. 1963», Издательство «Советский Писатель», Москва, 1963.
Детгиз	— Государственное Издательство Детской Литературы.
Детгиз (Шк. б-ка)	— Детгиз, серия «Школьная Библиотека».

Др. Нар.	— «Дружба Народов», сначала — альманах, затем — журнал (у нас — в разделе журналов).
З. Вост.	— «Заря Востока», издательство, Тбилиси.
З. В.	— «Заря Востока», газета, издаваемая одноименным издательством, Тбилиси.
Зв.	— «Звезда», ежемесячный журнал, Ленинград.
Зн.	— «Знамя», ежемесячный журнал, Москва.
Изв.	— «Известия», газета, Москва.
изд.	— издание, издательство.
изд. 1-е	— издание 1-е.
изд. Киев. ун.	— издание Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко.
Изд. Писат. в Лнгр.	— Издательство Писателей в Ленинграде, Ленинград.
К.	— Киев.
Л.	— Ленинград.
Лит. и Ж .	— «Литература и Жизнь», газета, Москва.
Лит. Газ.	— «Литературная Газета», Москва.
Лит. Груз.	— «Литературная Грузия», журнал, издательство «Заря Востока», Тбилиси.
Лит. Совр.	— «Литературный Современник», журнал, Ленинград.
Маст. пер. 1959	— «Мастерство перевода». Сборник статей. Издательство «Советский Писатель», Москва, 1959.
Маст. пер. 1962	— «Мастерство перевода. Сборник 1962». Издательство «Советский Писатель», Москва, 1963.
Маст. пер. 1963	— «Мастерство перевода. Сборник 1963». Издательство «Советский Писатель», Москва, 1964.
М. Гв.	— «Молодая Гвардия», журнал ЦК ВЛКСМ, Москва и Москва-Ленинград.
М.	— Москва.
Моск.	— «Москва», ежемесячный журнал, Москва.
Моск. Раб.	— издательство «Московский Рабочий», Москва.
М-н	— Мюнхен.
НРС	— «Новое Русское Слово», ежедневная газета, Нью—Йорк.
Н. Журн.	— «Новый Журнал», Нью-Йорк.
Н. Мир	— «Новый Мир», ежемесячный журнал, Москва.
Н-Й.	— Нью-Йорк.
Ог.	— «Огонек», еженедельный журнал, Москва.
Окт.	— «Октябрь», ежемесячный журнал, Москва.
пер.	— перевод.
под ред.	— под редакцией.
Прв.	— «Правда», газета, Москва.

рец. — рецензия.
Р. Мысль — «Русская Мысль», газета, Париж.
Сов. Писат. — издательство «Советский Писатель».
Соцэкгиз — Государственное Издательство социально-экономической литературы.
стр. — страница, страниц.
Т — Тбилиси, Тифлис.
Учпедгиз — Государственное Учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР.

В круглых скобках в разделе публикаций Н. А. Заболоцкого показаны названия его произведений. Если в данном альманахе, журнале или газете произведение это помещено под другим названием, то это последнее название помещено вслед за принятым в нашем собрании в квадратных скобках.

Тираж книг Заболоцкого указан только в отношении книг его стихов.

КНИГИ Н. А. ЗАБОЛОЦКОГО

А. КНИГИ СТИХОВ

1. СТОЛБЦЫ. Издательство Писателей в Ленинграде, 1929, 72 стр. (Тираж — 1200).
2. ВТОРАЯ КНИГА. Гос. Изд. «Художественная Литература», Ленинград, 1937, 47 стр. (Тираж — 5300).
3. СТИХОТВОРЕНИЯ. Изд. «Советский Писатель», Москва, 1948, 92 стр. (Тираж — 7000).
4. СТИХОТВОРЕНИЯ. ГИХЛ. Москва, 1957, 199 стр., с портретом автора. (Тираж — 25000).
5. СТИХОТВОРЕНИЯ. (Серия «Библиотека Советской Поэзии»). ГИХЛ. Москва, 1959, 199 стр., с портретом автора. (Тираж 10000).
6. ИЗБРАННОЕ. Изд. «Советский Писатель», Москва, 1960, 239 стр., с портретом автора. (Тираж — 10000).

Б. КНИГИ ПРОЗЫ

7. КРАСНЫЕ И СИНИЕ. Рассказ для детей. Рисунки Э. Будогосского. Госиздат, Москва-Ленинград, 1928, 19 стр.

7а. БУКАН. Рассказ для детей. Госиздат, Москва-Ленинград, 1928

7б. РЕЗИНОВЫЕ ГОЛОВЫ. Рассказ для детей. Госиздат, Москва-Лининград, 1929

В. КНИГИ ПЕРЕВОДОВ И ПЕРЕЛОЖЕНИЙ

8. Н. ЗАБОЛОЦКИЙ. ГРУЗИНСКАЯ ПОЭЗИЯ. Избранные переводы. Изд. «Заря Востока», Тбилиси, 1948, 128 стр.

9. ГРУЗИНСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ В ПЕРЕВОДАХ Н. ЗАБОЛОЦКОГО. В двух томах. Изд. «Заря Востока», Тбилиси, 1958.
Том 1, 516 стр. (Руставели и Давид Гурамишвили);
Том 2, 555 стр. (Г. Орбелиани, И. Чавчавадзе, А. Церетели и Важа Пшавела).
10. ВАЖА ПШАВЕЛА. Поэмы. Под ред. П. Ингороква. Изд. «Заря Востока», Тбилиси, 1951, VII + 200 стр.
11. ВАЖА ПШАВЕЛА. Поэмы. Под ред. и с примечаниями В. Гольцева. ГИХЛ, Москва, 1953, 258 стр.
12. ВАЖА ПШАВЕЛА. Стихотворения и поэмы. Вступительная статья и примечания С. Чиковани. «Библиотека Поэта», Большая серия, изд. «Советский Писатель», Ленинград, 1957, 216 стр.
13. ГУРАМИШВИЛИ Давид. Давитиани. Стихотворения и поэмы. Вступ. статья Г. Леонидзе. ГИХЛ, Москва, 1953, 224 стр. 2-е изд. ГИХЛ, Москва, 1955, 287 стр.
14. ГУРАМИШВИЛИ Давид. Давитиани. Избранные произведения. Редакция, вступ. статья и комментарии Г. Леонидзе. Изд. «Заря Востока», Тбилиси, 1954, XXV + 216 стр.
15. ОРБЕЛИАНИ Г. Стихотворения. Вступительная статья Л. Асатиани. Изд. «Заря Востока», Тбилиси, 1947, XXIII + 127 стр.
16. ОРБЕЛИАНИ Г. Стихотворения. Вступ. статья и редакция В. Гольцева, ГИХЛ, Москва-Ленинград, 1949, 120 стр.
17. РУСТАВЕЛИ Шота. Витязь в тигровой шкуре. Перевел и обработал для юношества Н. Заболоцкий. Предисловие переводчика: «Шота Руставели и его поэма», Детгиз, Москва-Ленинград, 1937, 216 стр.
18. РУСТАВЕЛИ Шота. Витязь в тигровой шкуре. (Отрывки). Пер. и обработка для юношества. Изд. Азернешр, Баку, 1938, 136 стр.
19. РУСТАВЕЛИ Шота. Витязь в тигровой шкуре. Пер. и обработка для юношества. Изд. «Заря Востока», Тбилиси, 1949, 184 стр.
20. РУСТАВЕЛИ Шота. Витязь в тигровой шкуре. Пер. и обработка, Вступ. статья Б. Жгенти. Детгиз (Школьная Библиотека), Москва-Ленинград, 1950, 239 стр.
21. РУСТАВЕЛИ Шота. Витязь в тигровой шкуре. (Новый полный перевод). ГИХЛ, Москва, 1957, 291 стр. 2-е изд.: ГИХЛ, Москва, 1962, 319 стр.

Переработки в прозе:

22. де-КОСТЕР Шарль. Тиль Уленшпигель. Детгиз, Ленинград, 1934.
23. РАБЛЕ Франсуа. Гаргантюа и Пантагрюэль. Для детей старшего возраста. Детгиз, Ленинград, 1935, 320 стр. 2-е изд.: Детгиз, Ленинград,

1935, 320 стр. 2-е (3-е) изд.: Детгиз, Москва-Ленинград, 1936, 334 стр.

Книги, переведенные совместно с другим поэтом:

24. БАЖАН Микола. Английские впечатления. Стихи. Пер. П. Антокольского и Н. Заболоцкого. Изд. «Советский Писатель», Москва, 1949, 48 стр.
25. БАЖАН Микола. Английские впечатления. Стихи. Перевели П. Антокольский и Н. Заболоцкий. ГИХЛ, Москва, 1951, 46 стр.
26. ОРБЕЛИАНИ Г. Стихотворения. Пер. Р. Ивнева и Н. Заболоцкого. Изд. «Заря Востока», Тбилиси, 1939, 141 стр.

ПУБЛИКАЦИИ В АЛЬМАНАХАХ, СБОРНИКАХ, АНТОЛОГИЯХ, СОБРАНИЯХ СОЧИНЕНИЙ, ЖУРНАЛАХ И ГАЗЕТАХ

а. Стихи

а. Альманахи, сборники, антологии, собрания сочинений

1. АНТОЛОГИЯ РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ. 1917-1957. В двух томах. Том 2. ГИХЛ, М., 1957, стр. 52-62 («Седов», «Уступи мне, скворец, уголок», «Город в степи», «Журавли», «Лебедь в зоопарке», «На рейде», «Я воспитан природой суровой», «Ходоки», «Некрасивая девочка»).
2. ДЕНЬ ПОЭЗИИ. 1956. Изд. «Моск. Раб.» М., 1956, стр. 13 («Прощание с друзьями»).
3. ДЕНЬ ПОЭЗИИ. 1957, Изд. «Моск. Раб.», М., 1957, стр. 44 («Врач» /«Смерть врача»/, «Детство»).
4. ДЕНЬ ПОЭЗИИ. 1962. Изд. «Сов. Писат.» М., 1962. стр. 298 («Рыбная лавка», «Где-то в поле возле Магадана»).
5. ДЕНЬ ПОЭЗИИ. 1963. Изд. «Сов. Писат.», М., 1963, стр. 274 (отрывок из стих. «Искушение» в статье Н. Чуковского «О Николае Заболоцком»).
6. ЛИТЕРАТУРНАЯ МОСКВА 1956. (Сборник 1). ГИХЛ, М., 1956, стр. 442-448 («Ходоки», «Уступи мне, скворец, уголок», «Некрасивая девочка», «Осенние пейзажи», «Журавли», «Лебедь в зоопарке»).
7. ЛИТЕРАТУРНАЯ МОСКВА. 1956. Сборник 2. ГИХЛ, М., 1956, стр. 415-417 («Когда вдали угаснет свет дневной», «Чертополох», «Старая актриса», «При первом наступлении зимы»).
8. МОСТЫ. Альманах. 1, М-н, 1958, стр. 223-227 («Вечер на Оке», «Над морем», «Казбек», «Гомборский лес»).

9. ПИСАТЕЛИ — КИРОВУ. Сборник. ГИХЛ, М., 1934 («Прощание. — Памяти Кирова»).
10. РОДИНА. Стихи и переводы ленинградских поэтов. Изд. «Сов. Писат.», Л., 1937 («Великая книга» /«Голубиная книга»/).
11. РОДИНА СЧАСТЛИВЫХ. Сборник стихов, посвященных выборам в Верховный Совет СССР. Под ред. И. Уткина. ГИХЛ, М., 1937 («Великая книга» /«Голубиная книга»/).
12. СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ КИРОВ в ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. Составил Ш. М. Левин. ГИХЛ, Л. 1937 («Прощание. Памяти Кирова»).
13. СТАЛИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ В ПОЭЗИИ. Сборник. ГИХЛ, М., 1937, стр. 271-274 («Горийская симфония»).
14. СТИХИ И ПОЭМЫ. 1917-1947. Составление и редакция Л. Белова, В. Перцова и А. Суркова. Библиотека «Огонька», изд. «Правда», 1947, стр. 253-254 («Горийская симфония»).
15. СТИХИ 1956 ГОДА. (Составители: В. Казин, Б. Слуцкий, Н. Старшинов, В. Субботин). ГИХЛ, М., 1957, стр. 77-80 («Ходоки», «Некрасивая девочка», «Журавли»).
16. ТАРУССКИЕ СТРАНИЦЫ. Литературно-художественный сборник. Калужское книжное издательство. Калуга, 1961, стр. 309-312 («Лицо коня», «Змеи», «Искусство», «Царица мух», «Предостережение», «Прохожий», «Старая сказка», «Воспоминание», «Бегство в Египет», «Поэма весны»).

б. Журналы

17. ГРАНИ. № 36, Франкфурт-М., 1957, стр. 47-49 («Ночь в Пасанаури», «Гурзуф», «Когда вдали угаснет свет дневной», «Прощание с друзьями», «Ночное гулянье»).
18. ДРУЖБА НАРОДОВ (вначале — альманах; затем — журнал), изд. «Сов. Писат.», М.:
1949, № 4, стр. 13 («Преображение степей»).
1955, № 11, стр. 3-4 («Ходоки»).
1956, № 4, стр. 49-51 («На рейде», «Шакалы», «Я воспитан природой суровой», «Учан-су»).
19. ЕЖ. Журнал для детей. Нами не разыскан.
20. ЗВЕЗДА. Л.:
1927, № 12, стр. 100-101 («Футбол»).
1929, № 2, стр. 112-114 («Цирк»).
№ 8, стр. 108-109 («Рыбная лавка», «Начало осени»).
№ 10, стр. 54-56 (Пролог и заключ. главка поэмы «Торжество Земледелия»).

1933, № 2-3, стр. 78-99 («Меркнут знаки зодиака», «Лодейников», главка 2, «Торжество Земледелия», поэма).

21. ЗНАМЯ. М.:

1959, № 4, стр. 97-102 («Петухи поют», «В этой роще березовой», «Гурзуф ночью», «Одиссей и сирены», «Подмосковные рощи», «Стирка белья»).

1960, № 12, стр. 66 («Облетают последние маки»).

22. КОСТЕР. Журнал для детей. Нами не разыскан.

23. ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ. Изд. «З. Вост.», Т.:

1958, № 5, стр. 60 («С каждым годом город краше!»).

1962, № 6, стр. 44-45 («Вопросы к морю», «Битва слонов»).

24. ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕННИК. Л.:

1933, № 1, стр. 71-72 («Венчание плодами»).

1937, № 3, стр. 115-124, 213 («Прогулка», «Утренняя песня», «Лодейников в саду» (главка 3), Начало зимы», «Север», «Вчера о смерти размышляя», «Засуха», «Ночной сад», «Все, что было в душе», «Горийская симфония», отрывок из поэмы «Птицы» — цитата в статье Н. Степанова «Новые стихи Н. Заболоцкого»).

25. МОСКВА, М.:

1957, № 5, стр. 62-64 («Голубое платье», «Лесная сторожка», «Ненастье», «Болеро»).

1958, № 2, стр. 83-84 («Последняя любовь», «Кто мне откликнулся в чаще лесной», «Сентябрь»).

26. НОВЫЙ МИР. М.:

1947, № 1, стр. 101-104 («Творцы дорог»).

№ 5, стр. 103-105 («Город в степи»).

№ 10, стр. 120-121 («Воздушное путешествие», «Храмгэс»).

1953, № 10, стр. 43-44 («Оттепель», «Жена» /в журн. — без названия/.).

1956, № 6, стр. 133-135 («Утро», «Лесное озеро», «Портрет», «Читая стихи», «О красоте человеческих лиц»).

№ 10, стр. 104-105 («Противостояние Марса»).

1957, № 12, стр. 137-139 («Вечер на Оке», «Над морем», «Казбек», «Гомборский лес»).

1958, № 12, стр. 106-107 («Закат» /«На закате»/, «Не позволяй душе лениться»).

1959, № 4, стр. 53-55 («Одинокий дуб», «Зеленый луч», «Летний вечер», «У гробницы Данте»).

27. ОКТЯБРЬ. М.:

1955, № 6, стр. 123 («Дождь»).

1956, № 7, стр. 81-82 («В кино», «Неудачник»).

28. ПИОНЕР. Журнал для детей. Нами не разыскан.

29. РАДИОЛЮБИТЕЛЬ. Л., 1930, № 23-24 21 августа («Береги здоровье!»).

30. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Изд. А. Н. СССР, Л. 1964, № 3, стр. 220, 226 («Природа черная, как кузница»; «Школа жуков», отрывок).

31. ЧИЖ. Журнал для детей. Нами не разыскан.

32. ЧУДАК. М., 1929-1930. Нами не разыскан.

33. ЮНОСТЬ. М., 1956, № 10, стр. 91 («Бетховен», «Ночное гулянье», «Поэт»).

в. Газеты

34. ИЗВЕСТИЯ. М.:

1934, 5 ноября («Осенние приметы» /«Осень»/).

3 декабря («Прощание. — На смерть Кирова»).

1963, 26 октября; и вечерний московск. выпуск 25 окт. («На рассвете весеннего дня» /«Я воспитан природой суровой»/).

35. ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА, Л., 1928-1930. Нами не разыскана.

36. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. М.:

1959, 20 марта («Одиссей и сирены», «Гроза идет»).

21 июня (главы из поэмы «Рубрук в Монголии»: «Начало путешествия», «Дорога Чингизхана», «Монгольские женщины», — с предисловием Б. Слуцкого).

37. ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА. М., 1958, 18 января («Венеция», «Случай на Большом Канале»).

38. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛЕНИНГРАД, 1936, № 16(161), 1 апреля («Природа черная, как кузница»).

39. МЕЧ. Варшава, 1936, 17 мая («Север»).

40. РУССКАЯ МЫСЛЬ, Париж, 1964, 14 марта (в статье Ю. Терапиано «Стихи 'оттуда'»: «Чертополох», «При первом наступлении зимы»).

б. Проза

а. Альманахи и сборники

40 а. ДЕНЬ ПОЭЗИИ. 1964. Изд. «Сов. Писат.», Л., 1964, стр. 227-232 (2 письма К. Э. Циолковскому).

41. МАСТЕРСТВО ПЕРЕВОДА. Сборник статей. Изд. «Сов. Писат.», М., 1959, стр. 251-253 («Заметки переводчика»).

42. ТАРУССКИЕ СТРАНИЦЫ. Литературно-художественный сборник. Калужское книжное изд-во, Калуга, 1961, стр. 312-317 («Ранние годы»).

б. Журналы

43. ДРУЖБА НАРОДОВ. М., 1955, № 10, стр. 172-173 («Гурамишвили и его время»).

44. КОСТЕР. Журнал для детей. М., 1938, № 1, стр. 41-44 («Шота Руставели и его поэма»).

44а ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ. Изд. «З. Вост.», Т., 1964, № 1 (Щедрость таланта. Деятели литературы и искусства о творчества худ. Л. Гудиашвили, в т. ч. Н. Заболоцкий).

45. МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ. М., 1956, № 3, стр. 197-198 («Заметки переводчика»).

46. НОВЫЙ МИР. М., 1955, № 10, стр. 237-243 («Давид Гурамишвили»).

47. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Изд. А. Н. СССР., Л., 1964, № 3, стр. 121-126 (2 письма К. Э. Циолковскому).

в. Газеты

48. ИЗВЕСТИЯ. М., 1937, 25 января («Язык Пушкина и советская поэзия).

49. ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА. М.:

1937, 31 декабря («Писатели о своих творческих планах»).

1958, 8 мая («Мудрость Руставели»; перепеч. на грузинск. яз. в тбилисских газетах: «Коммунисти», 16 мая 1958, и «Литературной Газете», 16 мая 1958).

50. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛЕНИНГРАД. Л., 1936, № 16, 1 апреля («Статьи 'Правды' открывают нам глаза»).

в. Переводы в стихах

а. Книги, антологии, сборники

51. АНТОЛОГИЯ БЕЛОРУССКОЙ ПОЭЗИИ. ГИХЛ ,М., 1952, стр. 197-198, 462, 466-467, 471-473, 482-483 (П. Глебка: «Возвращение»; М. Гамолка: «Май»; А. Велюгин: «Золотая книга», «Вершина на Алтае»; П. Приходько: «Беловежь»).

52. АНТОЛОГИЯ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ. Под ред. Н. Заболоцкого и А. Межирова, ГИХЛ, М., 1958, стр. 62, 94, 119-161, 204-220, 271-290, 298-299, 302, 304-305, 308, 315-329, 332-333, 334, 343, 380-384, 423, 435, 436, 540, 541-548, 555-556, 597-599, 649-650, 702 (Народные песни: «Повстречался кипчак мне», «Ты присядь-ка, старец», «Мы сойдемся в Хидистави»; Ш. Руставели: «Витязь в тигровой шкуре», главы из поэмы; Д. Гурамишвили: «Давитиани», отрывки; Г. Орбелиани: «Плачущей Нине Чавчавадзе», «Прощание», «Пир», «Вес-

на», «Когда кистины, персы и османы», «К Ярали», «Мухамбази», «Вечер разлуки», «Воспоминание», «Мухамбази» /«Только я глаза закрою»/, «Лик царицы Тамары в Бетанийском храме», «Муша Бокуладзе», «Заздравный тост»; И. Чавчавадзе: «Горам Кварели», «Элегия», «Муша», «Весна», «Отшельник»; А. Церетели: «Волнуйся, море!», «Свирель», «Рассвет», «Юности»; Важа Пшавела: «По ущелью тянутся туманы», «Гора и долина», «Письмо солдата пшава», «Жалоба меча», «Почему я создан человеком», «Завещание»; А. Абашели: «Потомкам»; Г. Абашидзе: «Лишь ветер подует»; И. Каладзе: «Гончары», «По мирным дорогам Грузии», «Хертвисские рассветы»; М. Квливидзе: «Ушба», «Подняться на такую высоту»; Р. Маргиани: «Мирангула»; И. Нонешвили: «Вот она — Кахетия»; С. Чиковани: «Вардзийский зодчий»).

53. АНТОЛОГИЯ ТАДЖИКСКОЙ ПОЭЗИИ С ДРЕВНИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ. Под ред. И. Брагинского, М. Рахими и др. ГИХЛ, М., 1951, стр. 294-295, 443-454 (Мас'уд Саад Сальмон: «Тюремная песня»; Миробид Саидо Насафи: «Слово о тварях»).

54. АНТОЛОГИЯ ТАДЖИКСКОЙ ПОЭЗИИ. Под ред. И. Брагинского, М. Рахими, Н. Тихонова и др. ГИХЛ, М., 1957, стр. 269-270, 473-482 (Масуди Са'ди Сальман: «Тюремная касыда», отрывок; Саидо Насафи: «Слово о тварях»).

55. АНТОЛОГИЯ УКРАИНСКОЙ ПОЭЗИИ в двух томах. Том 2-й, ГИХЛ, М., 1958, стр. 179-181, 188-189 и 461 (М. Бажан: «Строитель», «Над морем»; А. Пидсуха: «Поль Робсон»).

56. ГРУЗИНСКАЯ СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ. Изд. «З. Вост.», Т., 1954, стр. 5, 21-23, 24, 25-26, 142-143, 145, 150, 152-156, 166, 180-181, 201-209, 221, 285, 287, 288-289, 325-326, 347-348 (А. Абашели: «Потомкам»; Г. Абашидзе: «Линия обороны у грузинской деревни», «Янычары Америки», «Прогулка на Восток», «Урок истории», «Пушкин в Арзруме», «Облако Ностэ», «На кладбище», «Молодой виноградник», «Лишь ветер подует в дубраве»; К. Каладзе: «В Месхетии», «Гончары», «Учительница», «По мирным дорогам Грузии», «Хетвисские рассветы»; А. Кутатели: «Наш гимн»; Г. Леонидзе: «Самгори», «Портохала», «Бершоула»; Р. Маргиани: «Мирангула»; И. Нонешвили: «Новый год в Рустави», «Вот она, Кахетия», «В Алазанской долине», «Поминание Ильи Чавчавадзе в Кварели»; Т. Табидзе: «Сестре Долорес»; С. Чиковани: «Вардзийский зодчий»).

57. ОСЕТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Составители: Х. Ардасенов, Т. Епхиев и Д. Мамсуров. ГИХЛ, М., 1952, стр. 87-91, 102-108 (И. Ялгузидзе: «Алгузиани»; К. Хетагуров: «На кладбище»).

58. ПОЭЗИЯ ГРУЗИИ. Редакция В. Гольцева и С. Чиковани. ГИХЛ, М.-Л., 1949, стр. 21, 23, 35-36, 45-46, 225-227, 228-243, 254-255, 257, 259, 386-388, 408-409, 429-431 (Народные песни: «Повстречался кипчак мне», «Ты присядь-ка, старец», «О горе нам, Грузии милой сыны», «Мы сойдемся в Хидистави»; Г. Орбелиани: «Плачущей Нине Чавчавадзе», «Мухамбази», «Пир», «Прощание», «Весна», «К Ярали», «Мухамбази», «Подражание Саят-Нова», «Моей сестре Евфимии», «Мухамбази», «Вечер разлуки», «Лик царицы Тамары», «Муша Бокуладзе», «Заздравный тост»; И. Чавчавадзе: «Горам Кварели», «Пусть я умру», «Элегия»; К. Каладзе: «Гончары», «В Месхетии»; Р. Маргиани: «Мирангула», «Грузин в бою»; И. Нонешвили: «Моя Кахетия», «Гори, 21 декабря», «Новый год в Рустави»).

59. ПОЭТЫ МИРА В БОРЬБЕ ЗА МИР. Под ред. С. Я. Маршака, К. М. Симонова и А. А. Суркова. ГИХЛ, 1951, стр. 41-46, 202-203 (М. Бажан: «Встреча в Шеффильде», «Странствующий джентльмен»; А. Пидсуха: «Поль Робсон»).

60. РОДНАЯ ЗЕМЛЯ. Избранные стихи советских поэтов. Детгиз (Школьная библиотека), М, 1953 (М. Бажан: «Солдатская баллада»).

61. ХРЕСТОМАТИЯ ПО ЛИТЕРАТУРЕ НАРОДОВ СССР. Литература: азербайджанская, таджикская, узбекская, казахская, киргизская. Составил Л. И. Климович. Учпедгиз, М, 1959, стр. 329-336 (Саидо Насафи: «Слово о тварях»).

62. ЭПОС СЕРБСКОГО НАРОДА. Изд. А. Н. СССР (Серия «Литературные Памятники»), М, 1963, стр. 61-68, 88-94, 97-99, 100-104 («Королевич Марко узнает отцовскую саблю»; «Королевич Марко и вила»; «Королевич Марко и арапская королевна»; «Турки у Марка на славе»; «Марко пьет в рамазан вино»; «Смерть королевича Марка»).

63. БАЖАН Микола. Стихи и поэмы. ГИХЛ, М., 1949, стр. 37-41, 48-50, 59-60, 64-66, 94, 98-102, 115-131 («Горийское утро», «На развалинах Кутаиси», «Мальчик из Чуфут-Кале», «Баллада о подвиге», «Твой сын», «Около университета», «Строитель», «Английские впечатления»).

64. БАЖАН Микола. Стихотворения. /Библиотека Советской Поэзии/, ГИХЛ. М., 1957, стр. 71-72, 74-81, 88-91, 95-97, 104-114, 125-129, 178-179, 184-186 («Около университета», «Строитель», «Английские впечатления», «На поле Куликовом», «Над морем», «Буря»).

65. ГЕТЕ Иоганн Вольфганг. Избранные произведения. ГИХЛ, М., 1950 («Свидание и разлука»...).

66. ГРАШИ Ашот. Стихотворения. Детгиз, М.-Л. 1950 («Советский павильон на Международной женской выставке в Париже»).
67. КАЛАДЗЕ Карло. Стихи. Песни. Баллады. ГИХЛ, М. 1957, стр. 5-7, 65-82, 85-87, 100-101, 111-112, 165-167, 173-180, 199-201 («По мирным дорогам Грузии», «Наследник гор», «У врат Хертвиси», «Сказание о зодчем», «Отчизна пилотов», «На Паравинском озере», «Рассвет», «Мхедрули», «Возвращение с гор», «Александр Казбеги», «Гончары», «Учительница», «В Месхетии», «Старик и девушка», «Здравица»).
68. КАЛАДЗЕ Карло. Стихотворения. ГИХЛ, М., 1963 (см. предыдущий №).
69. КУДАШ Сайфи. Стихотворения и поэмы. ГИХЛ, М., 1953.
70. ЛЕОНИДЗЕ Георгий. Стихотворения. /«Библиотека Советской Поэзии»/ ГИХЛ, Москва, 1957, стр. 60-61, 69, 111-130, 171-173, 191-203 («Майское», «После чтения Картлис Цховреба», «Портохала», «Родной город», «Бершоула»).
71. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ. «Библиотека Поэта», М. серия, изд. 2-е «Сов. Писат.», Л., 1949, стр. 160-162 («Плач Ярославны»).
72. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. /Серия «Литературные Памятники»/, изд. А. Н. СССР, М.-Л., 1950, стр. 200-226 (полный перевод «Слова»).
73. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ. Деттиз /Школьная библиотека/, М., 1952, стр. 137-164 (полный перевод «Слова»).
74. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ. «Библиотека Поэта». Б. серия. Изд. «Сов. Писат.», Л., 1952, стр. 189-190 («Плач Ярославны»).
75. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ. «Библиотека Поэта», М., серия, изд. 3-е Изд. «Сов. Писат.», Л., 1953, стр. 106-134 (полный перевод).
76. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ И ДОКУМЕНТАХ. Составил О. А. Пини под ред. Д. С. Лихачева. Учпедгиз, Л., 1958, стр. 95 (отрывок перевода).
77. ТАБИДЗЕ Тициан. Избранное. ГИХЛ, М., 1957, стр. 13, 41-42, 66-67, 72-74, 87-88, 144-145, 149-151, 155-159, 166-168 («Моя книга», «Тамуне Церетели», «Нико Пиросмани», «Шарманщик», «Тапараванское сказание», «Рождение слова», «Сестре Долорес», «В ущелье Арагвь», «Праздник Аллаверды», «Колхида», «Важа Пшавела на Мтацминде»).
78. ТАРБА Иван. Стихи и поэмы. /«Библиотека Советской Поэзии/. ГИХЛ, М., 1959, стр. 44-45 («Река и море»).
79. УКРАИНКА Леся. Собрание сочинений в 3 томах. ГИХЛ, М., 1950: Том 1, стр. 109-111, 202-205, 211-214, 218,222-224, 242-245 («Слезы-перлы», «Пленник», «Песни про волю», «Холодной ночью», «Легенда»,

«За горой зарницы блещут», «Сказка про Оха-чародея»). Том 2, стр. 7-30 («Одержимая», драма).

80. УКРАИНКА Леся. Избранные произведения. «Библиотека Поэта», Б. серия, Изд. «Сов. Писат.», Л., 1951, стр. 98-100, 232-235, 243-245, 248-249 («Слезы-перлы», «Песни про волю», «Легенда», «Холодной ночью брошенный костер», «За горой зарницы блещут»).

81. УКРАИНКА Леся. Стихи и поэмы. ГИХЛ, М., 1953, стр. 45-47, 118-121, 127-129, 133 («Слезы-перлы», «Песни про волю», «Легенда», «За горой зарницы блещут»).

82. УКРАИНКА Леся. Избранное. Детгиз /Школьная Библиотека/, М.-Л., 1954 («Слезы-перлы», «Подруге на память», «О, знаю я», «Оборвалась, не кончилась беседа», «Где эти струны», «Откуда льется гимн Марселя?», «Легенда», «Холодной ночью брошенный костер», «За горой зарницы блещут»).

83. УКРАИНКА Леся. Собрание сочинений в 4 томах. ГИХЛ, М., 1956: Том 1, Стихотворения (см. выше). Том 2, стр. 7-29 («Одержимая», драма).

84. УКРАИНКА Леся. Стихотворения и поэмы. «Библиотека Поэта», М. серия, изд. «Сов. Писат.», Л., 1958, стр. 96-99, 277-280, 291-293, 296-297 («Слезы-перлы», «Песни про волю», «Легенда», «Холодной ночью брошенный костер». «За горой зарницы блещут»).

85. ФРАНКО Иван. Стихотворения и поэмы. «Библиотека поэта», Б. серия. Изд. «Сов. Писат.», Л., 1960, стр. 326-330 («Майские элегии»).

86. ХЕТАГУРОВ Коста. Собрание сочинений в 5 томах. Изд. А. Н. СССР. Том 1-й, М., 1959, стр. 105-129 («На кладбище»).

87. ХЕТАГУРОВ Коста. Стихотворения и поэмы. «Библиотека Поэта», М. серия. Изд. «Сов. Писат.», Л., 1959, стр. 95-105 («На кладбище»).

88. ЦЕРЕТЕЛИ А. Избранные стихотворения. Детгиз /Школьная библиотека/, М.-Л. 1953 («Волнуйся, море», «Свирель», «Рассвет», «Юности», «Мухамбази»).

89. ЦЕРЕТЕЛИ А. Лирика. Стихотворения и поэмы. ГИХЛ, М., 1962, стр. 21-22, 96-97, 179-180, 211 («Свирель», «Мухамбази», «Рассвет», «Волнуйся, море!»).

90. ЦЕРЕТЕЛИ А. Стихотворения и поэмы. «Библиотека Поэта», М. серия. Изд. «Сов. Писат.», Л., 1963, стр. 75-76, 109-110, 158-159, 193-194, 211 («Свирель», «Мухамбази», «Юности», «Рассвет», «Волнуйся, море!»).

91. ЧИКОВАНИ Симон. Стихотворения. /Библиотека Советской Поэзии/. ГИХЛ, М., 1957, стр. 75-82, 87-89 («Озеро Цунда», «Вардзийский зодчий», «Вечер в Колхиде»).

92. ШАНШИАШВИЛИ Сандро. Избранное. ГИХЛ, М., 1957, стр. 81-83 («Поэт-борец»).
93. ШИЛЛЕР Фридрих. Избранные произведения. ГИХЛ, М., 1954, стр. 27-29 («Ивиковы журавли»).
94. ШИЛЛЕР Фридрих. Собрание сочинений в 7 томах. Том 1, ГИХЛ, М., 1955, стр. 267-272 («Ивиковы журавли»).
95. ШИЛЛЕР Фридрих. Избранное. Изд. «Искусство», М., 1955, стр. 80-84 («Ивиковы журавли»).

б. Журналы

96. ДРУЖБА НАРОДОВ. М. /Сначала — альманах, затем — журнал/:
1949, № 2, стр. 120-122 (Г. Леонидзе: «Самгори»).
№ 3, стр. 122-123, 129 (С. Кудаш «В сиянии социализма»; Х. Берулава: «Мы иное, стремительное племя»).
№ 4, стр. 32, 59-60 (Р. Нигмати: «Кавказ»; И. Тарба: «Рустави»).
№ 5, стр. 127-130 (Г. Абашидзе: «На южной границе»).
1950, № 4, стр. 8-12 (А. Пидсуха: «Слово о друзьях наших», цикл).
1951, № 1, стр. 3-11 (Г. Леонидзе: «Портохала»).
1953, № 1, стр. 50-77 (И. Нонешвили: «Повесть об одной девушке», поэма).
1956, № 8, стр. 65-68 (Т. Табидзе: «Колхида», «Тапараванское сказание», «Рождение слова»).
1958, № 1, стр. 164-169 (Ш. Руставели: главы из поэмы «Витязь в тигровой шкуре»).
№ 12, стр. 78 (И. Нонешвили: «Слово о Грузии»).
97. ЗВЕЗДА. Л:
1937, № 4, стр. 92-93 (С. Чиковани: «Размышления на берегу Куры»).
№ 12, стр. 124-132 (Ш. Руставели. «Витязь в тигровой шкуре», отрывки).
98. ЗНАМЯ. М, 1952, № 2 (М. Бажан: Стихи).
99. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. М, 1958, № 5, стр. 90-91, 100-101, (У. Саба: «Три улицы»: А. Риппелино: «Пришел февраль, огромный, бородатый»).
100. ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ. Изд. «З. Вост.»:
1957, № 1, стр. 43-44 (Важа Пшавела: «Жалоба меча», «Ожидание»).
№ 4, стр. 36-41 (Ш. Руставели: «Начальная повесть о Ростеване, царе Аравийском» — глава из «Витязя в тигровой шкуре»).

1960, № 4, стр. 12, 19 (К. Каладзе: «По мирным дорогам Грузии»; Г. Табидзе: «Корабль 'Даланд'»).

1961, № 7, стр. 31, 39-41 (Важа Пшавела: Стихи, «Гиглия», глава из поэмы).

101. ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕННИК. Л:

1936, № 7, стр. 88-89 (С. Чиковани: «Кахетинская осень»).

1937, № 6, стр. 150 (Г. Табидзе: «Строки», «Корабль 'Даланд'»).

№ 8, стр. 160-172 (Важа Пшавела: «Алуда Кетелаури», поэма).

102. МОСКВА. М, 1957, № 8, стр. 35-37 (Важа Пшавела: «Гора и долина», «Почему я создан человеком», «Утешение поэта», с предисловием переводчика).

103. НОВЫЙ МИР. М:

1937, № 12, стр. 141-153 (Ш. Руставели: «Витязь в тигровой шкуре», отрывки).

1947, № 3, стр. 93-99 (А. Гидаш: «Стонет Дунай», поэма).

1949, № 7, стр. 42-43 (Л. Арагон: «1946 год»).

№ 12, стр. 17-18 (С. Чиковани: «В Потсдаме»).

1955, № 11, стр. 11, 26-28 (М. Бажан: «Над морем», «Буря»).

1956, № 7, стр. 93-94 (Т. Табидзе: «Праздник Аллаверды», «Моя книга»).

№ 8, стр. 138-140 (И. Франко: «Майские элегии»).

1958, № 4, стр. 80-81 (У. Саба: «Мое достояние»).

104. ОГОНЕК. М:

1949, № 1, стр. 8 (М. Бажан: «Встреча в Шеффильде»).

№ 5, стр. 12-13 (М. Бажан: «Английские впечатления»).

№ 6, стр. 22-23 (М. Бажан: «Английские впечатления»).

№ 16, стр. 16 (С. Чиковани: «Стихи о Грузии»).

1959, № 30, стр. 10 (К. Каладзе: «Форель»).

105. ОКТЯБРЬ: М:

1946, кн. 10-11, стр. 84-100 («Слово о полку Игореве»).

1951, № 3, стр. 88-89 (Г. Леонидзе: «Бершоула»).

1955, № 2, стр. 125-126 (М. Квливидзе: «Ушба»).

106. ОКТЯБРЬ. Кишинев, 1956, № 10, стр. 21 (А. Велюгин: Стихи).

107. РЕЗЕЦ. Л., 1937, № 23, стр. 26 (Ш. Руставели: «Витязь в тигровой шкуре» — отрывки).

в. Газеты

108. ЗАРЯ ВОСТОКА. Т:

1957, 16 февраля (А. Кутатели: «Наш гимн»).

1958, 7 сентября (С. Чиковани: «На озере Рица»).

1959, 17 января (К. Каладзе: «Наша весна»).
12 марта (Г. Абашидзе: Стихи).
24 октября (Г. Леонидзе: «Золотое грузинское слово»).
1962, 10 февраля (Х. Берулава: «Наследники поэта»).
25 февраля (К. Каладзе: «Дорогой крутой»).
25 ноября (И. Чавчавадзе: «Настанет день»).

109. ИЗВЕСТИЯ. М., 1936, 17 октября (Т. Табидзе: «Сестре Долорес»).

110. ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА. М:
1937, 10 октября (Ш. Руставели: Взятие Кеджери» из «Витязя в тигровой шкуре).
1958, 25 марта (С. Чиковани: «Воспоминание», «Старик из Атепи»).

111. ТРУД. 1957, 14 сентября (И.Нонешвили: «В труде и славе»).

г. Переработки в прозе

111 а. ЕЖ. Журнал для детей. Л., 1934 (Рабле. Гаргантюа и Пантагрюэль).

Переводов произведений Н. Заболоцкого на другие языки еще немного. Из известных нам назовем: перевод рассказа для детей «Красные и синие» на калмыцкий язык, выпущенный отдельной книжкой КалмГИЗ'ом, Элиста, 1935 (14 стр.); стихотворение «Некрасивая девочка», переведенное Д. Роттенбургом,— «Soviet Literature», 1957, кн. 6, стр. 137-138; стихотворение «Сагурамо» в переводе на грузинский язык А. Салакуари — журн. «Мнатоби» («Светоч»), Тбилиси, 1957, № 10, стр. 6; перевел на английский язык стихотворение «Творцы дорог» Р. З. Магидов; в 1961 г. вышла на сербо-хорватском языке антология, в которой помещены, после небольшой заметки о поэте, следующие стихотворения Заболоцкого: «Обводный канал», «Меркнут знаки Зодиака» и главки «Битва предков» и «Торжество Земледелия» из одноименной поэмы: „Moderna Ruska Poezija." Priredile Milica Nikolić, Nana Bogdanović. Biblioteka „Orfej," Nolit, Beograd, 1961, 247-258.

ЛИТЕРАТУРА О ЗАБОЛОЦКОМ

1. АДАМОВИЧ Г. Литературные заметки. «Последние Новости», Париж 22 апреля 1937.

2. » Литература в СССР, Там же, 30 декабря 1937.

3. АЙХЕНВАЛЬД Ю. Воссозданный мир. (Рец. на книгу: К. Каладзе. Стихотворения. М., 1963). «Н. Мир», 1964, № 5, стр. 247, 248.

4. АЛЕКСАНДРОВА В. «Просветы» В. Жабинского. (Рец.). НРС, 6 апреля 1958.

5. АЛЕКСАНДРОВА В. Литературные новости. НРС, 8 марта 1959.
6. АМСТЕРДАМ А. Болотное и Заболоцкий. «Резец», Л., 1930, № 4, стр. 12-14.
7. АНАТОЛЬЕВА Н. Между двумя съездами. «Грани», № 39, 1958, стр. II, III,
8. АННИНСКИЙ Л., С. БОЧАРОВ, В. КОЖИНОВ, О. МИХАЙЛОВ. «Литература» в книге: «Всемирная история в 10 томах», том IX, изд. А. Н. СССР и Соцэкгиза, М., 1962, стр. 555.
9. АНСТЕЙ О. Ю. Лавріненко. Расстріляне відродження. (Рец.) «Н. Журн.», № 59, 1960, стр. 297.
10. » Гурилевские романсы. (Рец.). НРС, 18 сентября 1960.
11. АНТОКОЛЬСКИЙ П. Виктор Гольцев. Вступ. ст. в книге: В. Гольцев. Статьи и очерки. Изд. «Сов. Писат.», М., 1958, стр. 9.
12. АНТОКОЛЬСКИЙ П.,М. АУЭЗОВ и М. РЫЛЬСКИЙ. Художественные переводы литератур народов СССР (содоклад). В книге: «Второй Всесоюзный съезд советских писателей, 15-26 декабря 1954. Стенографический отчет», Изд. «Сов. Писат.», М., 1956, стр. 261 (перепечатано в книге: «Вопросы художественного перевода», изд. «Сов. Писат.», М., 1955, стр. 27).
13. Антология русской советской поэзии в двух томах. 1917-1957. Том 2, ГИХЛ, М., 1957, стр. 757 (био-библиографическая справка).
14. АПХАИДЗЕ Ш. Благородный труд переводчика. «Лит. Груз.», 1958, № 1, стр. 118-120.
15. АРОНСОН Г. «Новый Журнал», кн. 58. (Рец.). НРС, 21 февраля 1960.
16. АРХАНГЕЛЬСКИЙ А. Лубок. (Стихотворная пародия на Заболоцкого). «Лит. Газ.», 9 ноября 1929.
17. АРШАРУНИ А. Шота Руставели. «Детская Литература», 1937, № 24, стр. 30-34.
18. Б., А. «День Поэзии. 1956». (Рец.) «Опыты», Н-Й., № 8, 1957, стр. 140.
19. (БАЛУАШВИЛИ В., публ.). Вдохновенный поэт-патриот (П. Яшвили). «Лит. Груз.», 1964, № 7, стр. 86, 87.
19 а. БАХТЕЕВ И., РАЗУМОВСКИЙ А. О Николае Олейникове. «День Поэз. 1964», стр. 154, 156.
20. БЕЗЫМЕНСКИЙ А. Речь на 1-м съезде писателей. В книге: «Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет». ГИХЛ, М., 1934, стр. 550.
21. БЕРНЕР Н. Разговор с музами. «Литературный Современник», альм., М-н, 1954, стр. 260.
22. БЕСКИН О. О поэзии Заболоцкого, о жизни и о скворешниках. «Лит. Газ.», 11 июля 1933.
23. БОЛЬШУХИН Ю. Люди, мысли, дела. НРС, 25 января 1959.
24. » Загадка пошлости. НРС, 29 декабря 1959.
25. » «Русское Обозрение». (Рец.) НРС, 11 сентября 1960.

26. БОЛЬШУХИН Ю. Сорок шестая книжка «Граней». (Рец.). НРС, 12 марта 1961.
27. » Ползучие мысли. НРС, 3 августа 1961.
28. » Подождем поэта! НРС, 6 августа 1961.
29. » Ночь и мастер. НРС, 17 ноября 1963.
29а. » Слова и грани. НРС, 23 янв. 1965.
30. БРАУН Н. Речь на дискуссии. «Лит. Совр.», 1933, № 5, стр. 135.
31. БУЗНИК В. Лирическая поэзия наших дней. «Русская Литература», 1959, № 1, стр. 92, 97.
32. БУРКИН И. Догоревшие свечи. «Грани», № 55, 1964, стр. 118.
32 а. ВЫХОДЦЕВ П. Русская советская поэзия и народное творчество, изд. А. Н. СССР, М. 1963, стр. 167, 188, 189, 267, 295.
33. ГАЕВ А. Советская художественная литература послесталинского десятилетия. «Ученые Записки Института по изучению СССР», том 1, вып. 1, М-н, 1963, стр. 154.
34. ГАМЗАТОВ Р. Речь на 1-м съезде писателей РСФСР. В книге: «Первый учредительный съезд писателей Российской Федерации. 7-13 декабря 1958. Стенографический отчет». Изд. «Советская Россия», М., 1959, стр. 523.
35. ГИНЗБУРГ Л. Открытие поэзии. «Вопросы Литературы», 1964, № 2, стр. 230.
35 а. ГЛОЦЕР. «Еж». Краткая Литературная Энциклопедия, т. 2, М., 1964, ст. 879.
36. ГОЛЬЦЕВ В. Грузия в русской поэзии. В его книге: Статьи и очерки. Изд. «Сов. Писат.», М., 1958, стр. 68, 69.
37. » Тициан Табидзе. Там же, стр. 357.
38. » Шота Руставели. Там же, стр. 81, 82, 92.
38 а. ГОР Г. О лирике. «День Поэз. 1964», стр. 55-56.
39. ГОРБОВ Я. Литературные заметки. 1. Б. Филиппов. Кочевья... (Рец.). «Возр», № 149, май 1964 стр. 145.
40. ГОФМАН В. Сигнал бедствия. «Зв.», 1929, № 10, стр. 195.
41. ГРЕВЕНИЦ Д. Мастера слова. «Литературный Современник», М-н, № 4, 1952, стр. 71.
42. ГРИНБЕРГ И. Спор об оптимизме и пессимизме. «Зн.», 1958, № 10, стр. 205, 206, 207.
43. ГРОТ Е. О советских поэтах, НРС, 23 февраля 1958.
44. » Николай Заболоцкий. НРС, 22 декабря 1963.
45. ГУЛЛИВЕР (В. Ф. Ходасевич). Поэзия Н. Заболоцкого. «Возрождение», Париж, 1933.
46. ГУЛЬ Р. Георгий Иванов. «Н. Журн.», № 42, 1955, стр. 118 (перепечатано в книге: Г. Иванов. 1943-1958. Стихи. Изд. «Н. Журн.», Н-Й., 1958, стр. 11).

47. ГУТНЕР М. О Тициане Табидзе. «Лит. Совр.», 1937, № 7, стр. 243.
48. ДЕЙЧ А. Гаргантюа и Пантагрюель. (Рец.). «Детская Литература», 1936, № 6, стр. 10-12.
49. ДМИТРИЕВ Л. и В. ВИНОГРАДОВА. «Слово о полку Игореве» — величайший памятник мировой культуры. Вступ. ст. в книге: «Слово о полку Игореве». Б-ка Поэта, Б. сер., Л., 1952, стр. 40.
50. ДОЛМАТОВСКИЙ Е. Стихи о сегодняшней Англии. В сборн. «Новые успехи советской литературы», изд. «Сов. Писат.» М., 1949.
50а. Доносчики и предатели среди советских писателей и ученых (анонимн. ст.) «Социалистический Вестник», 1963, № 5-6, стр. 75 (также — „Encounter," Lcndon, July 1963).
51. ДРУЗИН В. Н. Заболоцкий. Столбцы. (Рец.). «Вечерняя Красная Газета», Л., 1929, № 86, 6 апреля.
52. ДЫМШИЦ А. О двух Заболоцких. «Лит. Газ.» 15 декабря 1937.
53. » Ложные искания. «Зв.», 1958, № 6, стр. 207, 208.
53 а. ДЬЯКОНОВ Л. Николай Заболоцкий в Уржуме. В кн. «Вятка», Киров, 1961.
54. Ежегодник Большой Советской Энциклопедии. 1957. М., 1957, стр. 74, 175, 176.
55. Ежегодник Большой Советской Энциклопедии. 1959, М., 1959, стр. 76, 645.
56. ЕРЕМИН Д. Заметки о сборнике «Литературная Москва». «Лит. Газ.» 5 марта 1957.
57. ЕРМИЛОВ В. Юродствующая поэзия и поэзия миллионов. О «Торжестве Земледелия». «Прв.», 21 июля 1933.
57 а. ЕРШОВ Л. Право, не смешно. «Нева», 1964, № 10, стр. 197.
58. ЖАБИНСКИЙ В. Просветы. Изд. ЦОПЭ, М-н, 1958, стр. 31.
59. ЗАБЕЖИНСКИЙ Г. О «Мостах» через пропасть. «Грани», № 42, 1959, стр. 245-246.
60. ЗАВАЛИШИН В. Николай Клюев. НРС, 15 августа 1954.
61. » Артем Веселый. «Н. Журн.» № 53, 1958, стр. 65.
62. » Николай Заболоцкий. «Н. Журн.», № 58, 1960, стр. 122-134.
63. » Новая история советской литературы. (Рец.). НРС, 7 июля 1963.
63 а. » «Возрождение» за декабрь. (Рец.). НРС, 18 января 1965.
64. Записки Ляпсуса. (Фельетон). «Крокодил», 1958, № 1, стр. 7.
65. ЗЕНКЕВИЧ М. Обзор стихов (Сводн. рец., в ней: Н. Заболоцкий. Столбцы). «Н. Мир», 1929, № 6, стр. 219.
65 а. ЗОЩЕНКО М. О стихах Н. Заболоцкого. В его кн.: «Рассказы, повести, фельетоны, театр, критика», Л., 1937.
66. ИВАНОВ-РАЗУМНИК Р. Писательские судьбы. Изд. (стеклографическое) Литературного Фонда, Н-Й., 1961, стр. 32, 44-46.
67. ИВАСК Ю. О послевоенной эмигрантской поэзии. «Н. Журн.», № 23, 1950, стр. 210.

68. ИНБЕР В. За много лет. Изд. «Сов. Писат.», М., 1964, стр. 35, 36 («Советская поэзия и поэты»), 129 («Если поэты всего мира», — впервые — «Лит. Газ.», 24 декабря 1957), 141, 143 («О Руставели»).
69. История русской советской литературы. Изд. А. Н. СССР. Том 1, М., 1958, стр. 520, 715, 718.
Том 2, М., 1960, стр. 19, 21, 69, 472, 480.
Том 3, М., 1961, стр. 135.
70. КАЗАКЕВИЧ Э. Юным и взрослым читателям «Пиноккио». В книге: К. Коллоди. Приключения Пиноккио. Детгиз, М., 1959, стр. 5.
71. КАЛЬМ Д. На творческой дискуссии ВССП о поэзии. «Лит. Газ.», 18 декабря 1931.
72. КАРАБУТЕНКО И. Английские впечатления. (Рец.). «Комсомольская Правда», 7 мая 1949.
72 а. КАТАНЯН В. О сочинении мемуаров. «Н. Мир», 1964, № 5, стр. 227.
73. КАШКИН И. О методе и школе советского художественного перевода. «Зн.», 1954, № 10, стр. 148.
74. » В борьбе за реалистический перевод. В сборн: Вопросы художественного перевода. Изд. «Сов. Писат.», М., 1955, стр. 135-136.
75. » Текущие дела. В сборн. «Маст. пер. 1959», стр. 108, 124-125, 145.
75 а. КЕВЛИШВИЛИ Т. Русские переводы стихотворений Ильи Чавчавадзе «Лит. Груз.», 1964, № 12, стр. 44-48.
76. КЕЖУН Бр. «Самое смешное», брошюра в книжке-тетраптихе «Шутки в сторону!» Лениздат, 1958 (пародия на Заболоцкого).
77. » Веселая азбука от А до Я. Пародии. Изд. «М. Гв.», М., 1960, стр. 41-42.
78. КЛИМОВ Е. Портретист-романтик. НРС, 18 июня 1961.
79. КОВАЛЕНКОВ А. Письмо старому другу. «Зн.», 1957, № 7, стр. 170.
80. » Эдуард Багрицкий. «Зн.», 1959, № 1, стр. 225.
81. КОЛОМАЦКИЙ М. О лозунге «бейте по морде!» «Россия», Н-Й., 31 января 1964.
82. Коротко об авторах: Н. А. Заболоцкий (Заметка). «Лит. Груз.», 1958, № 5, стр. 128.
83. КОТЛИН А. Поэт эпохи. «Начало», литературно-художественный и популярно-научный сборник. Гамбург-Фишбек, 1947, № 1.
84. КОЦЮБИНСКИЙ С. Шота Руставели и его русские переводчики. «Зв.», 1937, № 12.
85. КРАСИЛЬНИКОВ В. Среди стихов. (В сводн. рец.: Н. Заболоцкий. Столбцы). «Лит. Газ.», 10 июня 1929.
86. КУЛИНИЧ А. Сергей Есенин. Изд. Киев. ун., К., 1959, стр. 82.
87. » Русская советская поэзия 30-х годов. Изд. Киев. ун., К., 1962.
88. » Реплика рецензенту. «В. Лит.», 1964, № 1, стр. 222.

89. ЛЕОНИДЗЕ Г. Давид Гурамишвили. В книге: Д. Гурамишвили. Давитиани. ГИХЛ, М., 1955, стр. 21.
90. » Автобиография. В книге: Советские писатели. Автобиографии. В 2 томах. Том 1, ГИХЛ, М., 1959, стр. 655-656.
91. ЛИПКИН С. Перевод и современность. В книге: «Маст. пер. 1963». Стр. 29, 37-38.
92. Литература. Статья в Большой Советской Энциклопедии, 2-е изд. том 50 (СССР), М., 1957, стр. 578.
93. ЛУКОНИН М. Проблемы советской поэзии. «Зв.», 1949, № 4, стр. 184.
94. ЛЬВОВ С. Теория и практика перевода. «В. Лит.», 1964, № 2, стр. 202.
95. » Серьезная музыка. Повесть. «М. Гв.», 1954, № 5, стр. 29.
96. МАКЕДОНОВ А. О старом и новом в поэзии Николая Заболоцкого. «Лит. и Ж.», 2 июля 1958.
97. » Пути и перепутья Николая Заболоцкого. В книге: А. В. Македонов: Очерки советской поэзии. Смоленск, 1960, стр. 208-243.
98. МАКСИМОВ Д. О старом и новом в поэзии Николая Заболоцкого. «Зв.», 1958, № 2, стр. 230-232.
99. МАЛАХОВ С. Поэзия социалистического реализма. В сборн. «Борьба за стиль», Гос. Академия Искусствознания. ГИХЛ, Л., 1934, стр. 119-133.
100. МАЛИНИН Ю. Мосты на хламе. «Российская Независимость», Н-Й., № 9-10, 1959, стр. 69.
101. МАРГЕЛАШВИЛИ Г. Благородный труд переводчика. «Лит. Газ.», 5 февраля 1953.
102. » Подвиг поэта (О переводах грузинских поэтов Н. Заболоцким). «Др. Нар.», 1959, № 6, стр. 217-226.
103. » Николай Заболоцкий и грузинская поэзия (О переводах Н. Заболоцкого). «Мнатоби» (на грузинском языке), Т., 1959, № 5, стр. 106-117.
104. » Подвиг Николая Заболоцкого. В сборн.: «Маст. пер. 1962», стр. 238-270.
105 » В мире образов Георгия Леонидзе. «Лит. Гр.», 1962, № 5, стр. 65, 67.
106. МАРКОВ Вл. Предисловие к книге «Приглушенные голоса», изд. им. Чехова, Н-Й., 1952, стр. 5, 6, 18, 23, 28-30, 32.
107. » Книга о советской литературе. «Грани», № 17, 1953, стр. 146.
108. » О Хлебникове. «Грани», № 22, 1954, стр. 126.
109. » Мысли о русском футуризме. «Н. Журн.», № 38, 1954, стр. 178, 180.
110. » Et ego in Arcadia... «Н. Журн.», № 42, 1955, стр. 174.
111. » Легенда о Есенине. «Грани», № 25, 1955, стр. 152.

112. МАРКОВ В. О поэтах и о зверях. «Опыты», Н-Й., № 5, 1955, стр. 75.
113. » О большой форме. «Мосты», М-н, № 1, 1958, стр. 176.
114. » Поэзия Николая Моршена. Вступ. ст. в книге: Н. Моршен. Тюлень. Изд. «Посев», Франкфурт/М., 1959, стр. 5.
115. » Стихи русских прозаиков. «В. Пути», альм. (1), 1960, стр. 144-145, 167.
116. МАРЧЕНКО А. Взыскательный мастер. «Лит. Газ.», 20 сентября 1956:
117. МАРЬЯНОВ В. Советские художественные переводы «Слова о полку Игореве». В книге «Студентські наукові праці. Збирник УШ». Від. Киев. ун., К., 1949.
118. Мастерство перевода. Сборник 1962. Изд. «Сов. Писат.», М., 1963, стр. 519.
119. МЕЙЕРОВИЧ М. Гаргантюа и Пантагрюель. (Рец.), «Пионерская Правда», 1936, № 42.
119а. МЕЛЕТИНСКИЙ Е. Эпос сербского народа. (Рец.). «В. Лит.», 1964, № 9, стр. 208.
120. МИЛЬКОВ Вл. Поэзия Заболоцкого. «Моск.», 1957, № 2, стр. 198-201.
121. МИРЦХУЛАВА А. Речь на 1-м съезде писателей РСФСР. В книге: «Первый учредительный съезд писателей Российской Федерации, 7-13 декабря 1958 г. Стенографический отчет». Изд. «Советская Россия», М., 1959, стр. 398.
122. МУСТАНГОВА Е. На поэтическом фронте. «Лит. Газ.», 9 июня 1930.
123. НЕЗНАМОВ П. Система девок. «Печать и Революция», 1930, № 4, стр. 77-80.
124. Н/еймирок/ А. Оступившиеся. «Грани», № 27-28, 1955, стр. 249.
125. НЕЙМИРОК А. О современной русской лирике в Советском Союзе. «Грани», № 31, 1956, стр. 131-134.
126. » Умер поэт Н. А. Заболоцкий. «Посев», 1958, № 44(651), 2 ноября.
127. » Белла Ахмадулина. «Грани», № 55, 1964, стр. 169.
128. Н/иколаев/ Г. Большой поэт. «Меч», Варшава, 17 мая 1936.
129. НУРМАХАНОВ К., Х. САДЫКОВ. Идти от раскрытия образа. В сборн.: «Маст. пер. 1963», стр. 392, 394, 396.
130. О путях пролетарской поэзии. Резолюция актива Ленинградской Ассоциации Пролетарских Писателей (ЛАПП) от 22 декабря 1929. «Лит. Газ.», 30 декабря 1929.
131. Общее собрание ленинградских писателей. Н. Заболоцкий о Пастернаке. «Лит. Газ.», 26 марта 1937.
132. ОГНЕВ Вл. Заметки о поэзии Николая Заболоцкого. «Лит. Груз.», 1963, № 8, стр. 74-79.
133. ОЗЕРОВ Л. Е. А. Баратынский. Вступ. ст. в книге: Е. А. Баратынский. Стихотворения и поэмы. «Б-ка Поэта», М. с., изд. 3-е, 1958, стр.

46-47. Перепечатано в книге: Л. Озеров. Работа поэта. Изд. «Сов. Писат.», М., 1963, стр. 105.
134. ОЗЕРОВ Л. Всегда заново! В его книге — Работа поэта. М., 1963, стр. 335.
135. ОРЛОВ Вл. Путь поэта. Заметка о творчестве Н. Заболоцкого. «Лит. Газ»., 20 декабря 1958.
136. » Николай Заболоцкий. Вступ. ст. в книге: Н. Заболоцкий. Стихотворения. (Б-ка Сов. Поэз.), ГИХЛ, М., 1959, стр. 5-19.
137. ОРУЖЕЙНИКОВ И. На полях журналов. «Лит. Газ.», 17 июня 1933.
138. ОСЬКИН Дм. Вижу солнце! «М. Гв.», 1963, № 7, стр. 42.
139. ОЦУП Н. Гуманизм в СССР. «Грани», № 34-35, 1957, стр. 265.
140. Очерк истории русской советской литературы. Часть 2-я. Изд. А. Н. СССР, М., 1955, стр. 86.
141. ПАВЛОВСКИЙ А. Больше самостоятельности! (А. Кулинич. Русская советская поэзия 30-х гг. Рец.). «В. Лит.», 1963, № 10, стр. 219.
142. ПАВЛОВСКИЙ А. Из переписки Н. А. Заболоцкого с К. Э. Циолковским. «Русская Литература», изд. А. Н. СССР, Л., 1964, № 3, стр. 219-226. В сокращ. ред. также в «Дне Поэз. 1964», стр. 227-232.
143. ПАВОНЕ Алессандро. Заря. Стихи, посвященные Заболоцкому. Пер. Б. Слуцкого. «Лит. и Ж.», 20 марта 1959.
144. ПАСТЕРНАК. Автобиографический очерк. Вариант. В книге: Б. Пастернак. Сочинения. Том 2. Изд. Мичиганского университета, Анн-Арбор, 1961, стр. 352.
145. ПЕРЛИН В. и А. ФЕСЕНКО. М. Бажан. Английские впечатления. (Рец.). «Молодой Большевик», 1949, № 17, стр. 76-78.
146. ПЕРЦОВ В. То, что человек берет с собой в дорогу. В его книге: Писатели и новая действительность. Изд. «Сов. Писат.» М., 1958, стр. 385.
147. » О громких и «приглушенных» голосах советской поэзии. «Культура и Жизнь», 1958, № 11, стр. 46.
148. ПЕТРОВ Г. (Б. Филиппов). Ленинградский Петербург. «Грани», № 18, 1953, стр. 47-48.
149. » Кандидат былых столетий, полководец новых лет (Поэзия Николая Заболоцкого). «Мосты», М-н, № 1, 1958, стр. 193-222.
149 а. РАЙС Э. Творчество Осипа Мандельштама. В кн. О. Мандельштам. Собр. соч. в 2 т. т., т. I, Вашингтон, 1964, стр. LXXXII.
150. РЕСТ Б. Ленинградские журналы в новом году. «Лит. Газ.», 29 декабря 1929.
151. РОДНЯНСКАЯ И. Поэзия Н. Заболоцкого. «В. Лит.», 1959, № 1, стр. 121-137.
151 а. » Заболоцкий. В Краткой Литер. Энциклопедии, т. 2, М., 1964, ст. 967-968.

152. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Роберт, Евг. ЕВТУШЕНКО, Б. АХМАДУЛИНА, Ив. ХАРАБАРОВ, Ю. ПАНКРАТОВ. Иллюзия господина Штейнингера. «Лит. Газ.», 3 октября 1959.
153. РОССЕЛЬС Вл. Нужна история художественного перевода в СССР. В книге: «Маст. пер. 1963», стр. 60.
154. РУНИН Б. В защиту лирической индивидуальности. «День Поэз. 1956», стр. 166.
155. Русская советская литература. Очерк истории. Учпедгиз, М., 1963, стр. 272, 472, 476, 492, 675.
156. РЫЛЬСКИЙ М. Английские впечатления (М. Бажан в переводах П. Антокольского и Н. Заболоцкого). «Учительская Газета», 22 июня 1949.
157. САМАРИН Вл. Доля женская. НРС, 2 марта 1961.
158. Секретариат правления Союза писателей СССР и др. Николай Алексеевич Заболоцкий (Некролог). «Лит. Газ.», 16 октября 1958.
159. СЕЛИВАНОВСКИЙ А. Система кошек (О поэзии Н. Заболоцкого). «На Литературном Посту», 1929, № 15, стр. 31-35. Перепечатано в книге: А. Селивановский. Поэты и поэзия. Изд. «Советская Литература», М., 1933, стр. 206-215.
160. » Пролетарская поэзия на переломе. «На Литературном Посту», 1930, № 5-6, стр. 7, 12.
160а. СЕРЕБРЯКОВ С. Передача некоторых художественных образов Ш. Руставели в русских переводах. На материалах переводов П. Петренко, Ш. Нуцубидзе и Н. Заболоцкого. «Вопросы древнегрузинской литературы», сборник 2, Изд. А. Н. Груз. ССР, Т., 1964, стр. 261-274.
161. СИЗИФ. Отклики (О «Столбцах» Н. Заболоцкого). «Последние Новости», Париж, 16 июля 1931.
162. СИКАР Е. Ш. Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Пер. и обработка Н. Заболоцкого. (Рец.). «Книжные Новости», 1937, № 6, стр. 2-3.
163. » Ш. Руставели. Витязь в тигровой шкуре. (Рец.). «Вечерняя Москва», 1937, № 285.
164. » Ш. Руставели. Витязь в тигровой шкуре. (Рец.). «Учительская Газета», 1937, № 38.
165. СЛУЦКИЙ Б. Стихи Николая Заболоцокого (предисловие к поэме «Рубрук в Монголии»). «Лит. и Ж.», 21 июня 1959.
166. » Огниво высекает огонь. «Лит. Газ.», 5 октября 1961.
167. СОЛОВЬЕВ Б. Болезни пролетарской поэзии. «Ленинград», 1930, № 1, стр. 116-117.
168. » Смелость подлинная и мнимая. «Лит. Газ.», 14 мая 1957.
169. » День советской поэзии. «Зв.», 1958, № 5, стр. 202.
170. СОЛОВЬЕВ Гр. Современность — душа поэзии. «Лит. Газ.», 21 янв. 1958.

171. СТАНЮКОВИЧ Н. Альманах «Мосты» (Рец.). «Возр.», № 86, 1959, стр. 126.
172. СТЕПАНОВ Н. Н. Заболоцкий. Столбцы (Рец.). «Зв.», 1929, № 3, стр. 190-191.
173. » В защиту изобретательства. «Зв.», 1929, № 6. стр. 191.
174. » Новые стихи Н. Заболоцкого. «Лит. Совр.», 1937, № 3, стр. 210-218.
175. » Советская поэзия за 20 лет. «Литературная учеба», 1937, № 12, стр. 169-191.
176. » Памяти Заболоцкого. «Тарусские Страницы», Калуга, 1961, стр. 307-309.
177. » За четверть века. «День поэз. 1963», стр. 197.
178. СТРУВЕ Гл. О советской поэзии. «За Свободу», М-н, 1953, № 8, стр. 8.
179. » От редактора. Предисловие к книге: Марина Цветаева. Лебединый стан. М-н, 1957, стр. 6.
180. » Из заметок о творчестве Бориса Пастернака. Кое-что об его рифмах. «В. Пути», альм. (1), 1960, стр. 100.
181. » Дневник читателя. О «полузапретной» литературе. «Р. Мысль», 31 марта 1962.
181 а. СТУКОВ Г. Поэт — «тунеядец» — Иосиф Бродский. В кн. И. Бродский. Стихотворения и поэмы. Н.-й. 1965, стр. 14, 15.
182. СТЫКАЛИН С. и И. КРЕМЕНСКАЯ. Советская сатирическая печать. 1917-1963. Госполитиздат, М., 1963, стр. 336.
183. СУЛЕЙМЕНОВ О. Босый волк и напевы готских дев. «Простор», Алма-Ата, 1962, № 11.
184. СУРКОВ А. О состоянии и задачах советской литературы. Доклад. В книге: «Второй Всесоюзный съезд советских писателей. 15-26 декабря 1954. Стенографический отчет». Изд. «Сов. Писат.», М., 1956, стр. 14.
185. » Итальянские встречи. «Прв.», 30 октября 1957.
186. » Задачи советской литературы в коммунистическом строительстве. доклад на 3-м съезде писателей СССР. «Прв.», 19 мая 1959.
187. » У слияния песен. «День Поэз. 1963», стр. 32.
188. ТАРАСЕНКОВ А. Похвала Заболоцкому. «Красная Новь», 1933, № 9, стр. 177-181.
189 » Графоманское косноязычие. «Зн.», 1935, № 1, стр. 194-195.
190. » Заметки о поэзии. «Н. Мир», 1948, № 4, стр. 200-201.
191. ТАРАСОВА Нат. Свет в окне. «Грани», № 43, 1959, стр. 171.
192. ТАРКОВСКИЙ А. Стихи, посвященные Заболоцкому. В его книге: Перед снегом. М., 1962.
193. ТАРТАК И. Две новых антологии. НРС, 13 сентября 1953.

193 а. ТАТИЩЕВ Н. «Огонь, мерцающий в сосуде» (о поэзии Заболоцкого). «Возр.», № 156, 1964, стр. 52-62.
194. ТЕРАПИАНО Ю. О поэзии Заболоцкого. НРС, 18 ноября 1951.
195. » «Новый Мир», № 6 (Рец.). «Р. Мысль», 15 сентября 1956.
196. » «Грани», вып. 31 (Рец.). «Р. Мысль», 12 января 1957.
197. » «Литературная Москва» (Рец.). «Р. Мысль», 20 апреля 1957.
198. » «Грани», кн. 36, (Рец.). «Р. Мысль», 12 июля 1958.
199. » О В. Хлебникове. «Р. Мысль», 3 июня 1961.
200. » Стихи «оттуда». «Р. Мысль», 14 марта 1964.
201. (ТЕРЦ Абрам). Соцреализм и «Цель». «Мосты», М-н, № 2, 1959, стр. 298.
201 а. ТИМОФЕЕВ Л. Н. Заболоцкий. Столбцы. (Рец.) Окт. 1929, № 5, стр. 207.
202. ТИХОНОВ Н. «Школа равнодушных», «Лит. Совр.», 1933, № 5, стр. 118.
203. » Слово о поэзии. «Лит. Совр.», 1933, № 5, стр. 127.
204. » Пушкин и советская поэзия. «Лит. Газ.», 26 февраля 1937.
205. » О стихах Николая Заболоцкого. Вступ. ст. в книге: Н. Заболоцкий. Избранное. Изд. «Сов. Писат.», 1960, стр. 3-8.
206. ТРУБЕЦКОЙ Ю. Борис Пастернак — поэт и прозаик. НРС, 26 марта 1961.
207. УРБАН А. Стихи Заболоцкого. «Нева», 1958, № 1, стр. 197.
208. » Мысли о поэзии. «Звезда», 1960, № 2, стр. 180-183.
208 а. » Возвращение... вперед. «День Поэз. 1964», стр. 6-7.
209. УСИЕВИЧ Е. Под маской юродства. «Литературный Критик», 1933, № 4, стр. 78-91. Перепечатано в книге: Е. Усиевич. Писатели и действительность. ГИХЛ, М., 1936, стр. 241-260.
210. » Критика методами искусства. В той же книге, стр. 71-72.
211. » На переломе. «Лит. Газ.», 11 мая 1933.
212. ФАДЕЕВ А. Некоторые вопросы современного литературного движения. «Литературный Критик», 1933, № 4.
213. » Литература и жизнь. В его книге: За тридцать лет. Избранные статьи, речи и письма о литературе и искусстве. Изд. 2-е. «Сов. Писат.», М., 1959, стр. 104.
214. » Н. Заболоцкий. Стихотворения (1947). (Рец.). В той же книге, стр. 834, 933.
215. » Л. Лавров. Лето. (Рец.). Там же, стр. 813.
216 ФЕЙГИН Э. Во имя дружбы советских народов. «Др. Нар.», 1958, № 5, и «Лит. Груз.», 1958, № 4, стр. 118.
217. ФЕСЕНКО А. и Т. Русский язык при Советах. Н-Й., 1955, стр. 100, 110.
218. ФИЛИППОВ Б. Петроград-Ленинград. «Грани», № 10, 1950, стр. 106, 111.
219. » Две антологии. «Н. Журн.», № 31, 1952, стр. 325, 326.
220. » «Поэма без героя» Анны Ахматовой. Заметки. «В Пути», альм. II, 1961, стр. 173.
221. » Давнее-недавнее. В его книге: Кочевья. Вашингтон, 1964, стр. 40,43.

221 а. ФИЛИППОВ Б. По поводу забытых юбилеев. В его кн. «Живое прошлое», Вашингтон, 1965, стр. 31.
222. ЧИКОВАНИ С. Верный друг грузинской поэзии (Памяти Н. Заболоцкого). «Лит. Груз.», 1958, № 6, стр. 61-68.
223. ЧИТАТЕЛЬ-ПИСАТЕЛЬ. Кто плутает, а кто плутует. «Зв.», 1956, № 11, стр. 191.
223 а. ЧУКОВСКИЙ К. Высокое искусство. О принципах художественного перевода. Изд. «Искусство», М., 1964, стр. 7, 41-43, 154, 220, 249, 268-269.
224. ЧУКОВСКИЙ Ник. Реалистическое искусство. В сборн.: «Маст. пер. 1962», стр. 13-14, 21.
225. » О Николае Заболоцком. «День Поэз. 1963», стр. 274-277.
226. » Встречи с Мандельштамом. «Москва», 1964, № 8, стр. 152.
227. ШВЕЦОВ С. «Под гимн приветственных речей» (эпиграмма на «Столбцы» Заболоцкого). «На Подъеме», сборн. РАПП 3-й. Изд. «Моск. Раб.», М., 1930.
227 а. ШОР В. Е. Эткинд. Поэзия и перевод (рец.). «Зв», 1964, №8, стр. 221.
227 б. ШТЕЙНМАН З. Листки из блокнота. «День Поэз. 1964», стр. 261, 263.
228. Щ-БЕМОЛЬ (С. Левицкий). Авторский вечер. «Посев», Менхегоф-Кассель, № 31 (38), 4 августа 1946, стр. 9.
229. Щедрая лирика. «Что читать», 1959, № 11, стр. 17.
230. ЭВЕНТОВ И. Сатирические стихи. «Зв.», 1958, № 9, стр. 251.
231. ЭЛЬЯШЕВИЧ А. Учиться у Маяковского. «Зв.», 1950, № 9, стр. 162.
232. » Поэзия и реализм. «Зв.», 1956, № 8, стр. 168.
233. ЭРЕНБУРГ И. Люди, годы, жизнь. Книги 1 и 2-я. Изд. «Сов. Писат.», М., 1961, стр. 516 (первоначально опубликовано в журн. «Н. Мир», 1961, № 1, стр. 149).
234. » Люди, годы, жизнь. Книга 3-я. «Н. Мир», 1961, № 9, стр. 123, 142.
235. ЭТКИНД Е. Вопросы художественного перевода. «Зв.», 1957, № 5, стр. 196, 198.
236. » О поэтической верности. В сборн.: «Маст. пер. 1962», стр. 133.
237. » Поэзия и перевод. Изд. «Сов. Писат.», М.-Л., 1963, стр. 7, 20, 72-73, 96-100, 115, 137-142, 176, 229-230, 304-305.
238. » Слово скорби и утешения. (Рец.). «Н. Мир», 1964, № 6, стр. 285.
239. ЮЖИН Д. Гаргантюа и Пантагрюель (Рец.). «Вечерняя Красная Газета», 1936, № 26.
240. ЯКОВЛЕВ В. Поэт для эстетов. «Н. Мир», 1948, № 5, стр. 224, 229.
241. ЯР. Русские переводчики Руставели. «Лит. Газ.», 10 июня 1937.
242. MARKOV V. Zabolockij — „Lexikon der Weltliteratur im 20. Jahrhundert.“ Zweiter Band. Herder. Freiburg-Basel-Wien, 1961, S. 1301.

243. MARKOV V. The Longer Poems of Velemir Khlebnikov. University of California Press. Berkeley & Los Angeles, 1962, pp. 36, 83.

243 a. MONAS, Sidney. Russian. In the boock „The Craft and Context of Translation", University of Texas Press, 1961.

244. NIKOLIĆ M., BOGDANOVIĆ N. Zabolockij. „Moderna Ruska Poezija", Nolit, Beograd, 1961, 247-248.

245. OBOLENSKY D. The Penguin Book of Russian Verse. Introduced and edited by D. Obolensky. Penguin Books. Harmondsworth, Middlesex, 1962, pp. XLIX-L, LYII (verses with plain prose translations-pp. 415-422).

246. POGGIOLI R. The Poets of Russia 1890-1930. Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1960, p. 339.

247. REAVEY G. Soviet Literature Today. Lindsay Drummond, London, 1946, p. YIII.

248. SANDOMIRSKY V. N. A. Zabolockij. 1903-1958. „The Russian Review", 1960.

249. SLONIM M. Modern Russian Literature from Chekhov to the Present. Oxford University Press, New York, 1953, pp. 338, 340, 346, 418.

250. » An Outline of Russian Literature. Mentor Book, New York, 1960, p. 164.

251. STRUVE G. Soviet Russian Literature. 1917-1950. University of Oklahoma Press, Norman, 1951, p. 186.

252. » Geschichte der Sowjetliteratur. Isar-Verlag, München, 1957.

253. » Russische Literatur — «Lexikon der Weltliteratur im 20. Jahrhundert». Zweiter Band. Herder. Freiburg-Basel-Wien, 1961, S. 817.

ВАРИАНТЫ, РАЗНОЧТЕНИЯ, ПРИМЕЧАНИЯ.

Появление «Столбцов» Заболоцкого было большим литературным событием. В большой рецензии на эту книгу («Звезда», 1929, № 3, стр. 190-191) Н. Степанов приветствовал появление нового поэта, «ни на кого непохожего»: «Современная поэзия переживает период лирической стабилизации, до некоторой степени напоминающей 50-е годы, когда всякая стиховая строка казалась банальностью, штампом. Современную поэзию также давит наследие огромной поэтической культуры XX века, поэтому стихи многих поэтов часто кажутся литературными реминисценциями (есть даже поэты, сознательно работающие на поэтических банальностях: П. Антокольский, плохо — Жаров). Скомпрометирован сейчас не только стилистический арсенал, но и 'поэтическое отношение' поэта к теме: поэзия требует перестройки. Этой перестройкой, новым поэтическим зрением и выделяются стихи Н. Заболоцкого. Перестройка идет у него путем разрушения 'поэтической позы', иронического осмысления 'поэтичности' и ведет его к с а т и р е ('Новый быт', 'Ивановы', 'Народный Дом'). Романтической позе, литературному эстетизму (напр., Сельвинского) Заболоцкий противопоставляет профессиональный труд, хозяйственную заботу о стихе, его певец '...был строен и суров... трудился он, могуч и прям...' ('Бродячие музыканты'). Отказ от 'поэтической позы' ведет у Заболоцкого к объективной этичности его стихов, они очень 'не лиричны'. Заболоцкий входит в поэзию, как заботливый хозяин, уверенно расставляющий вещи по местам. Слово у него прочно прикреплено к предмету, материально. В современной поэзии даже 'установка на вещность'... олитературилась, стала поэтической бутафорией. У Заболоцкого слово повернуто к вещам, почти физиологично. Он описывает мир, как окружающего его домашнюю обстановку: отсюда 'предметность' тем, стихотворение напоминает жанровую живопись... 'Густое пекло бытия...' ('Народный Дом'), пафос быта и плоти вещей — делают стихи Заболоцкого полнокровными...» Далее Н. Л. Степанов говорит о раблезианстве Заболоцкого, о связях его поэзии с русской поэзией XVIII века.

Эту органическую связь Заболоцкого «Столбцов» с русской поэзией, особенно поэзией XVIII века, подчеркивает и Николай Тихонов в своей «Школе равнодушных»: «Иные из критиков боятся как неизвестного пугала творчества Заболоцкого. Однако он имеет достаточно крепкие корни в предшествовавшей русской поэзии, и если вы даже ограничите себя только сравнительным чтением иных отрывков 'Торжества Земледелия' и хлебниковской 'Игры в аду', да прогуляетесь по XVIII веку, к Нахимову с его 'Песней лужи' — то увидите, что с традицией обстоит вполне благопристойно. Что касается других сторон

стихов Заболоцкого, то — да здравствует традиция!» («Лит. Совр.», 1933, № 5, стр. 118).

Один из поэтов, близких к кругу Заболоцкого, укрывшийся псевдонимом А. Котлин, вспоминал о том впечатлении, какое произвела первая книга Заболоцкого на читателей: «В 1929 году в Ленинграде появилась тоненькая книжка стихов... — 'Столбцы'. Тематика стихов была самая безобидная: футбол, купанье, гулянье в Народном Доме, толкучка на Обводном, ночной ресторан — и все в таком роде. Но стихи были удивительные — и не похожи ни на что. В самом деле, первое чувство при их чтении было удивление. А стоит не забывать, что Гете — умнейший человек мира — называл удивление высшим из человеческих чувств. Формально это был разрыв со всеми традициями русской поэзии XX века или даже бунт против них. Как бы насмехаясь над читателем, поэт сталкивал самые нелепые эпитеты, самые экзотические образы перемешивались с самыми простонародными, рифмовка зачастую была умышленно примитивной, или поэт вдруг нарочно забывал рифмовать свои строчки. Казалось, это были какие-то рисунки на стенах пещеры неандертальцев — мамонты с девятью головами, большие и маленькие лошади, изображенные друг над другом — вперемежку, вверх и вниз головой, и тому подобное. Язык Заболоцкого, оставаясь хорошим русским языком, весьма своеобразно преломлял в себе уличный язык Ленинграда, язык толпы, язык черни. Немало людей занялись поисками источников, вспоивших подобную поэзию. Несомненно, их не следовало искать в XX веке, они таились в XIX — или даже раньше. И, конечно, кое-что нашлось — русская поэзия настолько богата, что в ней есть всё, нужно только искать. Нашлась 'Душенька' Богдановича, некоторые мало известные стихи Лермонтова, нашелся Случевский. Но совсем не в формальном бунте против символистов и акмеистов состояло главное значение Заболоцкого. Гораздо важнее было другое. И это другое было вот что: — эпоха нашла себя, появился мастер большой карикатуры. Совсем не заботясь о внешнем правдоподобии, поэт рисовал своих чудовищных уродцев, и они оказались реальнее самой действительности. До Заболоцкого так писал в России только один человек — и его знают все. Это был Гоголь. Дело не в том или другом соотношении их даровитости — дело в их душевном сродстве. И тот и другой видели реальный мир в совершенно чудовищных формах и образах. И это вовсе не был некий фантастический мир, — это был обыденный мир, окружающий каждого из нас. А у Заболоцкого это был несомненно советский мир: — унылая пошлость, торжествующая обывательщина, глупая распущенность, примитивные радости, какая-то удивительная и удручающая нелепость советской повседневности. Но этот мир свиных рыл оставался человеческим миром, он одухотворялся неудовлетворенностью, глубокой внутренней тоской, неосознанным стремлением куда-то вдаль или вверх. Эта мечта о чем-то лучшем появилась совсем неожиданно — в виде двух-трех штрихов природы: неба, реки; музыкального мо-

тива или еще чего-нибудь мелкого и случайного. 'Столбцы' Заболоцкого были не только удивительны, они были страшны... И такие стихи были грозной силой, гораздо более грозной, чем думал, пожалуй, их автор, невзрачный человек, работавший где-то в детском издательстве. Они не только отняли у некоторых читателей ночной отдых, но они неудержимо распространялись дальше и дальше. Через год или два о Заболоцком знали уже все, кому дорога и интересна русская поэзия. Во многих вновь издаваемых стихах можно было найти влияние Заболоцкого. И если какой-нибудь комсомольский поэт писал, что биллиардные шары сшибаются 'как столкновения планет', то это было опасно, т. к. кругозор комсомольского поэта расширялся. После стакана водки он мог, пожалуй, перейти к... более неожиданным и опасным сопоставлениям и обобщениям. Влияние Заболоцкого на все течение русской поэзии уже сейчас настолько сильно, что каждый автор вынужден считаться с ним, он может или принимать его, или отталкиваться от него, но пройти мимо Заболоцкого уже невозможно». (Цитируем по рукописи: искаженный текст статьи опубликован в гамбургском сборнике «Начало», 1947, № 1).

Даже последний хранитель акмеистических традиций — Михаил Зенкевич — приветствовал «Столбцы», говоря, что они «привлекают внимание необычным в нашей молодой поэзии 'лица необщим выраженьем'... ...Несмотря на крайнюю прозаичность тем, близких к темам Зощенко, Заболоцкий не впадает в стихотворную юмористику типа Саши Черного и держится на высоте 'станковой' лирической поэзии, продолжая линию акмеизма от 'Аллилуйи', и 'Плоти'...» («Обзор стихов». «Н. Мир», 1929, № 6, стр. 219).

И, конечно, «Столбцы» были встречены в штыки представителями официальной критики — критики «пролетарской», «социал-реалистической». Так, в своей статье «Система кошек», А. Селивановский писал: «В какой странный, необычный, смешной мир мы попали! Здесь все сдвинуто с обычных плоскостей, здесь перепутаны все первичные планы, здесь нарушены принципы трех измерений, и мир конструируется по законам отражения каких-то уродливых зеркал. ...Мы бродим по городу. Судя по некоторым приметам, — это Ленинград. Наш маршрут, однако, весьма странен. Проводник наш нарочито обходит главные артерии города — его центральные проспекты, пульсирующую жизнь заводов, великолепные памятники-музеи истории — и водит нас по отдаленным переулкам, по неизвестным трущобам, по плотоядным рынкам, по темным коридорам подгнивающих домов...» А. Селивановский, подобно современным советским гидам, никак не может допустить — чтобы литература показывала переулки и закоулки: нет, литература «социалистического реализма» должна показывать только «главные артерии», «центральные проспекты» советской жизни! Далее, Селивановский, указывая на сходство поэзии «Столбцов» с поэзией В. Хлебникова (но отнюдь не «ученичество» у последнего), говорит, что Заболоцкий хочет создать в своем творчестве «иллюзию 'детскости'» и лишить

свою поэзию «каких бы то ни было внешних признаков разума, сознания, осознанного тематического замысла. Он пытается обновить смысл поэтического слова, разгружая последнее от нагрузки мысли. Смысл у Заболоцкого становится бессмысленным. ...Здесь мы... сталкиваемся с хитрым обманом Заболоцкого. ...Не следует верить Заболоцкому на слово и принимать его 'детскость' всерьез. Заболоцкий — весьма хитрый, себе на уме, иронический поэт. И 'чуковщина' выходит только одним из элементов в его экспериментаторство. Остальными элементами поэтического слова Заболоцкого являются высокий, торжественный, одаический инструмент поэзии XVIII века и словарь современного мещанства. Такое своеобразное сочетание в одной книжке языка и восприятия ребенка, екатерининского вельможи и мещанина, одного из 'Ивановых', служит той же цели — обессмысливания и обезмысливания изображаемого Заболоцким мира. ...Итак, во имя чего юродствует Заболоцкий? ...Здесь гаерство становится уже издевательством над социалистической действительностью. Всюду — в 'Новом быте' и в 'Новой Баварии', и в 'Народном Доме' — господствуют 'Ивановы', и весь 'новый быт' сводится к тому, что 'супруги на покое сидят и чешут волоса'... Заболоцкий метафизичен; видимый им участок бытия не более, как темный закоулок, подчинющийся общей закономерности. Его грозные призывы к вооружению против 'Ивановых' производят комическое впечатление именно вследствие трагизма в их интонации, вследствие несоответствия между величием установки и ничтожностью эффекта. Основная беда Заболоцкого — в пустоте и бесцельности его метаний, в социально-классовой выхолощенности его прутковской иронии, в его противопоставленности подлинной действительности социализма. ...Такая позиция отщепенца-индивидуалиста обусловила и все стилевые особенности творчества Заболоцкого, которые социально чужды делу выработки стиля пролетарской поэзии, а технологически реакционны при всей бесспорной оригинальности их. И гаерство его — вынужденное гаерство человека, который делает веселую мину при плохой игре. Какая уж тут для Заболоцкого хорошая игра, если повсеместно поджидает /его/ социализм!» («На Литературном Посту», 1929, № 15, стр. 31-35).

Еще более откровенен П. Незнамов, озаглавивший свою статью о Заболоцком — в противовес А. Селивановскому: «Система девок». Он пишет, ставя все точки над i: «В поэзии у нас сейчас провозглашено не мало врагов-друзей. Их, с одной стороны, принято слегка приканчивать, а с другой — творчеству их рекомендуется подражать. Таков Гумилев. В литературе он живет недострелянным; и в ней сейчас бытуют не только его стихи, служащие часто молодым поэтам подстрочником, но и его формулировки. О поэтическом призвании Гумилев писал когда-то так: 'Высокое косноязычье Тебе даруется, поэт...' — и был по-своему логичен. Буржуазная формула поэта недалеко ушла от

таковой формулы дипломата. Принципиальная невнятица поэта стоила здесь последовательного недоговаривания дипломата, больше всего боявшегося разоблачения неравноправных договоров. Но одно дело — недоговаривать в условиях капиталистического общества, и другое дело — косноязычить во время социалистической стройки. Одно дело, когда О. Мандельштам, больше всего заботясь о 'пафосе дистанции', говорит: 'Скучно перешептываться с соседом... Но обменяться сигналами с Марсом — задача, достойная лирики...' '(О поэзии', ...Л., 1928, стр. 24), и другое дело, если отрывается от адреса и разговаривает с планетами рабочий поэт. Наконец, одно дело, когда лирически 'зашивается' Б. Пастернак (хотя и не последнего периода)... И другое дело, если впадает в невменяемость сегодняшний активист...». Утверждая дальше, что «Столбцы» Заболоцкого вредны, Незнамов продолжает: «От благочестивейшего и самодержавнейшего лирослужения поэтов 'литературных страниц' стихи Заболоцкого /'Столбцы'/ отличаются своим гротесковым построением. В них он снижает Фауста до Кузьмы Пруткова и, оставаясь фантастом, тут же подмигивает своим фантасмагориям. С одной стороны — он ни о чем не желает говорить всерьез, а с другой — 'об выпить рюмку водки' он может написать, разговаривая с мирами. Это очень способный пародист и принципиальный гаер, он хорошо работает на жаргонах и диалектах, но основная его стихия — пересмешничество. Говорят, его литературная манера идет от Хлебникова. Но разве мог написать Хлебников так, как пишет о цыпленке Заболоцкий: 'он глазки детские закрыл...' — Это — улучшенный Вертинский и никакой это не Хлебников. Глаза Хлебникова были открыты на весь мир, мир Заболоцкого — мещанская квартира с системой девок. ...Мир Заболоцкого — иллюзорный и игрушечный. ...'Ура! ура! заводы воют...' — довольно юмористически пишет он о вещах, которые ему безразличны. ...Эпатаж его состоит в том, чтобы говорить: ваш новый быт — старый быт. ...Пришла пора посмотреть на поэтическую продукцию политически: работает или не работает поэт на пролетарскую революцию, и если не работает — исключается. Мы за прекрасную нетерпимость. А с этой точки зрения, стихи Заболоцкого — общественно дефективны. Если их расшифровать, получатся жуткие выводы. И их не покроют никакие удачи в узко-литературном плане. Тем более, что самые восприятия Заболоцкого не первичны. В основе — все это пародия... Эти стихи не свежи. Они — что-то среднее между второй молодостью и собачьей старостью»... («Печать и Революция», 1930, № 4, стр. 77-80).

Еще большую бурю негодования вызвала поэма «Торжество Земледелия» (см. примечания к этой поэме), а также стихи, опубликованные вместе с этой самой крупной поэмой Заболоцкого. Напрасно Н. С. Тихонов в «Слове о поэзии» старается защитить молодого поэта от нападок: «Если взять Заболоцкого с точки зрения формальной, — его 'Торжество Земледелия' — ясны его предки, дяди, отцы — это Хлебников. Это особенно ново? Нет. Это было в XVIII веке

и тогда это объяснялось по-иному, значит, Заболоцкого надо брать в плане сегодняшнего дня. Некоторые говорят, что это стихи для детей, потому что в них коровы и лошади говорят, а говорят они будто бы только в детских стихотворениях. Так ли это? Заболоцкий — это единство особых поэтических приемов, что из него получится дальше — мы не знаем. Можем мы на него воздействовать? Можем и имеем на это мандат от эпохи. Но унижает ли его, что у него коровы говорят? Нет. Все, когда читают Заболоцкого, говорят: 'это настоящий поэт'». («Лит. Совр.», 1933, № 5, стр. 127).

Вступился за поэта и талантливый и умный Н. Л. Степанов — в статье «В защиту изобретательства» («Зв.», 1929, № 6, стр. 191), еще когда были написаны только часть поэмы и пролог. Но вот в самом руководящем органе печати — в «Правде» — появляется статья блюстителя чистоты риз советской идеологически выдержанной литературы — В. Ермилова. Статья названа доносительски, максимально подло: «Юродствующая поэзия и поэзия миллионов» (в номере от 21 июля 1933). Как все, написанное Ермиловым, статья безнадежно тупа и глуповата, цитировать ее не стоит: это — прописные истины марксизма-ленинизма, нисколько не подновленные даже в части словесного «оформления». И вслед за статьей Ермилова — начинается травля поэта.

Е. Усиевич, в статье «Под маской юродства» (впервые опубликована в «Литературном Критике», 1933, № 4, стр. 78-91), пишет, расшаркиваясь перед Ермиловым: «О последних... стихах Заболоцкого 'Знаки Зодиака', 'Лодейников' и 'Торжество Земледелия', совершенно правильно писал в своей статье в «Правде» т. Ермилов, приводя указания т. Сталина на новые формы маскировки классово враждебных выступлений. К сожалению, в этой статье недостаточно показана служебная роль стиля Заболоцкого, недостаточно вскрыты философские и политические установки, этот стиль обусловливающие. ...'Все смешалось в общем танце и летят во все концы гамадрилы и британцы...' Заподозрить такого поэта, как Заболоцкий, в том, что слово 'британцы' просто первое подвернувшееся для рифмы слово — невозможно. В этом единственном слове, взятом из реального, действительного мира, может быть и бессознательно, отразилось отношение Заболоцкого к категориям, отражающим какую-то реальность, как к совершенно такой же игре воображения, измышления ума, как лешие, ведьмы и стройно пляшущие кек-уок покойники. Взятый по отношению ко всему скептически-иронический тон невольно определяет соответствующий подбор слов и в данном случае, и в дальнейшем. Все вместе создается умом человека и им же разрушается. Отсюда, повидимому, и неожиданный грустно-иронический эпитет 'бедный мой воитель' в применении к разуму, ибо вся деятельность его сводится, в конце концов, к борьбе с самим собою, с собственными измышлениями. Конечно, читатели могли бы обвинить нас в придирчивости, если бы изложенные выше обвинения Заболоцкого в пропаганде субъективного идеализма мы не подтвердили дальнейшим разбором...» Дальше Усиевич пере-

ходит к «Лодейникову», в котором видит «тончайшее издевательство над осознающим себя 'царем природы' человеком. ...Но что же за мировосприятие олицетворяет Лодейников, на стороне которого явно находится автор...? ...Здесь оно почти не требует комментариев: предметы видимого реального мира — только знаки чего-то нами непознаваемого, неизвестного, скрытого от нас ничем иным, как именно сознанием. Сознание мешает взглянуть на мир и увидеть его таким, каков он есть. ...В представлении Заболоцкого весь беспорядок, хаос навязан природе и миру сознанием человека, человека вообще, ибо вся действительность — 'только вымысел, мечтанье, сонной мысли колыханье... То, чего на свете нет'. Таковы философские установки двух стихотворений, предпосланных поэме 'Торжество Земледелия', установки собъективного идеализма, с которым в поэме Заболоцкий подходит к пролетариату, к его политическим и социальным целям. И чрезвычайно характерно, что иронический тон, лишь прорывающийся в двух первых стихотворениях, в 'Торжестве Земледелия' приобретает с первых строк доминирующий характер, перерастая к концу в прямое и грубое издевательство. ...Крестьяне забавны и наивны; солдат, который утверждает в поэме, в своих разговорах с крестьянами материализм, — просто глуп. ...Пародийность здесь еще подчеркнута определенно направленной ломкой ритма... Вот потрясающая правда мира — страдания животных. ...С этим надо бороться, от этого избавить мир. Кстати, для этого не надо никаких революций, никаких ликвидаций кулачества как класса, никакой борьбы и прочих большевистских 'выдумок'... Как бы спохватившись, что в наше время писать о деревне, хотя бы самым юродским стилем, и не писать при этом о кулаке нельзя, Заболоцкий посвятил ему в своей поэме несколько строф под названием 'Враг'. Но от него, от этого изображенного Заболоцким кулака, страдают главным образом злаки, которые произрастают лениво, от него страдает земля, которую он лишает 'крепкой соли', а сам он занят главным образом моленьями перед образами. Это не кулак, а пародия на антирелигиозный плакат. Он не имеет никакого отношения к крестьянам, о которых в поэме шла речь. ...Солдат и предки ругают друг друга долго и основательно... просто так, чтобы символизировать борьбу двух начал. ...Но и в таком виде Заболоцкий не желает оставить даже чисто словесную победу за революционным началом. Диалог заканчивается угрозой солдата расстрелять на месте духов предков. Эта глуповатая угроза придает характер смешной и глупой прямолинейности олицетворяемому солдатом материализму, с которым ...все время исподтишка расправляется Заболоцкий. ...Надо научить грамоте крестьян, коров и ослов, и тогда мир заблагоденствует, наступит равноправие людей, животных и растений, полное умиротворение и блаженный покой. Это глупость? Нет, это издевательство. ...Издевательство в том, что, по Заболоцкому, крестьяне будут пахать, а кони заниматься химией. Издевательство циничное, открытое заключается наконец в самой картине этого благоденствия. Буржуазные идеологи..., доказывая невоз-

можность социализма, доказывая, что он должен был бы привести ко всеобщему идиотизму, показывают, обычно, что он привел бы к господству посредственностей, из которых состоит большинство, к полному отсутствию каких бы то ни было противоречий, покою и застою. Посмотрим же, какую картину рисует нам Заболоцкий в качестве результата победы социализма... Люди, занимающиеся шитьем больших платьев, тихий идиот, объясняющий философию собаке, и другой, блаженный, растолковывающий коровам идею точных молотилок, — это не требует почти никаких комментариев: 'Ах, вы говорите о полном довольстве для всех, вы говорите мне, интеллигенту, самим Богом предназначенному для умственного господства, для управления 'нищими духом', о том, что всякая кухарка должна уметь управлять государством? Так вот вам, не угодно ли, получайте осла, достигнувшего полного ума, и собак, изучающих философию. Это невозможно? Но ведь я, Заболоцкий, вовсе этого всерьез и не утверждаю. Вы строите социализм, вы добиваете врага, вы вышибаете нас из одной области за другой, так оставьте мне тихое наслаждение подхихикнуть над вашей верой, над вашей борьбой, над вашими целями. Я-то знаю, что ничего, кроме серого царства всеобщей сытости и ограниченности, вы не достигнете...' ... Подведем некоторые итоги. Заболоцкий... развил враждебную пролетариату идеологию, начав с поэтической пропаганды субъективного идеализма и закончив пародией, циничным издевательством над материализмом, как основой мировоззрения пролетариата, над политической и социальной борьбой пролетариата и над осуществляемым им строительством социализма. Он сделал это под маской юродства и формалистических вывертов, что помешало некоторой части критиков сразу рассмотреть яркую классовую враждебность его произведений, что помогло этому произведению проскользнуть через контроль соответствующих органов. ...Нужно сорвать с Заболоцкого маску блаженного, оторванного от коллектива, занимающегося 'чистой поэзией' мастера, чтобы предостеречь от учебы у него близких нам молодых, талантливых поэтов, от которых талант Заболоцкого заслоняет классовую сущность его творчества...» (цитируем по книге: Е. Усиевич. Писатели и действительность. ГИХЛ, М., стр. 241-260). В другой своей статье («Критика 'методами искусства'», та же книга, стр. 71-72), Усиевич называет Заболоцкого «ярко враждебным нашей советской действительности поэтом».

Более замаскированно, но не менее решительно называет Заболоцкого врагом коммунизма и советской действительности С. Малахов, в статье «Реакционная утопия мелкобуржуазного романтизма»: «Если социалистическая романтика входит органически в социалистический стиль, то меньше всего созвучен с ним романтизм реакционный. В порядке иллюстрации этого положения я позволю себе остановиться на анализе печально известной поэмы Н. Заболоцкого 'Торжество Земледелия'. Творческий метод Заболоцкого в одинаковой степени может удовлетворить как формалиста, так и сторонника теории 'непос-

редственных впечатлений' из школы Воронского. Первый найдет в нем излюбленное 'остранение' действительности наряду с пародическим 'отталкиванием' от приемов, 'автоматизированных' в современной поэзии. Второй — языковое косноязычие, пародирующее не то наивность детского восприятия, не то юродствующую 'непосредственность' безумца, не то анимистическое мышление дикаря. Уже первая книга Заболоцкого — 'Столбцы'... обнажает эти творческие установки. ...Ту же линию продолжают последние стихи Заболоцкого. Так, в стихотворении 'Знаки Зодиака' мир предстоит перед поэтом так, как он предстоял в сознании дикаря, анимистическое мышление которого представляло себе явления природы одухотворенными божествами, наделенными сознательной волей... В этом странном мире, созданном поэтом, оживают даже растения и плоды... В стихотворении 'Лодейников' на глазах героя растительный мир оживает и живет полуживотной, получеловеческой жизнью. ...В другом стихотворении — 'Венчание плодами' — это одухотворение растительного мира еще более подчеркнуто. Растения и плоды наделяются там настоящим человеческим рассудком. ...В поэме 'Торжество Земледелия' есть показательное ...изображение матери с детьми... Но в этом изображении художник развивает свой идеал животно-непосредственного существования человека, сливающегося с природой. ...Беда художника в том, что именно ...будто бы отрицаемые им фантасмогории выпячены в его поэзии на первый план, оттесняют из нее реальную действительность. Неслучайно 'Знаки Зодиака' кончаются все той же космогонической картиной мира, которой предшествует вскрывающее ее смысл авторское обращение к своему 'рассудку': 'Разум, бедный мой воитель, ты заснул бы до утра. ...День прошел, и мы с тобой — полузвери, полубоги...' ...Что это, как не признание бессилия человеческого разума, этого 'бедного воителя' с миром призраков и фантазий, как не отказ от разума и апология звериной мудрости человека, который, только растворившись без остатка в природе ('полузверь'), становится почти равным ей: 'полубогом'. ...Не трудно обнаружить прямую преемственность поэзии Заболоцкого от русских кубо-футуристов, Велемира Хлебникова в особенности. Бунт этих представителей деклассированной мелкобуржуазной интеллигенции против капитализма и культуры господствующих классов шел по линии анархической попытки освободиться от власти общества вообще. Это был бунт индивидуалистический. ...Разорванное, противоречивое сознание деклассированного мелкого буржуа находит свое отражение в самой форме примитивного мышления, в алогизме его, в разорванности его представлений о реальном мире. Такая разорванность восприятия характерна и для Заболоцкого. Мир предстоит в его стихах как бы разложенным на свои составные части, как бы отраженным в кривом зеркале, смещающем взаимосвязанность его материальных частей и процессов: 'Тут природа вся валялась в страшно диком беспорядке — '. Отсюда у Заболоцкого характерные для него оксюмороны, вроде 'нехороший, но красивый'; алогизмы прилагательных — 'безумный (?!)

ручеек'; выделение в изображаемом предмете несущественных для общей картины признаков — 'идет медведь продолговатый'; нарочитый антогонизм деталей — 'на небе тихом' 'с гиком' летает 'безобразный журавель' и т. д. и т. п.» Далее С. Малахов говорит о противоположности мировоззрения Заболоцкого философским взглядам Ленина. «В чем же философский смысл приведенного? Разрывая антагонистически сознание на чувственное восприятие и логическое мышление, Заболоцкий провозглашает примат первого над последним в качестве единственного средства познания объективной действительности. ...Чувственное восприятие противоставляется логическому познанию, как истинное познание номиналистическому ('Я различаю только знаки домов', 'Мир, испорченный сознанием отцов, искусственный'). Всякое мышление объявляется порочным, номиналистическим. Логическому мышлению противоставляется интуитивизм. Заболоцкий даже не замечает, что его собственный метод, разлагающий познание на чувственную и логическую стороны, сам является номиналистическим, и что его интуитивизм способен познать действительность не глубже, чем номинализм. Основой творческого метода Заболоцкого является стремление освободить человека от оков логического сознания, 'портящего' мир, превращающего его в систему логических 'знаков'. Отсюда и биологизм и алогизм его стихотворного языка, идушие по пути, проложенному ...кубофутуристами. Есть, однако, существенное отличие Заболоцкого от последних, — не по методу, а скорее по его результатам. Творческий метод футуристов был типическим выражением мелкобуржуазного протеста против строя, созданного эксплоататорскими классами. 'Естественный' человек футуристов был выражением их мечты освободиться от калечащих, разъедающих их сознание противоречий, порождаемых буржуазно-дворянским строем. ...Что же получается у Заболоцкого? Победивший социализм создал все условия для преодоления пережитков прошлого в сознании человека. Формирование психики нового человека никак, однако, не основывается на разрыве логического и чувственного в процессе познания. Сознательность социалистического человека есть самый существенный признак его психологии, не только не лишающий его богатства чувственных ощущений, но прямо и неизмеримо обогащающий их. И тот самый подход к действительности, который в условиях буржуазно-дворянского строя имел свою прогрессивную сторону, теряет ее в советских условиях, становится реакционным, обертывается реакционным протестом бунтующего мелкого буржуа против побеждающего социализма. Именно такой объективный смысл имеет нашумевшая поэма Н. Заболоцкого 'Торжество Земледелия' ...». Говоря затем, что Заболоцкий «выступает в поэме якобы с революционных позиций», сделав героем «солдата», «носителя сознательного начала в деревне», воспев и раскулачивание, и коллективизацию, и механизацию, и будущее благосостояние колхозного крестьянства, С. Малахов указывает на то, что «натурфилософия поэта остается прежней»: «И человек и животное в поэме только тогда дости-

гают полного расцвета, когда они поднимаются до взаимного понимания друг друга, до общего слияния с 'душой природы'... Животные ...выступая не условными заместителями человека, как это бывает в баснях, а сохраняя свои животные качества и противоположность свою человеку, становятся по сознательности рядом с ним. ...Так отрицает поэт кулака не столько за его эксплуататорскую роль по отношению к людям, сколько за его 'враждебность' природе, к которой 'кулак был слеп, как феодал'...». Даже любовное отношение поэта к животным рассматривается критиком, как контрреволюция: «Именно здесь рисует Заболоцкий свою реакционную утопию 'социалистического', с позволения сказать, общества, картину, справедливо возмутившую как критику, так и всю советскую общественность. Я не говорю уже о вредительской, объективно кулацкой идее устранить рабочий скот из производства, заменив его полностью машиной. Это — самое меньшее зло, которое приносит поэма Заболоцкого. Гораздо важнее тот клеветнический, издевательский по адресу социализма смысл, который приобретает нарисованная художником картина грядущего общества. Заболоцкий рисует в заключительных главах поэмы... торжество животных, освободившихся от власти человека... Не хватает только одухотворения неорганической природы, чтобы у мира, создаваемого Заболоцким, окончательно зашел 'ум за разум'. Впрочем и на это есть намек в строке 'огонь с металлом говорил'... Какую же роль играют в этом мире люди? Они теряют всякое отличие от других порождений природы, сливаясь полностью с ними... При всех маскирующих рассуждениях о торжестве и расцвете человечества, Заболоцкий возвращает его к тем временам его младенчества, когда оно еще сливалось с животным миром. Не случайно в этом плане, что одна из глав поэмы носит характерное название 'Мир-Младенец' ...Так раскрывает сам художник, что его идеал — не мир будущего, представляющий вершину в развитии человеческих знаний, определяющих его власть над природой, а 'мир с конца' учителя Заболоцкого — Велемира Хлебникова, — мир, где человек теряет власть над природой, опускаясь до ее низших, неодухотворенных форм. Жалкая перспектива! Жалкий идеал! ...Это, однако, — субъективное содержание творческого метода Заболоцкого. Каков же его объективный смысл? Тов. Сталин говорил на XVII съезде партии: 'буржуазные писатели охотно изображают марксистский социализм, как старую царскую казарму, где все подчинено 'принципу' уравниловки. Но марксисты не могут быть ответственными за невежество и тупость буржуазных писателей'. Тов. Сталин подчеркивает, что 'такой, с позволения сказать, социализм' — 'не социализм, а карикатура на социализм'. Что же можно сказать о карикатуре на социализм, созданной руками советского писателя? Карикатуре, где уравниловка вырастает в кошмарный образ полузвериного существования 'социалистического' человечества! Какой буржуа и белогвардеец откажется использовать такой блестящий случай клеветнически выдать идеал За-

болоцкого за идеал коммунистического общества, разделяемый будто бы самими коммунистами? Так инфантильность Заболоцкого оборачивается юродствующей мудростью классового врага, наподобие того христианского 'социализма', который проповедует кулацкий провокатор в 'Брусках' Ф. Панферова, призывая при вступлении в колхоз складывать в общую собственность имущество, жен и детей, 'как учил Христос'». (Из статьи С. Малахова «Поэзия социалистического реализма» в книге «Борьба за стиль. Сборник статей». Гос. Академия искусствознания, Институт литературоведения. ГИХЛ, Ленинградское отделение, 1934, стр. 119-133).

Мы сознательно остановились на откликах на «Торжество Земледелия» и одновременно появившиеся стихи, сознательно дали такие обширные выписки из двух наименее глупых, но достаточно доносительских статей. Нужно было показать ту атмосферу травли, которая создалась вокруг поэта — и привела через несколько лет к его заключению в лагеря НКВД. Поэт принужден был «каяться». В своей «оправдательной» статье: «Статьи 'Правды' открывают нам глаза» («Литературный Ленинград», 1936, № 16), статье, в которой Заболоцкий «каялся» не только в писании «Торжества Земледелия», но и других своих произведений, он писал: «Что такое борьба с формализмом? Это борьба за такой тип искусства, который, будучи современным по своему техническому уровню, отвечает идее широких масс, доступен им, близок и дорог». А еще раньше, в своей речи на дискуссии ленинградских писателей, Заболоцкий говорил: «Замысел поэмы был неблагополучен в том отношении, что он соединял воедино реалистические и утопические элементы. Получилось так, что утопический элемент нарушил в моей поэме все реальные пропорции, благодаря чему, в частности, было до некоторой степени смазано отображение классовой борьбы. Недооценка реалистической правды искусства привела к идилличности, пасторальности поэмы, что шло вразрез с действительностью» (Цитируем по статье Н. Степанова «Новые стихи Н. Заболоцкого», «Лит. Совр.», 1937, № 3, стр. 211).

Но не только советская официальная критика травила поэта. Заболоцкого не понимала и не принимала и критика тогдашнего русского зарубежья, по крайней мере, наиболее влиятельная. Так, в парижском «Возрождении», Гулливер, то есть В. Ф. Ходасевич, писал о нем («Поэзия Н. Заболоцкого»): «Что это: новый Хлебников? Сумасшедший? Шутник? Симулянт? Без смеха читать его невозможно: 'Меркнут знаки Зодиака над просторами полей...—' Далее рассказывается, как 'спит животное Паук, спит Корова, Муха спит' — и все это для того, чтобы (в первый раз за столько лет советской поэзии!) изобразить затем фантастическую ночь, населенную ведьмами, лешими и прочей нечистью, находящейся в СССР под цензурным запретом, но у Заболоцкого выныривающей самым неожиданным образом... Кончается это пантеистическое произведение обращением к собственному разуму: 'Спит растение Картошка, засыпай скорей и ты! 'Читатель разводит руками и переходит ко второму стихотворению, в ко-

тором тоже с любовью рассказывается о пауках, цветах, мотыльках. Вдруг: 'По лугу шел прекрасный Соколов, играя на задумчивой гитаре. 'При этом прекрасный Соколов тяжелыми своими ногами давил разную мошкару — поэтическому сердцу Заболоцкого тут представился образ человечества, попирающего природу. Заболоцкий решительно стал на сторону мошкары, как в первом стихотворении вступается он за нечисть. Вероятно, подобную 'мистику' сов. цензура все-таки не пропустила бы, но, оказывается, в 'идеологию' Заболоцкого входит и коллективизация сельского хозяйства, и социалистическое строительство в деревне. За поэму 'Торжества Земледелия' ему все прощается...» Далее следуют цитаты и комментарии, показывающие, что В Ф. Ходасевич часто просто совпадает с советскими критиками-доносителями, часто понимает в поэме значительно меньше, чем Малахов или Усиевич... Характерно и окончание заметки: «Трудно сказать, что такое Заболоцкий. Возможно, что он просто издевается над вершителями советских литературных судеб. А может быть, это чистосердечный кретин, сбитый с толку, нахватавшийся кое-каких познаний, уверовавший в коллективизацию Видоплясов, при всем том отнюдь не лишенный какого-то первобытного поэтического дара, как не был его лишен и Хлебников, у которого Заболоцкий, видимо, 'учился'».

Откликов того времени на творчество Заболоцкого в зарубежной русской печати немного. Были среди них и положительные. Так, Г. Н/иколаев/ свою заметку о Заболоцком в газете «Меч» (от 17 мая 1936) называет «Большой поэт» — и говорит, что «во всех его прежних 'полушутовских', равно как и в новом стихотворении, чувствуется своеобразный и сильный талант».

После появления «Торжества Земледелия» и всеобщей травли поэта, Заболоцкий замолкает, его нигде не печатают до того — отчасти — покаянного стихотворения, которое он написал на смерть Кирова. Но и это стихотворение не понравилось властям предержащим: убийство и смерть Кирова описывались у Заболоцкого как общечеловеческая трагедия, как с м е р т ь как таковая, а не как с м е р т ь героя, п о л у б о г а нового коммунистического Олимпа. И только в 1937 году появляется в журнале «Литературный Современник» целый большой цикл стихов Заболоцкого, с некоторыми изменениями изданный затем отдельной маленькой книжкой: «Вторая Книга», ГИХЛ, Ленинград, 1937. Чтобы напечатать эти стихи, понадобилось весьма дипломатическое выступление — в том же третьем номере «Литературного Современника» — Н. Л. Степанова: «Новые стихи Н. Заболоцкого» (стр. 210-218). В статье этой, приводя покаянные высказывания самого поэта, Н. Степанов пишет, что Заболоцкий уже не тот, что он отказался от двусмысленного гротеска, каким страдали его «Столбцы» и «Торжество Земледелия»: «Пересмотрев свои прежние позиции. Н. Заболоцкий осознал, что единственно правильная дорога — это дорога социалистического реализма, правдивости и простоты искусства, делающих его близким и нужным народу... Пантеистический призыв к слиянию человека и природы, призыв к

преодолению 'разъединения' с природой можно найти и у Гете, и у Тютчева, и у немецких романтиков, воплощавших в своих стихах положения идеалистической натурфилософии. Но в восприятии природы в стихах Н. Заболоцкого хочется прежде всего отметить оптимистическое утверждение бытия, их исключительную конкретность, правдивость и лирическую теплоту. В замечательном по своей простоте и внутренней правдивости стихотворении 'Утренняя песня' Заболоцкий приходит к светлому и радостному утверждению жизни, рождающемуся из ощущения своей слитности с природой: 'И все кругом запело... И понял я в то золотое утро, что смерти нет, и наша жизнь бессмертна'. Это утверждение бессмертия бытия отнюдь не мистично, чуждо всякой поповщине. Ощущение своего органического единства с материальным миром, понимание вечности лежит в основе его. Природа для Заболоцкого не бессознательное проявление вечного разума, не дух, находящийся в процессе становления, какой она являлась в идеалистической натурфилософии, а чувственно-данный, материальный мир. Однако иногда кажется, что поэт готов противоставить какой-то внутренний таинственный разум природы разуму человека (см. стихотворение — 'Прогулка', 1929 г.). Эта неотчетливость философской концепции Заболоцкого свидетельствует о том, что связи его с идеалистической натурфилософией еше не преодолены им до конца. Говоря об единстве духа и материи, говоря о сродстве человека и природы, следует помнить, что это положение лежит и в основе идеалистической философии, разрешаясь в ней в признании приоритета 'духовного' над материальным. Поэтому часто хочется, чтобы Заболоцкий решительнее подчеркнул свое материалистическое восприятие и понимание природы». И Н. Л. Степанов всячески старается доказать, что процесс «материалистического» и политического «роста» Заболоцкого уже завершается, что об этом свидетельствует «Прощание», посвященное Кирову, «Горийская симфония», посвященная Сталину... Только с таким послесловием увидели свет в журнале — и отдельной небольшой книжкой — стихи Заболоцкого.

Но было уже поздно. За рубежом СССР опубликовано письмо одного видного советского литератора, который прямо утверждает, что тем лицом, которое непосредственно является виновником ареста Заболоцкого и его заключения в лагеря НКВД, был директор издательства «Советский Писатель» Н. В. Лесючевский. После исключения из Союза советских писателей Я. Эльсберга, писатели надеялись, что будут исключены из Союза и заклеймены другие доносители и предатели, клеветники, но только немногие были подвергнуты этому наказанию. По распоряжению свыше все другие дела о «предателях и клеветниках» были прекращены: «Остался на своем посту Н. В. Лесючевский, директор издательства 'Советский Писатель', распределяющий и деньги и бумагу, отпускаемые всем московским и ленинградским писателям на житье-бытье. На основании ложных доносов Лесючевского в 1937 году были расстреляны поэты Борис Корнилов (об этом есть заявление в Союз писателей и в Главную прокуратуру Ольги Берг-

гольц, тогдашней жены Корнилова) и Бенедикт Лившиц, осуждена на многолетнее тюремное заключение писательница Е. М. Тагер... По клеветническому заявлению в Ленинградское отделение НКВД был осужден на 8 лет лагерей Николай Заболоцкий, преждевременно скончавшийся в 1958 г. от туберкулеза, нажитого им от истязаний на допросах и издевательств и голода в лагерях...». («Доносчики и предатели среди советских писателей» — «Социалистический Вестник», 1963, № 5/6, стр 75; также «Encounter», London, July 1963).

В лагерях Заболоцкому пришлось быть строителем дорог (см. поэму «Творцы дорог»), строить дома, заводы. Поэт Борис Слуцкий, в случайной рецензии на чью-то книгу стихов — «Огниво высекает огонь» — вспоминает: «Помню, с какой печальной гордостью Н. А. Заболоцкий показывал мне чей-то строящийся в Тарусе дом и говорил: 'А ведь я все строительные профессии знаю — и землекопом был, и каменщиком, и плотником. Даже прорабом был'». («Лит. Газ.», 5 октября 1961).

После освобождения Заболоцкого и его возвращения в литературу, о нем пишут преимущественно, как о переводчике. Да и переводы становятся основным его заработком, отнимающим почти все время и все силы. Но вскоре появляются и статьи об оригинальных стихах Заболоцкого, часто обширные. Однако всегда стыдливо обходится пора «Столбцов» и «Торжества Земледелия», или о раннем Заболоцком говорят вскользь, быстро перебегая от «старого» к «новому» Заболоцкому. Так называются и многие статьи — см. в библиографической справке. Теперь Заболоцкого упорно рассматривают, как попреимуществу поэта-пейзажиста. Вл. Орлов пишет о том, «как разительно изменился весь 'ландшафт' поэзии Заболоцкого», и что «поэзия зрелого Заболоцкого — поэзия глубокого философского осмысления природы, всегда наделенной 'живыми чертами', полной движения, одухотворенной присутствием человека — пытливого искателя, смелого борца. Природа для Заболоцкого — мир, полный раскрытых и нераскрытых тайн, вечный, неисчерпаемый источник развития и обновления жизни...» и т. д. (Николай Заболоцкий. Вступ. ст. в книге: Н. Заболоцкий. Стихотворения (Б-ка Сов. Поэз.), ГИХЛ, 1959, М., стр. 9, 12). Такими общими местами переполнены статьи о Заболоцком. Не более содержательна и статья Н. Тихонова, предваряющая книгу Н. Заболоцкого «Избранное», М., 1960. Но и в последние годы ряд особо ретивых критиков не оставляли поэта в покое. «У поэта Николая Заболоцкого, — пишет, напр., некий Григорий Соловьев, — излюбленное аллегорическое оружие нередко, к сожалению, палит вхолостую...» («Современность — душа поэзии», «Лит. Газ.», 21 января 1958). Какой-то безвестный остряк в «Крокодиле» («Записки Ляпсуса», «Крокодил», 1958, № 1, стр. 7) издевается над нелепым, по его мнению, стихотворением: «Я сделался нервной системой растений...». Вообще, даже по сравнению с концом 1930-х гг., уровень культуры советских критиков резко снизился. Приведем на выборку несколько цитат.

«Подлинным своеобразием отмечено творчество ...крупного поэта — Николая Заболоцкого, прошедшего долгий и противоречивый путь развития от вычурности и нарочитой пародийности 'Столбцов' до классической простоты и строгости недавно опубликованных произведений. ...Стихи Заболоцкого заставляют думать. В этом их отличительная особенность. Поэт часто не договаривает до конца, ставя перед читателем вопросы, которые тот должен решить самостоятельно. Характерно в этом плане стихотворение 'Некрасивая девочка'. ...' ...что есть красота...? ...Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?' С этим сложным вопросом Заболоцкий обращается к читателям, взволновав их смелостью своего замысла, большой гуманистической темой. ...Заболоцкий напоминает читателю об удивительности и сложности окружающего мира, где все просто и все загадка, все давно известно и все требует углубления в сокровенный внутренний смысл». (А. Эльяшевич. Поэзия и реализм. «Зв.», 1956, № 8, стр. 169).

«...Николай Заболоцкий писал странные, мрачные стихи о людях, по-животному ограниченных, и о животных, по-человечески страдающих. Нет спора, тогда он был очень далек от оптимизма. Но уже в 1932 году он старался дать оценку собственным представлениям о природе, подчеркивал их противоречивость, раздвоенность. Его герой Лодейников сокрушался: 'В душе моей сраженье природы, зрения и науки...— ' ...Сраженье это кончилось торжеством ясной человеческой мысли над бестолковым и унылым хаосом. И это расширило кругозор поэта; уже не 'знаки', плоские и условные, видел он вокруг себя, 'а мир живой, на тысячу ладов поющий, прыгающий, думающий, ясный'... Изменилось и самое существо образов, по-иному истолковывал поэт окружающий его мир. Природа по-прежнему приковывала его внимание, но теперь, не находя в недрах скал и в пустом небе гармонии, он ищет ее в человеческом, преобразующем деянии. ...*Человеческое* видит Заболоцкий не только в *технической* мощи, но и во внесении *нравственного* начала, в способности добро противопоставлять аду. Он настойчиво подчеркивает эту мысль и в стихотворении 'Бетховен'. ...Да, социальное, человеческое добро торжествует в строфах, посвященных подвигу челюскинцев, или строителей дорог, или ходоков, что пришли в Смольный к Ленину... Оттого-то и мог Заболоцкий по праву и от души в разговоре с профессором Рипеллино произнести 'магическое' слово 'оптимизм' —»... «...Рипеллино иронизировал по поводу восклицания поэта Николая Заболоцкого 'Я оптимист!' таким образом: 'Что могли означать эти слова? Тот, кто знает последнего Заболоцкого, знает его как поэта сложной архитектоники, поэта богатой тональности, выражающего печаль и радость, выражающего человека во всей его сложности'»... (И. Гринберг. Спор об оптимизме и пессимизме. «Зн.», 1958, № 10, стр. 206-207, 205).

И, наконец, последняя выдержка из советской критической литературы о Заболоцком — из статьи Д. Максимова «О старом и новом в поэзии Николая

Заболоцкого»: «...Экспериментальные устремления Заболоцкого наиболее обнаженно и эксцентрично выразились в его раннем сборнике 'Столбцы'... Этот сборник построен на основе очень сложных, алогичных словесных сочетаний, парадоксальных иронических ходов, игре смыслов. Связанный с 'заумной' поэтикой Хлебникова, он был очень далек от столбовой дороги советской поэзии. ...Смысл дальнейшего развития творчества Заболоцкого — в преодолении 'Столбцов', в движении к простоте и целостности мировосприятия, к тому 'живому, поющему, прыгающему, думающему, ясному' миру, который раскрывается для него в природе, в человеке, в духовной и материальной культуре человека, в истории советского народа. Уже во 'Второй Книге' (1937) Н. Заболоцкий показал совершенно новое, посвежевшее, помолодевшее и подлинно лирическое лицо своей поэзии, а в третьем сборнике (1948) закрепил эти творческие завоевания. ...Природа для Заболоцкого 'очистительная сила', прививка, предохраняющая его творчество от уродливого мира 'Столбцов', от опасности 'возвратных болезней'». Далее Д. Максимов указывает на то, что поэт стремится установить связи с советской действительностью, с советским строительством («Храмгэс», «Творцы дорог», «Город в степи», «Прощание» — памяти Кирова, «Ходоки» и пр.). «И все-таки этих связей в творчестве Заболоцкого недостаточно. Мироздание, природа все-таки в какой-то мере заслоняют для него жизнь социальную. Талантливый и уверенный в своем искусстве художник, нашедший общий ритм с окружающей его современной действительностью, не сумел еще полностью приобщиться к ней, откликнуться на ее добро и зло в той мере, в какой она этого требует. Отсюда — неизбежный 'брюсовский' холодок, возникающий на многих великолепных по своей художественности страницах его сборника. Отсюда — потенциальная опасность отрешенности, изысканности, того самого 'искусства для искусства'... В настоящее время Заболоцкий встал на путь новых творческих исканий... Особенно знаменательны для Заболоцкого его стихотворные портреты людей и зарисовки бытовых ситуаций ('Жена', 'Приближался апрель в середине', 'Неудачник', 'В кино', 'Некрасивая девочка', 'Старая актриса'). Если в тридцатые годы, создавая стихи о природе, Н. Заболоцкий следовал за Тютчевым, то теперь он в конечном счете опирается на некрасовскую традицию. ...К сожалению, хорошие намерения Н. Заболоцкого не получили в его поэзии полной художественной реализации. Каждое из перечисленных выше стихотворений Заболоцкого точно и четко выражает мысль бесспорную и достойную всяческого сочувствия. А между тем в этих стихотворениях недостает 'живой воды', подлинного волнения, того, что в лучших некрасовских образцах этого типа составляло их поэтическую суть: скрытой теплоты или воодушевленной сатиры. ...Очевидно, Заболоцкому следует проверить всю эту линию своего творчества и если не отказаться от нее, то изменить ее характер и направление» («Зв.», 1958, № 2, стр. 230-232).

Мы выбрали наиболее содержательные (и часто бесспорные даже) места из

ряда статей, посвященных позднему Заболоцкому. Но даже один из лучших его знатоков, вдумчивый и культурный Н. Л. Степанов, пишет теперь о нем как о пейзажисте и анималисте, хотя и глубоко чувствующем свой предмет: «Тема природы — основная в поэзии Н. А. Заболоцкого, который на протяжении всего своего творческого пути обращался к природе, ища в ней разгадку существования. ...Мир животных, растений, насекомых для поэта не мертвая, а живая природа, которая раскрывается перед человеком в своей многообразной сущности»... (Н. Степанов. Десять неопубликованных стихотворений. «Тарусские Страницы», Калуга, 1961, стр. 308-309.)

За рубежом довольно часто писал о Заболоцком — или касался его в своих статьях — Вл. Марков. Он пишет о «Столбцах», что «когда читаешь эту книгу впервые, то, после некоторого шока, ощущаешь неиспытанный доселе вид восхищения. Это нечто совсем необычное, хотя и полно вещей тебе известных и понятных: это одно из поэтических открытий мира, который вокруг нас, но которого мы не замечаем. ...Заболоцкий дает панораму советского города, иногда языком среднего горожанина. Поэтические средства эксцентричны и почти пародийны, преобладают краски лубочной живописи, стих подчас звучит намеренной подделкой под стих графомана. Временами, читая Заболоцкого, вспоминаешь живопись француза Анри Руссо. В стиле неожиданно открываешь гротесково задуманную смесь Пушкина, Державина, Зощенко и Хлебникова: мир зощенковского мещанина подается через иронию искаженных строк и ритмов Пушкина, с державинской сочностью и хлебниковскими неожиданными ракурсами и ритмическими перебоями. Эта книга — первая в русской поэзии сатира на 'массового человека'. В ней также есть наконец найденная связь поэзии с реальностью, естественная для нашего века. «Вторую Книгу» и следующие за нею Вл. Марков расценивает ниже «Столбцов» («Приглушенные голоса», изд. им. Чехова, Н-Й., 1952, стр. 28-29). «Последним крупным русским футуристом был Заболоцкий, который был также последним настоящим поэтом послереволюционной России. Он преклонялся перед Хлебниковым и в своих лучших вещах тщательно имитировал последнего, используя самую ценную часть хлебниковского творчества, — его поэмы. Однако поэзия Заболоцкого далеко не подражательна, потому что у него был свой особенный этос. Он был мастером гротеска, смещения плоскостей, сатиры и пародии. Его также можно считать последним русским сюрреалистом (историю этого течения в России следует начинать с Гоголя). Сломленный тюрьмой и ссылкой, он стал писать красивые акмеистические стихи и заниматься переводами. Здесь кстати заметить, что советских поэтов можно разделить на тех, кто говорит: мир должен быть таким (Маяковский, Тихонов, отчасти Есенин) и на тех, кто утверждает: мир таков (Мандельштам, Пастернак, Заболоцкий). Последним в России труднее, чем первым, и их судьба часто трагичнее» (В. Марков. Мысли о русском футуризме. «Н. Журн.», № 38, 1954, стр. 178).

Изучение творчества Заболоцкого только начинается. И не все еще нам известно, и не все еще нам доступно. Не собраны еще и все произведения поэта. Поэтому приведенные выше выдержки — только часть сырого материала для будущей монографии о творчестве Заболоцкого и о литературе о нем.

ВАРИАНТЫ И РАЗНОЧТЕНИЯ. ПРИМЕЧАНИЯ

РЫБНАЯ ЛАВКА. Впервые — «Зв.», 1929, № 8, стр. 118. Затем — «День Поэз. 1962», стр. 298. Разночтения:

Стих 12. Сидел на блюде царь балык. («Зв.»)
» 36. Сомненьем, может быть, тревогой. («Зв.»)

БЕРЕГИ ЗДОРОВЬЕ! — Опубликовано в журн. «Радиолюбитель», Л., 1930, № 23-24, 21 августа. Журнал нами не разыскан, и публикуемый отрывок печатается по цитате в «Лит. Газ.»

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ. Впервые — «Лит. Совр.», 1937, № 3, стр. 115-116. Разночтения:

Стих 9. И на руках Никитушка сидел, («Лит. Совр.»)
» 11. И глазки, полные великой чистоты, («Лит. Совр.»)
» 12. Смотрели в небо, где сияло солнце («Лит. Совр.»)
» 18. Никитушке, и все кругом запело, («Лит. Совр.»)
» 20. Что счастье человечества — бессмертно. (Стих. 1957, 1959, Избр. 1960).

В той же — журнальной — редакции стихотворение опубликовано во «Второй Книге», стр. 7-8. Затем автор изменил редакцию стихотворения, сняв слишком личные детали (в том числе имя сына). Но последнюю строку мы оставляем в первой редакции, так как изменена она отнюдь не по художественным соображениям.

В дальнейшем книги Заболоцкого обозначаются сокращенно: «Вторая Книга», 1937 — «2 книга»; «Стихотворения», 1948 — «Стих. 1948»; «Стихотворения», 1957 — «Стих. 1957»; «Стихотворения». 1959 — «Стих. 1959»; бранное», 1960 — «Избр. 1960».

ВЕНЧАНИЕ ПЛОДАМИ. Впервые — «Лит. Совр.», 1933, № 1, стр. 71-72.

Изменения, вызванные требованием изъять из стихотворения американца Бербанка, а также внесенные отнюдь не по художественным соображениям, — нами не приняты во внимание. Разночтения:

Стих 1. Плоды Мичурина, питомцы садовода. (Стих. 1957, 1959, Избр. 1960)
» 2. Взращенные усильями народа, (там же)
» 4. Как вы волнуете пытливые умы! (там же)
» 15. Висящих беспорядочною кучей; («Лит. Совр.», 2 кн.).

Стих 18. Этой строчки в «Лит. Совр.» и 2-й книге НЕТ.
» 19. И ястреб, рощи царь, посередине ночи («Лит. Совр.», 2 книга).
» 29. И посреди сверкающих небес (Стих. 1957, 1959, Избр. 1960)
» 35. Сквозь яблоко вещает голос Бога, (там же)
» 36. Что плод познанья — запрещенный плод. (там же)
» 37-49. В Стих. 1957, 1959, в Избр. 1960:

Теперь, когда, соперничая с тучей,
Плоды, мы вызвали вас к жизни наилучшей,
Чтобы, самих себя переборов,
Вы не боялись северных ветров,
Чтоб зерна в вас окрепли и созрели,
Чтоб, дивно увеличиваясь в теле,
Не знали вы в развитии преград,
Чтоб наша жизнь была сплошной плодовый сад, —
Скажите мне, какой чудесный клад
Несете вы поведать человеку?

Стих 57. Распространяющие дивное тепло. (Там же)
» 62. Вкруг шеи девушки висит и смотрит вниз. («Лит. Совр.», 2 книга)
» 63-66. В Стих. 1957, 1959 и Избр. 1960 этих строк НЕТ.
« 68. Глядит на нас, средь яблок приподнявшись. (Стих. 1957, 1959)
» 71. Когда плоды Мичурин создавал, (Стих. 1957, 1959, Избр. 1960)
» 72. Преобразуя древний круг растений, (там же)
» 73. Он был Адам, который сознавал (там же)
» 74. Себя отцом грядущих поколений. (там же)
» 76. Природы друг и мудрости оплот, (там же)

ОСЕНЬ. Впервые — «Изв.», 5 ноября 1934, как и во 2 книге и Стих. 1957, под названием «Осенние приметы».

Разночтения во «Второй книге»:
Стих 36. И снова скрылся в листьях, как божок.
Стих 39. Все стало резким, неприятным, мглистым,
Стих 48. Чтоб перейти в другое время года.

ПРОЩАНИЕ. ПАМЯТИ КИРОВА. Впервые — «Изв.», 3 декабря 1934. Перепечатано в сборниках «Писатели — Кирову», 1934, и «Сергей Миронович Киров в Художественной Литературе», 1937. Разночтения:
Стих. 2. Навеки безгласное тело (Стих. 1948, 1957, 1959, Избр. 1960)
Стих 7. Прошли в этот день пред тобою, — (2 книга),
» 8. Как прежде, готовые к бою. (2 книга)

НАЧАЛО ЗИМЫ. Впервые — «Лит. Совр.», 1937, № 3, стр. 117-118.

Разночтения:
Стих 3. Я встал и вышел. Острый, как металл, («Лит. Совр.», 2 книга)
» 5. Но я вздохнул и, разогнувши спину, (там же)

Стих 19. Отбросив равнодушья покрывало, (там же)
» 21. Подобно разуму, чья немощь или сила (там же)
» 22. В глазах отображаются легко, (там же)
» 26. Я, кажется, прочел в ее глухом томленье, (там же)

ВЕСНА В ЛЕСУ. Разночтения:

Стих 17. А внутри лесов таинственных, (Вт. книга)

Стих 38. Глядя сверху на леса, (Стих. 1957)

ЗАСУХА. Впервые — «Лит. Совр., 1937, № 3, стр. 121. Разночтения:

Стих 27. И в обмороке бедная душа («Лит. Совр.»)

НОЧНОЙ САД. Впервые — «Лит. Совр.», 1937, № 3, стр. 122. Разночтения:

Стих 6. Был битвой дуб и возмущеньем — тополь («Лит. Совр.», 2 книга)
» 8. Летели вместе, низко ли, высоко ль. (там же)
» 14. Легли внизу десятки страшных теней, (2 книга)
» 15. И толпы лип вздымали кисти рук, (Стих. 1959, Избр. 1960)
» 16. Скрывая птиц под купами растений. (Стих. 1957, 1959, Избр. 1960)
» 19. О, вспыхнувший над самой головой (там же)
» 20. Мгновенный пламень звездного осколка! (там же)

ГОРИЙСКАЯ СИМФОНИЯ. Впервые — «Лит. Совр.», 1937, № 3, стр. 123-124. Разночтения:

Стих 3 с конца стихотв. Исчез племен несовершенный быт, (Стих. 1948)

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ПТИЦЫ». Поэма или не опубликована, или не разыскана нами. Публикуемый нами отрывок — из статьи Н. Степанова «Новые стихи Н. Заболоцкого», «Лит. Совр.», 1937, № 3, стр. 213).

СЕВЕР. Впервые — «Лит. Совр.», 1937, № 3, стр. 118-120. В той же редакции во 2 книге. Разночтения:

Стих 7. Повиснет в воздухе и кровь у ней сгустится,

Стих 8. И птица падает, умершая, стремглав; (все публик. до Стих. 1957),

Со стиха 29-го в «Лит. Совр.» и 2 книге иная редакция:

В воротах Азии, в объятьях лютой стужи,
Где жены в шубах и в тулупах мужи, —
Несметные богатства затая,
Лежит в сугробах родина моя.
А дальше к северу, где океан полярный
Гудит всю ночь и перпендикулярный
Над головою поднимает лед,
Где весь оледенелый самолет
Свой тяжкий винт едва-едва вращает
И дальние зимовья навещает, —
Там тень «Челюскина» среди ледяных плит,
Как призрак царственный, над пропастью стоит.
О люди севера! о вьюги Ванкарема!

О мужеством рожденная поэма!
О под людьми ломающийся лед!
О первый Ляпидевского полет!
Теперь там все мертво и сиротливо:
Круглоголовый, как бильярдный шар, —
То морж появится и дышит торопливо,
Пуская вверх продолговатый пар;
То, потрясая мантией косматой,
Пройдет медведь, как демон волосатый,
В своем доисторическом меху;
То небо заиграет наверху, —
Откроются на нем ландшафты и строенья,
Мерцая, вспыхнут длинные столбы,
Цветов тончайшие пройдут соединенья
И вновь погаснут около трубы...
Корабль недвижим...

Стих 48. Пробьют над миром небывалый путь. («Лит. Совр.», 2 книга, Стих. 1948)
» 49. Как бронтозавры сказочного века, (там же)
» 50. Они пройдут, созданья человека, (там же)
» 54-56:

Обнимет их, но, брошенная вспять,
Горой отчаянья падет над берегами
И не посмеет головы поднять. (там же)

СЕДОВ. Разночтения:

Стих 5. Скрестив ремень на маленькой груди, (2 книга, Стих. 1948)
» 17. Туда, туда! В страну туманов бледных, (там же)
» 34. Никто не знает, где лежит она. (там же)

Со стиха 46 — там же — иная редакция:

Теперь, когда над нашей головой
Четыре вихря воздух рассекают
И пропадают в дымке голубой, —
Когда, сквозь мрак арктических туманов,
Магнитных бурь, неведомых уму,
Пробился к полюсу отважный Водопьянов
И всех друзей собрал по одному;
Когда, развернут по приказу Шмидта,
Наш флаг над полюсом колеблется, крылат,
И будут пойманы углом теодолита
Восход луны и солнечный закат, —
Когда, по только что проложенному следу,

Чтоб довершить прекрасную победу,
Пронесся Чкалов, славен и велик,
Связав с Америкой наш буйный материк, —
Друзья мои, на торжестве народном
Помянем тех, кто пал в краю холодном!
Вставай, Седов, могучий следопыт!
Твой старый компас мы сменили новым,
Но твой поход на севере суровом, —
Он никогда не будет позабыт.

ГОЛУБИНАЯ КНИГА. Опубликована в сборниках «Родина», 1937, «Родина Счастливых», 1937, под названием «Великая книга» (под этим же названием — в Стих. 1948. Разночтения:

Стих 4. Кровавый луч зари, бывало, чуть блестит, (все публикации до Избр. 1960)

Стих 22-23. Как одолела кривда с состязанье,
И правды нет с тех пор в стране родной. (там же)

« 30. И в ней записана рукой судеб могучей (там же)

После стиха 43-го в публикациях — кончая Стих. 1948 — идут пропущенные в последующих — послесталинских — публикациях строки:

Когда страна, низвергнувшая иго,
Воздвигла Конституцию побед,
Я увидал тебя, таинственная книга,
Которой ждал народ в годину тяжких бед.
Я понял, что в сказании туманном
Народ запечатлел мечту о книге той,
Которая дана советским странам
Во всем своем величье первозданном
И красоте торжественно-простой.
Не Октября ли грозовые тучи
Ее на нашу землю принесли
Не сталинской ли силою могучей
В ней закреплен закон моей земли?
И уж лежит она не в Океане-море —
В живой душе ей уготован дом,
Она сияет в каждом честном взоре,
Шумит, как ветер на степном просторе,
Поет, как птица в небе золотом.
Где ты, старик... —

Стихи 46-50:

И верил ли в минуты искупленья,

Не знаю я... Ты умер, слаб и сир,
И над тобою, полное кипенья,
Давно шумит иное поколенье,
Угрюмый перестраивая мир. (Стих. 1948, 1957-отчасти)

МЕТАМОРФОЗЫ. Во 2 книге под названием «Бессмертие», и с разночтениями:

Стих 16. Объемлет дух мир, полный чудных тварей.
» 17. Жива природа. Жив среди полей
» 19. Одно в одно, и форма в форму. Мир
Стих 22. Благоустроенный и в радости и в буре.

ГРОЗА. В Стих. 1948 разночтения:

Стих 12. Увидавшие солнце стада.
» 13. А она над водой, над обломками круга земного,

ВОЗДУШНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ. Впервые — без строфы 3-й — «Н. Мир», 1947, № 10, стр. 120; впервые полностью — Стих. 1948.

Разночтение:

Стих 13. Я к музыке ветров прислушивался, я (Стих. 1948)

ХРАМГЭС. Впервые — «Н. Мир», 1947, № 10, стр. 121.

Разночтения:

Стих 29. Здесь грузинские юноши, дети войны, («Н. Мир»)
« 33. Нас подхватит вода, мы помчимся с тобой («Н. Мир»)

САГУРАМО.

Разночтения:

Стих 29. И призраки Гурамишвили (Стих. 1948).
Стих 35. И с шумом в соседние окна (Стих. 1948).
Стих 42. Я с треском распахивал ставни (Стих. 1948).

УРАЛ.

Разночтения в Стих. 1948:

Стихи 18-19:

Обнимет мир, играя над домами,
И белый дым из труб повалится клубами,

Стих 41. И вот, подобно льдинам в ледоход,

ГОРОД В СТЕПИ. Впервые — «Н. Мир», 1947, № 5, стр. 103-105.

Разночтения:

Главка II, стих 3-й снизу:

В своих тяжелых шляпах из брезента («Н. Мир», Стих. 1948).

Главка III. Вместо наших стихов 10-16 — в «Н. Мире»:

В сухих волнах тяжелого песка
Преодолевший рядом с человеком
Пустыни дикие и грузные века.

Стих 13. Закинув череп за предел земной, (Стих. 1948).

В ТАЙГЕ. Разночтения в Стих. 1948:

Стих 11. Крепко спит по ночам молодой лесоруб,

Стих 13. Обнимая огромный сибирский топор,

Стих 15. Пред тобой ледяную пустыню простер

ТВОРЦЫ ДОРОГ. Впервые — «Н. Мир», 1947, № 1 ,стр. 101-104. В той же редакции в Стих. 1948. Разночтения в этих первых публикациях:

Главка 1:

Стих 2. Знакомый сердцу, радостный сигнал!

» 15. Из тьмы лесов природа простонала

» 21. Так под рукой неведомых гигантов,

» 22. Которым в шутку человечий труд,

» 24. И, грохнув наземь, раскололся тут.

» 32. Сегменты звезд с обломанным крылом!

Вслед за нашей первой главкой в указанных выше публикациях идет — в качестве главки II (наша главка II в этих публикациях — III) — пропускаемая во всех последующих публикациях главка:

Есть в совокупном действии людей
Дыханье мысли вечной и нетленной:
Народ — строитель, маг и чародей —
Здесь встал, как вождь, перед лицом вселенной.
Тот, кто познал на опыте своем
Многообразно-сложный мир природы,
Кого в горах калечил бурелом,
Кого болот засасывали воды,
Чья грудь была потрясена судьбой
Томящегося праздно мирозданья.
Кто днем и ночью слышал за собой
Речь Сталина и мощное дыханье
Огромных толп народных, — тот не мог
Забыть о вас, строители дорог.

Далекô от родимого края,
Исполняя народный приказ,
Он идет, по пустыням шагая, —
Человек, изумляющий нас.

Он идет через тундры и горы,
Он шагает сквозь топи болот,
Сквозь глухие лесные просторы
Он, не ведая страха, идет.

Валят с ног его злобные ветры,
Засыпает пустыню пурга,
Но ложатся дорог километры
Вслед за ним, сквозь леса и снега.

Бьются в грудь ему синие льдины,
Водопад угрожает бедой,
Но мосты, упираясь в пучины,
Повисают за ним над водой.

Над горами бушуют метели,
Ураган ему кровь леденит,
Но залитые светом тоннели
Вслед за ним прорезают гранит.

За железное рыцарство чести
Над просторами новых дорог —
Выпьем чашу заздравную вместе,
Землекоп, инженер, геолôг!

Поднимайте над рельсами чаши
За святой человеческий труд,
Чтобы дети запомнили наши,
Как мы вместе*) работали тут.

Поднимайте над рельсами чаши,
Чтоб гремели с утра до утра
Золотые помощники наши —
Бульдозеры, катки, грейдера.

Чтобы в царстве снегов и туманов
До последних пределов земли
Мы подобно шеренге титанов
По дороге бессмертия шли!

Нет, не напрасно трудится народ,
Вооруженный лампой Аладина!
Настанет час — веществ круговорот

---

*) Вариант (Стих. 1948): Как мы с вами работали тут.

Признает в нем творца и властелина.
Настанет час, когда в тайник миров
Прорвутся силы разума и света
И, бешенство стихий переборов,
Огромным садом станет вся планета.
Недаром нас приветствуют вдали
Кристаллами окованные скалы,
Недаром сами камни и металлы
С тяжелым звоном рвутся из земли!

Главка II:

Стихи 13-20 в журн. публикации были, а в Стих. 1948 — опущены.

Стихи с 33-го и до конца главки также имеются в «Н. Мире», но в Стих. 1948 исключены.

Главка III:

Стихов 1-4 в Стих. 1948 нет.

Стихи 5 и 6 в Стих. 1948:

И в этом древнем капище природы,
И в этом сонном вареве болот,

ЗАВЕЩАНИЕ. В «Стих. 1948» разночтение:

Стих 31. О, я не плохо в этом мире жил!

ЖЕНА. Впервые — «Н. Мир», 1953, № 10, стр. 43-44 — без названия.

ОСЕННИЕ ПЕЙЗАЖИ. Впервые — «Литературная Москва» (Сборн. 1). М., 1956, стр. 445-446, причем второе и третье стихотворения под названиями: «Утро» и «Канны».

НЕКРАСИВАЯ ДЕВОЧКА. Впервые — «Литературная Москва», (Сборн. 1), М., 1956, стр. 444-445. Разночтения в первой публикации:

Стихи 13-14:

Ее переполняет, и смеется
Дурнушка маленькая с ротиком уродца,

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ. 1. ЧЕРТОПОЛОХ. Впервые — «Литературная Москва», Сборник 2-й, М., 1956, стр. 415-416. В «Избр.», 1960, стихи 17-24 — *исключены.*

СМЕРТЬ ВРАЧА. Впервые — «День Поэз. 1957», стр. 44, под названием «Врач».

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР. Впервые — «Н. Мир», 1959, № 4, стр. 54. В Стих. 1959 — под названием «Первый вечер на Оке».

ВЕЧЕР НА ОКЕ. Впервые — «Н. Мир», 1957, № 12, стр. 137. В Стих. 1959 под названием «Второй вечер на Оке».

НА ЗАКАТЕ. Впервые — «Н. Мир», 1958, № 12, стр. 106, под названием «Закат» (под тем же названием в Стих. 1959).

ТОРЖЕСТВО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ. Впервые опубликованы «Пролог» и главка 7: «Торжество Земледелия» в «Зв.», 1929, № 10, стр. 54-56; впервые полностью — в той же «Зв.», 1933, № 2-3, стр. 81-99. После опубликования этой поэмы полностью, сразу же после выхода журнала, весь тираж, кроме весьма незначительного количества экземпляров, которые экспедиция успела разослать в первые же часы после получения тиража из печати, был снова пересмотрен цензурой, поэма полностью вырезана из журнала и заменена измененной ее редакцией (в части главки «Изгнанник» сильно сокращенной и переименованной: «Враг»). Лишь случайные экземпляры этого номера «Зв.» уцелели в прежнем виде, в частности, экземпляр Американского посольства, находящийся сейчас в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне. По этому экземпляру — за исключением нескольких строчек в последней главке поэмы — мы и публикуем в нашем издании «Торжество Земледелия». Эти строчки седьмой главки мы публикуем по первой редакции поэмы — в «Зв.», 1929, № 10.

Разночтения: в основной массе тиража «Зв.» 1933 главка «Изгнанник» называется «Враг», и в ней:

Стихов 9-18 — НЕТ.

Стих 21. Кулак был враг среди людей

Стихов 41-42, 49-50 и 72-80 — НЕТ.

Главка 7: «Торжество Земледелия», 3-й обзац, стихи 13-16 в редакции 1933 года:

Теория построения труда
Умудрила наши руки.
Славьтесь, добрые науки
И колхозы-города!

В период работы над завершением «Торжества Земледелия» и «Лодейникова» (в первой редакции) Н. А. Заболоцкий заинтересовался брошюрами Константина Эдуардовича Циолковского «Растение будущего», «Животное космоса», «Самозарождение», «Будущее земли», «Воля вселенной» и др., написанными и изданными в конце 20-х гг. Заболоцкого всегда увлекала мысль о возможности усовершенствования природы. Циолковский же считал природу глубоко несовершенной — даже в ее наиболее высоких образцах. Заболоцкий пришел к тому же убеждению под влиянием «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова. Несколько позже он писал: «Настанет время, когда человек — эксплоататор природы — превратится в человека — организатора природы», — и иллюстрировал это своими стихами «Природа черная, как кузница» («Статьи 'Правды' открывают нам глаза», — «Литературный Ленинград», 1936, № 16, 1 апр.). Идея хозяйственного, глубокотворческого и духовного преображения природы — наряду с идеей бессмертия, преодоления смертности нашей и всего живого, — одна из руководя-

щих идей и «Торжества Земледелия» и ряда других произведений поэта. Но Заболоцкого никак не пленяла мысль Циолковского о бессмертии, так сказать, «государства атомов», даже бессмертии р о д о в о м : «Заболоцкого ...смущает прекращение конкретного индивидуального существования. ...Н. А. Заболоцкий, можно сказать, до конца жизни все же не мог примириться с утратой идеи личного бессмертия. Быть 'государством атомов', подобно К. Э. Циолковскому, так и не сделалось для него вполне привычным (А. Павловский. Из переписки Н. А. Заболоцкого с К. Э. Циолковским. «Русская Литература», 1964, № 3, стр 222, 223. В этой же статье, на стр. 221-226, опубликованы приводимые ниже два письма Заболоцкого Циолковскому). В своей переписке с ученым поэт приводит и отрывки из «Торжества Земледелия» и неизвестной нам поэмы «Школа жуков». Приводим эти два письма поэта полностью.

Ленинград

7 января 1932 г.

Уважаемый Константин Эдуардович!

По роду моих занятий (литература) мне до сих пор не приходилось сталкиваться с Вашими работами. На днях я прочел Ваше сочинение «Растение будущего. Животное космоса. Самозарождение. 1929». Ваши мысли о будущем человечества поразили меня настолько, что теперь я не успокоюсь, покуда не прочту других сочинений Ваших. Между тем достать их необычайно трудно, почти невозможно.

Поэтому я решился обратиться к Вам с просьбой: в случае, если у Вас еще осталось что-нибудь из Ваших изданий — не можете ли Вы выслать мне хотя бы некоторые из них? Особенно хотелось бы мне иметь «Будущее земли», «Воля вселенной», «Растение будущего. Животное космоса. Самозарождение» и другие в этом роде, понятные для читателя, не имеющего узкого, специального образования. Я чувствую, что для меня и моих друзей Ваши книги будут иметь большое значение и мы будем бесконечно благодарны Вам за них.

В случае, если книг у Вас больше не осталось, не откажитесь сообщить — где их можно приобрести.

Простите меня за мою далеко нескромную просьбу и за то время, которое я отнимаю у Вас. Но мне кажется, что искусство будущего так тесно сольется с наукой, что уже и теперь пришло для нас время узнать и полюбить лучших наших ученых — и Вас в первую очередь.

Заранее благодарный Вам

Н. Заболоцкий

Адрес мой: Ленинград, Петроградская сторона, Б. Пушкарская ул., д. 36, кв. 9. Николаю Алексеевичу Заболоцкому.

18 янв. 1932 г.

Ленинград

Уважаемый Константин Эдуардович!

Ваши книги я получил. Благодарю Вас от всего сердца. Почти все я уже прочел, но прочел залпом. На меня надвинулось нечто до такой степени новое и огромное, что продумать его до конца я пока не в силах: слишком воспламенена голова.

Не могу не выразить своего восхищения перед Вашей жизнью и деятельностью. Я всегда знал, что жизнь выдающихся людей — великий бескорыстный подвиг. Но каждый раз, когда сталкиваешься с таким подвигом на деле — снова и снова удивляешься: до какой степени может быть силен человек! И теперь, соприкоснувшись с Вами, я снова наполняюсь радостью — лучшей из всех земных радостей — радостью за человека и человечество.

Ваши книги я буду изучать долго и внимательно. Некоторые вопросы для меня неясны, несмотря на то, что Вашу переписку с корреспондентами я прочел внимательно.

Например, мне неясно, почему моя жизнь возникнет после моей смерти. Если атомы, составляющие мое тело, разбредутся по вселенной, вступят в другие, более совершенные организации, то ведь данная-то ассоциация их уже больше не возобновится и, следовательно, я уже не возникну снова.

Допускаю, что атом, попадая в организм извне, проникается жизнью этого организма и начинает думать, что он живет в этом организме с самого зачатия. Но ведь эта же картина произойдет с каждым из моих атомов: они войдут в состав различных организмов и проникнутся *их* жизнью, забыв о жизни в *моем* теле, — точно так же, как сейчас они не помнят о своих предыдущих существованиях.

Наконец, и самый атом не есть неделимая частица. Он — тоже организация более мелких частиц. Последние, надо думать, в свою очередь состоят из более мелких и т. д. Атом при известных условиях разрушается точно так же, как разрушаюсь (умираю) я. С каждой из составляющих его частиц происходит то же, что и с моими атомами после моей смерти.

Чем совершеннее организация, тем лучше чувствует себя каждая составляющая ее часть. Чем совершеннее атом — тем лучше электрону, чем совершеннее человек — тем лучше атому, чем совершеннее человеческое общество — тем лучше человеку. Личное бессмертие возможно только в одной организации. Не бессмертны ни человек, ни атом, ни электрон. Бессмертна и все более блаженна лишь материя — тот таинственный материал, который мы никак не можем уловить в его окончательном и простейшем виде.

Вот мне и кажется, что Вы говорите о блаженстве не нас самих, а о блаженстве нашего материала в других, более совершенных организациях будуще-

щего. Все дело, очевидно, в том как понимает и чувствует себя человек. Вы, очевидно, очень ясно и твердо чувствуете себя государством атомов. Мы же, Ваши корреспонденты, не можем отрешиться от взгляда на себя как на нечто единое и неделимое. Ведь одно дело — знать, а другое — чувствовать. Консервативное чувство, воспитанное в нас веками, цепляется за наше знание и мешает ему двигаться вперед. А чувствование себя государством есть, очевидно, новое завоевание человеческого гения.

Это ощущение, столь ясно выраженное в Ваших работах, было знакомо гениальному поэту Хлебникову, умершему в 1922 году. Привожу его стихотворение:

Я И РОССИЯ

Россия тысячам тысяч свободу дала.
Милое дело! Долго будут помнить про это.
А я снял рубаху
И каждый зеркальный небоскреб моего волоса,
Каждая скважина
Города тела
Вывесила ковры и кумачевые ткани.
Гражданки и граждане
Меня — государства
Тысячеоконных кудрей толпились у окон,
Ольги и Игори,
Не по заказу,
Радуясь солнцу, смотрели сквозь кожу.
Пала темница рубашки!
А я просто снял рубашку:
Дал солнце народам Меня
Голый стоял около моря —
Так я дарил народам свободу,
Толпам загара.

(Третий том, стр. 304)

Мне хотелось бы знать — правильно ли я понимаю Вас в этом пункте. Я понимаю, что в Вашей системе этот пункт исключительно важен, так как из него следуют многие дальнейшие выводы.

Вообще говоря, Ваши мысли о будущем земли, человечества, животных и растений глубоко волнуют меня и они очень близки мне. В моих ненапечатанных поэмах и стихах я, как мог, разрешал их. Сейчас, после ознакомления с Вашими трудами, мне многое придется передумать заново. В отношении людей и книг мне всегда исключительно «везло». Книги ищут человека сами. Вот и теперь,

благодаря Вашей исключительной внимательности, Ваши книги нашли меня. Несколько отрывков из моих работ покажут Вам — как я думал и во что верил до сих пор.

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ТОРЖЕСТВО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ»

(Солдат, организатор колхоза, разговаривает с домашними животными о будущем)

Солдат

Коровы, мне приснился сон.
Я спал, овчиною закутан,
И вдруг открылся небосклон
С большим животным институтом.
Там жизнь была всегда здорова
И посреди большого зданья
Стояла стройная корова
В венце неполного сознанья.
Богиня Сыра, Молока,
Главой касаясь потолка,
Стыдливо кутала сорочку
И груди вкладывала в бочку.
И десять струй с тяжелым треском
Стучали в кованый металл,
И, приготовленный к поездкам,
Бидон как музыка играл,
И опьяненная корова,
Сжимая руки на груди,
Стояла так, на все готова,
Дабы к сознанию итти.

Корова

Странно слышать эти речи,
Зная мысли человечьи.
Что, однако, было дале?
Как иныне поступали?

Солдат

Я дале видел красный светоч
В чертоге умного вола,
Коров задумчивое вече
Решало там свои дела.
Осел, над ними гогоча,
Бежал, безумное урча:
Рассудка слабое растенье
В его животной голове
Сияло, как произведенье
По виду близкое к траве.
Осел скитался по горам,
Глодал чугунные картошки,
А под горой машинный храм
Выделывал кислородные лепешки.
Там кони — Химии друзья —
Глядели важно в циферблат,
Иные, в воздухе вися,
Крошили солнечный салат.
Корова, в формулах и лентах,
Пекла пирог из элементов
И перед нею в банке рос
Большой химический овес.

Конь

Прекрасна эта сторона —
Одни науки да проказы!
Я как бы выпивши вина
Солдата слушаю рассказы.
Впервые ум смутился мой.
Держу пари — я полон пота.
Ужель не врешь, солдат младой,
Что с плугом кончится работа?
Ужели кроме наших жил
Потребен разум и так дале?
Послушай, я ведь старожил,
Пристали мне одни медали —
Сто лет тружуся на сохе —
И вдруг за химию! Хе-хе!

Солдат

Молчи, проклятая каурка,
Не рви рассказа до конца,
Не стоят грязного окурка
Твои веселые словца.
Мой разум так же, как и твой —
Горшок с опилками, не боле.
Но над картиною такой
Сумей быть мудрым поневоле.
...Над Лошадиным Институтом
Вставала стройная луна.
Научный отдых дан посудам
И близок час веретена.
Осел, товарищем ведом,
Приходит голоден и хром,
Его как мальчика питают,
Ума растенье развивают.
Здесь учат бабочек труду,
Ужу дают урок науки —
Как делать пряжку и слюду,
Как шить перчатки или брюки.
Здесь волк с железным микроскопом
Звезду вечернюю поет,
Здесь вол, зачитываясь Попом,
Назад во времени плывет.
И хоры стройные людей,
Покинув пастбища эфира,
Спускаются на стогны мира
Отведать пищи лебедей

и т. д. (1930 г.)

Таким образом, переселяя людей в эфир, я оставлял землю для животных и растений, развивающихся до степени высоко организованных существ. О превращении растений и животных говорит следующий

Отрывок из стихотворения

ШКОЛА ЖУКОВ

Говорят люди будущего.
Художники
...Мы нарисуем
Историю новых растений.

Дети простых садоводов —
Стали они словно бомбы.

Первое их пробуждение мы не забудем,
Час, когда в ножке листа обозначился мускул,
В теле катошки зачаток мозгов появился
И кукурузы глазок
Открылся на кончике стебля.

И т. д. (1931 г.)

Больше не буду утомлять Вас выписками. Скажу только, что в кругу этих тем я живу уже давно. Сейчас мне 28 лет. В будущем надеюсь писать об этом еще. Вот почему мне особенно радостно было познакомиться с Вашей работой.

Не могу ли я быть чем-нибудь полезен для Вас в Ленинграде? Правда, я не располагаю видным общественным положением, в литературе я пока почти одинок, но все, что я в силах сделать — я исполнил бы с величайшей готовностью.

Желаю Вам здоровья, долгой жизни, хорошей работы.

Н. Заболоцкий.

Ленинград, Б. Пушкинская, 36, кв. 9.

ЛОДЕЙНИКОВ. Главки 2- и 3-я, в другой редакции, впервые — «Зв.», 1933, № 2-3, стр. 79-80, и 2 книге, стр. 10-11 (вторая главка); в «Лит. Совр.», 1937, № 3, стр. 116-117, под названием «Лодейников в саду» (третья главка). Эта первая редакция этих главок поэмы, сильно отличающаяся от окончательной, приведена нами в Приложении первом. Впервые полностью поэма опубликована, насколько нам известно, в Стих. 1957, стр. 13-18.

РУБРУК В МОНГОЛИИ. Несколько глав поэмы («Начало путешествия», «Дорога Чингизхана», «Монгольские женщины») впервые, с предисловием Бориса Слуцкого, — «Лит. и Ж.», 21 июня 1959. Впервые полностью — Избр. 1960.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ НИКОЛАЯ ЗАБОЛОЦКОГО

	Страницы	
	Текст:	Примеч.
Автобиография	1	
Ангел, дней моих хранитель *(Бегство в Египет)*	161	
Башня Греми *(«Ух, башня проклятая!»)*	144	
Бегство в Египет *(«Ангел, дней моих хранитель»)*	161	
Белая ночь *(«Гляди: не бал, не маскарад»)*	25	
Береги здоровье! Отрывок *(Видишь, воздух шевелится?)*	70	319
Бетховен *(«В тот самый день»)*	105	
Битва слонов *(«Воин слова, по ночам»)*	80	
Болеро *(«Итак, Равель, танцуем болеро»)*	178	
Бродячие музыканты *(«Закинув дудку на плечо»)*	49	
Был поздний вечер *(На рейде)*	141	
Бьет крылом седой петух *(Царица мух)*	72	
В большом полукружии горных пород *(Гурзуф)*	142	
В ботинках кожи голубой *(Фокстрот)*	43	
В воротах Азии, среди лесов дремучих *(Север)*	94	321
В глуши бутылочного рая *(Красная Бавария)*	23	
В Гомборском лесу, на границе Кахети *(Гомборский лес)*	188	
В железной комнате военной *(Пир)*	37	
В захолустном районе *(Смерть врача)*	176	327
В зипунах домашнего покроя *(Ходоки)*	154	
В кино *(«Утомленная после работы»)*	158	
В краю чудес, в краю живых растений *(Лодейников)*	233	255, 335
В крылатом домике *(Воздушное путешествие)*	112	324
В младенчестве я слышал много раз *(Голубиная книга)*	97	323
В моем окне — на весь квартал *(Обводный канал)*	47	
В очарованье русского пейзажа *(Вечер на Оке)*	190	327
В позолоченной комнате стиля ампир *(Старая актриса)*	164	
В стороне от шоссейной дороги *(Стирка белья)*	187	
В тайге *(«За высокий сугроб закатилась звезда»)*	123	325
В тот самый день *(Бетховен)*	105	

	Страницы Текст:	Примеч.
В тумане облачных развалин *(Дождь)*	151	
В уборе из цветов и крынок *(На рынке)*	35	
В широких шляпах, длинных пиджаках *(Прощание с друзьями)*	146	
В этой роще березовой	109	
В этом мире, где наша особа *(Старая сказка)*	147	
Венеция *(«Покуда на солнце не жарко»)*	193	
Венчание плодами *(«Плоды Мичурина и кактусы Бербанка»)*	76	319
Весна в лесу *(«Каждый день на косогоре я»)*	86	321
Весна в Мисхоре:		
1. Иудино дерево *(«Когда, страдая от простуды»)*	148	
2. Птичьи песни *(«Пусть в зеленую книгу природы»)*	148	
3. Учан-Су *(«Внимая собственному вою»)*	149	
4. У моря *(«Посмотри, как весною в Мисхоре»)*	149	
Весь мир обоями оклеен *(Народный дом)*	53	
Вечер на Оке *(«В очарованье русского пейзажа»)*	190	327
Вечерний день томителен и ласков *(Летний вечер)*	188	327
Видишь — воздух шевелится? *(Береги здоровье!)*	70	319
Внимая собственному вою *(Весна в Мисхоре: 3. Учан-Су)*	149	
Воды студеной *(Песня туриста)*	349	
Возвращение с работы *(«Вокруг села бродили грозы»)*	156	
Воздушное путешествие *(«В крылатом домике»)*	112	324
Воин слова, по ночам *(Битва слонов)*	80	
Вокруг села бродили грозы *(Возвращение с работы)*	156	
Вопросы к морю *(«Хочу у моря я спросить»)*	74	
Воспоминание *(«Наступили месяцы дремоты»)*	147	
Вот на площади квадратной *(Отдых)*	69	
Все то, что сияло и пело *(Осенние пейзажи: 3. Последние канны)*	159	327
Все, что было в душе	90	
Вставали горы старины *(Море)*	28	
Встреча *(«Как открывается заржавевшая дверь» — Последняя любовь, 9)*	171	
Вчера, о смерти размышления	90	
Вылетев из Африки в апреле *(Журавли)*	131	
Выходит солнце над Москвой *(Новый быт)*	33	
Где древней музыки фигуры *(Предостережение)*	74	
Где-то в поле возле Магадана	129	
Гляди: не бал, не маскарад *(Белая ночь)*	25	

	Страницы Текст	Примеч.
Говорят, что в Гималаях где-то *(Снежный человек)*	185	
Голос в телефоне *(«Раньше был он звонкий, точно птица — Последняя любовь 5)*	169	
Голубиная книга *(«В младенчестве я слышал много раз»)*	97	323
Голубое платье *(«Я хороша собою»)*	179	
Гомборский лес *(«В Гомборском лесу, на границе Кахети»)*	188	
Горийская симфония *(«Есть в Грузии необычайный город»)*	91	321
Город в степи *(«Степным ветрам не писаны законы»)*	120	324
Городок *(«Целый день стирает прачка»)*	197	
Гроза *(«Содрогаясь от мук, пробежала над морем зарница»)*	104	324
Гроза идет *(«Движется нахмуренная туча»)*	192	
Гурзуф *(«В большом полукружии горных пород»)*	142	
Гурзуф ночью *(«Для северных песен ненадобен юг»)*	174	
Движение *(«Сидит извозчик как на троне»)*	35	
Движется нахмуренная туча *(«Гроза идет»)*	192	
Дерево растет, напоминая *(Искусство)*	71	
Детство *(«Огромные глаза, как у нарядной куклы»)*	177	
Для северных песен ненадобен юг *(Гурзуф ночью)*	174	
Дождь *(«В тумане облачных развалин»)*	151	
Дурная почва: слишком узловат *(Одинокий дуб)*	186	
Если серый ты, как тряпка *(Прогулка на лыжах)*	357	
Есть в Грузии необычайный город *(Горийская симфония)*	91	321
Есть лица, подобные пышным порталам *(О красоте человеческих лиц)*	163	
Еще заря не встала над селом	108	
Жена *(«Откинув со лба шевелюру»)*	128	327
Животные не спят *(Лицо коня)*	61	
Жил был кот *(Как мыши с котом воевали)*	353	
Журавли *(«Вылетев из Африки в апреле»)*	131	
Жучок ли точит древесину *(Подмосковные рощи)*	201	
За высокий сугроб закатилась звезда *(В тайге)*	123	325
Завещание *(«Когда на склоне лет»)*	127	327
Загремев на всю округу *(С каждым годом город краше!)*	198	
Задрожала машина и стала *(Последняя любовь; 4. Последняя любовь)*	168	
Закинув дудку на плечо *(Бродячие музыканты)*	49	
Засуха *(«О солнце, раскаленное чрез меру»)*	88	321
Зацелована, околдована *(Последняя любовь: 3. Признание)*	167	

	Страницы Текст:	Примеч.
Зеленый луч (*«Золотой светясь оправой»*)	196	
Земля моя, мать моя (*Отрывок из поэмы «Птицы»*)	93	321
Зима. Огромная, просторная зима (*Урал*)	118	324
Зимы холодное и ясное начало (*Начало зимы*)	85	320
Змеи (*«Лес качается, прохладен»*)	63	
Золотой светясь оправой (*Зеленый луч*)	196	
И вот, забыв людей коварство (*Рыбная лавка*)	62	319
И грянул на весь оглушительный зал (*Офорт*)	29	
Ивановы (*«Стоят чиновные деревья»*)	39	
Искусство (*«Дерево растет, напоминая»*)	71	
Исполнен душевной тревоги (*Прохожий*)	130	
Итак, Равель, танцуем болеро (*Болеро*)	178	
Иудино дерево (*«Когда, страдая от простуды» — Весна в Мисхоре, 1*)	148	
Каждый день на косогоре я (*Весна в лесу*)	86	321
Казбек (*«С хевсурами после работы»*)	184	
Как мир меняется (*Метаморфозы*)	99	324
Как мыши с котом воевали. Сказка. (*«Жил был кот»*)	353	
Как открывается заржавевшая дверь (*Последняя любовь: 9. Встреча*)	171	
Картонный город (*«Посмотри-ка; у окошка»*)	356	
Клялась ты до гроба (*Последняя любовь: 6*)	169	
Когда вдали угаснет свет дневной	132	
Когда заря прозрачной глыбой (*Черкешенка*)	30	
Когда, измученный работой (*На закате*)	203	327
Когда минует день и освещение (*Осень*)	78	320
Когда на склоне лет (*Завещание*)	127	327
Когда, страдая от простуды (*Весна в Мисхоре: 1. Иудино дерево*)	148	
Красная Бавария (*«В глуши бутылочного рая»*)	23	
Кто мне откликнулся в чаще лесной?	191	
Кто, ребята, мастер удить (*На площадке*)	350	
Кто — чернец — покинув речку (*Купальщики*)	51	
Купальщики (*«Кто — чернец — покинув речку»*)	51	
Ласточка (*«Славно ласточка щебечет»*)	199	
Лебедь в зоопарке (*«Сквозь летние сумерки парка»*)	136	
Лес качается, прохладен (*Змеи*)	63	
Лесная сторожка (*«Скрипело, свистело и выло в лесу»*)	181	
Лесное озеро (*«Опять мне блеснула, окована сном»*)	100	
Летний вечер (*«Вечерний день томителен и ласков»*)	188	327
Лето (*«Пунцовое солнце висело в длину»*)	31	

	Страницы Текст:	Примеч.
Ликует форвард на бегу *(Футбол)*	26	
Лицо коня *(«Животные не спят»)*	61	
Лишь запах чебреца *(Над морем)*	175	
Лодейников *(«В краю чудес, в краю живых растений»)* . . .	233	255, 335
Любите живопись, поэты *(Портрет)*	149	
Любопытно, забавно и тонко *(Читая стихи)*	132	
Меркнут знаки Зодиака	82	
Метаморфозы *(«Как мир меняется»)*	99	324
Младенец кашку составляет *(Незрелость)*	52	
Мне вспоминается доныне *(Рубрук в Монголии)*	239	335
Мне мачехой Флоренция была *(У гробницы Данте)*	197	
Могучий день пришел *(Утренняя песня)*	75	319
Можжевеловый куст *(«Я увидел во сне можжевеловый куст» — Последняя любовь, 8)*	170	
Мой зонтик рвется, точно птица *(Осенние пейзажи: 1. Под дождем)*	159	327
Море *(«Вставали горы старины»)*	28	
Морская прогулка *(«На сверкающем глиссере белом» — Последняя любовь, 8)* . .	166	
Мы нарисуем *(Школа жуков — отрывок)*		334
На закате *(«Когда, измученный работой»)*	203	327
На карауле ночь густеет *(Часовой)*	31	
На маленьком стуле сидит старичок *(Сказка о кривом человечке)*	357	
На площадке *(«Кто, ребята, мастер удить»)*	.350	
На рейде *(«Был поздний вечер»)*	141	
На рынке *(«В уборе из цветов и крынок»)*	35	
На сараях, на банях, на гумнах *(Петухи поют)*	200	
На сверкающем глиссере белом *(Последняя любовь: 2. Морская прогулка)*	166	
На этот раз не для миллионеров *(Случай на Большом Канале)* .	194	
Над морем *(«Лишь запах чебреца»)*	175	
Народный дом *(«Весь мир обоями оклеен»)*	53	
Наступили месяцы дремоты *(Воспоминание)*	147	
Начало зимы *(«Зимы холодное и ясное начало»)*	85	320
Начало осени *(«Старухи, сидя у ворот»)*	67	
Не позволяй душе лениться	204	
Незрелость *(«Младенец кашку составляет»)*	52	
Некрасивая девочка *(«Среди других играющих детей»)* . . .	160	327
Ненастье *(«Словно что-то ожидая»)*	195	

	Страницы Текст:	Примеч.
Неудачник *(«По дороге, пустынной обочиной»)*	153	
Нехороший, но красивый *(Торжество Земледелия)*	207	328
Новый быт *(«Выходит солнце над Москвой»)*	33	
Ночное гулянье *(«Расступились на площади зданья»)*	152	
Ночной сад *(«О сад ночной, таинственный орган»)*	89	321
Ночь в Пасанаури *(«Сияла ночь, играя на пандури»)*	116	
О красоте человеческих лиц *(«Есть лица, подобные пышным порталам»)*	163	
О сад ночной, таинственный орган *(Ночной сад)*	89	321
О солнце, раскаленное чрез меру *(Засуха)*	88	321
Обводный канал *(«В моем окне — на весь квартал»)*	47	
Облетают последние маки	145	
Обрываются речи влюбленных *(Осенние пейзажи: 2 Осеннее утро)*	159	327
Огромные глаза, как у нарядной куклы *(Детство)*	177	
Одинокий дуб *(«Дурная почва: слишком узловат»)*	186	
Одиссей и сирены *(«Однажды аттическим утром»)*	181	
Однажды аттическим утром *(Одиссей и сирены)*	181	
Окружая поля и овраги *(Преображение степей)*	140	
Он умирал, сжимая компас верный *(Седов)*	95	322
Опять мне блеснула, окована сном *(Лесное озеро)*	100	
Осветив черепицу на крыше *(Поздняя весна)*	135	
Осеннее утро *(«Обрываются речи влюбленных» — Осенние пейзажи, 2)*	159	327
Осенние пейзажи:		
1. Под дождем *(«Мой зонтик рвется, точно птица»)*	159	327
2. Осеннее утро *(«Обрываются речи влюбленных»)*	159	327
3. Последние канны *(«Все то, что сияло и пело»)*	159	327
Осень *(«Когда минует день и освещение»)*	78	320
Отдых *(«Вот на площади квадратной»)*	69	
Откинув со лба шевелюру *(Жена)*	128	327
Отрывок из поэмы «Птицы» *(«Земля моя, мать моя»)*	93	321
Оттепель *(«Оттепель после метели»)*	133	
Отчего, как восточное диво *(Тбилисские ночи)*	138	
Офорт *(«И грянул на весь оглушительный зал»)*	29	
Памяти С. М. Кирова *(Прощание: «Прощание! Скорбное слово»)*	84	320
Пекарня *(«Спадая в маленький квартал»)*	46	
Песня туриста *(«Воды студеной»)*	349	
Петух запевает, светает, пора! *(Утро)*	103	

	Страницы Текст:	Примеч.
Петухи поют (*«На сараях, на банях, на гумнах»*)	200	
Пир (*«В железной комнате военной»*)	37	
Письма к К. Э. Циолковскому		329
Плоды Мичурина и кактусы Бербанка (*Венчание плодами*)	76	319
Плоскогорие Цалки, твою высоту (*Храмгэс*)	*113*	324
По дороге, пустынной обочиной (*Неудачник*)	153	
Под дождем		
(*«Мой зонтик рвется, точно птица» — Осенние пейзажи, 1*)	159	327
Под одеялом, укрощая бег (*Фигуры сна*)	45	
Подмосковные рощи (*«Жучок ли точит древесину»*)	201	
Подобный огненному зверю (*Противостояние Марса*)	173	
Поздняя весна (*«Осветив черепицу на крыше»*)	135	
Покуда на солнце не жарко (*Венеция*)	193	
Полдень (*«Понемногу вступает в права»*)	135	
Понемногу вступает в права (*Полдень*)	135	
Портрет(*«Любите живопись, поэты»*)	149	
Последние канны		
(*«Все то, что сияло и пело» — Осенние пейзажи, 3*)	159	327
Последняя любовь:		
1. Чертополох (*«Принесли букет чертополоха»*)	166	327
2. Морская прогулка (*«На сверкающем глиссере белом»*)	166	
3. Признание (*«Зацелована, околдована»*)	167	
4. Последняя любовь (*«Задрожала машина и стала»*)	168	
5. Голос в телефоне (*«Раньше был он звонкий»*)	169	
6. Клялась ты — до гроба	169	
7. Посредине панели	170	
8. Можжевеловый куст (*«Я увидел во сне можжевеловый куст»*)	170	
9. Встреча (*«Как открывается заржавевшая дверь»*)	171	
10. Старость (*«Простые, тихие, седые»*)	172	
Последняя любовь		
(*«Задрожала машина и стала» — Последняя любовь, 4*)	168	
Посмотри, как весною в Мисхоре (*Весна в Мисхоре: 4. У моря*)	149	
Посмотри-ка: у окошка (*Картонный город*)	356	
Посредине панели (*Последняя любовь, 7*)	170	
Поэма весны (*«Ты и скрипку с собой принесла»*)	163	
Поэт (*«Черен бор за этим старым домом»*)	151	
Предостережение (*«Где древней музыки фигуры»*)	74	
Преображение степей (*«Окружая поля и овраги»*)	140	

	Страницы Текст:	Примеч.
При первом наступлении зимы	161	
Приближался апрель к середине	134	
Признание (*«Зацелована, околдована» — Последняя любовь, 3*)	167	
Принесли букет чертополоха (*Последняя любовь: 1. Чертополох*)	166	327
Природа черная, как кузница	84	
Прогулка (*«У животных нет названья»*)	68	
Прогулка на лыжах (*«Если серый ты, как тряпка»*)	357	
Простые, тихие, седые (*Последняя ллбовь: 10. Старость*)	172	
Противостояние Марса (*«Подобный огненному зверю»*)	173	
Прохожий (*«Исполнен душевной тревоги»*)	130	
Прощание. Памяти С. М. Кирова (*«Прощание! Скорбное слово»*)	84	320
Прощание с друзьями (*«В широких шляпах, длинных пиджаках»*)	146	
Прощание! Скорбное слово (*Прощание. Памяти С. М. Кирова*)	84	320
Птицы. Отрывок из поэмы (*«Земля моя, мать моя»*)	93	321
Птичий двор (*«Скачет, свищет и бормочет»*)	178	
Птичьи песни (*«Пусть в зеленую книгу природы» — Весна в Мисхоре, 2*)	148	
Пунцовое солнце висело в длину (*Лето*)	31	
Пусть в зеленую книгу природы (*Весна в Мисхоре: 2. Птичьи песни*)	148	
Ранние годы	5	
Раньше был он звонкий, точно птица (*Последняя любовь: 5. Голос в телефоне*)	169	
Расступились на площади зданья (*Ночное гулянье*)	152	
Рожок поет протяжно и уныло (*Творцы дорог*)	124	325
Рубрук в Монголии (*«Мне вспоминается доныне»*)	239	335
Рыбная лавка (*«И вот, забыв людей коварство»*)	62	319
С каждым годом город краше! (*«Загремев на всю округу»*)	198	
С опрокинутым в небо лицом (*Слепой*)	101	
С хевсурами после работы (*Казбек*)	184	
Сагурамо (*«Я твой родничок, Сагурамо»*)	114	324
Свадьба (*«Сквозь бревна хлещет длинный луч»*)	41	
Светляки (*«Слова — как светляки»*)	143	
Север (*«В воротах Азии, среди лесов дремучих»*)	94	321
Седов (*«Он умирал, сжимая компас верный»*)	95	322
Сентябрь (*«Сыплет дождик большие горошины»*)	189	
Сидит извозчик как на троне (*Движение*)	35	
Сияла ночь, играя на пандури (*Ночь в Пасанаури*)	116	
Сказка о кривом человечке (*«На маленьком стуле сидит старичок»*)	357	

	Страницы Текст:	Примеч.
Скачет, свищет и бормочет *(Птичий двор)*	178	
Сквозь бревна хлещет длинный луч *(Свадьба)*	41	
Сквозь волшебный прибор Левенгука	137	
Сквозь летние сумерки парка *(Лебедь в зоопарке)*	136	
Скрипело, свистело и выло в лесу *(Лесная сторожка)*	181	
Славно ласточка щебечет *(Ласточка)*	199	
Слепой *(«С опрокинутым в небо лицом»)*	101	
Слова — как светляки *(Светляки)*	143	
Словно что-то ожидая *(Ненастье)*	195	
Случай на Большом Канале *(«На этот раз не для миллионеров»)*	194	
Смерть врача *(«В захолустном районе»)*	176	327
Снежный человек *(«Говорят, что в Гималаях где-то»)*	185	
Содрогаясь от мук, пробежала над миром зарница *(Гроза)*	104	324
Соловей *(«Уже умолкала лесная капелла»)*	101	
Спадая в маленький квартал *(Пекарня)*	46	
Среди других играющих детей *(Некрасивая девочка)*	160	327
Среди черноморских предгорий *(Шакалы)*	156	
Старая актриса *(«В позолоченной комнате стиля ампир»)*	164	
Старая сказка *(«В этом мире, где наша особа»)*	147	
Старость *(«Простые, тихие, седые» — Последняя любовь, 10)*	172	
Старухи, сидя у ворот *(Начало осени)*	67	
Степным ветрам не писаны законы *(Город в степи)*	120	324
Стирка белья *(«В стороне от шоссейной дороги»)*	187	
Стоят чиновные деревья *(Ивановы)*	39	
Сыплет дождик большие горошины *(Сентябрь)*	189	
Тбилисские ночи *(«Отчего, как восточное диво»)*	138	
Творцы дорог *(«Рожок поет протяжно и уныло»)*	124	325
Торжество Земледелия *(«Нехороший, но красивый»)*	207	328
Ты и скрипку с собой принесла *(Поэма весны)*	163	
У гробницы Данте *(«Мне мачехой Флоренция была»)*	197	
У животных нет названья *(Прогулка)*	68	
У моря *(«Посмотри, как весною в Мисхоре» — Весна в Мисхоре, 4)*	149	
Уже умолкала лесная капелла *(Соловей)*	101	
Урал *(«Зима. Огромная, просторная зима»)*	118	324
Уступи мне, скворец, уголок	106	
Утомленная после работы *(В кино)*	158	
Утренняя песня *(«Могучий день пришел»)*	75	319
Утро *(«Петух запевает, светает, пора!»)*	103	

Страницы

Текст: Примеч.

Ух, башня проклятая! *(Башня Греми)* 144
Учан-Су *(«Внимая собственному вою» — Весна в Мисхоре, 3)* . 149
Фигуры сна *(«Под одеялом, укрощая бег»)* 45
Фокстрот *(«В ботинках кожи голубой»)* 43
Футбол *(«Ликует форвард на бегу»)* 26
Ходоки *(«В зипунах домашнего покроя»)* 154
Хочу у моря я спросить *(Вопросы к морю)* 74
Храмгэс *(«Плоскогорие Цалки, твою высоту»)* 113 324
Царица мух *(«Бьет крылом седой петух»)* 72
Целый день стирает прачка *(Городок)* 197
Цирк *(«Цирк сияет, словно щит»)* 64
Часовой *(«На карауле ночь густеет»)* 31
Черен бор за этим старым домом *(Поэт)* 151
Черкешенка *(«Когда заря прозрачной глыбой»)* 30
Чертополох *(«Принесли букет чертополоха» — Последняя любовь, 1)* 166 327
Читайте, деревья, стихи Гезиода 107
Читая стихи *(«Любопытно, забавно и тонко»)* 132
Шакалы *(«Среди черноморских предгорий»)* 156
Школа жуков. Отрывок *(«Мы нарисуем»)* 334
Это было давно 183
Я воспитан природой суровой 150
Я не ищу гармонии в природе 110
Я твой родничок, Сагурамо *(Сагурамо)* 114 324
Я трогал листы эвкалипта 117
Я увидел во сне можжевеловый куст
(Последняя любовь: 8. Можжевеловый куст) 170
Я хороша собою *(Голубое платье)* 179

ПРИЛОЖЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ДОБАВЛЕНИЕ К БИБЛИОГРАФИИ

Том Стихотворений Николая Заболоцкого был уже в печати, когда мы получили ряд стихотворений для детей, опубликованных Заболоцким в детских журналах «Еж» и «Чиж». Благодарим за помощь в собирании текстов поэта!

В настоящем приложении мы помещаем также добавления к библиографии Н. А. Заболоцкого.

Редакторы

СТИХОТВОРЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ПЕСНЯ ТУРИСТА

Воды студеной
Налью в баклажку,
В мешок засуну
Носки, рубашку.
Зовет и манит
Далекий край.
Прощай, товарищ,
Не забывай!

Есть на Кавказе
Большие горы,
В горах тропинки,
Ущелья, норы.
Под облаками
У самых звезд
Найду я кучи
Орлиных гнезд.

Внизу под нами
Бушует Терек,
Спущусь я сверху
На самый берег,
И вместо крика
Седых орлов —
Реки услышу
Веселый рев.

Потом в Сухуме,
Где апельсины,
Где абрикосы,
Где мандарины,
Где возле пальмы
Большая тень, —
Купаться буду
Два раза в день.

Настанет осень,
К занятьям новым
Вернусь я крепким,
Вернусь здоровым.
Теперь пора мне
В далекий путь.
Прощай, товарищ,
Не позабудь!

1933

НА ПЛОЩАДКЕ

Кто, ребята, мастер удить,
Кто играет в волейбол,
Не забудьте, нынче будет
В нашем парке первый сбор.
В нашем парке на площадке,
Возле бывшего дворца
Мы поем, играем в прятки
И, построившись в порядке,
Маршируем у крыльца.

Там, где сосны, там где ели,
На площадке у реки
Наши дружные качели,
Как ворота, высоки.
Вон в серсо играет Петя,
Вон кружится хоровод.
На большом велосипеде
Ездит Миша взад-вперед.

Сколько крику, сколько смеху,
А не хочет кто играть,
Тот идет в библиотеку,
Чтобы книжки почитать.
Так на солнце до обеда
Мы играем день-деньской.
И плывет над нами лето,
И от солнечного света
Загораем мы с тобой.

1933

СКАЗКА О КРИВОМ ЧЕЛОВЕЧКЕ

На маленьком стуле сидит старичок,
На нем деревянный надет колпачок.
Сидит он, качаясь и ночью, и днем,
И туфли трясутся на нем.

Сидит он на стуле и машет рукой,
Бежит к старичку человечек кривой.
— Что с вами, мой милый? Откройте ваш глаз!
Зачем он завязан у вас?
Кривой человечек в ответ старичку:
— Глазок мой закрылся и больно зрачку.
Я с черной грачихой подрался сейчас,
Она меня клюнула в глаз.

Тогда старичок призывает жука.
— Слетай-ка, жучок, на большие луга.
Поймай мне грачиху в пятнадцать минут —
Над нею устроим мы суд.

Не ветер бушует, не буря гудит, —
Жучок над болотом к грачихе летит.
— Извольте, грачиха, явиться на суд —
Осталось двенадцать минут.

Двенадцать минут пролетают, спеша,
Влетает грачиха, крылами шурша,
Грачиху сажают за письменный стол
И пишет жучок протокол.

— Скажите, грачиха, фамилью свою.
Давно ли живете вы в нашем краю?
Зачем человечка вы клюнули в глаз?
За это накажем мы вас.

Сказала грачиха: — Но я не виновна,
Сама я, грачиха, обижена кровно:
Кривой человечек меня погубил,
Гнездо он мое разорил.

— Ах, так! —
Рассердившись, вскричал старичок.
— Ах, так! —
Закачался на нем колпачок.
— Ах, так! —
Загремели железные туфли.
— Ах, так! —
Зашумели над туфлями букли.

И пал на колени лгунишка негодный,
И стукнулся лобиком об пол холодный,
И долго он плакал, и долго молил,
Пока его суд не простил.

И вот человечек к грачихе идет,
И жмет ее лапку и слово дает,
Что он никогда, никогда, никогда
Не тронет чужого гнезда.

И вот начинается музыка тут,
Жуки в барабанчики палками бьют,
А наш человечек, как будто испанец,
Танцует с грачихою танец.

* *
*

И если случится, мой мальчик, тебе
Увидеть грачиху в высоком гнезде,
И если птенцы там сидят на краю, —
Припомни ты сказку мою.

Я сказочку эту не сам написал,
Ее мне вот тот старичок рассказал —
Вон тот старичок, что в часах под стеклом
Качается ночью и днем.

— Тик-так! —
Говорит под стеклом старичок.
— Тик-так! —
Отвечает ему колпачок.
— Тик-так! —

Ударяют по камешку туфли.
— Тик-так! —
Повторяют за туфлями букли.

Пусть маятник ходит, пусть стрелка кружит —
Смешной старичок из часов не сбежит.
Но все же, мой мальчик, кто птицу обидит —
Тот много несчастий увидит.

Замрет наше поле и сад обнажится,
И тысяча гусениц там расплодится,
И некому будет их бить и клевать
И птенчикам в гнезда таскать.

И если бы сказка вдруг стала не сказкой,
Пришел бы к тебе человечек с повязкой,
Взглянул бы на сад, покачал головой
И заплакал бы вместе с тобой.

1933

КАК МЫШИ С КОТОМ ВОЕВАЛИ

Сказка

Жил-был кот,
Ростом он был с комод,
Усищи — с аршин,
Глазищи — с кувшин,
Хвост трубой,
Сам рябой.
Ай да кот!

Пришел тот кот
К нам в огород,
Залез кот на лукошко,
С лукошка прыгнул в окошко,
Углы в кухне обнюхал,
Хвостом по полу постукал.

— Эге, — говорит, — пахнет мышами!
Поживу-ка я с недельку с вами!

Испугались в подполье мыши —
От страха чуть дышат.
— Братцы, — говорят, — что же это такое?
Не будет теперь нам покоя.
Не пролезть нам теперь к пирогу,
Не пробраться теперь к творогу,
Не отведать теперь нам каши,
Пропали головушки наши!

А котище лежит на печке,
Глазищи горят как свечки.
Лапками брюхо поглаживает,
На кошачьем языке приговаривает:
— Здешние — говорит — мышата
Вкуснее — говорит — шоколада,
Поймать бы их мне штук двести —
Так бы и съел всех вместе!

А мыши в мышиной норке
Доели последние корки,
Построились в два ряда
И пошли войной на кота.
Впереди генерал Культяпка,
На Культяпке железная шляпка,
За Культяпкой — серый Тушканчик,
Барабанит Тушканчик в барабанчик,
За Тушканчиком — целый отряд —
Сто пятнадцать мышиных солдат.

Бум! Бум! Бум! Бум!
Что за гром? Что за шум?
Берегись, усатый кот,
Видишь — армия идет,
Видишь — армия идет,
Громко песенку поет.
Вот Культяпка боевой
Показался в кладовой.
Барабанчики гремят,

Громко пушечки палят,
Громко пушечки палят —
Только ядрышки летят!

Прибежали на кухню мыши,
Смотрят — а кот не дышит,
Глаза у кота закатились,
Уши у кота опустились,
Что случилось с котом?
Собрались мыши кругом, —
Глядят на кота, глазеют,
А тронуть кота не смеют.

Но Культяпка был не трус —
Потянул кота за ус, —
Лежит котище — не шелохнётся,
С боку на бок не повернется.
Окачурился, разбойник, окачурился,
Накатил на кота карачун, карачун!

Тут пошло у мышей веселье,
Закружились они каруселью,
Забрались котищу на брюхо,
Барабанят ему прямо в ухо,
Все танцуют, скачут, хохочут...

А котище-то как подскочит,
Да как цапнет Культяпку зубами,
И пошел воевать с мышами!

Вот какой он был котище хитрый!
Вот какой он был котище умный!
Всех мышей он обманул,
Всех он крыс переловил.
Не лазайте, мыши, по полочкам,
Не воруйте, крысы, сухарики,
Не скребитесь под полом, под лестницей,
Не мешайте Никитушке спать-почивать!

1933

КАРТОННЫЙ ГОРОД

Посмотри-ка: у окошка,
Что завешено бумагой,
Вырос меньше чем в неделю
Самодельный городишка.
В самодельном городишке
Что ни дом, то удивленье:
Все окошки — слюдяные,
Из лучинок все заборы,

А кругом-то что творится!
Всюду ходят человечки,
Вон трамвай бежит по рельсам,
Вот качается автобус.
А на маленьких лошадках,
На раскрашенных тележках
Десять маленьких пожарных
Выезжают на работу.

Но смотри-ка, что за чудо:
Все лошадки, все машины
Как ни мчатся, как ни едут —
Все стоят на том же месте!
И лишь только из окошка
Ветер в комнату подует —
Полетят домишки набок,
А лошадки вверх ногами!

Кто же строил этот город,
Если он такой непрочный?
Этот город строил Вася,
Очаговец старшей группы.

Не кирпичный этот город,
Не бетонный, не железный, —
Этот город из бумаги,
Из картона и дощечек.

И людишки, и лошадки
В нем, конечно, из бумаги,

А бумажные игрушки
Сами бегать не умеют.

Вот, когда настанет время,
Вася будет инженером,
Он тогда построит город
Не картонный — настоящий.
В этом городе чудесном
Будут жить живые люди,
И по рельсам загрохочут
Настоящие трамваи.

1933

ПРОГУЛКА НА ЛЫЖАХ

Если серый ты, как тряпка,
И скребут на сердце мыши,
Надевай скорее шапку,
Вынимай скорее лыжи.

Прямо с горки,
По оврагу,
Чуть не воя,
Чуть не плача.

Прямо с горки по сугробам,
Если хочешь быть здоровым,
Ты лети, лети по снегу,
Словно пташка из-под ели.
Лыжи вылечат калеку

В самом деле,
В самом деле.

Почему Егорка Галкин
Не имеет аппетита,
Руки тощие как палки,
Животишко как корыто?
Он ни щей не ест, ни каши,

По ночам ревет спросонок,
Не играет и не пляшет,
И скулит, как поросенок.
Потому Егорка плачет,
Не имея хладнокровья,
Что здоровье много значит,
У него же — нет здоровья.

Надевай, Егорка, лыжи,
Вынимай свою фуфайку,
Да с пригорка,
Словно с крыши,
Начинай-ка,
Начинай-ка.

Почему у нашей Тани
То припадки, то мигрени,
Ходит Таня как в тумане
По второй своей ступени.
Чуть немного почитает —
Полстраницы и не боле, —
Целый день потом страдает
И лекарство пьет от боли.
Потому плоха девица
И мигренями страдает,
Что на воздух не стремится,
Не играет, не гуляет.

Надевай, Татьяна, лыжи,
Вынимай свою фуфайку,
Да с пригорка,
Словно с крыши,
Начинай-ка,
Начинай-ка.

Кто б ты ни был, мой читатель,
Но когда на сердце скука,
Помни: лыжи — твой приятель,
Шапка — верная подруга.

Ну-ка с горки,
По оврагу
Побежали,
Полетели.

Лыжи вылечат беднягу

В самом деле,
В самом деле.

1935

ДОПОЛНЕНИЯ К БИБЛИОГРАФИИ ЗАБОЛОЦКОГО

ПУБЛИКАЦИИ ПРОИЗВЕДНИЙ

СБОРНИКИ, СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

Переводы

стихотворные

1. ТАБИДЗЕ Тициан. Стихотворения и поэмы. «Библиотека Поэта», Большая серия. Изд. «Советский Писатель», Москва-Ленинград, 1964, стр. 68, 121, 151-152, 157, 186, 213, 215-218, 224, 238, 241-242. («Моя книга», Тамуне Церетели», «Шарманщик», «Заздравный тост», «Тапараванское сказание», «С неба на землю ...», «Сестра Долорес, братья баски», «Праздник Аллаверды», «Две Арагвы», «Важа Пшавела на Мтацминде», «Колхида»).

ЖУРНАЛЫ

Стихотворения

2. ЕЖ. Ленинград:

1933, № 6, стр. 1-2, 32 («Песня туриста», «А-ля-брас»);
№ 7, стр. 1 («На площадке»).
1934, специальный декабрьский №, посвященный С. М. Кирову («Прощание. Памяти С. М. Кирова»).

3. ЧИЖ. Ленинград:

1933, № 8, стр. 10-13 («Сказка о кривом человечке»);
№ 10 («Как мыши с котом воевали»);
№ 11, стр. 1 («Картонный город»).
1935, № 1 («Прогулка на лыжах»).

Проза (рассказы для детей)

4. ЕЖ. Лениград:

1928, № 3, стр. 1-7 («Красные и синие»);
№ 5, стр. 1-7 («Букан»);
№ 11, стр. 1-7 (Змеиное яблоко»).

Переводы в стихах

5 ЧИЖ. Ленинград:

1937, № 1, стр. 12-13 (Л. Квитко. Скрипка).

Переводы — обработки для детей в прозе

6. ЕЖ. Ленинград:

1934, №№ 3- 8 (Фр. Раблэ. Повесть об удивительной жизни Великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля);

1935, №№ 9-12 (Фр. Раблэ. Повесть о подвигах Великого Пантагрюэля, сына Гаргантюа).

1935, №№ 1-9, 11 (Фр. Раблэ. Повесть об удивительном путешествии Великого Пантагрюэля).

Письма Заболоцкого

7. ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ. Тбилиси:

1962, № 2, стр. 77 (Письмо к Т. Табидзе, 2 августа 1936).

ЛИТЕРАТУРА О ЗАБОЛОЦКОМ

1. БОДРОВ И. Приокские дали. Изд. «Московский Писатель», Москва, 1964, стр. 167; 174-179 («Два лета Николая Заболоцкого»).
2. ГРЕЧНЕВ В. История русской советской литературы. «Русская Литература», 1965, № 1, стр. 216.
3. Есть ли на свете великаны? «Еж», 1928, № 11, 1-я стр. обложки.
4. ЗАБЕЖИНСКИЙ Г. Ветер Скифии. «Русская Мысль», Сан-Франциско, 14 февраля 1960.
5. КНИГОЧИЙ (Н. Нароков). Шестьдесят страничек. Там же, 24 апреля 1964.
6. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Вс. Мир поэзии. «Нева», 1965, № 3, стр. 177.
7. СТЕПАНОВ Н. «Издержки производства». «День Поэзии. 1964». Изд. «Советский Писатель», Москва, 1964, стр. 122, 123.
8. ТЕРАПИАНО Ю. Новые книги. «Русская Мысль», Париж, 11 апреля 1964.
9. ФИЛИППОВ Б. Врастание. Там же, 24 апреля 1965.
10. ЦУРИКОВА Г. Поэзия Тициана Табидзе. В книге: Т. Табидзе. Стихотворения и поэмы. «Библиотека Поэта,» Больш. серия, изд. «Советский Писатель», Москва-Ленинград, 1964, стр. 33-34, 40.
11. ШУМАКОВ Ю. Из воспоминаний об Игоре Северянине. «Звезда», 1965, № 3, стр. 195.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексис Раннит. Zabolotskii — a visionary at a crossroad of expressionism and classicism IX
Борис Филиппов. Путь поэта XXXI
Эммануил Райс. Поэзия Николая Заболоцкого LXIII

Николай Заболоцкий

Автобиография 1
Ранние годы 5

1. СТОЛБЦЫ. Первая книга стихов. 1929

Красная Бавария 23
Белая ночь 25
Футбол 26
Море 28
Офорт 29
Черкешенка 30
Лето 31
Часовой 31
Новый быт 33
Движение 35
На рынке 35
Пир 37
Ивановы 39
Свадьба 41
Фокстрот 43
Фигуры сна 45
Пекарня 46
Обводный канал 47
Бродячие музыканты 49
Купальщики 51
Незрелость 52
Народный дом 53

2. СТИХОТВОРЕНИЯ. 1926-1958 гг.

Лицо коня . . . 61
Рыбная лавка . . . 62
Змеи . . . 63
Цирк . . . 64
Начало осени . . . 67
Прогулка . . . 68
Отдых . . . 69
Береги здоровье! Отрывок . . . 70
Искусство . . . 71
Царица мух . . . 72
Вопросы к морю . . . 74
Предостережение . . . 74
Утренняя песня . . . 75
Венчание плодами . . . 76
Осень . . . 78
Битва слонов . . . 80
Меркнут знаки Зодиака . . . 82
Природа черная, как кузница . . . 84
Прощание Памяти С. М. Кирова . . . 84
Начало зимы . . . 85
Весна в лесу . . . 86
Засуха . . . 88
Ночной сад . . . 89
Все, что было в душе . . . 90
Вчера, о смерти размышления . . . 90
Горийская симфония . . . 91
Отрывок из неразысканной или неопубликованной поэмы «Птицы» 93
Север . . . 94
Седов . . . 95
Голубиная книга . . . 97
Метаморфозы . . . 99
Лесное озеро . . . 100
Соловей . . . 101
Слепой . . . 101
Утро . . . 103
Гроза . . . 104
Бетховен . . . 105
Уступи мне, скворец, уголок . . . 106
Читайте, деревья, стихи Гезиода . . . 107

Еще заря не встала над селом 108
В этой роще березовой 109
Я не ищу гармонии в природе 110
Воздушное путешествие 112
Храмгэс 113
Сагурамо 114
Ночь в Пасанаури 116
Я трогал листы эвкалипта 117
Урал. Отрывок 118
Город в степи 120
В тайге 123
Творцы дорог 124
Завещание 127
Жена 128
Где-то в поле возле Магадана 129
Прохожий 130
Журавли 131
Читая стихи 132
Когда вдали угаснет свет дневной 132
Оттепель 133
Приближался апрель к середине 134
Поздняя весна 135
Полдень 135
Лебедь в зоопарке 136
Сквозь волшебный прибор Левенгука 137
Тбилисские ночи 138
Преображение степей 140
На рейде 141
Гурзуф 142
Светляки 143
Башня Греми 144
Облетают последние маки 145
Прощание с друзьями 146
Старая сказка 147
Воспоминание 147

Весна в Мисхоре:

1. *Иудино дерево* 148
2. *Птичьи песни* 148
3. *Учан-Су* 149
4. *У моря* 149

Портрет 149
Я воспитан природой суровой 150
Поэт 151
Дождь 151
Ночное гулянье 152
Неудачник 153
Ходоки 154
Возвращение с работы 156
Шакалы 156
В кино 158

Осенние пейзажи:

1. *Под дождем* 159
2. *Осеннее утро* 159
3. *Последние канны* 159

Некрасивая девочка 160
При первом наступлении зимы 161
Бегство в Египет 161
О красоте человеческих лиц 163
Поэма весны 163
Старая актриса 164

Последняя любовь:

1. *Чертополох* 166
2. *Морская прогулка* 166
3. *Признание* 167
4. *Последняя любовь* 168
5. *Голос в телефоне* 169
6. *Клялась ты — до гроба* 169
7. *Посредине панели* 170
8. *Можжевеловый куст* 170
9. *Встреча* 171
10. *Старость* 172

Противостояние Марса 173
Гурзуф ночью 174
Над морем 175
Смерть врача 176
Детство 177
Болеро 178
Птичий двор 178

Голубое платье 179
Лесная сторожка 181
Одиссей и сирены 181
Это было давно 183
Казбек 184
Снежный человек 185
Одинокий дуб 186
Стирка белья 187
Летний вечер 188
Гомборский лес 188
Сентябрь 189
Вечер на Оке 190
Кто мне откликнулся в чаще лесной? 191
Гроза идет 192
Венеция 193
Случай на Большом Канале 194
Ненастье 195
Зеленый луч 196
У гробницы Данте 197
Городок 197
С ка.дым годом город краше 198
Ласточка 199
Петухи поют 200
Подмосковные рощи 201
На закате 203
Не позволяй душе лениться 204

3. ПОЭМЫ. 1929-1958.

Торжество Земледелия

Пролог 207
1. *Беседа о душе* 207
2. *Страдания животных* 212
3. *Изгнанник* 215
4. *Битва с предками* 217
5. *Начало науки* 221
6. *Младенец-мир* 226
7. *Торжество Земледелия* 228

Лодейников 233

Рубрук в Монголии

Начало путешествия 239
Дорога Чингиз-хана 240
Движущиеся повозки монголов 242
Монгольские женщины 244
Чем жил Каракорум 245
Как было трудно разговаривать с монголами 247
Рубрук наблюдает небесные светила 249
Как Рубрук простился с Монголией 250

Приложение первое

Лодейников:

вторая и третья главки поэмы в первоначальной редакции . . 255

Приложение второе

Воспоминания о Заболоцком:

Николай Степанов. Памяти Н. А. Заболоцкого. В Тарусе . . 261
Николай Чуковский. О Николае Заболоцком 263

Приложение третье

Библиография 271
Варианты, разночтения, примечания 301

Приложение четвертое

Стихотворения для детей

Песня туриста 349
На площадке 350
Сказка о кривом человечке 351
Как мыши с котом воевали 353
Картонный город 356
Прогулка на лыжах 357

Дополнение к библиографии Заболоцкого . . 361

Алфавитный указатель 363